

ЖМО

ТАЙНЫ
ИСТОРИИ
И ПУТЕШЕСТВИЯ

Майкл Бейджент
Ричард Ли
Генри Линкольн

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ФИЛМ

СВЯТАЯ КРОВЬ
И СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Основной сюжет,
вдохновивший Дюма, базируется
на раскрытых тайнах
Хода де Финчи

СВЯТАЯ
КРОВЬ
И
СВЯТОЙ
ГРААЛЬ

Сокровища Иерусалимского храма

Тайна Ренн-ле-Шато

Иисус Христос

Священный Грааль

Кавалеры

Тамплиеры

Приорат Сиона

Францисканцы

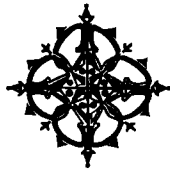
Династия Меровингов

Майкл
Бейджент

Ричард
Ли

Генри
Линкольн

ТАЙНЫ
ДРЕВНИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ
ТРИЛЛЕР

Майкл Бейджент
Ричард Ли
Генри Линкольн

СВЯТАЯ
КРОВЬ
И
СВЯТОЙ
ГРААЛЬ

МОСКВА
«ЭКСМО»
2005

УДК 930.85/82-343
ББК 63.5/82.3(0)
Б 41

Michael BAIGENT
Richard LEIGH & Henry LINCOLN

THE HOLY BLOOD AND THE HOLY GRAIL

Перевод с английского *О. Фадиной, А. Костровой*

Оформление переплета художника *Е. Савченко*

Подготовка книги к изданию выполнена при участии
издательства «Домино»

Бейджент М., Ли Р., Линкольн Г.
Б 41 **Святая Кровь и Святой Грааль.** — М.: Изд-во Эксмо, 2005. —
496 с.: ил.

ISBN 5-699-13933-8

Мировой бестселлер в течение уже более двадцати лет, эта книга является не имеющим аналогов серьезным исследованием деятельности могущественного Приората Сиона — мистического тайного общества, берущего начало в раннем Средневековье и стоявшего за созданием ордена тамплиеров. По мнению авторов, именно приоры до сих пор охраняют тайну местонахождения Святого Грааля, скрывают правду об истинной жизни Иисуса Христа, Марии Магдалины и их потомков, решительно влияют на судьбу европейских монархий и на реальный расклад сил в мировой политике.

Магистрами Приората были Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон, Сандро Боттичелли, Виктор Гюго, Никола Фламель и Жан Кокто. В правящую верхушку современного Приората Сиона, помимо выдающихся деятелей культуры, искусства и науки, входят также многие влиятельные политики, финансисты и представители СМИ.

Обладая солидной властью и практически неограниченными возможностями, приоры жестко и безжалостно пресекают любую возможность утечки информации. Поэтому авторам этой книги понадобилось много лет работы и немалое мужество, чтобы, сопоставив и проанализировав великое множество исторических документов, свидетельств и фактов, приоткрыть завесу тайны с Приората Сиона и сделать вывод: если могущественному ордену удастся осуществить свои замыслы, то мировому сообществу придется признать новое государственное образование, являющееся мощной альтернативой существующему Евросоюзу.

Книга стала мегабестселлером, и, кроме того, именно она вдохновила Дэна Брауна и снабдила его информацией для написания «Кода да Винчи».

УДК 930.85/82-343
ББК 63.5/82.3(0)

ISBN 5-699-13933-8

© Michael Baigent, Richard Leigh & Henry Lincoln 1982, 1996
© Перевод. О. Фадина, А. Кострова, 2005
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДОПОЛНЕННОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание книги «Святая Кровь и Святой Грааль» было опубликовано в Англии 18 января 1982 года. Пять недель спустя, 26 февраля, книга появилась в продаже в Соединенных Штатах. Мы отслеживали отзывы на публикацию в каждой стране в течение месяца, и нам временами казалось, что мы попали на представление в цирк. Мы написали книгу, которая, как мы чувствовали, может вызвать споры. Мы знали, что ее будут критиковать, и ожидали, что на книгу откликнутся теологи и историки, чьи профессиональные интересы мы некоторым образом затронули. Но нам казалось, что книга привлечет не больше внимания, чем другие публикации. Однако, к нашему великому изумлению, мы приобрели такую известность (или, точнее сказать, дурную славу), словно совершили вооруженный переворот в Ватикане. На книгу набросились не только рецензенты — отзывы о ней стали шокирующей сенсацией, попавшей на первые страницы газет. Правда, время стояло спокойное: никто не покушался на политиков, не было локальных вооруженных конфликтов. В отсутствие катастроф пресса накинулась на нас. Отклики на книгу стремительным потоком хлынули в газеты, к нашим издателям, агенту и к нам самим. Их спектр был настолько широк, что казалось, люди говорят о разных книгах. Некоторые читатели в своих письмах превозносили нашу книгу как «величайший труд столетия» — этого суждения мы, к сожалению, не разделяем. И вместе с тем были послания, в которых пространно объяснялось, что труд этот «наихудший». Нечасто в новейшей истории книгоиздательства такое количество донкихотов сражалось с одной маленькой ветряной мельницей.

Сенсацией оказалась и программа Би-би-си «Омнибус», в которой ее ведущий Барри Норман брал у нас интервью

вместе с епископом Бирмингемским Хью Монтефьоре и историком Мариной Уорнер. Ничего не подозревая, как ягнята, ведомые на заклание, мы приняли приглашение принять участие в программе. Продюсер уверил нас, что мы будем участвовать в дискуссии, в которой будут обсуждаться выводы, сделанные в нашей книге. Тогда мы не знали, что определение слова «дискуссия», данное нашим продюсером, несколько отличалось от общепринятого. По нашему мнению, мы попали не на дискуссию, а в ловушку, устроенную специально для нас самопровозглашенной инквизицией. После того как Барри Норман рассказал о чем-то, отдаленно напоминающем нашу книгу, госпожа Уорнер и епископ довольно путано огласили заранее составленный список обвинений, достаточно длинный, чтобы немедленно санкционировать сожжение и нашей работы, и нас самих. Широкие обобщения и педантичные мелочи обрушились на нас, как стая саранчи. Мы могли бы «прихлопнуть» всех «насекомых» и фактически раздавили многих. Но для людей, пользующихся незаслуженным авторитетом, понадобился лишь миг, чтобы заклеить позором нашу книгу, навесив на нее ярлык безответственной и неправдоподобной публикации, основанной на плохо исследованном материале. Значительно больше времени требуется, чтобы опровергнуть такие обвинения. Это надо делать по пунктам, подтверждая свои слова примерами. Необходимо привести детали, которые едва ли украшают телевизионную передачу, ибо телевидение упивается скорее потоками крови, чем сухим обменом информацией. Из каждой полудюжины критических замечаний госпожи Уорнер и епископа нам позволяли ответить лишь на одно. Но когда программу показали, выяснилось, что даже многие из разрешенных нам ответов были вырезаны. Ответы каждого из нас были сведены до одного-двух комментариев. В результате «дискуссия», которую увидели зрители Би-би-си, весьма отличалась от дискуссии, происходившей в студии. Некоторым из наших знакомых показалось, что нам просто затыкали рты. В действительности нам иногда позволяли говорить, но все кончилось тем, что большая часть из сказанного осталась на полу в монтажной.

Такие вещи постоянно случаются в мире телевидения —

мире, с которым мы достаточно хорошо знакомы, чтобы удивляться. Жаль лишь, что некоторые комичные моменты передачи безвозвратно пропали. Например, по одному пункту обвинений Барри Норман спросил епископа, являются ли такие книги, как наша, потенциально опасными. «Вне всякого сомнения!» — ответил епископ, прочитавший из нее только две главы. Эта книга, объявил он, является бесстыдной пропагандой секса и сенсуализма. В студии воцарилась глубокая тишина. Секс? Разве мы писали о сексе? Мы в изумлении посмотрели друг на друга, подумав, что, наверное, рассеянный наборщик включил в наш текст несколько страниц «Камасутры» или заменил одну из наших иллюстраций изображением обнаженного тамплиера. Насколько нам известно, наша книга по масштабу сексуальности располагалась где-то ниже Туринской плащаницы, которая никогда не вызывала похотливого интереса, хотя это портрет голого мужчины в полный рост (вид спереди).

Барри Норман потряс головой, словно вытряхивая воду из уха. Даже госпожа Уорнер выглядела смущенной. Мы попытались выяснить, какую именно книгу читал епископ. Но прежде чем мы спросили его, вмешалось провидение в лице скромного техника, который поспешно вошел в студию и попросил повторить вопрос. Что-то не получилось, сказал он, — таинственная враждебная сила испортила пленку. Барри Норман снова задал тот же вопрос. К этому времени епископ понял, что, пытаясь заставить нас покраснеть, сам ляпнул глупость. Получив вторую попытку, он быстро пошел на попятный. Является ли наша книга потенциально опасной? Конечно нет, ответил он с ангельской безмятежностью. Наоборот, он уверен, что христианство окажется достаточно сильным, чтобы противостоять нашему вызову. Поскольку у нас не было желания уничтожить христианство, мы могли только разделить его оптимизм.

Как мы уже сказали, этот эпизод и несколько других были полностью вырезаны и не показаны по телевидению. Но если программа «Омнибус» была не совсем честна при монтаже передачи, это можно объяснить смягчающими обстоятельствами: формат программы, ограничение по времени, потребности телевидения как средства массовой инфор-

мации. И в конце концов, мы знали, что написали книгу, на которую будут нападать, передергивая факты. Но чего нельзя извинить, так это явной попытки Би-би-си заставить герцога Девонширского выглядеть смешно, благодаря чему наш продюсер, видимо, хотел прославиться. В книге мы утверждаем, что отдельные члены семьи Девонширов, возможно, обладали некоторой информацией. Это утверждение основано на материале, датированном XVIII веком, а также на высказываниях нашего современника, члена семьи Девонширов, напрямую не связанного с герцогом Девонширским. Мы терпеливо и старательно объяснили это нашему продюсеру, который настойчиво расспрашивал нас об этом. Но он был склонен эксгумировать некий сенсационный английский след и отправился в Четсуорт, чтобы лично взять интервью у герцога Девонширского. Для усиления драматизма он представил герцогу утверждение, которого мы никогда не делали. Согласно книге, сказал он его светлости, Девонширы — прямые потомки Иисуса. Неудивительно, что герцог возмутился и ответил: «Полная чушь!» Поскольку мы ничего такого не утверждали, то само утверждение было вырезано. И зрители увидели только его светлость, который сказал «Полная чушь!», отвечая на не прозвучавший вопрос. С таким же успехом кто-то мог спрашивать его о тактике французов в битве в заливе Киберон в 1750 году или о качестве современного английского твида.

Во время программы «Омнибус» епископ Бирмингемский обвинил нас не менее чем в 79 искажениях фактов в двух главах, то есть в той части книги, которую он прочитал. Это суждение, изреченное августейшей особой, казалось неопровержимым мнением, голосом самой Истины и поэтому определенно убийственным. Средства массовой информации ухватились за него и разнесли по всему миру. «Епископ подверг вас критике. Чем это вам грозит?» — позвонил нам сочувствующий читатель из США.

Мы не были чрезмерно обеспокоены перспективой появления ударной команды епископов — таких командос в митрах с посохами, превращенными в трубки для пуска отравленных стрел, и в камуфляже поверх риз и епитрахилий. Тем не менее обвинение в искажении 79 фактов нас ошело-

мило. Неужели мы действительно совершили 79 ошибок? Должны признаться, мы почувствовали тревогу, даже на мгновение упали духом. Но по нашей настоятельной просьбе через несколько дней епископ соблаговолил прислать нам отпечатанный перечень найденных им 79 «ошибок». Этот список оказался поразительным документом. На самом деле епископ обнаружил лишь четыре ошибки. Мы неправильно указали, что Палестина в эпоху Иисуса была разделена на две провинции, — в действительности, как отметил епископ, она была разделена на одну провинцию и две тетрархии. Мы ошибочно приписали происхождение образа Иисуса как плотника Евангелию от Луки, а это было, как правильно заметил епископ, Евангелие от Марка. Небрежный наборщик, чью ошибку мы проглядели при чтении гранок, поместил Юлиа Африкана в третье столетие, а не в первое. В рукописи мы ссылались на «греческий город Эфес», редактор поменял это на «город Эфес в Греции». Эфес находится в Малой Азии.

Только по этим четырем пунктам мы можем признать свои ошибки. Епископ был прав: мы ошиблись, и мы согласны с его замечаниями. А что же с остальными 75 искажениями фактов, из-за которых средства массовой информации, цитируя епископа, на все голоса требовали призвать нас к ответу? На самом деле этих искажений не было. Приведенные факты дебатировались теологами, и мы «ошиблись» лишь в той степени, в какой отклонились от установленной традиции. Например, епископ назвал искажением факта несколько утверждений, в отношении которых «есть много доказательств», а объяснения, которые мы даем, «многие ученые не разделяют». Он имел в виду, наверное, ортодоксальных ученых, которых он считает наиболее сведущими. Затем епископ включил в свой список ошибок нашу цитату из апокрифического Евангелия — труда, о котором он не знал и не мог найти в библиотеке. Но эту книгу легко разыскать в магазинах. Она издана как в твердой, так и в мягкой обложке. Другими словами, то, что в библиотеке епископа не оказалось этой книги, было нашей ошибкой. По другому пункту епископ объявил искажением ссылку, которая для него не имела смысла, потому что он не читал предыдущих разделов

нашей книги, где было дано объяснение. Наконец, епископ сурово осудил наше утверждение, что Евангелия есть исторические документы, как и любые другие. «Нет, — объявил он, — это уникальные документы, передающие благовест Христа в форме истории». Что бы это ни значило, едва ли нас можно обвинить в искажении факта. Если мы и ошиблись, то только потому, что не разделяем точку зрения епископа на Евангелия.

Вот за такие вещи епископ Бирмингемский осудил нас. Обвинение в искажении 79 фактов представляется несколько наивным, чтобы не сказать вводящим в заблуждение. Большая доля критики от теологов была, по существу, такого же порядка. В нашей книге мы обращались к вещам исторически возможным, вероятным, а когда дело касалось фактов, то достоверным. Наши критики-теологи, большинство из которых плохо знают историю, могли только критиковать нас с точки зрения религии, веры. Вера не лучший ракурс для оценки истории, но у многих наших критиков не было выбора. Им казалось, мы косвенным образом бросили вызов корпоративным интересам, которые они обязаны защищать, какими бы шаткими ни были основы их аргументов.

«Ваша книга не вызвала благоприятной реакции церковных авторитетов», — серьезно (и глупо) говорили нам радио- и ТВ-интервьюеры. Словно могло быть иначе. Словно от епископов можно было ожидать, что они снимут митры и скажут: «Мы пойманы на месте преступления».

Потом нас «выпорол» за то, что мы позволили себе делать предположения. Да, мы делали их. Мы выдвинули гипотезу, а гипотеза обязательно должна основываться на предположениях. Просто скудость надежной информации о библейских событиях обязывает любого исследователя темы выдвигать гипотезы, если он не хочет остаться безмолвным. Конечно, нельзя делать это безудержно. Свои предположения надо ограничивать рамками известной исторической информации, хотя в этих рамках нет другого выбора, кроме как предполагать — интерпретировать существующие скудные и часто неясные факты. Вся библейская наука основывается на гипотезах, как и теология. Евангелия — это отры-

вочные, допускающие двоякое толкование и часто противоречивые документы. Люди ссорились, даже развязывали войны на протяжении последних двух тысяч лет из-за различий отдельных отрывков. В традиции христианства есть один излюбленный прием: в прошлом, когда историки сталкивались с чем-то неясным в Библии, они делали предположение о том, что бы это могло значить. Их выводы вводились в догму и в течение столетий ошибочно считались установленным фактом. Однако такие выводы — это вовсе не факты. Напротив, это лишь предположение и его интерпретация, ставшие традицией, и именно эта традиция ошибочно принимается за факт.

Вот пример для иллюстрации. Согласно всем четырем Евангелиям, Пилат говорит об Иисусе как о «царе иудеев». И соответственно, на кресте появилась табличка с такой надписью. Но это все, что говорят нам Евангелия. Там не указано, подтвержден ли этот титул. В прошлом было предположено, что этот титул не более чем издевка, и сегодня большинство христиан слепо принимают это за истину. Но это вовсе не установленный факт. Если прочитать все Евангелия непредвзято, там нет ничего, что позволило бы сделать вывод, будто титул не был использован всерьез, не был совершенно законным. Что касается самих Евангелий, Иисус действительно мог быть царем иудеев, признанным таковым своими современниками, включая Пилата. Это лишь традиция убедила нас в обратном. Когда мы выдвинули версию, что Иисус мог реально быть царем иудеев, мы не противоречили свидетельствам. Мы просто вошли в противоречие с древней традицией, давней системой верований, основанных на чьей-то гипотетической интерпретации.

«Вы не можете обосновать ваши выводы» — еще одно обвинение и со стороны критиков-теологов, и со стороны интервьюеров, словно от нас ожидали, что мы предъявим им показания, данные под присягой лично Иисусом и подписанные им при свидетелях. Конечно, мы не можем «доказать» наши выводы, — впрочем, мы неоднократно подчеркиваем это в книге. Если бы мы могли привести доказательства, не было бы вообще противоречия, а лишь свершившийся факт. Но что является стопроцентным доказательством в кон-

тексте сегодняшнего дня? Можно ли найти такие «доказательства» для любого из спорных моментов Нового Завета? Очевидно, нет. А если мы не можем доказать справедливость наших выводов, тогда нельзя доказать и тот факт, что Иисус был рожден девственницей, ходил по воде, восстал из мертвых. Нельзя даже доказать, что Иисус действительно жил когда-либо. Фактически многочисленные писатели прошлого и настоящего приводили лишь убедительные аргументы, что его не существовало.

Вопрос о «доказательстве» вообще совершенно неуместен. При скудости имеющегося документального и археологического материала мало что можно «доказать» в отношении Иисуса. В лучшем случае можно обратиться к свидетельствам, а это не то же самое, что доказательства. В контексте изучения Нового Завета свидетельства ничего не доказывают, но они могут предложить большие или меньшие возможности, большие или меньшие вероятности. Необходимо познакомиться с имеющимися свидетельствами и сделать выводы — например, что одна цепь событий более вероятна, чем другая. Если взять на вооружение этот критерий, наши рассуждения имеют смысл. Более вероятно предположить, что человек женился, родил детей и пытался получить трон, чем то, что он родился от девственницы, ходил по воде и воскрес из мертвых.

Вопреки утверждениям теологов и интервьюеров такой вывод не влечет за собой «нападение на саму суть христианства и христианский дух». Суть христианства и христианского духа содержится в проповедях Иисуса. Эти проповеди в определенном смысле уникальны, ибо они составляют «новое послание», «благую весть» для человечества и ценны сами по себе. Они не нуждаются в чудодейственных биографических деталях, которые сопровождали конкурирующих богов в Древнем мире. Если проповеди действительно требуют таких деталей, то одно из двух: либо в проповедях что-то не так, либо (что более вероятно) что-то неправильно в вере верующего. Любой мыслящий христианин согласится, что главное значение Иисуса заключается в послании, которое он старался передать. И это послание ничего не выигрывает

от того, соблюдал ли Иисус обет безбрачия, и не теряет ничего, если он был женат.

Нападавшие на нас теологи и священнослужители высокого ранга почти все были протестантами. Фактически большинство принадлежали к англиканской церкви, как, например, епископ Бирмингемский. Римская католическая церковь предпочла отмолчаться. Но один из важных функционеров католической церкви лично признался нам, что верхние эшелоны иерархии (хотя они никогда открыто не заявят об этом) признают правдоподобие, если не правдивость, наших заключений. В рамках нашей рекламной поездки по США, во время дискуссии на радио, д-р Малачи Мартин, один из ведущих авторитетов в делах Ватикана и бывший член Епископального института в Ватикане, признал, что у теологов нет никаких обоснованных возражений против того, что Иисус был женат.

Мало кто из именитых историков соблаговолил обратить на нас внимание. Это нас не удивило, поскольку умолчание весьма удобная позиция, а ученые, как и политики, особенно чувствительны к своей репутации. Предание нас проклятию определенно могло повлечь в будущем риск оказаться в неудобном положении: вдруг появится какой-нибудь документ, который сможет подтвердить наши выводы? Если нас одобрить, риск будет еще больше: это может повредить их профессиональной репутации. Поэтому некоторые историки сочли разумным уклониться от ответа, не судить или сознательно промолчать, другие приняли равнодушный, иронический, снисходительный тон. Подобная реакция косвенным образом низводила нашу книгу до пресловутой бури в стакане воды, в то же время искусно избегая любой конфронтации с материалом.

Тем не менее тут и там возникали странные преграды, возводимые отчаянно сопротивляющейся крепостью, осажденной дикими варварами. Так, Марина Уорнер нападала на нас не только в программе «Омнибус», но и в статье в лондонской «Санди таймс». В этой статье (один комментатор назвал ее «грубейшей рецензией года», а другой — просто

«истерической») госпожа Уорнер бичевала нас за обращение к сомнительным источникам, что не соответствовало действительности. В «Литературном приложении «Таймс» Джонатан Сампшн сделал нам выговор на том же основании. Он процитировал в качестве ненадежного источника ссылку, которую (о чем ему было неизвестно) мы нашли в работе самой Марины Уорнер. Д-р Сампшн, кроме того, подсчитал, что в среднем у нас одна ошибка на страницу. Но когда интервьюер из «Телеграф» попросил его перечислить некоторые из них, д-р Сампшн не мог сказать ничего определенного.

Серьезная критика историков была в основном двух типов. Часть критики оказалась безусловно ценной: нас поправляли в определенных деталях — статистике, датах и прочих мелочах, которые действительно были ошибочны, но не влияли на наши аргументы, гипотезы или выводы. Однако были и другие историки, подвергавшие сомнению ценность нашего общего подхода. Они утверждали, что мы не руководствовались «правилами». По установленным стандартам академических исследований наши методы оказались неортодоксальными, неправильными и еретическими. Мы не соблюдали определенных священных правил науки, определенных догматично осторожных подходов к материалу и тем самым (по их мнению) показали себя любителями, которые не гарантируют серьезного обсуждения и, более того, посягнули на суверенную область экспертов. Следовательно, они могли лишь с праведным гневом осудить нас.

Всех нас учили методике «официального» академического исследования, и мы достаточно хорошо знали, как оперировать ею. Если мы могли обратиться к другим методам, мы их использовали. Мы не были одержимы желанием написать бестселлер, хотя христианам-фундаменталистам могло показаться, что это так. В то же время мы не намеревались писать книгу исключительно для специалистов, удел которой — пылиться на полках университетских библиотек. Мы хотели написать книгу, которая, не в ущерб ее целостности, будет доступна широкому кругу читателей. (В конце концов, мы хотели рассказать интересную историю.) Мы считаем, что наше исследование соответствовало самым строгим

критериям. И мы решили представить результат этого исследования в доступной и читаемой форме.

Однако в конечном счете наш подход обусловливался другими, более важными факторами. Он был продиктован важностью темы книги. Наш материал охватывает громадный объем источников, действующих лиц и хронологии. Для нас было необходимо свести воедино материал, охватывающий период от Ветхого Завета до тайного общества в сегодняшней Европе, от романтики Евангелий и Чаши Грааля до описания текущих событий в современных газетах. Для такого предприятия методов академического исследования было недостаточно. Чтобы связать воедино совершенно разный материал, мы были обязаны найти и развить более широкий подход, основанный на синтезе, а не на условном анализе. (Этот подход объясняется в самой книге в разделе, озаглавленном «Необходимость синтеза».)

Такой подход был более чем необходим, потому что традиционные методы уже продемонстрировали неспособность обрабатывать интересующий нас материал в большом объеме. Многие из того, что мы исследовали, находилось в области, которая, по мнению профессиональных историков, вызывает подозрение с «академической» точки зрения. В любом периоде прошлого можно найти определенное количество очевидных аномалий. Это происшествия, явления, группы людей и отдельные индивидуумы, которые привлекают внимание, но как бы выпадают из «главного направления» исторического развития. Большинство историков, встречаясь с такими отклонениями, игнорируют их — отбрасывают как случайные аномалии. Так, например, Нострадамуса считают одиозной фигурой, который в своих исследованиях почти не уделял внимания Франции XVI века. Рыцари-тамплиеры и многие вопросы, связанные с ними, считаются частью темы крестоносцев. Тайные общества благодаря их строжайшей секретности часто ставят историков в тупик, и те, не желая признаваться в своей некомпетентности, предпочитают приуменьшать их значение. Другой пример — масонство, сыгравшее чрезвычайно важную роль в социальной, психологической, культурной и политической истории Европы XVIII века и даже в образовании США. Но боль-

шинство исторических книг вообще не упоминают об этом. Как будто существует негласное соглашение: если чего-то нельзя полностью задокументировать, то это не относится к делу и не заслуживает обсуждения.

До недавнего времени розенкрейцеры XVII века считались не более чем сектой фанатиков, а спектру дисциплин, известных под общим названием «эзотерика» (куда входят астрология, алхимия, Каббала, Таро, нумерология и священная геометрия), не уделялось должного внимания. Теперь, благодаря работе Фрэнсис Йейтс и ее коллег по Варбургскому институту, все это привлекло внимание. Ныне о таинственных розенкрейцерах известно, что они играли решающую роль в событиях, приведших к Тридцатилетней войне, и что они непосредственно участвовали в основании научного королевского общества в Англии. Эзотерику теперь можно рассматривать не как курьез в истории Запада, а как важный ключ к пониманию Ренессанса. В любом случае эти аномалии гораздо больше совпадают с «главным направлением» исторического развития, чем обычно считалось.

Многие из наших материалов с «академической» точки зрения были под подозрением, как эзотерика и розенкрейцерство, и, следовательно, очень немногие историки считали их достойными внимания. На эту тему написано мало книг, не хватает консультантов по данным вопросам. Сталкиваясь с подобными «аномалиями» и подвергая их анализу, мы оказались вынуждены «поднимать целину», используя достаточно гибкий и всесторонний подход. Нам пришлось искать новые связи, докапываться до истины в областях, игнорируемых в наше время, чтобы восстановить статус некоторых забытых сейчас вещей до того положения, которое они занимали в свое время. Нам понадобилось проанализировать труды в области оккультных наук и мистики, чтобы, оценив их по достоинству, поместить в реальные исторические рамки.

Итак, наш подход был продиктован материалом — необходимостью синтезировать и необходимостью искать место для исторических «аномалий», обычно игнорируемых. Поэтому неудивительно, что он подвергся критике ученых, со-

храняющих верность традициям. Нам было очень приятно, что большую часть положительных откликов на нашу книгу мы получили от литераторов — от таких известных писателей, как Энтони Берджес, Энтони Пауэлл и Питер Ванзигарт. Ибо, в отличие от профессиональных историков, профессиональные беллетристы обычно используют подход, аналогичный нашему. Они синтезируют материал, состыковывая события и явления более эфемерные, чем те, которые подробно описаны в документах. Литератор знает, что истина не может быть ограничена лишь зафиксированными фактами, что она часто лежит в непостижимых сферах — в достижениях культуры, в мифах, легендах, традициях, в психологии отдельных лиц и целых народов. Ибо знания писателя не поделены на отдельные «отсеки», для него нет табу, нет «постыдных» тем. История для него — это не нечто застывшее, окаменелое, разделенное на периоды, каждый из которых можно изолировать и подвергнуть строгому лабораторному анализу. Для него история — это изменяющийся органичный и динамичный процесс, в котором психология, социология, политика, искусство и традиция сплетаются в одно сплошное полотно. Именно с таким мировоззрением, схожим с мировоззрением литератора, мы и написали нашу книгу.

Вероятно, мы слишком много внимания уделили отрицательным откликам на нашу книгу. Были и положительные отзывы — от рецензентов, от интервьюеров СМИ, от читателей вообще. Эти положительные отзывы и интерес к книге, который они отражали, заметно различались в Англии и в США.

В Америке внимание было почти полностью сосредоточено на последних четырех главах книги — главах, относящихся к Иисусу, «Династии Грааля», истокам христианства и истории ранней Церкви. Для американской публики самым важным аспектом книги явилось обсуждение истории христианства и сопутствующие выводы из наших теорий. Во время рекламной поездки по США мы встречались с большим количеством людей, которые энергично и с энтузи-

азмом занялись переоценкой религиозных догматов, ранее принимаемых на веру. Многих людей поразила процесс бюрократического отбора, при котором одни тексты были внесены в Новый Завет, а другие исключены. Оказалось открытием, что Новый Завет — не столько изложение событий на Святой земле во времена Иисуса, сколько отражение духовных ценностей Церкви и ее позиций в IV веке. За нашу работу тут же ухватились американские феминистки, быстро разглядевшие скрытый подтекст того, о чем мы писали, — подтекст действительно важный, учитывая значительное количество таких спорных вопросов, как celibat духовных лиц и роль женщины в Церкви и обществе. Естественно, мы сознавали наличие этого подтекста, однако были удивлены, получив столь теплую поддержку от движения феминисток.

В Англии сложилась немного иная ситуация. Возникшие было споры по поводу того, что мы рассказали об Иисусе, быстро сошли на нет. Люди интересовались другими, чисто историческими аспектами нашего повествования, — аспектами, которые почти всегда игнорировались в США. Интерес англичан был сосредоточен на таких темах, как рыцари ордена тамплиеров и крестоносцы, ересь катаров, общество розенкрейцеров и масонство. Их также интересовали культурные аспекты, например значение Пуссена и других художников, вопросы, связанные с криптографией, дешифровкой кодов и шифров, о которых неоднократно упоминалось в нашем исследовании. В Англии среди телезрителей наши три фильма вызвали значительный интерес к тайне Ренн-ле-Шато.

Каждая из перечисленных тем достойна стать основой отдельной книги. И определенно необходимость в таких книгах есть. Мы неоднократно повторяли в своих интервью, что считаем нашу собственную работу не более чем прологом. Однако среди всех упомянутых тем выделяются три основных направления исследований: тайна Ренн-ле-Шато; родословная, или «Династия Грааль», и Приорат Сиона, загадочное тайное общество, история которого от Средних веков до настоящего времени заняла довольно большое место в нашей книге. Мы считаем, что собрали достаточно

плодов с деревьев всех трех тем. За те месяцы, что прошли со времени ее опубликования, мы получили бесчисленное количество писем, встретились со многими людьми и получили много новой, интересной и ценной информации.

Со времени выхода книги стало очевидным одно: наша книга не более чем прелюдия, мы просто открыли дверь. Вне зависимости от того, будем ли мы и дальше писать на данную тему, есть еще многое, о чем надо рассказать, и последнее слово пока не сказано.

ВВЕДЕНИЕ

Летом 1969 года, по пути в отпуск в Севенн, я купил книжку в мягкой обложке. «Проклятое сокровище» (Le Trésor maudit) Жерара де Седа — документальное расследование, легкая, занимательная смесь исторических фактов, настоящей тайны и догадок. Я уже хотел отложить ее на потом и прочитать после отпуска, но неожиданно наткнулся на любопытную и очевидную недоговоренность на ее страницах.

«Проклятое сокровище», давнее название книге, очевидно, было обнаружено в 90-х годах XIX века деревенским священником, который расшифровал загадочные пергаменты, найденные под каменной кладкой его церкви. Тексты двух этих документов воспроизвели в книге, однако расшифрованных «тайных посланий» в них не было. Подразумевалось, что расшифрованные послания снова утеряны. Но все же я обнаружил, что более внимательное изучение документов, воспроизведенных в книге, позволяет выявить по крайней мере одно тайное послание. Несомненно, автор нашел его. В работе над книгой он должен был уделить документам достаточно пристальное внимание. Поэтому он не мог не найти того, что обнаружил я. Более того, это послание было как раз той «изюминкой», которая и способствует продаже книги. Почему же де Сед не опубликовал его?

В последующие месяцы странность этой истории и возможность дальнейших открытий заставляли меня время от времени возвращаться к книге. Привлекало то, что это отнюдь не обычная головоломка, да и молчание де Седа вызывало любопытство. Поскольку мне удалось обнаружить новые смысловые слои, скрытые в тексте документов, у меня возникло желание посвятить тайне Ренн-ле-Шато больше времени, чем того требуют мои обязанности человека, пишущего для телевидения. Итак, поздней осенью 1970 года я представил эту историю как возможный документальный

сюжет покойному Полу Джонстоуну, исполнительному продюсеру исторических и археологических фильмов «Хроники» на Би-би-си.

Полу понравилось мое предложение, и он отправил меня во Францию для переговоров с де Седом о возможности сделать двадцатиминутный фильм для Би-би-си. В Рождество 1970 года я встретился с де Седом в Париже. В первую встречу я задал вопрос, мучивший меня уже больше года: «Почему вы не опубликовали послание, скрытое в пергаменте?» Его ответ поразил меня: «Какое послание?»

Мне трудно было поверить, что он действительно этого не знает. Почему же он уклоняется от ответа? Мне вдруг расхотелось рассказывать ему о своей находке. Однако когда мы продолжили разговор, стало ясно, что мы оба знаем о «тайном» послании. Я повторил свой вопрос: «Почему вы не опубликовали его?» На этот раз ответ де Седа был взвешенным: «Мы подумали, что кому-нибудь вроде вас было бы интересно обнаружить все это самому».

Этот ответ, такой же загадочный, как и таинственные документы, найденные деревенским священником, был первым отчетливым намеком, что тайна Ренн-ле-Шато может оказаться намного серьезнее, чем простая история об утраченном сокровище.

Весной 1971 года с моим директором, Эндрю Максвелл-Хислопом, я стал готовить короткометражку для «Хроники». Фильм планировался как двадцатиминутный сюжет для часовой программы. Но в процессе работы мы начали получать от де Седа новую информацию. Сначала он дал полный текст расшифрованного «послания», в котором говорилось о художниках Пуссене и Тенирсе. Это была сенсация. Шифр оказался невероятно сложным. Нам сообщили, что он был раскрыт специальными службами французской армии с помощью вычислительных машин. Однако чем больше я изучал шифр, тем более невероятным, если не сказать подозрительным, казалось мне это объяснение. После консультации с экспертами британской разведки мое впечатление подтвердилось: шифр нельзя разгадать с помощью компьютера. Значит, где-то у кого-то должен быть ключ.

А потом де Сед сбросил на нас еще одну «бомбу». Нашли

надгробие, напоминающее могилу на знаменитой картине Пуссена «Аркадские пастухи». Он обещал сообщить детали, как только будет ими располагать. Через несколько дней были присланы фотографии, и стало ясно, что наша короткометражка о маленькой местной тайне приобретает неожиданные размеры. Поэтому Пол Джонстоун решил снять полнометражный фильм, который должен был выйти на экраны только следующей весной и войти в серию «Хроники». Значит, у нас было достаточно времени, чтобы всерьез заняться этим делом.

Фильм «Потерянное сокровище Иерусалима?» вышел в феврале 1972 года, и реакция публики показала нам, насколько он поразил ее воображение. Но это самое воображение требовало большего, гораздо большего, и нам надо было его удовлетворить.

В 1974 году мы представили второй фильм — «Священник, художник и дьявол», и публика снова пришла в восторг. Но наш поступок имел серьезные последствия: так далеко протянулись ниточки, что одному человеку справиться со всем этим было невозможно — сколько интересной информации осталось бы без внимания! Нам нужна была целая команда. К счастью, случай, который уже однажды так мне помог, вновь сделал возможным, чтобы проделанная работа не стала бесполезным грузом.

В 1975 году в летнем университете я встретил Ричарда Ли — романиста, новеллиста, специалиста по сравнительному литературоведению, обладающего огромными знаниями по истории, философии, психологии и эзотерике, преподававшего в канадских, английских и американских университетах.

Когда во время одной из увлекательных дискуссий я стал рассказывать ему о тамплиерах, занимающих главное место в истории Ренн-ле-Шато, Ричард Ли признался мне, что его тоже интересует этот средневековый орден и что он даже предпринимал исследования в этой области. Я поделился с ним своими соображениями по поводу некоторых несоответствий, обнаруженных мною в процессе работы. Он тут же предоставил в мое распоряжение все свои знания, но, в общем, был удивлен не меньше меня. Наконец, увлеченный

моими планами, он предложил мне свою помощь в том, что касалось тамплиеров, и познакомил меня с Майклом Бейджентом, который только что оставил блестящую карьеру журналиста, чтобы полностью посвятить себя изучению ордена Храма и фильму, который он снимал.

Мог ли я желать лучших, более компетентных, более увлеченных коллег для возобновления работы или вообразить более пьянящее ощущение энтузиазма и динамизма, которые они с собой привносили?

Первый осязаемый результат нашего сотрудничества должен был называться «Тень тамплиеров». Это был третий фильм о Ренн-ле-Шато, снятый Роем Дэйвисом в 1979 году.

Наше расследование привело нас к самому основанию, на котором покоились все тайны Ренн-ле-Шато. Однако это было только началом. За внешними проявлениями существовало нечто более удивительное, более значительное, далеко превосходящее все то, что мы могли вообразить, когда только начинали изучать любопытную маленькую тайну, обнаруженную во Франции священником из захудалой горной деревушки.

В 1972 году я закончил свой первый фильм словами: «Скоро будет открыто что-то необыкновенное... и произойдет это в самом ближайшем будущем». Настоящая работа разъясняет, чем было это «что-то», и рассказывает историю потрясающего открытия.

ГЕНРИ ЛИНКОЛЬН,
17 января 1981 года.

Рис. 1. Важнейшие места нашего исследования во Франции

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАЙНА

ТАИНСТВЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

В самом начале наших поисков мы не знали точно, в чем они должны были состоять и в каком направлении их вести. У нас не было ни теории, ни гипотезы, нам нечего было доказывать, мы просто хотели разгадать любопытную загадку конца XIX века. Мы пока не собирались делать никаких выводов — мало-помалу они пришли бы к нам как бы сами собой.

Сначала мы думали, что имеем дело с тайной сугубо местного значения, интригующей, но не выходящей за пределы скромной деревеньки Южной Франции и представляющей, несмотря на ее некоторую причастность к истории, чисто академический интерес. Мы надеялись, что наше расследование поможет прояснить хотя бы некоторые аспекты истории Западной Европы. В любом случае тогда мы были далеки от того, чтобы думать, что она заставит полностью пересмотреть эти аспекты; более того, что наши открытия будут иметь даже в настоящее время такие шумные последствия.

Короче говоря, наши поиски начались с простой загадки, по-видимому мало отличающейся от многочисленных историй о сокровищах и других «нераскрытых тайнах», коими изобилует всякий сельский фольклор. Некая версия этой тайны появилась во Франции, вызвав огромный интерес, но она не имела продолжения и, как мы узнали впоследствии, включала много ошибочных суждений.

Итак, вот история в том виде, в каком она была опубликована в 60-е годы и в каком мы с ней познакомились¹.

РЕНН-ЛЕ-ШАТО И БЕРАНЖЕ СОНЬЕР

1 июня 1885 года маленький приход Ренн-ле-Шато получил нового священника. Беранже Соньеру тридцать три года². Он красив, крепкого сложения, энергичен и очень умен. Еще совсем недавно, обучаясь в семинарии, он производил впе-

чатление человека, которому уготована блестящая карьера, гораздо лучшая, чем та, которая ждала его в этой деревушке, затерянной у подножия Восточных Пиренеев. Быть может, он чем-то разочаровал свое начальство? Этого мы не знаем, но он должен был отказаться от всякой мысли о повышении, и возможно, что его отправили в Ренн-ле-Шато, чтобы попросту от него избавиться.

В Ренн-ле-Шато жило всего двести человек. Это была маленькая деревушка, взобравшаяся на вершину холма в 40 километрах от Каркасона. Для любого другого человека этот забытый уголок, удаленный от всякой цивилизации и от образа жизни, необходимого для любознательного ума, был бы равнозначен изгнанию, и, безусловно, честолюбию Соньера был нанесен тяжелый удар. Но в этом его положении имелись и кое-какие выгоды. Будучи уроженцем этих мест, родившийся и выросший в нескольких километрах от деревни Монтазель, он чувствовал себя в знакомых ему окрестностях Ренн-ле-Шато как дома.

В период с 1885 по 1891 год доход священника составлял чуть больше 60 франков в год. Не слишком роскошно, но все же лучше, чем обычное жалованье сельского кюре в конце прошлого века. Если прибавить к этому «натуральные» пожертвования прихожан, то этой суммы вполне хватало на мелкие повседневные расходы, при условии, конечно, что не будет никаких излишеств.

В течение шести лет Беранже Соньер живет тихо и спокойно. Он охотится в горах и удит рыбу в речках, знакомых ему с детства, читает, совершенствуется в латыни, учит греческий язык, пробует изучить древнееврейский. У него есть служанка, молодая крестьянская девушка восемнадцати лет по имени Мари Денарно, которая до конца останется его другом и доверенным лицом. Он часто навещает своего приятеля аббата Анри Буде, кюре из соседнего селения Ренн-ле-Бен; вместе они следуют по таинственным извилистым дорогам окружающей их со всех сторон истории этого края.

В нескольких километрах к юго-востоку от Ренн-ле-Шато, на холме Безю, находятся развалины средневековой крепости, бывшего командорства тамплиеров. В другом направлении, не очень далеко и тоже расположенные на возвышенно-

сти, находятся руины фамильной резиденции Бертрана де Бланшфора, четвертого великого магистра ордена Храма в середине XII века. Ренн-ле-Шато стоит на дороге, по которой в старину проходили паломники и которая связывает Северную Европу с городом Сантьяго-де-Компостела в Испании, и вся эта местность изобилует легендами и отголосками прошлого, столь же богатого, сколь и трагического, кровавого.

Все эти годы Соньер мечтает реставрировать деревянную церковь. Она сооружена в VIII или IX веке, но построена на старинном фундаменте, относящемся еще к эпохе вестготов, и в конце текущего XIX века находится в почти безнадежном состоянии.

В 1891 году, ободренный своим другом Буде, Соньер забирает немного денег у своих прихожан и предпринимает попытку хотя бы самой скромной реставрации. По ходу работ он вынужден перенести на другое место алтарный камень, покоившийся на двух колоннах, оставшихся от эпохи вестготов. Одна из этих колонн оказалась полой, и внутри деревянных запечатанных трубок Соньер находит четыре пергаментных свитка. Три документа содержат генеалогические древа: один из них датирован 1243 годом и имеет печать Бланки Кастильской, второй — от 1608 года с печатью Франсуа Пьера д'Отпуля, третий — от 24 апреля 1695 года с печатью Анри д'Отпуля. Четвертый пергамент, исписанный с обеих сторон, подписан каноником Жан-Полем де Негр де Фондаржаном и относится к 1753 году.

Похоже, что эти документы были спрятаны около 1790 года аббатом Антуаном Бигу, предшественником Соньера в приходе Ренн-ле-Шато. Кстати, аббат Бигу был личным исповедником семьи Бланшфор, которая накануне Французской революции еще считалась одним из самых крупных землевладельцев в этих краях.

В последнем пергаменте содержатся отрывки из Нового Завета на латинском языке. Причем на одной стороне пергамента слова расположены не последовательно, без пробелов между ними, и в них вставлены лишние буквы. На обратной стороне строчки оборваны, расположены в полнейшем беспорядке, и некоторые буквы написаны над другими.

Очевидно, что оба эти документа включают в себя ряд различных шифров. Некоторые из них очень сложны и не поддаются расшифровке с помощью компьютера, расшифровать их без ключа невозможно. Позже они будут фигурировать в работах, посвященных Ренн-ле-Шато, и в фильмах, снятых Би-би-си. Представлены они будут следующим образом:

BERGERE PAS DE TENTATION QUE POUSSIN
TENIERS GARDENT LA CLEF PAX DCLXXXI PAR LA
CROIX ET CE CHEVAL DE DIEU J'ACHEVE CE
DAEMON DE GARDIEN A MIDI POMMES BLEUES*

Если этот текст безнадежно запутан и непонятен, то другие имеют хоть какой-то смысл. Например, на втором документе из букв, написанных над словами, складывается следующее послание:

A DAGOBERT II ROI ET A SION EST CE TRESOR ET IL
EST LA MORT**

Мы не знаем, как отреагировал Соньер на эти таинственные знаки, ведь с тех пор прошло около ста лет. Возможно, он сознавал, что открыл нечто важное, и поэтому, с согласия деревенского мэра, отвез документы епископу Каркасона. Мы также не знаем, что подумал этот выдающийся церковный деятель при виде документов, но он тут же посылает священника в Париж, оплатив ему дорожные расходы, с поручением показать документы некоторым высокопоставленным духовным лицам. Среди них — аббат Бьей, директор семинарии Сен-Сюльпис, и его кузен Эмиль Оффе, готовящийся стать священником. Ему всего двадцать лет, но у него уже репутация знатока лингвистики, криптографии (тайнописи) и палеографии. Кроме того, несмотря на его призвание к духовному сану, все осведомлены о его склонности к эзотерике и о его тесных связях с различ-

---

* Пастушка нет соблазна что Пуссен Тенирс хранят ключ рах 681 крестом и этой лошадью Бога я добиваю этого демона хранителя в полдень синих яблок (фр.).

** Дагоберту II королю и Сиону принадлежит это сокровище и оно есть смерть (фр.).

ными тайными обществами и сектами, занимающимися оккультными науками, которых тогда в Париже было великое множество. Он также входит в литературный кружок, членами которого являются Стефан Малларме, Морис Метерлинк, Клод Дебюсси и знаменитая певица Эмма Кальве, верховная жрица этого в некотором смысле подпольного общества.

Три недели Соньер проводит в Париже. Нам неизвестно, какие толки вызвало появление документов, зато мы знаем, что кружок Эмиля Оффе принял деревенского священника с распростертыми объятиями. Ходили также слухи, что он быстро стал любовником Эммы Кальве и что она была им очень увлечена. Действительно, в течение следующих лет она регулярно наносила ему визиты в Ренн-ле-Шато, и еще недавно там можно было видеть высеченные на скале инициалы этих двоих, переплетенные между собой и окруженные рамкой в виде сердца.

Во время своего пребывания в Париже Соньер посещает Лувр. Имеют ли эти визиты какое-либо отношение к трем картинам, репродукции которых он теперь ищет? Кажется, речь идет о написанном неизвестным художником портрете Папы Целестина V, который в конце XIII века недолгое время находился на престоле, затем об одной неустановленной работе Давида Тенирса (неясно, отца или сына)³ и о знаменитой картине Никола Пуссена «Аркадские пастухи».

Вернувшись в Ренн-ле-Шато, Соньер продолжает реставрационные работы. Вскоре он извлекает из земли весьма интересную резную плиту, относящуюся к VII или VIII веку; видимо, она закрывала старинный склеп. Далее Соньер начинает действовать довольно странно. Например, на кладбище находится могила Марии, маркизы д'Отпуль де Бланшфор. Надгробный камень установлен около ста лет назад прежним кюре Антуаном Бигу, тем самым, который, судя по всему, составил два таинственных документа. Надпись на надгробье, полная орфографических ошибок, есть точная анаграмма содержащегося в пергаменте послания. В самом деле, если буквы надписи поменять местами, то мы снова увидим таинственный намек на Пуссена и Тенирса.

Не зная, что надпись на могиле маркизы де Бланшфор уже была скопирована, Соньер ее уничтожает, и это надру-

гательство над могилой — не единственный странный момент в его поведении. Начиная с этого времени он в сопровождении своей верной служанки обходит шаг за шагом окрестности, собирая камни, не представляющие особой ценности или интереса. Он вступает в бурную переписку с совершенно неизвестными адресатами из Франции, Германии, Швейцарии, Италии, Австрии и Испании. Он собирает значительную коллекцию малоценных почтовых марок. Затем он начинает какие-то не очень ясные дела с различными банками. Один из них даже посылает из Парижа своего представителя, который проделывает путь до Ренн-ле-Шато с единственной целью заняться делами Соньера.

Только на почтовые марки Соньер тратит значительные суммы, намного превосходящие его скромные возможности. А начиная с 1896 года он совершает необъяснимые и беспрецедентные траты, которые, как окажется после его смерти в 1917 году, исчислялись многими миллионами франков.

Часть этих денег направлена на достойные похвалы работы по улучшению жизни в деревне: строительство дороги, водопровода. Другие расходы представляются более донкихотскими, например возведение башни Магдала на вершине горы или строительство виллы Бетания, огромного здания, в котором Соньеру так и не довелось пожить. Что касается церкви, то у нее появилось новое украшение, причем очень странное. Над портиком выгравирована следующая надпись на латинском языке:

TERRIBILIS EST LOCUS ISTE*

Прямо перед входом возвышается уродливая статуя, грубое подобие Асмодея, хранителя секретов и спрятанных сокровищ, а также, как говорится в одной иудейской легенде, строителя Храма Соломона. На стенах церкви — дорога из крестов, вульгарная и вызывающая, прерываемая шокирующими изображениями, достаточно далекими от признанного Церковью текста Священного Писания. Так, на восьмой картине нарисован младенец, завернутый в шот-

---

* ужасно сие место.

ландский плед, а на четырнадцатой — тело Христа, уносимое в гробницу, находящуюся в глубине темного ночного неба, освещенного полной луной. Такое впечатление, что Соньер хотел что-то внушить, подсказать. Но что? То, что положение во гроб имело место ночью, много часов спустя после того, как это было сделано согласно Библии? Или же что тело не кладут в гробницу, а, наоборот, достают оттуда?

Не удовольствовавшись этим весьма любопытным украшением, Соньер продолжает сорить деньгами направо и налево, покупая редкие китайские вещицы, дорогие ткани, античные мраморные поделки. Он строит оранжерею и зоологический сад, собирает великолепную библиотеку. Незадолго до смерти он задумывает даже построить для своих книг хранилище, подобное огромной Вавилонской башне, с высоты которой он собирался читать проповеди. Он не пренебрегает и прихожанами: устраивает для них приемы, делает им подарки. На их взгляд, он ведет себя как знатный средневековый сеньор, правящий своими подданными, сидя в неприступной крепости. Он принимает у себя знаменитых гостей: кроме Эммы Кальве, его посетили государственный секретарь по делам культуры и, что особенно удивительно по отношению к простому деревенскому священнику, эрцгерцог Иоганн Габсбургский, кузен австрийского императора Франца Иосифа. Позже из банковских ведомостей станет известно, что в один и тот же день Соньер и эрцгерцог открыли два счета и что второй положил на счет первого солидную сумму.

Высшие церковные власти закрывают на все это глаза. Но после смерти старого начальника Соньера в Каркасоне новый епископ требует объяснений. Соньер высокомерно и с некоторой долей наглости сначала отказывается выдать происхождение своих денежных средств, потом отказывается передать деньги епископу. Последний, не имея больше доводов, обвиняет Соньера в спекуляции предметами религиозного культа и при посредстве местного суда временно отстраняет его от должности. Соньер подает апелляцию в Ватикан, который сразу же снимает с него обвинение и восстанавливает его в прежнем звании.

17 января 1917 года, на 65-м году жизни, с Соньером случается удар. Эта дата весьма подозрительна. В самом деле, это же самое число высечено на одном из двух надгробных камней маркизы де Бланшфор, которое священник уничтожил. Кроме того, 17 января празднуют День святого Сульпиция, с которым мы еще встретимся по ходу этой истории. К тому же Соньер отдал документы аббату Бьею и Эмилю Оффе именно в семинарии Сен-Сюльпис (св. Сульпиция). Самое любопытное в том, что касается удара, случившегося с Соньером 17 января, это то, что за пять дней до этого, 12 января, прихожане отметили здоровый и цветущий вид своего кюре. Однако, по имеющейся у нас расписке, 12 января Мари заказала гроб для своего хозяина.

Когда Соньер лежал на смертном одре, пригласили священника из соседнего прихода, чтобы выслушать последнюю исповедь умирающего и соборовать его. Священник закрылся в комнате с исповедуемым, но вскоре вышел оттуда, как свидетельствует один очевидец, в совершенно ненормальном состоянии. Другой утверждает, что больше никогда его не видели улыбающимся; третий — что он впал в депрессию, длившуюся много месяцев. Вполне может быть, что все эти рассказы преувеличены, но известно совершенно точно, что в последнем причастии своему собрату священник отказал.

Итак, 22 января Соньер умирает, так и не получив отпущения грехов. На следующее утро его тело, облаченное в великолепное одеяние, украшенное малиновыми шнурами с кисточками, было посажено в кресло на террасе виллы Бетания. Один за другим проходила мимо череда никому не известных посетителей, и некоторые даже отрывали от его одежды кисточки на память. Этой странной церемонии, которой до сих пор удивляются жители деревни, так и не было дано никакого объяснения.

Понятно, что все с нетерпением ожидали вскрытия завещания. Но, к всеобщему удивлению и разочарованию, Соньер объявлял в нем, что ничем не владеет. Отдал ли он все свое состояние Мари Денарно, которая в течение тридцати двух лет служила ему и была его доверенным лицом, или же

с самого начала большая часть состояния была положена на имя служанки?

Известно, что после смерти хозяина Мари продолжала спокойно жить на вилле Бетания до 1946 года. После Второй мировой войны правительство пускает в обращение новые денежные знаки и, опасаясь контрабандистов, коллаборационистов и нажившихся на войне спекулянтов, обязывает всех французских граждан представить декларацию о доходах. Не слишком заботясь о том, что будут говорить люди, Мари выбирает бедность. Однажды кое-кто видел, как она жгла толстые пачки старых денег в саду, окружающем виллу.

Семь следующих лет она живет относительно скромно, на средства от продажи виллы Бетания. Она обещает новому владельцу, Ноэлю Корбю, что перед смертью доверит ему некий секрет, который сделает его не только богатым, но и могущественным. 29 января 1953 года с ней, как и с ее хозяином, случается удар, которого никто не мог предвидеть, и вскоре она умирает, унося свою тайну в могилу.

ВОЗМОЖНЫЕ СОКРОВИЩА

Такова в общих чертах история, опубликованная во Франции в 60-х годах. Именно в таком виде мы с ней познакомились. И теперь мы принимаемся за вопросы, которые поднимает форма изложения этих событий.

Прежде всего, каков источник дохода Соньера? Откуда так внезапно взялось огромное состояние? Дается ли этому хотя бы самое банальное объяснение или же здесь заключается нечто неожиданное? Подталкиваемые необычайной притягательностью этой тайны, мы начали поиски.

Если верить любознательным людям, которые провели расследование до нас, то Соньер, по всей видимости, нашел сокровище. Простое и правдоподобное объяснение, тем более что доказательством этому — история деревни и ее окрестностей, подтверждающая существование тайников с золотом и драгоценностями.

В давние времена местечко Ренн-ле-Шато почиталось кельтами как священное, а сама деревня, называвшаяся то-

гда Реде, обязана своим именем одному из кельтских племен. В эпоху римского господства, после того как это место стало знаменитым благодаря своим рудникам и горячим источникам, оно стало процветать. Тогда оно тоже считалось священным, и еще долго после этого там оставались следы языческих храмов.

В VI веке деревня на вершине холма насчитывала около тридцати тысяч жителей. Возможно, это была северная столица империи, построенной вестготами-тевтонцами, пришедшими с востока, которые, разграбив Рим, захватили юг Галлии и обосновались по обе стороны Пиренеев.

В течение следующих пяти веков город был центром влиятельного графства Разес. Затем, в начале XIII века, с севера в Лангедок внезапно явилась целая армия с целью уничтожить ересь катаров. Армия захватывает все, что находит на своем пути, и во время этого так называемого Альбигойского крестового похода вотчина Ренн-ле-Шато много раз переходит из одних рук в другие. Спустя сто двадцать пять лет, около 1360 года, местное население сильно сократилось из-за эпидемии чумы. Чуть позже городок был разрушен бандой каталонских разбойников⁴.

И во все эти повороты истории вклинивается огромное число невероятных приключений с сокровищами.

Все помнят, что еретики-катары слыли обладателями сказочного и даже священного сокровища, которое, согласно некоторым легендам, было не чем иным, как Святым Граалем. Именно эта величественная тень заставила Рихарда Вагнера совершить паломничество в Ренн-ле-Шато, перед тем как написать свою последнюю оперу «Парсифаль», а немецкие войска во время оккупации 1940—1944 годов — предпринять безуспешные раскопки по всем окрестностям. Но это еще не все, потому что призрак утерянного тамплиерами сокровища не оставлял в покое ни одного жителя этой местности. В свое время великий магистр ордена, Бертран де Бланшфор, отдал приказание перерыть всю землю в округе. Все рассказы об этом сходятся на том, что работы велись тайно, а горнорабочих специально вызвали из Германии. В таком случае возможное нахождение сокровища в окрест-

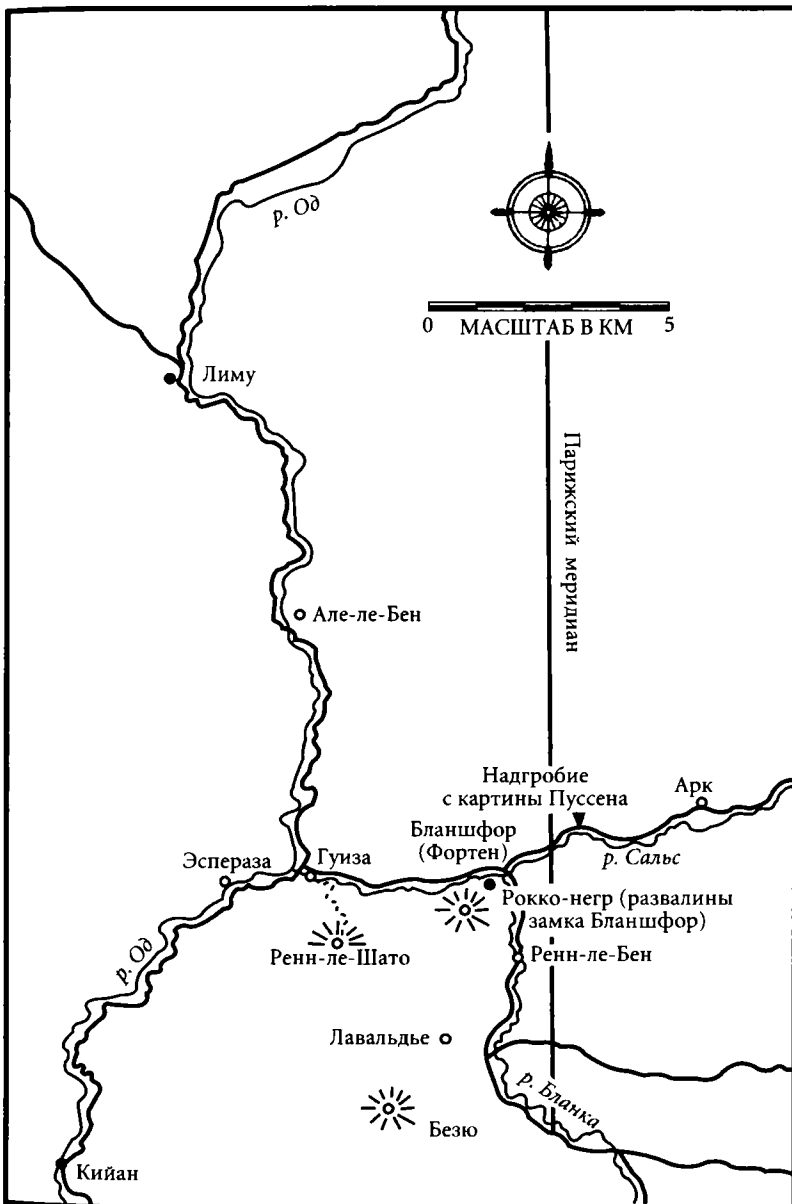

Рис. 2. Ренн-ле-Шато и его окрестности

ностях Ренн-ле-Шато достаточно хорошо объясняет намек на Сион, фигурирующий в документах, найденных Соньером.

Можно также предположить, что в этой земле лежат и другие клады. Между V и VIII веками большая часть современной Франции находилась под властью Меровингов. Во времена Дагоберта II Ренн-ле-Шато являлся бастионом вестготов, а сам король женился на вестготской принцессе. В некоторых документах говорится о богатстве, накопленном им в результате военных завоеваний и спрятанном в окрестностях городка. Если Соньер нашел королевские сокровища, то намеки на Дагоберта, содержащиеся в зашифрованных посланиях, объясняются сами собой.

Катары... Тамплиеры... Дагоберт II... А может быть, речь идет о другом сокровище — огромной добыче, собранной вестготами во время их бурного продвижения по Европе? Добыче в другом смысле, одновременно символической и материальной, происходящей от легендарного сокровища Иерусалимского храма и касающейся религиозной традиции Запада? Эта гипотеза еще лучше, чем гипотеза о тамплиерах, объясняет намеки на Сион.

Действительно, в 66 году нашей эры Палестина восстает против римского ига. Спустя 4 года, в 70 году, легионы императора Тита до основания разрушают Иерусалим. Храм разграблен, содержимое святыня святынь увезено в Рим. В соответствии с изображениями на триумфальной арке Тита среди увезенного был золотой семисвечник — священный предмет иудейского религиозного культа, а возможно, даже и Ковчег Завета Господня.

Спустя три с половиной века, в 410 году, Рим разоряют вестготы под предводительством Алариха Великого, который увозит из Вечного города все богатства. В своей «Истории войн» христианский писатель Прокопий Кессарийский изображает захватчика, уносящего сокровища древнееврейского царя Соломона. Это стоило видеть, добавляет он, потому что среди этих сокровищ находились изумруды, в древние времена похищенные римлянами из Иерусалима⁵.

Может быть, источником необъяснимого богатства Соньера и было то самое сокровище, которое в течение веков переходило из рук в руки: прошло через Иерусалимский

храм, затем попало к римлянам, потом к вестготам, а от них к катарам или рыцарям Храма, а то и к обоим последним одновременно? Значит, оно могло принадлежать и Дагоберту II, и Сиону?

Дойдя в наших расследованиях до этого пункта, мы констатировали, что все еще занимаемся историей о сокровищах. А обычно истории о сокровищах, даже если речь идет об Иерусалимском храме и даже если сокровища просто сказочные, — эти истории имеют небольшое значение и вызывают достаточно ограниченный интерес. Они обычны в наше время; они более или менее возбуждающие, драматические или таинственные и проливают некоторый свет на прошлое. И все. Очень немногие из них имеют политические или какие-либо другие последствия в настоящем, если только само сокровище не содержит в себе какую-нибудь тайну.

В данном случае мы никоим образом не подвергаем сомнению тот факт, что Соньер нашел сокровище, но мы уверены, что кроме этого сокровища, каким бы оно ни было, он обнаружил еще и некую тайну — историческую тайну, имеющую крайне важное значение для своего времени, а может быть, и для нашего тоже. Безусловно, деньги, золото и драгоценности сами по себе не могут прояснить некоторые стороны этой загадки, а именно: проникновение священника в закрытый кружок Оффе, его отношения с Дебюсси, связь с Эммой Кальве. Они не объясняют также ни особый интерес Церкви к этому делу, ни снисходительность Ватикана по отношению к непослушному священнику, ни отказ в соборовании, ни визит эрцгерцога Габсбургского в отдаленную пиренейскую деревушку. Наконец, ни деньги, ни золото, ни драгоценности не могут в достаточной мере объяснить ту таинственную атмосферу, которая окружает всю эту историю: от зашифрованных посланий до Мари Денарно, сжигающей свое наследство.

Если и есть какое-то объяснение, то оно должно быть капитальным, далеко выходящим за рамки жизни скромного деревенского кюре конца XIX века. Эта тайна, возникнув в Ренн-ле-Шато, глубокой и бескрайней волной накрывает весь мир.

Не могло ли богатство Соньера иметь нематериальный источник, скажем, некое знание? Если так, то можно ли было обратить его в банковский счет, например используя его для шантажа? Возможно, богатство Соньера было платой за молчание?

Нам известно, что он получил деньги от Иоганна Габсбургского. В то же время секрет священника носил скорее религиозный, чем политический характер. Во всяком случае, все подтверждали, что его отношения с австрийцем были очень сердечными. С другой стороны, некое учреждение, похоже, опасалось священника и обращалось с ним очень осторожно — мы говорим о Ватикане. Быть может, Соньер пошел на шантаж? Но такое предприятие было бы рискованным для одного человека, если только за ним не стоял кто-то недоступный для Церкви, например эрцгерцог Габсбургский. Что, если он был в этом деле только посредником, имеющим поручение отдать священнику деньги, появившиеся из сундуков Древнего Рима?⁶

ИНТРИГА

Итак, в 1972 году появляется «Потерянное сокровище Иерусалима?», первый из трех наших фильмов, посвященных Соньеру и тайне Ренн-ле-Шато. В нем нет ничего, что можно было бы оспаривать: никаких предположений о «взрывоопасных» секретах или о шантаже на высшем уровне, а имя Эмиля Оффе даже не упоминается. Фильм в очень простой и доступной форме рассказывает обыкновенную историю.

Сразу же нас захлестнул поток писем. В одних содержались забавные рассуждения, другие были полны восхвалений, третьи — сплошной бред. Правда, одно из этих писем, которое его автор, английский священник на пенсии, просил не публиковать, привлекло наше внимание авторитетной и категоричной манерой суждения без всякой заботы о достоверности. Сокровище, утверждал он априори, заключалось не в золоте или драгоценных камнях. Оно состояло в обладании «неопровержимым доказательством» того, что распятия на кресте не было и что Иисус в 45 году нашей эры еще был жив.

Абсурд! — такова была наша первая реакция после прочтения письма. Какое «неопровержимое доказательство» по данному вопросу может представить себе даже убежденный атеист? Все, что мы старались вообразить в качестве «доказательства», а тем более «неопровержимого доказательства», оказывалось из области невероятного и, следовательно, должно было быть отброшено. Тем не менее нелепость этого утверждения требовала пояснений. На конверте был указан адрес, и мы отправились по этому адресу.

При личной встрече этот человек оказался более сдержанным, чем в письме, и вообще сожалел, что написал нам. Он отказался как-либо прокомментировать свой намек на «неопровержимое доказательство», и мы с большим трудом получили от него скудное дополнение к имеющейся у нас информации: это доказательство или, по крайней мере, его существование выдал ему другой священник, Кэнон Альфред Лесли Лиллей.

Умерший в 1940 году Лиллей широко печатался и был довольно известной личностью. Всю свою жизнь он поддерживал тесные контакты с Современным католическим движением, которое располагалось сначала в Сен-Сюльпис. В молодости же он работал в Париже, где у него завязались отношения с Эмилем Оффе. Таким образом, круг замкнулся: если существует хоть одна ниточка, протянутая между Лиллеем и Оффе, то не стоит сразу отвергать утверждение священника.

Уверенность в том, что имеется какая-то великая тайна, снова пришла к нам, когда мы начали изучать жизнь художника Никола Пуссена, имя которого часто встречается в связи с Соньером. В 1656 году Пуссена, в то время жившего в Риме, навестил аббат Луи Фуке, брат Никола Фуке, знаменитого генерального контролера финансов Людовика XIV. За визитом последовало письмо, в котором аббат сообщал своему брату о встрече с художником. Процитируем часть этого письма:

«Вместе с г-ном Пуссеном мы обсудили кое-какие вещи, которые я могу с легкостью объяснить Вам в деталях; вещи, которые дадут Вам при посредстве г-на

Пуссена преимущества, которые даже королям с большим трудом удалось бы вытянуть из него и которые, по его словам, возможно, будут недоступны ни для кого в ближайшие столетия. И более того, эти вещи так трудно отыскать, что нет сейчас на земле лучшего или хотя бы равного достояния»⁷.

Ни один историк, ни один биограф Пуссена или Фуке ни разу не дал удовлетворительного объяснения этому письму, в котором явно подразумевается нечто исключительно важное. Отметим однако, что спустя некоторое время Никола Фуке был арестован и приговорен к пожизненному заключению. Его имя с тех пор окутано непроницаемой тайной; некоторые упорно считают его Человеком в Железной Маске. Но известно, что после прочтения его переписки Людовик XIV повелел достать картину Пуссена «Аркадские пастухи», которую потом он укроет в своих личных апартаментах в Версале.

Какими бы высокими ни были ее художественные достоинства, эта картина представляется совершенно бесцветной. На переднем плане трое пастухов и пастушка, окружив старинную могилу, созерцают надпись, выбитую на надгробном камне: «ET IN ARCADIA EGO». На заднем плане изображен один из тех горных пейзажей, которые так любят художники, — совершенно мифический и полностью выдуманный автором, если верить Энтони Бланту и другим исследователям творчества Пуссена. И тем не менее...

В 1970 году была найдена могила, идентичная той, что изображена на картине: форма, размеры, расположение, растительность вокруг, даже кусок скалы, на который опирается ногой один из пастухов, совершенно совпадали. Эта могила находится на опушке леса близ деревни Арк, по меньшей мере в десяти километрах от Ренн-ле-Шато и в каких-нибудь пяти километрах от замка Бланшфор. Пейзаж там точно такой же, как и на картине Пуссена; с вершины одного из холмов можно вдалеке разглядеть Ренн-ле-Шато.

Ничто не указывает на возраст этой могилы. Даже если допустить, что надгробие поставлено недавно, то как так

случилось, что архитектор сделал его до такой степени похожим на надгробие с картины Пуссена? Значит, вполне возможно, что оно существовало и во времена художника и что он точно воспроизвел его на своей картине. Впрочем, о нем уже упоминалось в «памятке» 1709 года⁸, а местные крестьяне говорили, что всегда знали о нем, так же как их родители и прародители.

Архивы деревни Арк уведомляют нас о том, что клочок земли, где находится могила, принадлежал американцу из Бостона Ауди Лоуренсу вплоть до его смерти в 1950 году. Когда в 1920 году американец вскрыл могилу, она оказалась пустой. Впоследствии он похоронил там свою жену и тещу.

Во время съемок фильма о Ренн-ле-Шато мы целое утро провели, фотографируя надгробие, потом отправились завтракать. Когда спустя три часа мы вернулись, могила была безобразным образом разворочена: кто-то, вероятно, пытался ее вскрыть.

Если на могильном камне и была раньше какая-либо надпись, то она уже давно выветрилась. Что касается надписи, фигурирующей на картине Пуссена, она, видимо, носит обычный элегический характер: сама Смерть заявляет о своем мрачном присутствии даже в Аркадии, идиллическом пасторальном раю классических мифов. Однако задерживает внимание одна деталь — отсутствие глагола, только и всего*. Буквальный перевод: «И в Аркадии я...» Почему? Из философских соображений, чтобы стереть всякое понятие о времени, всякое указание на прошлое, настоящее или будущее и таким образом внушить понятие о вечности? Или же, напротив, из чисто практических соображений?

Не напрасно все же найденные Соньером документы изобилуют анаграммами. Эта коротенькая фраза без глагола тоже могла быть — а почему бы и нет? — анаграммой, сокращенной до точного числа необходимых букв.

Таково было мнение одного из наших телезрителей, ко-

---

* Отсутствует глагол-связка «быть»; правильно: *Et in Arcadia ego sum*.

торый после первого фильма сообщил нам результат своих остроумных латинских упражнений:

I TEGO ARCANA DEI*

Что касается лично нас, то мы были далеки от того, чтобы размышлять, насколько все это было правдой. В тот момент «находка» нас позабавила, не более того, и мы даже не подумали принять ее всерьез...

---

* Иди! Я скрываю тайны Бога.

ВЕЛИКАЯ ЕРЕСЬ КАТАРОВ

И тогда наше расследование вступило на уже знакомый нам путь: ересь катаров, или альбигойцев, и Крестовый поход, спровоцированный ею в XIII веке. Все указывало на то, что ереси катаров придется сыграть важную роль в раскрытии тайны Ренн-ле-Шато. В эпоху Средневековья там жило много еретиков, окрестные деревни сильно пострадали от грубых репрессий, которым подверглись катары, и кровь, омывающая их историю, до сего дня окрашивает землю и холмы, так же, как и идея катаров сохраняется еще в душах местных жителей. И не в селении ли Арк прожил до самой своей смерти в 1978 году «катарский папа»?

Уроженец этих мест, приобщенный с детства к их истории и фольклору, Соньер не может не знать преданий о катарах и того, что городок Ренн-ле-Шато в XII—XIII веках был одним из главных их бастионов. Ему известны легенды о Святом Граале, и если Рихард Вагнер действительно приехал сюда, чтобы больше узнать о сказочном сокровище, Соньер не упустил бы этого факта.

В 1890 году Жюль Дуанель, библиотекарь из Каркасона, основывает Неокатарскую церковь¹. Потом он вступает в городское Общество искусства и науки, секретарем которого избран в 1898 году. Среди членов этой блистательной культурной ассоциации фигурирует аббат Анри Буде. А в близком к Дуанелю окружении мы встречаем Эмму Кальве. Таким образом, кюре Ренн-ле-Шато тоже должен был быть знаком с библиотекарем из Каркасона.

То, что катары связаны с тайной Ренн-ле-Шато, не вызывает и тени сомнения. В одном из документов, найденных Соньером, по тексту разбросаны восемь маленьких, отличных от других букв — три вверх, пять вниз. Собранные

вместе, они образуют слова «Rex mundi»* — термин, быстро узнаваемый всеми, кому знакомы идеи катаров.

Именно по этому пути надо было теперь нам следовать. Верования, традиции, история, среда обитания катаров должны были придать тайне новые масштабы.

АЛЬБИГОЙСКИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

В 1209 году пришедшая с севера Европы и из Ильде-Франса** армия, состоящая из тридцати тысяч всадников и пехотинцев, словно ураган налетает на Лангедок***. В последующие годы мы видим разоренную страну, погибающие урожаи, снесенные до основания города и селения, заколотых мечами и шпагами людей, населявших их. Истребление в таком масштабе, возможно, является первым примером геноцида в истории современной Европы. Только в городе Безье было уничтожено пятнадцать тысяч мужчин, женщин, детей, большое число которых было убито прямо в церквах. «Убивайте их всех, Бог узнает своих!» — так ответил легат Папы Иннокентия III воинам, спросившим его, как отличить еретиков от правоверных католиков. Подлинные или нет, но эти слова хорошо иллюстрируют фанатизм и нетерпимость, которые господствовали в этом кровавом крестовом походе. Тот же легат, отчитываясь в Риме о выполнении порученного ему дела, напишет: «Ни возраст, ни пол, ни положение — ничто не было основанием для пощадь».

Разгромив Безье, армия крестоносцев продолжила свой жуткий марш через Лангедок, не оставляя после себя ничего, кроме крови и руин. Один за другим пали Перпиньян, Нарбон, Каркасон, Тулуза; деревушки, селения и замки были сожжены и разграблены.

Эта бойня, продолжавшаяся почти сорок лет, известна теперь как Альбигойский крестовый поход, один из самых

---

* Царь мира (лат.).

** Историческая область на севере Франции, главный город — Париж.

*** Историческая область на юге Франции, расположенная в северо-восточных предгорьях Пиренеев.

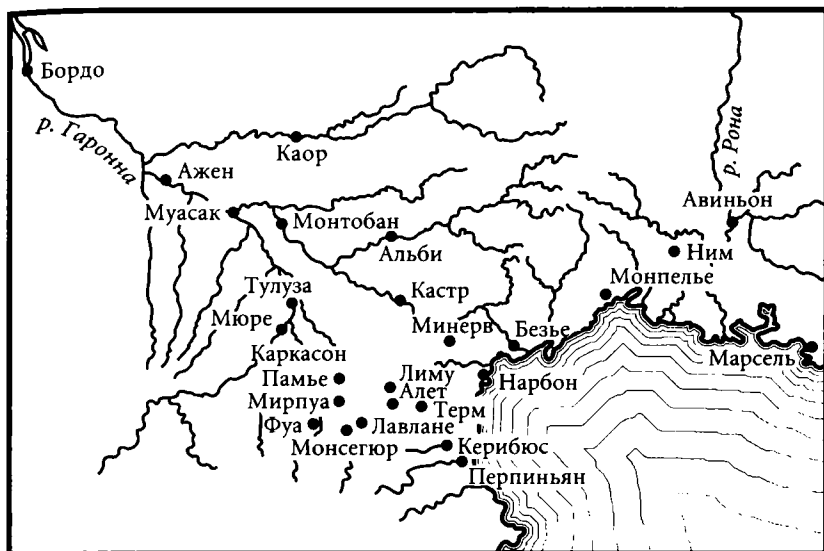

Рис. 3. Лангедок катаров

долгих и самых жестоких за всю историю. Он был создан Папой, на белых плащах его участников изображался тот же красный крест, что и у крестоносцев Палестины. И воздаяние на земле и на небесах обещано было одинаковое для крестоносцев Франции и крестоносцев Святой Земли: наверху — спасение, очищение от грехов, а внизу — добыча.

Откуда такое ожесточение, такое систематическое разрушение и опустошение? Почему такую красивую землю внезапно отдали на поругание варварам, свирепствовавшим чуть ли не по всей Европе?

В начале XIII века Лангедок еще не входил в состав Франции. Это была независимая вотчина, язык и весь уклад жизни которой были ближе к испанским королевствам — Леону, Арагону и Кастилии, чем к Иль-де-Франс. Управляли ею несколько благородных семей, среди которых выделялись графы Тулузские и могущественный дом Транкавелей. Что касается культуры, то она была одной из самых утонченных во всем христианском мире, исключая, быть может, культуру Византии. Впрочем, у этих двух культур было много общего.

Высоко оцениваются там философия; поэзия и куртуазная любовь восхваляются как замечательные интеллектуальные достоинства в элегантном и блестящем обществе; огромную роль играет изучение греческого, арабского, древне-еврейского языков, а в Люнеле и Нарбонне в школах изучают древнюю иудейскую эзотерическую науку — Каббалу.

Также в противовес тому, что мы можем наблюдать в то время в Европе, здесь, под милосердным небом провансальской культуры, царила религиозная терпимость. Возможно, это потому, что коррумпированная, непримиримая и уже несостоятельная Римско-католическая церковь пользовалась не слишком большим уважением: в некоторых церквях более тридцати лет не служили мессу, а многие священники предпочитали другие виды деятельности своему основному занятию. А возможно, потому, что эта страна благодаря своему географическому положению оставалась открытой для различных культурных течений: в нее проникали обрывки мусульманской и иудейской мысли, исходящие из Марселя — перекрестка торговых и морских путей, различные влияния, идущие из Северной Италии или же пробивающие себе дорогу через Пиренеи.

Но какой бы блестящей ни была эта культура, она несла в себе также и свойственные ей слабости, среди которых не последнее место занимало отсутствие единства. Когда Церковь, озабоченная укреплением своего пошатнувшегося авторитета, решила действовать, Лангедок оказался не способен выдержать ее безжалостный натиск, тем более безжалостный, что в самом сердце этой пленительной культуры свирепствовала самая грозная за все времена Средневековья ересь — альбигойская, вышедшая из истинной Церкви, со своими собственными иерархией и соборами, проникшая во все крупные города Германии, Фландрии и Шампани и имевшая там ошеломляющий успех.

Эта ересь имеет несколько названий. Но название «альбигойцы» получило повсеместное распространение, то ли потому, что в 1165 году еретики были приговорены к смерти церковным трибуналом города Альби, то ли потому, что этот город долгое время оставался одним из важнейших их центров. Их также зовут катарами, и иногда к ним приме-

няют названия более ранних ересей: ариане, валентиане, манихеи.

«Альбигойцы» и «катары» — по существу, родовые имена. Иными словами, они не относятся к единой последовательной Церкви, подобной Римско-католической. В действительности альбигойская ересь насчитывала множество различных сект, сходных по основным принципам, но отличающихся некоторыми деталями.

Катары верили в реинкарнацию и признавали женское начало в религии. И действительно, проповедники и учителя в сообществах катаров были обоюбого пола. Кроме того, катары отвергали ортодоксальную католическую церковь и отрицали значимость всех церковных иерархий, всех официальных, посвященных в духовный сан посредников между человеком и Богом. В основе этой позиции лежал важный принцип катаров — отвержение «веры», по крайней мере в том виде, как на этом настаивает Церковь. Вместо «веры», отходящей на второй план, катары утверждали прямое личное знание, религиозный или мистический опыт, приобретенный лично. Этот опыт они называли «gnosis» — греческим словом, обозначающим знание. И для катаров это было превыше, чем символы веры и заповеди. При таком прямом персональном контакте с Богом священники, епископы и прочая церковная братия становились ненужными.

Катары также являлись дуалистами. В конечном итоге все христианское мышление, так как оно содержит конфликт между двумя противоборствующими принципами — добром и злом, духом и телом, высоким и низким, — может быть рассмотрено как дуалистическое. Но катары довели этот принцип противоположности до такой крайности, которую не могла себе позволить ортодоксальная католическая церковь. Для катаров люди — это мечи, которыми дух невидимой рукой ведет сражение. Катары считали, что от начала сотворения мира идет вечная война между несовместимыми началами — светом и тьмой, духом и материей, добром и злом. Католицизм преподносит лишь одно верховное божество, чей противник, дьявол, несомненно, уступает ему в силе. Катары же провозглашали существование не одного, а двух богов, более или менее равных по силам, имеющих бо-

лее или менее равный статус. Один из этих богов — «добрый» — был абсолютно бесплотен и представлял собой чистый дух, незапятнанный и тенью материи.

Это был бог любви. Но любовь считается абсолютно несовместимой с силой, а материальные творения являются воплощениями силы. Поэтому для катаров все материальное, мир в целом отмечен печатью зла. Вся материя по сути своей зло. Вселенная создана богом-захватчиком, богом зла или, как его называют катары, «Rex Mundi» — «Царь Мира». Католицизм основан на том, что можно назвать «этическим дуализмом». Считается, что зло, исходящее от дьявола, проявляется в основном через человека и дела его. В противоположность этому катары придерживались «космологического дуализма», дуализма, пронизывающего всю реальность. Эта предпосылка была основной для катаров, однако вели себя члены различных сект катаров не одинаково. Некоторые катары считали, что целью пребывания человека на земле является преодоление материального, вечное отвержение всего, связанного с силой, и тем самым достижение соединения с любовью. Согласно членам других сект основная задача — завладеть материальным миром, а потом искупить его грехи, наполнить его духовностью и трансформировать. Важно отметить отсутствие окосневших догматов, доктрин или теологии. Как и в большинстве отклонений от установленной ортодоксии, есть только свободно трактуемые отношения (позиции), и моральные обязательства, соответствующие этим отношениям, интерпретируются индивидуально.

В глазах римско-католической церкви катары впали в серьезную ересь, считая, что материальному миру, ради которого Иисус принял смерть, присуще зло, и предполагая, что Бог, чье «Слово» сотворило мир, незаконно захватил власть. Их самой большой ересью, однако, было отношение к Христу. Так как материя пропитана злом, катары отрицали, что Иисус мог иметь материальную сущность, быть воплощенным в плоть и в этом состоянии являться Сыном Божьим. Для некоторых катаров он был явлением нематериальным, «фантазмом», воплощением чистого духа, которое, вне всякого сомнения, невозможно распять. Большин-

ство катаров считало, что он — ничем не отличающийся от других пророков смертный, который из любви к ближним принял смерть на кресте. Поэтому, с точки зрения катаров, в распятии не было ничего мистического, сверхъестественного и божественного. Многие катары даже считали, что это событие не заслуживает внимания.

В любом случае катары отчаянно отвергали важность как Распятия, так и Креста. Они, очевидно, чувствовали, что вера в них неуместна, а может, это происходило потому, что Рим рьяно пропагандировал эти символы, или потому, что жестокие обстоятельства смерти пророка не являлись в их глазах достойными поклонения. Крест для катаров — из-за ассоциации с Голгофой и Распятием — являл собой символ Царя Мира, властелина всего материального, и представлял собой прямую противоположность символу истинного искупления. Иисус, смертный человек, был пророком AMOR — любви. AMOR, перевернутая, перекрученная и извращенная, становится силой, превращается в ROMA — Рим, чья напыщенная, роскошествующая Церковь являлась для катаров зримым воплощением правления на земле Царя Мира. В результате же катары не только отказывались поклоняться кресту, они также отрицали таинства крещения и причастия.

Несмотря на запутанную, сложную, высокоумную и на современный взгляд малозначащую теологическую позицию, большинство катаров не были узколобыми фанатиками. В интеллектуальных кругах сейчас модно считать катаров мудрецами, просвещенными мистиками, которым было подарено высшее знание, людьми, причастными к великой космической тайне. На самом деле большинство катаров были обычными людьми, которые в своей вере искали убежище от оков ортодоксального католицизма, передышку от бесконечных проповедей и индульгенций Римской церкви.

Однако вдалеке от исповедуемых идей, в остальной жизни катары являлись весьма практичными людьми. Они осуждали деторождение, так как умножение плоти служит не любви, а Царю Мира. Однако они были не настолько наивны, чтобы проповедовать отмену сексуальной жизни. Правда, у катаров существовал священный обряд, называемый

consolamentum, принуждающий к плотскому воздержанию. Кроме священников или «совершенных» мужчин и женщин, не связанных семейными узами, таинство производилось над людьми, лежащими на смертном одре, но ведь совсем нетрудно соблюдать целомудрие, когда умираешь. Поэтому, если рассматривать сообщество катаров в целом, к сексуальным отношениям проявлялась терпимость, если не одобрение.

Но как сдержать размножение, смотря сквозь пальцы на сексуальную жизнь? Существуют свидетельства, что катары практиковали как контроль над рождаемостью, так и аборты. Когда Рим обвинял еретиков в «противоестественной сексуальной практике», это обычно воспринимается как обвинение в содомии. Однако, судя по сохранившимся записям, катары строго-настрого запрещали гомосексуализм. Поэтому под «противоестественной сексуальной практикой» имелись в виду многочисленные методы контроля над рождаемостью. Сегодняшняя позиция Рима по этим вопросам известна. Нетрудно представить, с какой энергией и мстительным жаром внедрялась в жизнь эта идея в Средние века.

В целом катары были привержены к жизни, полной благочестия и простоты. Отвергая церкви, они проводили свои обряды и службы под открытым небом или в любом подвернувшемся здании, будь то амбар или простой дом. Они практиковали также то, что сейчас мы называем медитацией. Они были жесткими вегетарианцами, однако позволяли себе есть рыбу. Путешествовали «совершенные» катары обычно по двое, что и породило поддерживаемые их врагами слухи о содомии.

ОСАДА ЗАМКА МОНСЕГЮР

Такова в общих чертах история этого религиозного движения, которое распространяется в Лангедоке и прилегающих к нему провинциях, нанося этим вред Католической церкви. К нему вскоре присоединяются многие благородные семьи, потому ли, что они оценили его религиозную терпимость,

или потому, что не могли больше выносить развращенность официальной Церкви, ее упадок и явную несостоятельность. Как бы то ни было, тридцать процентов «совершенных» были выходцами из лангедокской знати. В 1145 году, за полвека до Альбигойского крестового похода, святой Бернар собственной персоной отправился в Лангедок, чтобы проповедовать против еретиков. Но когда он явился туда, гораздо больше еретиков его ужаснула продажность Церкви, к которой он принадлежал. Что же касается катаров, они произвели на него впечатление, и он заявил, что «не было учения более христианского, нежели учение катаров, и нравы их были чисты»³.

Тем не менее в 1200 году католическая церковь, еще более обеспокоенная развитием ереси и прекрасно сознающая, какую зависть вызывает на Севере эта богатая южная провинция, решает вмешаться при первом же удобном случае. Этот случай вскоре ей представляется: 14 января 1208 года был убит легат Папы Римского Пьер де Кастельно, и хотя катарская ересь была абсолютно непричастна к этому убийству, Рим дает сигнал к вооруженному наступлению.

В июле 1209 года в Лионе под предводительством аббата Сито собирается огромная армия и отправляется по дороге, ведущей на юг. Симон де Монфор, испытанный солдат и вассал французского короля, возглавляет военные действия, полный решимости не отступить ни перед чем и стереть с лица земли страну еретиков. Его святому делу оказывает помощь молодой и страстный испанский миссионер Доминик Гусман, основавший в 1216 году монашеский орден, носящий его имя, — орден доминиканцев, представители которого будут заседать в трибуналах инквизиции. Катары были не единственными жертвами этого печально известного учреждения: такая же участь постигла издавна живущее в Лангедоке еврейское население, которое защищали знатные семьи провинции.

В 1218 году, во время пребывания в Тулузе, Симон де Монфор был убит, но истребление народа продолжалось еще целую четверть века, за исключением нескольких лет передышки. В 1244 году капитулирует замок Монсегюр, по-

следний оплот катаров, и катарская ересь официально перестает существовать на юге Франции. Но только официально. Эмманюэль де Руа Ладюри в своей книге «Монтелу, провансальская деревня» вполне справедливо отмечает деятельность катаров еще в течение долгого времени после падения замка Монсежур. Маленькие «очаги» вспыхивают там и сям, под защитой гор или в подземных гротах, верные своему учению, продолжающие неустанную борьбу со своими преследователями. Во многих районах Лангедока, включая окрестности Ренн-ле-Шато, вера катаров продолжает существовать. И многие писатели прослеживают преемственность учения катаров в последующих европейских еретических течениях — это вальденсы, гуситы, адамиты («братья свободного духа»), анабаптисты и загадочные камизары.

СОКРОВИЩЕ КАТАРОВ

Во время Альбигойского крестового похода и еще долго после него катаров окутывает ореол тайны. Не исчез он полностью и сегодня. Превозносимые в самых невероятных легендах, окруженные полутенью, свойственной великим тайнам мировой истории, они остаются одной из самых привлекательных загадок прошлого Франции, и по отношению к ним возникает всегда великое множество вопросов.

Прежде всего, их происхождение. Некоторые видят в них потомков богомилов, еретической секты, распространившейся в X и XI веках в Болгарии и эмигрировавшей затем на запад. Без сомнения, часть их осела в Лангедоке; однако вероятно, что катары имели более глубокие и давние французские корни, выросшие из предшествующих им ересей в самом начале христианской эры⁴.

Смущают некоторые детали, такие, например, как анекдот, рассказанный летописцем Жаном де Жуанвилем, советником Людовика IX Святого, в XIII веке: «Святой король поведал мне, что многие альбигойцы пришли к графу Монфору... и сказали ему, чтобы он пошел посмотреть на тело Господа нашего, который в руках священника обрел плоть и кровь. И он им ответил: «Идите и смотрите сами, вы, не ве-

рящие в это, а я в это верю твердо, так учит Священное Писание»⁵. Любопытно, что Жуанвиль больше не возвращался к этой истории, и она остается загадочной. На какой обряд он намекает? Если катары отрицали значение святого причастия, что просили они констатировать графа Монфора и почему?

Не меньшей загадкой является и их сокровище. Из достоверных источников ясно, что катары были очень богаты и их богатство объяснялось большим количеством разного рода даров, которые они принимали, распоряжались ими и перераспределяли, исполняя свои дела. Но было и другое, так как с самого начала крестового похода ходили слухи, что в замке Монсегюр, этом великолепном каменном корабле и оплоте веры, находилось некое богатство, не материальное, а мистическое. Однако после падения крепости ничего похожего не обнаружили. Тем не менее мы не должны обходить вниманием странные происшествия, имевшие место в замке, а затем его капитуляцию.

Коротко о фактах. Весной 1243 года многочисленная армия, состоящая из конных и пеших французских солдат, окружает огромную скалу, чем исключается всякая возможность войти либо выйти из осажденного замка. Маневр прост: крепость расположена на большой высоте, с внешним миром никаких сообщений быть не может, и осажденные погибнут от голода и жажды.

Но несмотря на численное превосходство армии, этого количества солдат не хватает, чтобы полностью окружить подножие горы. Бывают случаи дезертирства; многие осаждающие симпатизируют осажденным, так что последним удастся пересекать «границу» и приносить провизию или получить другую помощь от преданных их делу сторонников.

В январе следующего года, за три месяца до падения цитадели, двое «совершенных» покидают замок, унося с собой большую часть сокровища катаров (золото, серебро и огромное количество монет), которое они переносят в укрепленный грот, находящийся в глубине гор, а также в другой замок-крепость. После этого сокровище исчезает, и больше о нем никто и никогда не услышит...

Первого марта Монсегюр с находящимися в нем четырьмястами осажденными сдается. Сто пятьдесят или двести человек из них являются «совершенными», остальные — хозяева замка, рыцари, конюхи, солдаты, младшие офицерские чины и их семьи.

Переговоры начинаются сразу же, и условия капитуляции предъясняются удивительно выгодные: еретики из Монсегюра получают прощение за все свои прошлые ошибки, и солдаты могут покинуть замок, взяв с собой свое оружие, вещи и деньги. Что же касается «совершенных», то они должны будут предстать перед судом инквизиции, чтобы исповедоваться во всех своих заблуждениях, и как только они отрекутся от своей веры, они будут освобождены и подвергнуты самым легким наказаниям. В противном случае они взойдут на костер.

Осажденные просят о двухнедельном перемирии, которое победители в необъяснимом порыве великодушия им дают. Взамен еретики добровольно отдают нескольких заложников, которые будут убиты, если кто-нибудь попытается бежать из крепости.

Были ли «совершенные» столь привержены своим убеждениям, что предпочли мученичество отречению? Или существовало нечто такое, что они не могли — не смели — выдать инквизиции? Как бы то ни было, ни один «совершенный» не согласился на условия осаждающих и не отрекся. Более того, около двадцати человек из остального гарнизона крепости (причем шесть из них — женщины) добровольно приняли *consolamentum* и стали «совершенными», тем самым обрекая себя на верную смерть.

Перемирие закончилось 15 марта. На рассвете следующего дня осаждающие грубо отволокли двести «совершенных» вниз по склону горы. Для такого большого количества жертв не успели приготовить индивидуальные столбы. Их загнали внутрь высокого частокола у подножия горы, где лежали многочисленные вязанки дров, и сожгли всех разом. Остальных заперли в замке и заставили созерцать это зрелище.

Однако четверо «совершенных» избежали сожжения. Этим четверым оставшиеся в крепости люди с риском для

жизни помогли «раствориться» среди них. В ночь на 16 марта они с помощью веревок, подвешенных на западной стене, совершили побег из замка⁶. Побег, столь же опасный для них самих, как и для остатков гарнизона. Зачем он? Какое такое важное поручение должны были они выполнить, что избрали опасный ночной побег, тогда как на следующий день могли свободно покинуть крепость?

Как свидетельствует старый лангедокский рыцарь Арно Роже де Мирпуа, эти люди унесли с собой то, что осталось от сокровища катаров. Но разве большая часть его не была уже вынесена из замка Монсегюр три месяца назад? Да и как можно, нагрузив себя тяжелыми и громоздкими слитками драгоценных металлов и деньгами, спуститься с высоты более ста метров?

Значит, четверо беглецов унесли с собой не материальные ценности, а нечто другое. Быть может, какую-нибудь ценную информацию, содержащуюся в рукописях, реликвию или предмет культа, которые ни за что не должны были попасть в чужие руки... Но почему тогда это не могли вынести раньше и укрыть в надежном месте, пока было время? Почему это сохранялось в крепости до самого последнего и опасного момента?

Ответ на эту загадку, кажется, лучше всего искать в перемирии, желаемом и полученном. В самом деле, двухнедельная передышка была так необходима осажденным, что эта необходимость оправдывает выдачу большого числа заложников. Передышка, служащая для того, чтобы отдалить неизбежное, выиграть время. Не какое-то время, а вполне определенное количество времени, даже специфическое, потому что позволило им дожидаться дня весеннего равноденствия, ритуального праздника катаров, совпадающего с христианской Пасхой.

Но ведь катары, подвергающие сомнению факт Распятия, не придавали особого значения Пасхе. Тем не менее известно точно, что 14 марта, накануне истечения срока перемирия, в окруженном замке состоялся праздник⁷. Без сомнения, перемирие было необходимо именно для того, чтобы этот праздник состоялся. И несомненно, он должен был состояться именно 14 марта.

Каков бы ни был этот праздник, он явно произвел большое впечатление на наемных солдат, раз некоторые из них перешли в лоно Катарской церкви. Имеет ли все это какое-либо отношение к таинственному «предмету», который тайно покинет Монсегюр спустя две ночи? И, следовательно, был ли этот «предмет» необходим во время церемонии? Играл ли он какую-то роль в обращении новых катаров? Был ли он настолько драгоценен, что для его спасения требовалось сотрудничество всех, кто отправлял его из замка, рискуя жизнью? Все эти вопросы сводятся к одному: каким же легендарным и необыкновенным сокровищем обладали катары?

ТАЙНА КАТАРОВ

Тогда мы вернулись к многочисленным легендам, которые в XII и XIII веках тесно связывали между собой катаров и Святой Грааль⁸. До сих пор мы придавали этому мало значения, даже не зная точно, существовала ли на самом деле эта драгоценная чаша и какой интерес представляла она для религии катаров.

Имеется множество свидетельств о связи между катарами и культом Грааля. Кое-кто считает даже, что романы о Святом Граале — например, Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха — это интерполяция в христианскую религию катарской идеи, скрытой в поэтической аллегории. Подобное утверждение содержит долю правды. Действительно, во время Альбигойского крестового похода представители Рима осудили романы о Святом Граале как опасные, если не еретические, из-за явно выраженного в них очень специфического дуализма.

Ко всему прочему Вольфрам фон Эшенбах в «Парцифале» помещает замок, в котором находится священная Чаша, в Пиренеи (утверждение, которое принял Рихард Вагнер). Этот замок называется Мунсальвеш — германизированная форма названия Монсальва, термина катаров. Кроме того, в одной из поэм Вольфрама фон Эшенбаха владельца замка Грааля зовут Перилла. Интересно, что хозяина Монсегюра

звали Раймон де Перей; в документах той эпохи его имя писалось в латинской форме — Перилла⁹.

Если эти совпадения поражают нас, то они поразили также и Соньера, проникшегося духом местного фольклора. А так как он неплохо разбирался в географии, то знал, что Монсегюр находится недалеко и что его трагическая судьба все еще волнует умы жителей. Он знал также, что величественная тень вековой крепости вполне могла бы скрывать какую-то тайну.

Итак, на следующий день после окончания перемирия четверо из осажденных бежали из капитулировавшей цитадели, унося с собой драгоценную ношу. Но ведь этот груз был вынесен из замка три месяца назад. Возможно ли, что вторая часть его, которую потом найдет аббат Соньер, содержала в себе некую тайну? И возможно ли, что эта тайна каким-то непонятным образом связана со Святым Граалем? В таком случае романы о Граале следует воспринимать буквально.

Где же тогда находится это сокровище? В укрепленных гrotах Орнолака в Арьеже, где, согласно преданиям, группа катаров была уничтожена вскоре после трагедии Монсегюра? Но, кроме человеческих останков, в Орнолаке ничего не нашли. Почему бы тогда не вспомнить о Ренн-ле-Шато, до которого всего подня езды верхом от Монсегюра? То, что тайно вывезли из Монсегюра, вполне могло оказаться в Ренн-ле-Шато или, вернее говоря, в одной из пещер, которые буквально пронизывают близлежащие горы. И если тайна Монсегюра была именно той тайной, которую обнаружил аббат Соньер, это сразу ставит все на места.

О ком бы ни шла речь — о катарах или о Соньере, слово «сокровище» означает, вероятно, некое знание или информацию. Принимая во внимание упорную приверженность катаров к своей вере и их воинствующее неприятие Рима, можно предположить, что это знание имело отношение к христианству — к его доктринам и к его теологии, а может быть, к его истории и происхождению. Возможно, катары (или хотя бы некоторые из них) знали нечто такое, что вызвало лютую ненависть к ним и месть со стороны Рима. Не

об этой ли информации писал нам английский священник, говоря о «неопровержимом доказательстве»?

Снова мы испытали чувство, что занимаемся самыми нелепыми измышлениями на очень скользкой почве, так как наши знания о катарах были ничтожны и было очень трудно выдвинуть какую-либо гипотезу. С другой стороны, в своих изысканиях мы постоянно наталкивались на другую тему, еще более загадочную, таинственную и окруженную множеством легенд. Этой темой были рыцари Храма.

ВОИНСТВУЮЩИЕ МОНАХИ

Знакомые и дорогие для истории тени тамплиеров! Горделивые рыцари в белых плащах с красным крестом, галопом несущиеся по дорогам Святой земли... Солдаты Христа, вечно бесстрашные, часто фанатичные, отдающие службе свою веру и свои силы, чтобы проявить себя героями во время крестовых походов. Рыцари Храма Соломонова — вот кто эти воинствующие монахи. Но они были также членами таинственного ордена, союза со многими и опасными лицами, интриги, замыслы, действия и заговоры которого еще и сегодня окружены атмосферой неясности и двусмысленности.

Каких только чувств они не вызывали! Как только им не удивлялись, какими только не описывали... Если Вальтер Скотт в «Айвенго» показывает их лицемерными и спесивыми деспотами, без стыда злоупотреблявшими своей властью и богатством, вершившими по своей прихоти судьбы отдельных людей и целых государств, то другие писатели XIX века видят в них злодеев, осквернителей, идолопоклонников, еретиков, а также магов и алхимиков. Современные историки считают их несчастными жертвами, простыми пешками в политической игре Церкви и государства. Другие, в традициях масонства, рассматривают их прежде всего как мистиков, адептов некоей известной только им науки, тайны которой они ревниво охраняли.

В историческом плане никто не отрицает ни храбрость тамплиеров во время крестовых походов, ни их вклад в развитие западноевропейской культуры XII—XIII веков. Мы признаем могущество и влияние, которыми они пользовались в христианском мире, равно как и их важную роль в истории. Однако остается целый ряд вопросов, не дающих покоя.

Кем и чем были в действительности рыцари Храма? Не скрывалось ли за их внешним фасадом нечто другое? Поче-

му столько сомнений и вопросов, столько легенд окружают этих загадочных «солдат Христовых»? Почему, наконец, за официальными версиями, принятыми историками разных стран, упорно ощущается какая-то другая, заботливо скрываемая правда?

РЫЦАРИ ХРАМА. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первое упоминание о тамплиерах принадлежит архиепископу и историку Вильгельму Тирскому. В книге «*Historia rerum transmarinarum*»* (между 1175 и 1185 г.) он описал жизнь франкского королевства в Палестине со дня его основания. Но к тому времени, как он начал писать, это королевство существовало уже семьдесят лет, а орден Храма — более пятидесяти лет, и писатель, не присутствовавший лично при сих значительных заморских событиях, пользовался свидетельствами из вторых или даже третьих рук. В самом деле, ни один летописец между 1127 и 1144 годом не был там, чтобы составить описание, и так как автор использовал устные предания, народные легенды и другие похожие способы передачи событий, можно задать справедливый вопрос: насколько достоверны его источники? Возможно, конечно, что он основывался на беседах с самими тамплиерами и записывал их рассказы. Но даже если и так, это означает, что он писал именно о том, о чем они хотели ему поведать.

За неимением лучшего его книга — необходимая основа для понимания того, что происходило тогда на Востоке, бесспорно полезная информация, на которой базируются все последующие рассказы о тамплиерах. Но из-за недостатка источников и хрупкости доказательств она все же нуждается в подтверждениях, хотя, к несчастью, многие ученые принимают ее как единственно правильную и неприкосновенную¹.

Итак, согласно Вильгельму Тирскому, орден «Бедных рыцарей Христа и Храма Соломонова» был основан в 1118 году

---

* «История заморских событий» (лат.).

Гуго Пайенским, рыцарем из Шампани и вассалом графа Шампанского², с целью, по существу, бескорыстной. Зная об опасностях, которым в те времена подвергались все совершающие паломничество в Святую землю, Гуго и восемь его товарищей предстали перед королем Иерусалима Балдуином I, брат которого, Готфрид Бульонский, овладел Святым городом девятнадцатью годами ранее. Они предложили ему свои услуги по защите паломников от неверных, по надзору за дорогами, ведущими к святым местам, и охране Гроба Господня³.

В течение последующих девяти лет девять рыцарей не принимали в свое общество ни одного нового члена. Они жили в такой бедности, что даже на печати они изображены сидящими по двое на одной лошади, согласно их девизу «Бедность и милосердие». Но надо заметить по поводу печати, которую считают наиболее типичной для первых дней существования ордена, что датируется она в действительности следующим веком, эпохой, когда тамплиеры уже не были бедными, если они вообще таковыми были...

Планы бедных и великодушных рыцарей были столь благородны, что король, религиозный глава нового королевства и представитель Папы, отдал в их распоряжение целое крыло своего дворца, расположенное на фундаменте древнего Храма Соломона. Так орден получил свое название — орден Храма.

И вот, в соответствии с тем же Вильгельмом Тирским, тамплиеры устроились в королевском дворце Иерусалима, предаваясь своему святому делу, направленному против врагов Господа. Недалеко от них жил королевский капеллан и официальный историк Фульхерий (Фуше) Шартрский, который не ждал пятьдесят лет, чтобы начать писать хронику, а изо дня в день занимался тем, что описывал царствование своего короля.

Но вот что любопытно: летописец не упоминает ни о Гуго Пайенском, ни о его товарищах, ни о каком-либо другом рыцаре Храма. В первое время существования ордена его деятельность окружена гробовым молчанием. Нет ни одной записи тех лет — ни даже более поздних — о том, что они делали для защиты паломников. Да и вообще непонят-

но, каким образом эта маленькая горстка людей надеялась выполнить такую важную миссию. Девять рыцарей, чтобы защищать все дороги Святой земли! Только девять на всех паломников и против стольких опасностей! Если это и в самом деле было их целью, то разве не должны были они принимать в свой орден новых членов? Однако Вильгельм Тирский в этом категоричен: в течение девяти лет, прошедших со дня основания ордена, новых членов в него не принимали.

Тем не менее в это же самое время шум славы тамплиеров достиг пределов Европы, где высшие церковные авторитеты восхваляли их самих и их храбрость. В 1128 году или чуть позже Бернар Клервоский, к голосу которого прислушивался весь христианский мир, в своем трактате горячо превозносит добродетели нового рыцарства и объявляет тамплиеров олицетворением и апофеозом христианских ценностей.

По истечении этих девяти лет, в 1127 году, Гуго Пайенский и некоторые его товарищи отправились на Запад, где их ждал триумфальный прием. В следующем году Папа собрал совет в Труа (там находился двор графов Шампанских, сюзеренов Гуго) под духовным руководством самого святого Бернара. На этом совете тамплиеры официально были признаны членами общества одновременно военного и религиозного. По этому случаю Гуго Пайенский получил звание «великого магистра» общества монахов-солдат, мистических воинов, которые, соединяя строгую монастырскую дисциплину с военным пылом, близким к фанатизму, образовали, говоря языком того времени, «воинство Христово». Наконец будущий святой Бернар с энтузиазмом утвердил устав и правила нового ордена, простые и строгие, похожие на устав и правила цистерцианцев.

Тамплиеры должны были жить в бедности, целомудрии и послушании. Им следовало стричь волосы, но не брить бороду, которая являлась отличительной и легко узнаваемой чертой в ту эпоху, когда большинство мужчин брились. Что касается пищи, одежды и других аспектов повседневной жизни, то они регулировались в соответствии с обоими укладами, монашеским и военным. Все «рыцари Христа» должны были носить одежду — рясу или накидку — белого цвета⁴,

которая стала потом знаменитым плащом, неотделимым от их имени и явно символичным: служитель Бога покидает жизнь мрачную, чтобы посвятить своему Создателю жизнь, полную чистоты и света⁵.

Устав предусматривал подробную административную иерархию и строго определенный свод законов: от обмундирования и использования ценностей, отданных в распоряжение тамплиеров, до их поведения на поле битвы. Попав в плен, тамплиер не должен просить пощады или предлагать выкуп, но должен биться насмерть. Ему разрешается отступить лишь в том случае, если число нападающих больше в три раза.

В 1139 году⁶ булла Папы Иннокентия II, бывшего монаха-цистерцианца из Клерво и протеже святого Бернара, даровала тамплиерам значительные привилегии: орден, находящийся под исключительной опекой его святейшества, может быть распущен только самим Папой. Иными словами, впредь он становился независимым от любой власти — светской или церковной, принца, короля или прелата, политической или религиозной. Таким образом, орден Храма вполне мог стать в будущем международной автономной империей, государством, не отчитывающимся ни перед кем, кроме самого себя.

В течение двадцати следующих лет после совета в Труа орден подвергался настоящей экспансии как в отношении численности — ибо он привлекал младших сыновей всех знатных семей Европы, — так и в отношении богатства. Дары в виде денег, земли и других ценностей не переставали поступать из всех уголков христианского мира, так как вслед за Гуго Пайенским все рыцари были обязаны отдать ордену все, чем они владели.

Вот таким образом, очень естественно и в короткий срок, орден тамплиеров стал обладателем внушительных территорий во Франции, Англии, Фландрии, Испании и Португалии; вскоре к ним присоединились земли в Италии, Австрии, Германии, Венгрии, а также в Святой земле и на Востоке. Короче, ни один из рыцарей лично не был богат, ибо он исполнял обет бедности, но от имени ордена они принимали все, что им приносили в дар. Следовательно, их богатство

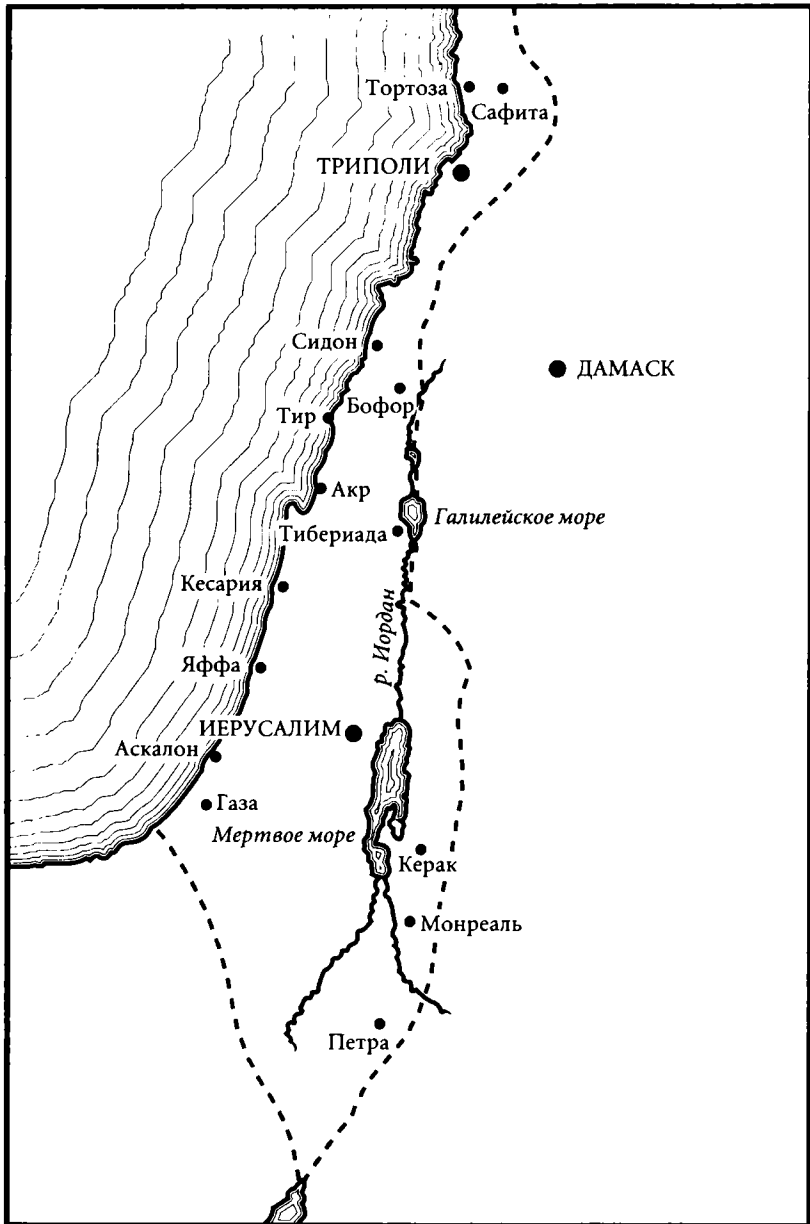

Рис. 4. Главные города и замки Святой земли в середине XII века

постоянно и значительно увеличивалось, тем более что основной политики ордена было ни в коем случае не упустить деньги: он получает, но не дает и к тому же свободен от уплаты церковной десятины. Когда в 1130 году Гуго Пайенский возвратился в Палестину в сопровождении около трехсот рыцарей, он оставил за собой под охраной новых рыцарей участки принадлежащей ордену земли, разбросанные по всей Европе.

В 1146 году, во время правления Папы Евгения III, на белом плаще тамплиеров появился красный крест с раздвоенными «лапчатыми» концами, и во Втором крестовом походе, возглавляемом французским королем Людовиком VII, они участвовали под этим прославившимся знаком. Крест из алой материи, расположенный слева, над сердцем, Папа утвердил в качестве герба. Этот «триумфальный знак» стал для них «щитом, чтобы они не обратились в бегство перед неверными». Впрочем, рыцари никогда не бежали и всегда показывали себя достойными своей репутации: гордыми до спеси, храбрыми до безрассудства, удивительно дисциплинированными, не находящими себе равных среди всех армий мира. Король Франции признался в одном письме, что если поход против турок, так плохо организованный и плохо проведенный, не обернулся полным крахом, то это только благодаря тамплиерам, и им одним.

Прошло сто лет, в течение которых орден Храма становился могущественным поистине в международном масштабе. Он втягивался во все дипломатические акции, имел дело со знатью и монархами различных дворов Европы, осуществлял свою власть в Святой земле. В Англии, к примеру, великий магистр регулярно избирался в парламент и был признан главой всех религиозных орденов, превосходя всех приоров и аббатов в стране. Орден служил инструментом в попытке примирения Генриха II Плантагенета с его архиепископом Томасом Беккетом. Последующие короли, включая Иоанна Безземельного, часто пребывали в лондонской резиденции ордена Храма, и великий магистр стоял рядом с монархом при подписании Великой хартии⁷.

Однако влияние тамплиеров не ограничивалось одним лишь христианским миром. Несмотря на враждебность,

проявляющуюся на полях сражений, они поддерживали тесные отношения с мусульманами. Они глубоко уважали сарацинских вождей и налаживали тайные связи с сектой хашишинов, собратьями по религиозному фанатизму; поговаривали даже, что эти последние состояли у них на секретной службе и платили дань.

Почти на всех политических уровнях тамплиеры выступали в роли арбитров, и даже короли подчинялись их авторитету. В 1252 году Генрих III Английский осмелился бросить вызов тамплиерам и пригрозил им конфискацией имущества: «Вы, тамплиеры, имеете столько свобод и хартий, что ваши безграничные возможности наполняют вас гордыней и наглостью. То, что вам было так неосмотрительно дано, должно быть предусмотрительно взято обратно, и то, что вам было по неосторожности пожаловано, должно быть продуманным образом отобрано».

От великого магистра последовал ответ, который своей смелостью заставляет поразмыслить о действительном могуществе ордена: «Что говоришь ты, о король! Неуместные слова твои больно слышать. Пока ты будешь справедлив, ты будешь царствовать. Но если ты нарушишь справедливость, ты перестанешь быть королем!»⁸ Этим наглым заявлением великий магистр косвенным образом приписывал своему ордену и себе власть, несравнимую даже с властью Папы, — власть возводить и низвергать монархов.

Но это еще не все, так как к военным действиям, дипломатии и политическим интригам тамплиеры добавляли еще одну, имеющую немаловажное значение деятельность — банковскую.

Благодаря прочной сети командорств (в XIII веке их насчитывалось пять тысяч вместе с зависимыми замками и монастырями), покрывающей почти целиком Европу и Ближний Восток, тамплиеры могли обеспечивать под небольшие ссудные проценты не только охрану вверенных им ценностей, но и их перевозку из одного места в другое, от заимодавца к заемщику или от погибшего паломника к его наследникам. Таким образом, положенные в одну из крепостей деньги можно было получить в другой по предъявлении квитанции с печатью ордена, которую ставили в момент вклада.

Монархи, принцы, частные лица, ювелиры и торговцы становятся клиентами и должниками этих новоявленных банкиров, первых «биржевых маклеров» нашей цивилизации и — а почему бы и нет? — изобретателей чеков, которыми мы сегодня пользуемся.

Что касается огромной крепости, построенной ими в Париже, то она вскоре стала важным европейским финансовым центром⁹, а ее казначей — значительным лицом в административной жизни французской столицы. Он управлял королевскими финансами, а в отсутствие монарха ему поручалось принимать деньги, приходящие из королевских владений.

Наконец, тамплиеры играли важную роль в интеллектуальной жизни эпохи. Открытые мусульманской и иудейской культуре, они были открыты новым наукам и новым идеям, так же как и новым формам познания, и обладали монополией на самые лучшие и передовые технологии века. Оружейники, кожевники, каменотесы, топографы, архитекторы и военные инженеры, они принимали участие в создании карт, в прокладке дорог, в мореплавании. У них были свои собственные порты, судостроительные верфи, а их флот — торговый и военный — один из первых начал использовать магнитный компас. Будучи солдатами, они получали самые различные раны и болезни и поэтому применяли наркотические вещества, содержали в своих собственных госпиталях собственных врачей и хирургов и использовали самые современные средства в качестве гигиенических материалов, а также при лечении некоторых нервных заболеваний¹⁰.

Вот краткое изложение деятельности рыцарей Храма. Они богаты, могущественны и умны, им удается все, что они предпринимают, — это качества, которые быстро порождают грубость, жадность и развращенность. Увы, это как раз наш случай: выражения «пить как тамплиер» или «ругаться как тамплиер» датируются именно той эпохой и останутся навсегда. Настойчиво поговаривали и о более серьезных вещах: что орден принимает и отлученных от Церкви рыцарей...

В то время как в Европе складывался вот такой двусмысленный образ солдат Христовых, положение в Святой земле

значительно ухудшилось. В 1185 году Балдуин IV Иерусалимский умер, и в период последовавшей за этим событием сумятицы Жерар де Ридфор, великий магистр ордена, привел Франкское королевство в Палестине на порог гражданской войны. Кроме того, его легкомысленное отношение к сарацинам ускорило прекращение уже давно заключенного перемирия и спровоцировало возобновление вражды. В июле 1187 года Ридфор повел своих тамплиеров вместе с армией крестоносцев на ужасную битву при Хаттине. Войско христиан было разгромлено, и спустя два месяца Иерусалим снова оказался в руках сарацин, как и сто лет назад.

Положение продолжало ухудшаться в течение всего следующего века, и в 1291 году заморское королевство было окончательно потеряно. Святая земля целиком оказалась во власти мусульман. Христианам осталась только крепость Акр, но и ее они вынуждены были оставить в мае этого же года, несмотря на удивительный героизм тамплиеров. Серьезно раненный великий магистр ордена Вильгельм де Боже сражался до самой смерти, и пока женщины и дети спасались на галерах, принадлежащих ордену, рыцари продолжали безнадежную борьбу. Когда же последняя стена цитадели рухнула, она погребла под собой без разбору и осаждающих, и осажденных.

Рыцари в белых плащах попытались устроить штаб-квартиру ордена на острове Кипр, но с потерей Святой земли они лишились своего *raison d'être**. В отсутствие «неверной» страны, которую надо было бы завоевывать, орден обратил внимание на Европу, надеясь найти там хоть какое-нибудь оправдание своему существованию.

За сто лет до этого тамплиеры руководили созданием другого, также полувоенного-полурелигиозного ордена — ордена тевтонских рыцарей. На Ближнем Востоке этих последних было немного. В середине XIII века они предпочли обосноваться у северо-восточных границ христианского мира и создать там свое независимое государство — Orden-

---

* Смысл существования (фр.).

staat или Ordensland, которое тянулось от Пруссии до Финского залива и территории, принадлежащей ныне России.

Государство ордена тевтонских рыцарей на некоторое время приковало к себе внимание тамплиеров, которые мечтали основать по примеру тевтонцев свое, полностью автономное и неприкосновенное государство, где бы они мирно наслаждались независимым положением, не отдавая отчета ни в чем и никому. Но в противоположность своим тевтонским собратьям тамплиеры нашли климат Восточной Европы слишком суровым. Успев к тому времени привыкнуть к роскоши и богатству, они предпочли земли более приветливые, более подходящие их вкусам и воспитанию — такие, как Лангедок¹¹.

С самых первых дней своего существования тамплиеры поддерживали тесные отношения с катарами, особенно с уроженцами Лангедока. Очень многие крупные землевладельцы, будучи сами катарами или сочувствующими, принесли в дар ордену большие земельные владения. И если слухи о том, что один из основателей ордена Храма был катаром, представляются не вполне правдоподобными, то относительно четвертого великого магистра ордена, Бертрана де Бланшфора, никаких сомнений нет: он выходец из семьи катаров. Спустя сорок лет после смерти Бланшфора его потомки будут сражаться на стороне других сеньоров-катаров против вторгнувшихся с севера войск Симона де Монфора¹².

В период Альбигойского крестового похода тамплиеры подчеркивали свою нейтральность, оставаясь в роли свидетелей. Однако великий магистр того времени счел необходимым прояснить позицию ордена, объявив, что настоящими крестовыми походами могут считаться только походы против сарацин. Более того, по рассказам современников, крепости тамплиеров служили убежищем для еретиков¹³, и рыцарям даже приходилось брать в руки оружие, чтобы защитить скрывающихся. Судя по рукописям, датируемым началом Альбигойской войны, очень многие катары пополнили ряды тамплиеров, чем привели в уныние крестоносцев Симона де Монфора. Действительно, среди имен высших должностных лиц фигурируют имена, безусловно принадле-

жавшие катарам¹⁴. Вступив в орден тамплиеров, представители лангедокской знати, по всей видимости, предпочитали оставаться в своих владениях, где они являли собой мощную, прочную и верную ордену основу.

Именно в Лангедоке тамплиеры оказались лицом к лицу с системой мышления и влияния, очень далекой от римско-католической ортодоксии. Многие из них после путешествий или плена не только бегло говорили по-арабски, но и имели общие культурные или финансовые интересы с местными еврейскими общинами, благодаря которым они воспринимали ценности иудейской цивилизации, продолжая приобщаться к дуалистической доктрине катаров.

В 1306 году король Франции Филипп Красивый внезапно решил отделаться от тамплиеров. Высокомерные, неуправляемые, они представляли собой высокопрофессиональную армию, превосходящую по силе армию короля. Он, конечно, пользовался их услугами, но они могли оказаться опасными, так как подчинялись — и то лишь номинально — только Папе Римскому. К тому же король не способен был контролировать этих вооруженных банкиров, которым задолжал огромные суммы денег. Однажды, когда восстал парижский люд, он был вынужден просить убежища в одной из их крепостей. И хуже того, они унизили его, отказав в просьбе вступить в их орден! Все эти факторы плюс зависть к их богатству и боязнь возможного образования их независимого государства толкнули его на внезапные действия, а ересь послужила оправданием.

Год назад, после весьма сомнительной смерти двух Пап, Бонифация VIII и Бенедикта XI, Филипп Красивый возвел на папский престол своего собственного кандидата. Находясь под сильным влиянием Филиппа, Климент V вряд ли мог в чем-либо ему отказать.

Как видно, французский король тщательно продумал весь план. Частично благодаря шпионам, внедренным в ряды тамплиеров, частично благодаря разоблачениям одного командора-ренегата он составил список обвинений, который позволил ему нанести ордену роковой, действенный и окончательный удар. В рамках тайной операции, достойной СС или гестапо, он разослал по всей стране запечатанные при-

казы об арестах, которые были одновременно вскрыты на рассвете в пятницу, 13 октября 1307 года. В этот день все французские тамплиеры были арестованы и заключены в тюрьму, их имущество конфисковано, на командорства наложен королевский секвестр. К несчастью, хотя эффект внезапности, рассчитанный королем, превосходно сработал, огромное богатство, которое он надеялся заполучить, от него ускользнуло: он нигде не смог его найти, и знаменитое «сокровище тамплиеров» заняло свое место в длинном перечне великих загадок истории.

Но было ли наступление Филиппа Красивого действительно неожиданным или все же тамплиеры были вовремя предупреждены? Известно, например, что незадолго до своего ареста великий магистр Жак де Моле сжег все работы и предписания, касающиеся его ордена. А парижский казначей, словно предчувствуя неизбежную катастрофу, открыто признал «очень благоразумным» выход из ордена всех рыцарей, которые возымали такое желание. Наконец, в этот же самый момент все командорства Франции обошел приказ, запрещающий давать какую-либо информацию об обычаях и ритуалах рыцарей.

Короче говоря, были ли тамплиеры предупреждены о надвигающихся событиях, или же они сами обо всем догадывались, но они предприняли ряд вполне определенных мер предосторожности¹⁵. В то время как одни из них давали себя арестовать, не оказывая ни малейшего сопротивления, словно они получили на этот счет инструкции, другие, принадлежащие, вероятно, к ближайшему окружению орденового казначея, умело организовали исчезновение архива и документов. Ходили слухи, согласно которым сокровище ордена было вынесено из парижского командорства ночью накануне арестов, потом на телегах перевезено на берег моря, может быть в Ла-Рошель, морскую базу ордена, и там погружено на восемнадцать галер, о которых больше никто и никогда не слышал. Правда это или нет, но приходится констатировать, что флот тамплиеров ускользнул от короля, ибо не существует ни малейшего намека, позволяющего предположить, что такая добыча была когда-либо найдена.

Корабли исчезли вместе со своим таинственным грузом, который тоже войдет в легенду¹⁶.

Тем временем во Франции тамплиеры подвергались допросам, а во многих случаях и пыткам. В ходе беспрерывно следовавших процессов они сознались во всем, в чем их обвиняли, и даже в большем. Ходили самые невероятные слухи о том, что тамплиеры поклонялись дьяволу по имени Бафомет, что во время тайных церемоний они падали ниц перед бородатой человеческой головой, которая с ними говорила и облакала их магической властью. Так заявляли различные анонимные свидетели, которых никто и никогда больше не видел. Над тамплиерами тяготели и другие, еще более туманные обвинения: детоубийство, аборт, гомосексуализм, непристойные действия во время церемонии посвящения. И самое тяжкое обвинение, выдвинутое против солдат Христа, которые сражались с неверными и отдали жизнь за свою веру, — это то, что они отрицали Бога и плевали на крест.

Итак, судьба тамплиеров была определена, а ненависть к ним Филиппа Красивого не знала границ. Многие были сожжены, еще больше их было заключено в тюрьмы, где их мучили пытками. Король упорно требовал от Папы принятия против них конкретных мер. Все попытки сопротивления Папы были напрасны. В 1312 году он капитулировал и приказал просто-напросто ликвидировать орден Храма.

Тем не менее допросы и процессы продолжались во Франции еще в течение двух лет. В мае 1314 года взошли на костер великий магистр Жак де Моле и Жоффруа де Шарне, сборщик налогов в Нормандии. Вместе с их кончиной тамплиеры официально сошли с исторической сцены, что, в общем, не совсем верно.

Филипп Красивый использовал свое влияние на весь христианский мир, чтобы ни в одном его уголке не осталось ни одного тамплиера. Этот пыл короля заставляет задуматься. Желание избавить свою страну от их стесняющего присутствия — допустим, но при чем здесь другие страны? Почему вдруг такое упорство? Сам Филипп вовсе не был образцом добродетели, и можно только удивляться, что король, так спокойно подготовивший смерть двух Пап, был вдруг задет

предполагаемыми нарушениями религиозных догм. Может быть, он опасался мести, если бы орден продолжал существовать за пределами Франции? Или причины его беспощадной суровости надо искать в другом?

В любом случае его неистовое стремление уничтожить тамплиеров увенчалось успехом не сразу. Его зять, Эдуард II Английский, выступал сначала на стороне тамплиеров и против их истребления. Лишь со временем, под давлением Папы Римского и своего тестя, он согласился изменить свое отношение к ним, впрочем, без большой убежденности. Таким образом, и в Британском королевстве были арестованы многие тамплиеры, которых подвергли не слишком тяжелому тюремному заключению, гораздо менее жестокому, чем их французских собратьев. Что же касается их имущества, то оно было передано рыцарям-госпитальерам св. Иоанна.

Шотландию, воюющую в то время с Англией, мало заботили все эти события. Папская булла, ликвидирующая орден тамплиеров, никогда не была там ратифицирована, и многие английские и французские тамплиеры смогли найти в Шотландии надежное убежище. В 1314 году они сражались вместе с Робертом Брюсом в битве при Баннокберне. Согласно легенде, подтвержденной некоторыми свидетельствами, в течение следующих четырех веков они создали на шотландской земле солидную общину. Когда в 1689 году Джон Клэверхауз, виконт Данди, будет убит на поле битвы при Килликранки, окажется, что он носил на себе большой крест ордена тамплиеров, каким он был до 1307 года¹⁷.

В Лотарингии, которая тогда принадлежала Германии, тамплиеры находились под защитой герцога-губернатора. Некоторых из них судили и объявили невиновными, но большинство из них, по совету их наставника, сбрили бороды, надели мирское платье и ассимилировались с местным населением.

В Германии они пригрозили взять в руки оружие, и их объявили невиновными. Когда орден был официально ликвидирован, они рассеялись среди госпитальеров св. Иоанна и тевтонских рыцарей. Так же было и в Испании, а в Португалии тамплиеры меняли имя и стали рыцарями Христа. Под этим именем вплоть до XVI в. они активно участвовали

в мореплавании. Вспомним, кстати, что рыцарем Христа был Васко да Гама и что Генрих Мореплаватель, корабли которого плавали под парусом с большим «лапчатым» красным крестом, был великим магистром ордена. Под таким же крестом три каравеллы Христофора Колумба пересекли Атлантику и завоевали Новый Свет, а его жена была дочерью бывшего рыцаря Христа, да и сам Колумб имел доступ к документам и картам своего тестя.

Вот так тамплиеры почти во всей Европе пережили массовое истребление 1307 года. И только в 1522 году их прусские потомки, тевтонские рыцари, уже ставшие светской организацией, окончательно отказались от всяких связей с Римом, чтобы под предводительством бунтаря Мартина Лютера вступить на путь ереси. Спустя два века после официальной ликвидации, хоть и не непосредственно, тамплиеры брали таким образом реванш над Церковью, которая их предала.

РЫЦАРИ ХРАМА. ТАЙНА

Вот очень кратко история ордена, разумеется, в той форме, в какой она официально представлена и принята и в которой мы ее тщательно изучили. Но сразу становится видно, что она имеет как бы другое измерение, более темное, и что эта скрытая личина, этот двусмысленный облик рыцарей в белых плащах существовал на самом деле.

Прежде всего, сколько противоречий в том, что говорят об этих людях их современники! Их называли колдунами, магами, алхимиками, членами тайной секты, обладающими к тому же какой-то скрытой властью. Уже в 1208 году, в начале Альбигойского крестового похода, Папа Иннокентий III разоблачает их поведение и недвусмысленно обвиняет их в приверженности к некромантии. Но находятся у них и восторженные поклонники. Так, например, поэт-миннезингер Вольфрам фон Эшенбах в конце XII века совершил путешествие через море, чтобы увидеть их в действии. В своем стихотворном романе «Парцифаль» автор наделил их самыми

пылкими добродетелями, описывая их как хранителей Святого Грааля, его замка и семьи¹⁸.

Окружающий тамплиеров мистический ореол не исчез вместе с ними, совсем наоборот. Последним зафиксированным актом в истории ордена стало сожжение последнего великого магистра Жака де Моле в марте 1314 года. Когда пламя начало медленно пожирать его тело, он громким голосом призвал Папу Климента и короля Филиппа предстать перед судом Божиим. Через месяц Папа умер от мнимого и внезапного приступа дизентерии, а в конце года при совершенно необъяснимых обстоятельствах перешел в мир иной и Филипп Красивый.

Никакого сверхъестественного объяснения этим событиям искать не надо. Тамплиеры прекрасно умели пользоваться ядами, и вокруг них хватало добровольцев, чтобы помочь им свершить месть: беглые рыцари, тайно работавшие на тамплиеров, симпатизирующие им, или же родственники их преследуемых братьев. Но осуществление предсказаний великого магистра послужило к распространению легенды о том, что орден обладал какой-то тайной властью. И более того, что орден проклял будущих потомков короля Франции. Проклятие это имело последствия на протяжении большого отрезка истории.

В XVIII веке различные более или менее тайные братства будут почитать тамплиеров как своих предшественников и мистических посвященных. Многие масоны объявят себя их наследниками и хранителями тех же самых тайн, а некоторые масонские обряды будут рассматриваться как пришедшие из ордена Храма. В отдельных случаях родство это спорно, но в других возможно, если, например, принять во внимание, что орден мог существовать в Шотландии.

Но своих огромных мистических размеров ореол, окружающий тамплиеров, достиг в 1789 году во время Французской революции, а историческая действительность потонула в толще романов и нравоучительных описаний. Они-то и алхимики, и ясновидящие, и оккультисты, и маги, и посвященные в высшую мудрость, и масонские магистры... В общем, «сверхчеловеки», снабженные впечатляющим арсеналом власти и знаний. И они же — герои и мученики, провозвест-

ники антиклерикального духа, характерного для этой революционной эпохи. Таким образом, составляя заговор против Людовика XVI, многие масоны хотели участвовать в осуществлении проклятия, брошенного королю и его потомкам Жаком де Моле. И действительно, говорят, что, когда голова короля упала из-под ножа гильотины, некто неизвестный подбежал к эшафоту, погрузил руки в не остывшую еще кровь монарха, потом простер их к толпе и крикнул: «Ну вот ты и отмщен, Жак де Моле!»

Даже после Французской революции тамплиеры не потеряли своей таинственной привлекательности. Это имя носили в то время три организации, восходившие, по их утверждениям, к 1314 году, хотя подобные заявления ничем не были подкреплены. В некоторых масонских ложах была принята степень «тамплиер», а также ритуалы и терминология, которые, как предполагается, использовал этот орден. В конце XIX века в Германии и Австрии был основан даже зловещий орден «новых тамплиеров», выбравший одной из своих эмблем свастику. Известная теософка Е. П. Блаватская и австрийский философ Рудольф Штайнер, основатель антропософии, говорят в своих произведениях о некоей «традиции мудрости», корни которой прослеживаются через розенкрейцеров вплоть до катаров и тамплиеров, а те были обладателями еще более древних тайн. Наконец, в США подростки вступали в Общество де Моле, хотя ни они, ни их учителя не имели понятия о происхождении этого названия. Мы уже не говорим о распространенных на Западе непонятных ротари-клубах, которые, присвоив себе имя «Тамплиер», собирают под этим очень сомнительным знаменем разных важных личностей. Можно побиться об заклад, что с высоты Царствия Небесного, завоеванного его мечом, Гуго Пайенский с растерянностью наблюдает за лысыми и пузатыми рыцарями наших дней, которых он породил, и, возможно, удивляется живучести своего наследия.

Наследие это особенно цепким оказалось во Франции, где тамплиеры наподобие чудовища из озера Лох-Несс стали источником для создания целой индустрии. В Париже книжные магазины и издательства предлагают множество работ и трактатов, посвященных ордену. Некоторые из них

приемлемы, другие — почти абсурдны. В самом деле, в течение последней четверти века по поводу тамплиеров были выдвинуты самые сумасбродные гипотезы, хотя иные из них не лишены основания.

В одних (их больше всего) тамплиерам приписывают строительство готических соборов. В других тамплиеры объявляются вдохновителями средневековой архитектуры. В третьих обнаруживается, что с 1269 года они установили торговые связи с Американским континентом и что их богатство происходит из серебряных шахт в Мексике. В четвертых — что они обладали некоей тайной, касающейся происхождения христианства; что они были гностиками, еретиками, предателями, принявшими ислам. Утверждается, что они пытались установить созидательное единство всех кровей, рас и религий — политика слияния идей ислама, христианства и иудаизма. И наконец, продолжает жить идея, о которой писал Вольфрам фон Эшенбах почти восемь веков назад: тамплиеры были хранителями Святого Грааля, чем бы этот последний ни являлся.

Эти гипотезы зачастую вызывают улыбку. Но в то же время они еще раз доказывают, что с тамплиерами связана чарующая атмосфера так и не разгаданной загадки. Загадки, которую можно квалифицировать как «эзотерическую». Символические скульптуры, найденные в командорствах ордена, наводят на мысль, что некоторые из высших должностных лиц предавались изучению таких дисциплин, как астрология, алхимия, священная геометрия, нумерология и, конечно, астрономия, в XII и XIII веках неотделимая от астрологии и рассматриваемая как наука в высшей степени недоступная для понимания.

Больше всего, конечно, нас заинтриговали не эти безумные предположения и не эзотерический аспект некоторых из них. Напротив, нас заинтересовало кое-что вполне банальное и прозаическое: этот набор противоречий, невероятностей и нелогичностей в официальной истории тамплиеров. Может быть, они и в самом деле располагали некоей магической тайной. Но существовала и какая-то вполне реальная тайна, что-то коренящееся в религиозных и поли-

тических течениях той эпохи. Именно в этом направлении мы и должны были продолжать свои поиски.

Итак, не будем соблюдать точную хронологию и начнем с момента краха ордена и обвинений, предъявленных его членам. Об этом уже написано во многих книгах, и мы должны признать вслед за их авторами, что написано это было не зря.

Например, многие рыцари, которых допрашивала инквизиция, намекают на некоего Бафомета (Barphomet), причем очень часто. Допрашиваемые находились в разных местах и довольно далеко друг от друга, поэтому невозможно, чтобы кто-то один это выдумал или же чтобы это было просто название командорства. Речь идет совсем о другом, но в то же время мы не можем узнать, кто этот Бафомет, что он собой представляет и каковы были его роль и значение.

Похоже, что его имя окружено почетом, близким к обожествлению. Иногда он вызывает в памяти демонические скульптуры, напоминающие водосточные трубы, обнаруженные в разных командорствах; иногда его представляют в виде человеческой головы с бородой. Но вопреки тому, что могут подумать некоторые историки, «Бафомет» вовсе не есть искаженное «Мухаммед», а скорее искаженное арабское «абуфихамет» (abufihamet) или, как произносили это слово испанские мавры, «буфихимат» (bufihimat), что означает «отец понимания», «отец мудрости», а в арабском языке «отец» заключает в себе понятие «источник»¹⁹. Если «Бафомет» происходит от этого слова, то это имя, вероятно, имеет отношение к какому-нибудь божественному или сверхъестественному началу. Но чем же тогда он отличается от других идентичных начал? Если Бафомет является не кем иным, как Богом или Аллахом, то для чего тамплиерам понадобилось давать ему другое имя? А если он не Бог и не Аллах, то кто он или что он?

Все свидетельства сходятся на признании того, что в церемониях тамплиеров присутствует какая-то голова и что в донесениях инквизиции она тоже постоянно появляется. Но значение ее, так же как и Бафомета, остается неясным. Может быть, это из области алхимии, ведь одна из фаз алхимического процесса, расположенная перед превращением

философского камня, носит название «caput mortuum» («мертвая голова») или «nigredo» («почернение»). Согласно другим источникам, это была голова самого Гуго Пайенского, на щите которого были изображены три черные головы на золотом поле.

Можно также связать эту голову со знаменитой Туринской плащаницей, которой, возможно, в 1204—1307 годах владели тамплиеры и которая в сложенном виде напоминает голову. Действительно, в командорстве Темпликомб в Сомерсете была найдена копия головы, удивительно похожей на голову с плащаницы. Ее желали рассматривать как принадлежавшую Иоанну Крестителю, и кое-кто намекал, что тамплиеры были заражены иоаннитской или мандеистской ересями, которые объявляют Христа лжепророком, а настоящим мессией признают Крестителя. Во время своей деятельности на Ближнем Востоке тамплиеры, конечно, входили в контакт с этой сектой, и нельзя исключать возможности наличия иоаннитских традиций в ордене, хотя неизвестно, было ли это с их стороны глубоким убеждением или чисто политической акцией.

В материалах допросов после ареста 1307 года тоже фигурирует голова, хотя и в другой форме. Судя по докладом инквизиции, среди конфискованного имущества в Тампле (Париж) нашли реликвию в форме женской головы. Верх ее открывался, а внутри содержалось то, что, похоже, было реликвией, и весьма необычной:

«Большая голова из позолоченного серебра, очень красивого, с женским лицом; внутри две черепные кости, завернутые и зашитые в полотно из белого льна, покрытого другим полотном красного цвета. На него нашит ярлычок с надписью: CAPUT LVIII^m. Отметим, что эти кости принадлежали женщине довольно маленького роста»²⁰.

Реликвия очень любопытная, особенно в отношении сурового монашеского и военного института, каким был орден Храма! Однако один рыцарь, которого подвергли пытке и которому представили эту голову, заявил, что она не имеет ничего общего с мужской бородатой головой, используе-

мой в ритуалах ордена. Следовательно, эта «Caput LVIIIм (Голова 58м) остается загадкой, если только буква «т» в действительности является не «т», а **т** — астрологическим символом Девы²¹.

Но эта знаменитая голова фигурирует еще в одной любопытной истории, которую традиционно приписывают тамплиерам и которая достойна того, чтобы мы рассказали один из ее многочисленных вариантов:

«Один тамплиер, сеньор де Сидон, любил знатную даму де Мараклеа; но та была отнята у него, так как умерла в юном возрасте. В ночь после похорон обезумевший от любви рыцарь проник в могилу, открыл ее и удовлетворил свое желание с безжизненным телом. И тогда из мрака донесся голос, приказывающий ему прийти сюда девять месяцев спустя, чтобы найти плод его деяния. Рыцарь повиновался приказанию, и когда подошло время, он снова открыл могилу. Меж больших берцовых костей скелета он нашел голову. «Не расставайся с ней никогда, — сказал тот же голос, — потому что она принесет тебе все, что ты пожелаешь». Рыцарь унес ее с собой, и начиная с этого дня всюду, где бы он ни был, во всех делах, какие бы он ни предпринимал, голова была его ангелом-хранителем и помогала ему творить чудеса, пока не стала собственностью ордена»²².

Какой-нибудь Уолтер Мэп в конце XII века мог бы быть автором этого мрачного рассказа; но ни он, ни другой писатель, рассказавший эту же самую историю спустя сто лет, не уточняют, что осквернитель некрополя был тамплиером²³. Тем не менее с 1307 года ее связывают с орденом. Она регулярно всплывала во время процессов над рыцарями, и по крайней мере двое из них признались, что она хорошо им известна. В других, более поздних версиях (как, например, в цитируемой) личность осквернителя устанавливается: это тамплиер; тамплиер же фигурирует в рассказе, сохранившемся у масонов, которые приняли эту мертвую голову и использовали ее как эмблему на своих надгробных плитах.

Было ли это гротескной карикатурой на божественное

материнство? Или же искаженным символом какого-нибудь обряда посвящения, заключающего в себе понятия смерти и воскресения? Один из летописцев даже указывает имя женщины: Иза, производное от Исиды. И конечно, эта история перекликается с тайнами, связанными с именем известной богини и Таммуза-Адониса, голова которого была сброшена в волны, или Орфея, чья голова покатила по Млечному Пути. Но магические свойства этой головы, какими их представляет автор истории, заставляют вспомнить также голову Брана Блаженного из кельтской мифологии или «Мабиногион»*. Отметим в этой гипотезе, что ее магический котел, мистический сосуд, которому завидовали боги, будет часто отождествляться с языческим эквивалентом Святого Грааля.

Короче говоря, что бы ни значил этот «культ головы», инквизиция тоже придает ему большое значение. В доказательство приведем список обвинений, выдвинутых против тамплиеров 13 августа 1308 года:

«Item, что в каждой провинции у них имелись идолы, в особенности головы...

Item, что они поклонялись этим идолам...

Item, что они говорили, будто голова могла их спасти.

Item, что /она могла/ сделать их богатыми...

Item, что она заставляла цвести деревья...

Item, что она заставляла землю давать урожай.

Item, что они обвязывали эти головы или притрагивались к каждой голове этих идолов маленькими шнурочками, которые носили сами на шее между рубашкой и телом»²⁴.

Шнурки, упоминаемые в последнем пункте, прямо намекают на катаров, которые, по слухам, носили священные шнурки. Но более удивительными являются перечисленные предполагаемые способности головы: она и богатство приносит, и деревья цвести заставляет, и оплодотворяет землю, — качества, приписываемые в романах Святому Граалю.

---

* Собрание древних британских мифов, написанных на валлийском языке.

Но вернемся к обвинениям, выдвинутым против тамплиеров. Самые серьезные из них — это обвинения в богохульстве и ереси, а именно что они отрицали крест, глумились над ним и плевали на него. Что же означали в действительности эти ритуалы и от чего именно отрекались тамплиеры? От Христа? Или просто от распятия? А что проповедовали они вместо этого? На эти вопросы ни разу не был дан удовлетворительный ответ, но представляется, что на самом деле от них требовалось что-то вроде акта отречения в соответствии с одним из основных принципов ордена. По свидетельству одного из рыцарей, при вступлении в орден ему торжественно объявили: «Ты ошибаешься, Христос — лжепророк, верь не в него, а только в Бога, который на небесах»²⁵. Другой признался в этом почти такими же словами: «Не верь, — сказали мне, — что человек Иисус, распятый за морем евреями, есть Бог и что он может тебя спасти»²⁶. Наконец, третий подтвердил, что ему приказали не верить в лжепророка Христа, а верить только в «высшего Бога»; потом ему показали распятие, говоря: «Не придавай ему большого значения, ибо он еще слишком молод»²⁷.

Если бесспорно то, что подобного рода рассказы часто встречаются в признаниях тамплиеров и этого достаточно, чтобы придать обвинениям против них видимость достоверности, то не менее верно и то, что они никогда не считали свои убеждения до конца правильными. Точно так же нельзя не думать о том, что если бы инквизиция захотела сфабриковать доказательства против обвиняемых, она, конечно, раздобыла бы более убедительные и точные аргументы. Тем не менее совершенно ясно, что отношение тамплиеров к Иисусу не было полностью сходным с отношением к нему Католической церкви, хотя мы и не можем определить его более четко. Поэтому мы лучше отметим, что отрицание креста, в котором часто обвиняли тамплиеров, уже витало в воздухе за пятьдесят лет до 1307 года. Об этом упоминается в связи с Шестым крестовым походом, предпринятым в 1249 году²⁸.

СКРЫТОЕ ЛИЦО РЫЦАРЕЙ ХРАМА

Конец рыцарей Храма окружен загадками, но не менее противоречив и смутен момент основания ордена и первое время его существования. Во-первых, это внезапное появление в Святой земле девяти «бедных рыцарей», которым король тут же отдает часть своего дворца. Девять рыцарей, не принимающих в свое общество никого и претендующих на то, чтобы защищать все дороги Палестины. Девять рыцарей, о которых в те времена никто не говорит, следов которых нигде невозможно найти и о которых не упоминает даже официальный летописец короля Иерусалимского, а уж он-то должен был встречаться с ними и знать их! Каким образом их деятельность, их присутствие в королевской резиденции могли ускользнуть от взгляда и от пера Фульхерия Шартрского? Это совершенно невероятно, и тем не менее о них не говорят ни слова ни он, ни другие историки до Вильгельма Тирского, писавшего спустя полвека.

Какой из этого можно сделать вывод? Что в действительности наши девять рыцарей вовсе не состояли на этой весьма похвальной общественной службе, а занимались подпольной деятельностью, неизвестной официальному летописцу двора? Или же последнего просто попросили молчать? Вторая гипотеза кажется нам более правдоподобной, ведь вскоре к этой маленькой группе присоединились два известных сеньора, о присутствии которых историк просто не мог не знать. Согласно Вильгельму Тирскому, как мы уже говорили, орден Храма был основан в 1118 году девятью рыцарями, которых оставалось девять в течение следующих девяти лет. И тем не менее официально известно, что в 1120 году, спустя два года после предполагаемого основания, в орден был принят сам граф Анжуйский, отец Жоффрау Плантагенета, а в 1124 году за ним последовал один из самых богатых сеньоров Европы — граф Шампанский. Если верить Вильгельму Тирскому, тамплиеры не принимали новых членов до 1127 года; но к 1126 году в их рядах появились четыре новых человека²⁹. Где же ошибка? В утверждении, что в течение девяти лет к первым членам ордена никто не присоединялся? Или же в дате основания ордена, кото-

рая была передвинута летописцем вперед? Если граф Анжуйский стал тамплиером в 1120 году, а в течение предшествующих девяти лет в орден не было принято ни одного человека, то он был создан не в 1118 году, а в 1111-м или, в крайнем случае, в 1112 году.

Подобное заключение имеет под собой весьма веские основания. В 1114 году граф Шампанский отправляется в Святую землю. Незадолго до этого он получает письмо от епископа Шартрского: «Мы узнали, — пишет прелат, — что прежде чем уехать в Иерусалим, вы изъявили желание присоединиться к «Христову воинству», что вы хотели служить среди этих солдат Господа»³⁰. Термин «Христово воинство» формально обозначал тамплиеров в первое время их существования, и, следовательно, св. Бернар намекает именно на них, а не на какую-то другую организацию. Это не могло, к примеру, означать, что Гуго Шампанский просто решил примкнуть к крестовому походу, поскольку далее епископ пишет в своем письме об обете целебата, принесения которого вовсе не требовалось от обычного воина-крестоносца.

Из этого письма становится ясно, что, пусть даже в виде проекта, тамплиеры существовали по крайней мере с 1114 года, то есть за четыре года до общепринятой даты, и что в этом же году граф Шампанский собирался войти в их ряды, — как он и сделал, только десять лет спустя. Процитировавший это письмо историк делает совершенно нелепый вывод, что епископ Шартрский имел в виду вовсе не то, о чем говорил!³¹ По мнению историка, епископ не мог говорить о тамплиерах, потому что орден возник только в 1118 году, или же он ошибся годом, ставя дату в своем письме (!). Но прелат умер в 1115 году. Каким же образом он в 1114 году мог «по ошибке» писать о том, чего еще не существовало?

У этой загадки есть только одно возможное решение: ошибку сделал не епископ, а Вильгельм Тирский и все остальные историки, принявшие после него неверную дату образования ордена Храма.

Сама по себе более ранняя дата основания ордена Храма не содержит ничего подозрительного. Но таковыми становятся странные обстоятельства и совпадения, окружающие

это событие. В самом деле, по крайней мере трое из девяти рыцарей, и среди них Гуго Пайенский, происходят из прилегающих друг к другу владений, имеют родственные связи, давно знают друг друга и являются вассалами одного сеньора — графа Шампанского. Получив в 1114 году письмо от епископа Шартрского, граф в 1124 году становится тамплиером, поклявшись в повиновении своему собственному вассалу! В 1115 году он приносит в дар ордену свои земли, на которых св. Бернар, покровитель тамплиеров, возведет знаменитое аббатство Клерво. Отметим также, что среди девяти основателей ордена фигурирует Андре де Монбар, дядя св. Бернара.

Заслуживает внимания и город Труа, где находился двор графов Шампанских. В самом деле, с 1070 года здесь работала влиятельная школа по изучению каббалистики и эзотеризма³², и именно в этом городе на церковном соборе 1128 года тамплиеры были официально признаны. В течение последующих двух веков столица Шампани была для них важным стратегическим центром, и даже в наши дни ближайший к городу лес называется «лесом Храма». Наконец, именно в Труа был создан один из самых ранних романов о Святом Граале, написанный знаменитым трувером и ученым Кретьеном.

Среди этого нагромождения дат все же, кажется, вырисовывается тонкая сеть взаимозависимостей. По нашему мнению, они являются чем-то гораздо большим, чем просто совпадениями, и подтверждают наше предположение, что тамплиеры были вовлечены в какую-то тайную деятельность. Но о какой подобной деятельности может идти речь?

Особый интерес представляла для нас та часть королевского дворца, древнего храма Соломона, которую по непонятным причинам отдали в распоряжение девяти рыцарей. В 70 году нашей эры храм был разгромлен римскими легионами императора Тита, сокровище похищено и увезено в Рим, откуда оно было вновь похищено и, вполне возможно, отправилось в Пиренеи. Но что, если в храме находилось нечто другое, гораздо более важное, чем это сокровище? Увидев у своих ворот римлян, священники могли оставить гра-

бителям добычу, на которую те надеялись, а другое сокровище спрятать. Например, под храмом.

Среди манускриптов Мертвого моря, найденных в Кумране, имеется один, расшифрованный в 1955—1956 годах в Манчестерском университете. В этом свитке содержится недвусмысленное упоминание о большом количестве золотых слитков, священной посуды и разных драгоценных предметов, а также о «сокровище» неопределенного вида. Все это было сложено в двадцать четыре большие кучи и захоронено под самим храмом³³.

В середине XII века Иоганн фон Вюрцбург, паломник из Святой земли, сообщает о своем визите в Соломоновы конюшни. Расположенные прямо под храмом, они были достаточно просторны, чтобы в них содержались две тысячи лошадей, и именно здесь оставляли своих коней тамплиеры. Другой историк уточняет, что они использовали эти конюшни с 1124 года, когда их было всего девять человек. Очень похоже, что рыцари только что оперившегося ордена сразу же начали раскопки под храмом.

Не означают ли эти раскопки, что рыцари активно что-то искали или даже что они были специально посланы в Святую землю с вполне определенной целью? Если бы эти предположения подтвердились, тогда нашлось бы объяснение для некоторых несоответствий, таких, как поселение рыцарей в королевском дворце и молчание официального летописца. Но если кто-то послал тамплиеров в Палестину, то кто это был?

Наверно, стоит снова вернуться назад. В 1104 году граф Шампанский собирает тайное совещание знатных сеньоров, один из которых только что вернулся из Иерусалима³⁴. Все они принадлежат к небольшому числу семей, с которыми мы в процессе нашего расследования постоянно встречаемся: Бриенн, Жуанвиль, Шомон, Невер (последний — сюзерен Андре де Монбара, который сам является одним из основателей ордена Храма и дядей св. Бернара).

Спустя небольшое время после совещания граф Шампанский уезжает в Святую землю. Он находится там в течение четырех лет и возвращается в 1108 году³⁵. В 1114 году он снова отправляется в Палестину с намерением присоеди-

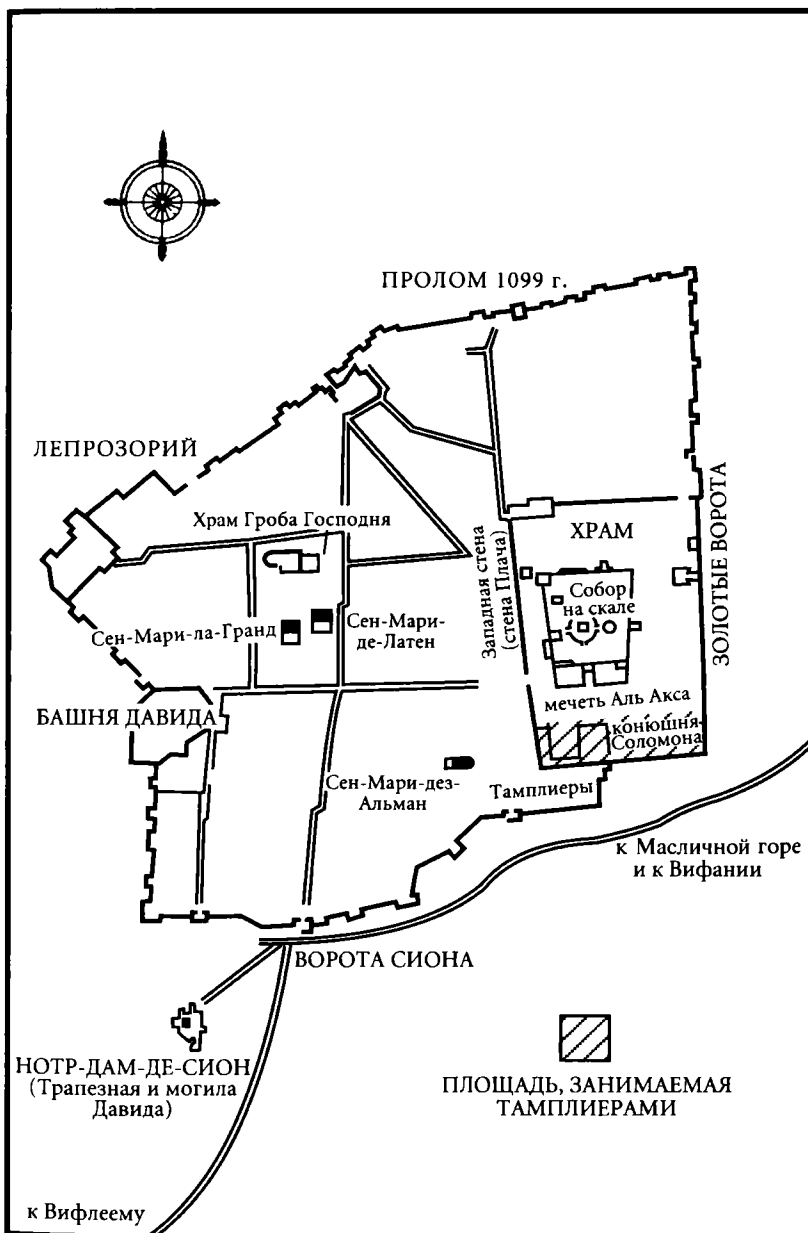

Рис. 5. Иерусалимский храм и район горы Сион в середине XII века

ниться к «Христову воинству», потом передумывает и спустя год вновь возвращается во Францию. После своего возвращения он дарит землю ордену цистерцианцев. Св. Бернар строит на ней аббатство Клерво, поселяется там и оттуда пытается укрепить свой орден.

В 1112 году цистерцианцы находятся на грани краха, но под руководством св. Бернара им удается склонить фортуна на свою сторону. Действительно, в последующие годы основываются десятки новых аббатств. В 1153 году их насчитывается более трехсот, из которых шестьдесят девять были основаны лично св. Бернаром. Этот новый и внезапный взлет ордена цистерцианцев приходится на то самое время и происходит таким же образом, что и взлет ордена Храма. Между ними существует бесспорная родственная связь — это Андре де Монбар.

Теперь рассмотрим поближе эту непонятную совокупность событий. В 1104 году граф Шампанский едет в Святую землю после совещания с несколькими сеньорами, один из которых находится в тесных отношениях с Андре де Монбаром. В 1112 году племянник Монбара вступает в орден цистерцианцев, а в 1114 году граф Шампанский совершает свое второе путешествие в Святую землю, намереваясь вступить в орден тамплиеров, основанный его собственным вассалом Гуго Пайенским и Андре де Монбаром. Как свидетельствует письмо епископа Шартрского, орден к тому времени уже существовал или его вот-вот должны были создать. В 1115 году, то есть чуть меньше года спустя, граф Шампанский возвращается в Европу и дарит св. Бернару землю, на которой тот возводит аббатство Клерво. В последующие годы оба ордена — цистерцианцы и тамплиеры, орден св. Бернара и орден его дяди Андре де Монбара — переживают во всех возможных сферах жизни резкий взлет, активную деятельность и исключительную удачу.

Подобное совпадение фактов, постоянная связь между событиями, людьми и датами не переставала нас поражать. Все это не могло быть случайным. Напротив, нам все время казалось, что мы обнаружили следы какого-то обширного и честолюбивого плана, о подробностях и значении которого история не знала. И поэтому, чтобы восстановить детали,

мы попытались выработать нечто вроде гипотезы, своего рода «сценарий», который учитывал бы имеющиеся в нашем распоряжении факты.

Вот они: предположим, что, случайно или намеренно, в Святой земле было сделано важное открытие, которым весьма и весьма заинтересовались некоторые знатные семьи Европы. Прямо или косвенно, но это открытие вызывало потенциальный приток богатств. Однако имелось еще что-то другое, очень значительное, что должно было содержаться в секрете и поверяться лишь очень малому числу сеньоров высшего ранга. Об этом открытии было упомянуто, а затем оно было внимательнейшим образом изучено на совещании в 1104 году.

Сразу же после этого Гуго Шампанский едет в Святую землю — то ли лично проверить все факты, то ли совсем с другой целью, например, с целью создания ордена Храма. В 1114 году, если не раньше, орден уже существует, и граф Шампанский играет в нем большую роль в качестве руководителя и покровителя. В 1115 году деньги рекой текут в Европу и в сундуки цистерцианцев, которые под предводительством св. Бернара и благодаря своему упрочившемуся положению поддерживают новый орден тамплиеров и создают ему рекламу.

Под руководством св. Бернара цистерцианцы достигают известного духовного влияния в Европе; под руководством Гуго Пайенского и Андре де Монбара тамплиеры распространяют в Святой земле военное и административное влияние, которое вскоре охватит всю Европу. За этим необыкновенным расцветом двух орденов все время стоит тень дяди и племянника, а рядом с ними — тень их богатого и влиятельного покровителя Гуго Шампанского. Между этими тремя персонажами существует жизненно важная связь; на поверхности истории они являются видимыми знаками глубинных перипетий, то есть искусно замаскированного плана, о котором мы подозревали.

Этот план, если он существует, не может быть замкнут на троих людях. Напротив, он предполагает сотрудничество с ними множества других людей, а также тщательную организацию. Возможно, «организация» — это ключевое слово,

потому что если наша гипотеза верна, то она предполагает наличие некоей организации, эквивалентной ордену, — третий орден, действующий тайно за спинами официальных орденов цистерцианцев и тамплиеров. И доказательства существования третьего ордена не замедлят появиться.

Но вернемся на мгновение к предполагаемому открытию, сделанному в Святой земле, к основе, на которой стоит наш «сценарий». Что же такое было обнаружено? Что это за тайна, в которой участвуют одновременно тамплиеры, св. Бернар и граф Шампанский? Тамплиеры сохранили ее до конца своей жизни нераскрытой, ненарушенной. Нет никакого следа ее происхождения или места, где бы она хранилась. Не существует никаких документов, никаких записей. Если бы это сокровище было только материальным, не было бы необходимости уничтожить даже малейшее указание на него. Следовательно, под охраной тамплиеров находилось сокровище невыражаемое и настолько ценное, что даже пытки не смогли разомкнуть их уста. Сокровище, не принадлежащее материальному миру, абсолютная, первостепенная тайна. Возможно, нечто связанное с отношением ордена к Христу.

13 октября 1307 года все французские тамплиеры были арестованы в своих командорствах по приказу Филиппа Красивого. Но это утверждение не вполне верно. Тамплиерам по крайней мере одного командорства — Безю близ Ренн-ле-Шато — удалось ускользнуть из сетей, расставленных королем. Как и почему они спаслись? Именно это мы и попытаемся узнать, исследуя деятельность и особенно плотное «укоренение» ордена именно в этом регионе, где в его владении было не менее полудюжины командорств, расположенных на площади более тридцати квадратных километров.

Итак, в 1153 году некий сеньор из этой местности, сочувствующий катарам, стал великим магистром ордена Храма. Его звали Бертран де Бланшфор, и резиденция его предков была расположена на вершине горы, совсем недалеко от Безю и Ренн-ле-Шато. Бертран де Бланшфор, который вершил судьбу ордена до 1170 года, являлся выдающейся лич-

ностью, он сумел превратить еще неокрепший в момент его прихода орден в действенную организацию с жесткой иерархией и дисциплиной. Это благодаря ему тамплиеры стали вмешиваться в международные дипломатические и политические акции на высшем уровне. Это благодаря ему Европа, и особенно Франция, стала для них важной сферой интересов. А советником Бертрана и, по мнению некоторых историков, его непосредственным предшественником на посту великого магистра ордена был Андре де Монбар.

Но продолжим. В течение нескольких лет, которые последовали за вступлением в орден тамплиеров, Бертран де Бланшфор принес ему в дар свои земли в окрестностях Ренн-ле-Шато и Безю. Став великим магистром, он в 1156 году вызвал команду шахтеров немецкого происхождения. Их тут же подчинили строгой, почти военной дисциплине, запретив любой контакт с местным населением. Для них была создана специальная судебная коллегия, «Немецкий суд», для решения различных технических вопросов, которые могли возникнуть. Их мнимая задача состояла в том, чтобы разрабатывать золотые шахты, расположенные на склонах горы Бланшфор, — шахты, совершенно опустошенные римлянами почти тысячу лет назад³⁶.

В XVII веке инженерная комиссия произвела разведку минеральных ресурсов региона и составила подробные отчеты. Именно тогда Сезар д'Аркон обследовал руины, оставленные после себя немецкими шахтерами, и сделал категорическое заключение: никакие разработки на этой территории не велись³⁷. Чем же тогда занимались немецкие шахтеры на горе Бланшфор? Здесь д'Аркон колеблется: возможно, они плавил металл или изготавливали что-то из металла; возможно даже, они рыли что-то вроде подземного склепа и строили какое-то хранилище. Каков бы ни был ответ на эту загадку, присутствие тамплиеров в окрестностях Ренн-ле-Шато в середине XII века остается установленным фактом.

В 1285 году в нескольких километрах от Безю существовало большое командорство Кампань-сюр-Од. Однако в самом конце XIII века Пьер де Вуазен, владелец Безю и Ренн-

ле-Шато, вызвал из арагонских провинций Руссильона³⁸ специальный отряд тамплиеров и поселил их на вершине горы Безю, где они тут же возвели сторожевой пост и часовню. По официальной версии, они были посланы, чтобы охранять безопасность этих мест и дорогу паломников, которая, пересекая равнину, шла до Сантьяго-де-Компостела в Испании. Но совершенно неясно, зачем было вызывать дополнительных рыцарей в качестве подкрепления, если по соседству уже жили тамплиеры. Да и у самого Пьера де Вуазена имелось свое войско, чтобы обеспечивать защиту окрестностей. Так зачем же рыцари из Руссильона прибыли в Безю? Если верить местным преданиям, они прибыли, чтобы наблюдать. А также, возможно, откопать, или закопать, или сторожить какое-то сокровище.

Об их настоящей миссии так никто ничего и не узнал, но известно, что, обосновавшись в Безю, они стали пользоваться особыми привилегиями. В самом деле, они единственные из французских тамплиеров остались на свободе после акции 13 октября 1307 года, предпринятой Филиппом Красивым. В тот роковой день командором ордена тамплиеров в Безю был сеньор де Гот³⁹. А прежде чем взойти на папский трон под именем Климента V, епископ Бордо — марионетка в руках Филиппа Красивого — звался Бертраном де Готом. Более того, матерью нового понтифика была Ида де Бланшфор, из семьи Бертрана де Бланшфора. Так не был ли новый Папа посвящен в чудесную тайну, доверенную на хранение его семье, — тайну, которая оставалась таковой до XVIII века, когда аббат Антуан Бигу, кюре Ренн-ле-Шато и духовный отец Мари де Бланшфор, раскрыл ее и составил документы, найденные позже Соньером? Если все это так, то не стоит удивляться тому, что Папа распространил своеобразный иммунитет на своего родственника, командовавшего тамплиерами из Безю.

История местной общины тамплиеров оказалась так же отягощена загадками, как и вся их судьба. Между этими двумя тайнами было кое-что общее, например, роль Бертрана де Бланшфора, сеньора Ренн-ле-Шато, великого магистра ордена Храма, кузена или племянника Папы.

Таким образом, мы столкнулись с пугающим количеством совпадений — совпадений слишком многочисленных, чтобы это было простой случайностью. Неужели мы действительно имеем дело с продуманной структурой? Если так, то вставал вопрос, кто ее изобрел, поскольку столь хитроумные структуры сами собой не создаются. Все свидетельства указывали на тщательную разработку плана и прекрасную организацию, и это заставляло нас предполагать, что где-то в тени официальной истории усердно действовала особая группа людей, составляющих некий орден. Очень скоро мы надеялись получить подтверждение этой гипотезы.

«СЕКРЕТНЫЕ ДОСЬЕ»

Подтверждение существования третьего ордена — помимо ордена тамплиеров и цистерцианцев — появилось у нас неожиданно. Сначала мы отнеслись к этим сведениям несерьезно. Казалось, что они исходили из слишком ненадежного источника. Пока мы не убедились в их достоверности, мы не могли поверить тому, что узнали.

В 1956 году во Франции стали появляться книги, статьи, исследования и другие работы, относящиеся к Беранже Соньеру и загадке Ренн-ле-Шато. Этот материал все увеличивался в объеме и приобрел внушительные размеры, став основой для настоящей «индустрии». Количество, усилия и ресурсы, вовлеченные в его производство и распространение, косвенным образом свидетельствовали о том, что в этом заинтересованы неизвестные, но влиятельные силы.

Неудивительно, что эти публикации пробудили аппетит таких же, как мы, независимых исследователей, чьи труды пополнили уже имевшийся материал. Однако, как нам кажется, все сведения были получены из одного источника. Кто-то имел интерес к «продвижению» темы Ренн-ле-Шато и хотел привлечь внимание публики к этой истории, организовав рекламную шумиху и побудив желание вести дальнейшие исследования. Чем бы ни руководствовались эти люди, у них не было интересов финансового порядка. Они лишь старались воздействовать на общественное мнение с целью привлечь его внимание к определенным темам, стараясь держаться при этом в тени.

С 1956 года началась намеренная и систематическая «утечка» большого объема материала, фрагмент за фрагментом. Подразумевалось, что информация исходит из «привилегированного», «внутреннего» источника. Большинство фрагментов содержали дополнительную информацию к той, которая уже была известна, и тем самым только усложняли головоломку. Ни значение, ни общий смысл загадки не ста-

1. Деревня Ренн-ле-Шато. Древний город Реде простирался через долину влево.

2. Ренн-ле-Шато. Замок Отпуль, ныне принадлежащий семье Фатен. Фундамент здания был заложен во времена вестготов.

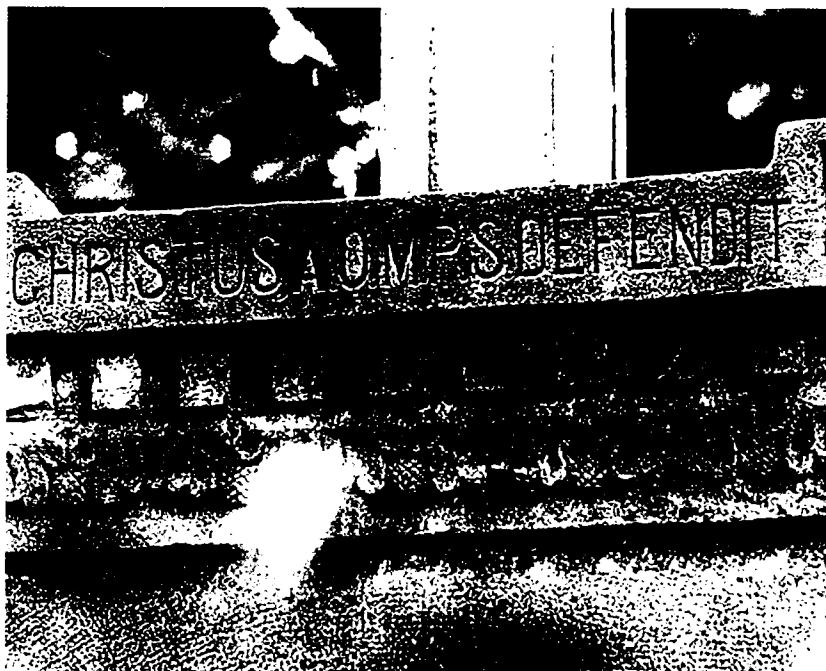

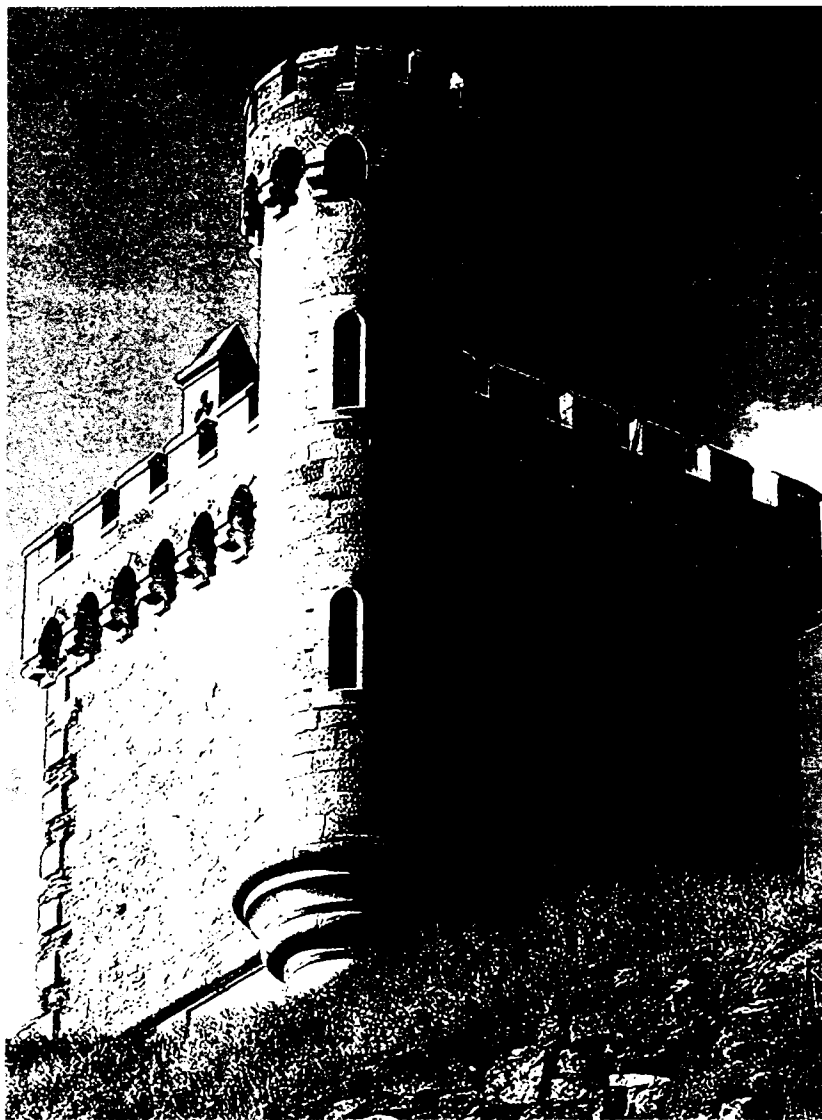
3. Беранже Соньер, священник церкви в Ренн-ле-Шато (*стоит в центре*).

4. Беранже Соньер и его служанка Мари Денарно на фоне виллы Бетания. *На заднем плане* — церковная колокольня.

5. Вестготская колонна из церкви в Ренн-ле-Шато, в которой Соньер в 1891 г. нашел зашифрованные документы.

6. Основание распятия в церковном дворе в Ренн-ле-Шато. Буквы А.О.М.П.С., очевидно, можно расшифровать как Antiquus Ordo Mysticusque Prioratus Sionis, и тогда вся надпись читается так: «Христа древняя группа таинственного Приората Сиона защищает».

7. Башня Магдала, которую Соньер построил для своей библиотеки.

8. Замок Монсегюр в Лангедоке, принадлежавший катарам и павший под натиском крестоносцев в 1244 г. В течение долгого времени являлся основным центром катаров.

9. Иерусалим. Голландская гравюра XV в. Вверху слева изображены Иерусалимский храм и аббатство Богородицы на горе Сион.

Acropolis castro

Capella
Mons quatuor
palmarum

Mons abazum In quo
sepulchrum moyses

Mons urbis

Templum gregis Omnia sepulchra

Palatium regium
et ecclesiam
sanc. marie

ERVA

Porta
Sanc.
se. agn. fons
magnus

aurora: p. qua. r. h. s. d. i. n. s. m. o. m. e. t. u. r. i. n. d. i. e. p. a. l. m. a. r. u. m. q. u. e. e. s. t.
i. m. p. a. r. t. i. v. e. n. t. i. a. i. n. p. o. p. u. l. i. r. e. h. a. b. i. t. u. m. a. l. i. s. i. n. t. e. p. a. r. t. i. b. u. s. b. r. i. t. a. n. i.
e. t. h. a. d. i. e. d. e. a. n. t. i. m. a. i. n. t. e. n. e. a. d. i. s. t. i. n. c. t. i. o. n. e. h. a. q. u. e. n. o. n. e. s. t. p. r. o. p. r. i. e. t. a. t. e. q. u. i. b.
q. u. i. d. i. s. t. i. n. c. t. i. o. n. e. s. u. b. i. t. o. m. e. t. u. r. i. s. V. n. i. l. l. i. n. s. u. n. t. e. u. s. q. u. i. g. r. e. d. i. t. e. t. e. g. r. e. s. s. e. t.

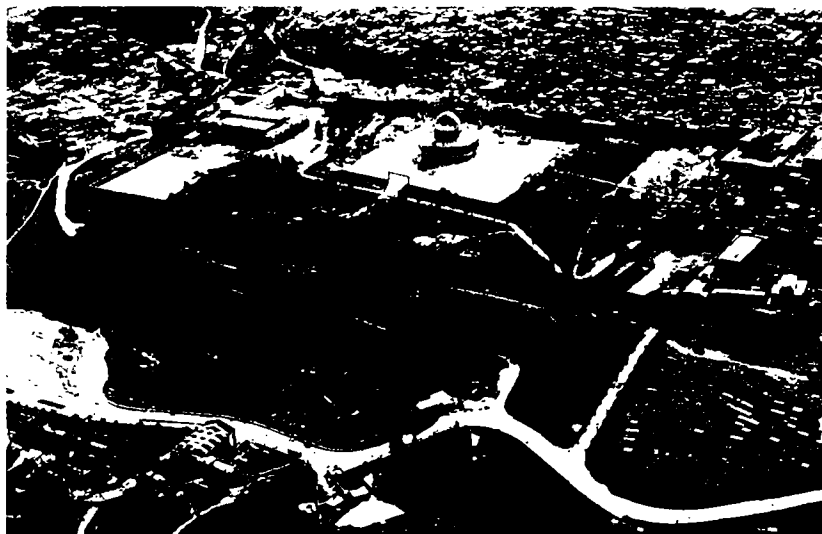
die des. lem. ih. s. p.
p. q. u. e. s. t.
m. e. t. u. r. i. s.

Templum

10. Могила царя Давида. Вместе с трапезной составляла аббатство Богоматери на горе Сион во времена крестоносцев. Основанное Готфридом Бульонским в 1099 г., аббатство являлось центром ордена Сиона до 1187 г. Фотография XIX в.

11. Иерусалимский храм. В центре Собор на скале, слева мечеть Аль-Акса, занимаемая рыцарями Храма до 1187 г.

новились яснее. Каждый новый фрагмент лишь сгущал мрак тайны. В результате расширялась сеть соблазнительных, провокационных намеков, перекрестных ссылок и связей. Сталкиваясь с путаницей имеющихся данных, читатель чувствовал, что с ним играют, что его умело ведут от вывода к выводу, каждый раз помахивая морковкой у него перед носом. И в основе всего лежал все тот же намек на тайну — тайну колоссальную и ошеломляющую.

Материал, распространяющийся с 1956 года, имел разные формы. Что-то появилось в виде научно-популярных бестселлеров, более или менее сенсационных, более или менее загадочных. Так, Жерар де Сед опубликовал несколько работ на такие разные темы, как катары, тамплиеры, династия Меровингов, розенкрейцеры, Соньер и Ренн-ле-Шато. В этих книгах автор, то лукавый, то скромный, то намеренно интригующий, то кокетливо уклончивый, дает понять, что знает больше, чем говорит, — вероятно, это способ скрыть, что на самом деле знает он не больше, чем делает вид. Правда, его книги содержат и достаточно достоверные детали, которые можно легко проверить. Де Сед успешно доказывает, что темы, к которым он обращается, перекрываются и взаимосвязаны.

С другой стороны, мы не могли не подозревать, что работы де Седа целиком основаны на сведениях, поставляемых ему информатором. Да и сам де Сед не отрицал этого. Совершенно случайно мы узнали, кто был этим информатором. В 1971 году, приступив к работе над нашим первым фильмом для Би-би-си о Ренн-ле-Шато, мы написали парижскому издателю де Седа и попросили прислать нам кое-какой видеоматериал. Фотографии, которые мы просили, нам прислали. На каждой из них стоял штамп «Плантар». В то время это имя мало значило для нас. Но приложение к одной из книг де Седа состояло из интервью с неким Пьером Плантаром. Так мы получили свидетельство, что некоторые из книг де Седа написаны с помощью Пьера Плантара. В конце концов Пьер Плантар стал доминирующей фигурой в наших исследованиях.

Информация, появлявшаяся после 1956 года, не всегда обретала популярную, легко доступную форму, свойствен-

ную книгу де Седа. Некоторые книги были скучны, напыщенны и представляли прямо противоположный подход. Такова, например, работа, опубликованная Рене Декадейя, бывшим хранителем муниципальной библиотеки Каркасона. Она посвящена истории Ренн-ле-Шато и его окрестностей и изобилует социэкономическими отступлениями, производящими самое мрачное впечатление: полный список рождений, смертей, свадеб, материального благосостояния, налогов и общественных работ, имевших место между 1730 и 1820 годом¹. Этот труд как бы противостоит произведениям легким и заведомо обреченным на успех, которые г-н Декадейя подвергает строгой критике².

Одновременно с этими работами в различных газетах и иллюстрированных журналах появилось большое количество статей и интервью с различными людьми, утверждающими, что им известен тот или иной аспект тайны. Но самую интересную информацию надо искать не в прессе, не в ученых этюдах и не в книгах, вышедших большим тиражом. Напротив, ее надо искать в документах, брошюрках или небольших трудах, выпущенных маленьким тиражом частными издательствами и сданных в парижскую Национальную библиотеку. Большая часть этих брошюр представляет собой просто ротапринтные издания.

Эти вышеупомянутые брошюры еще больше, чем книги, которые продаются в магазинах и о которых мы уже говорили, кажутся исходящими из одного и того же источника. Благодаря хитрой системе замечаний, ссылок на Соньера, Ренн-ле-Шато, Пуссена, династию Меровингов и другие уже известные темы каждая из них дополняет и подтверждает другую. Наконец, в большинстве случаев они подписаны весьма сомнительными именами, по всей вероятности, псевдонимами, причем довольно прозрачными. К примеру, Мадлен Бланкассаль, Никола Босеан, Жан Делод и Антуан Отшельник. Что касается первого имени — «Мадлен» («Магдалина»), то здесь очевиден намек на Марию-Магдалину, «Магдалеянку», которой была посвящена церковь в Ренн-ле-Шато и башня Магдала, построенная аббатом Соньером. Имя «Бланкассаль» составлено из названий двух речушек, сливающихся в одну близ Ренн-ле-Шато, — Бланка и Сальс.

«Босеан» («Beaucéap») — это искаженное «Beauseant», военный клич рыцарей Храма. Жан Делод (Delaude) на самом деле de l'Aude — Од, департамент, где находится Ренн-ле-Шато. Наконец, святой Антоний (Антуан) — это святой, статуя которого украшает церковь Ренн-ле-Шато, праздник его — 17 января; эта дата фигурирует на могиле Мари де Бланшфор, и в этот же день у аббата Соньера случился удар.

Книжка, приписываемая Мадлен Бланкассаль, называется «Потомки Меровингов и загадка Вестготского Разеса». Разес, как мы уже видели, старинное название интересующей нас местности. На титульном листе указано, что текст сначала был опубликован в Германии, потом переведен на французский язык Вальтером Цельс-Назером — еще один псевдоним, составленный из имен двух святых, Цельсия (Celse) и Назария (Nazaire), которым была посвящена церковь в Ренн-ле-Бен. Также на титульном листе указано, что издатель книги — Великая Альпийская ложа, верховная масонская ложа Швейцарии, равная Великой Английской ложе или Великому Востоку Франции. Не дается никаких объяснений, почему вдруг современная масонская ложа заинтересовалась тайной неизвестного французского священника, жившего в XIX веке, и историей его прихода за последние полтора столетия. Один из наших братьев, независимых исследователей, задал этот вопрос представителям Альпийской ложи и услышал в ответ, что никто из них вообще не знал о существовании подобной работы. Однако эти самые независимые исследователи видели книгу в библиотеке ложи³. А на двух других книжках в надлежащей форме присутствует знак Великой Альпийской ложи.

Как бы там ни было, из всех документов, опубликованных частным образом и переданных в Национальную библиотеку, самым важным является сборник отдельных листов под общим названием «Секретные досье», занесенный в каталог под шифром 4 Im¹249 и снятый в настоящее время на микро пленку. Еще совсем недавно он представлял собой тоненькую невзрачную папку с твердой обложкой, в которой были собраны самые разнородные документы: вырезки из газет, письма, статьи, многочисленные генеалогические

древа, а также отпечатанные типографским способом страницы, явно вырванные из других книг. Периодически некоторые из этих разрозненных страниц заменялись другими. На некоторых листах было множество пометок и исправлений, сделанных от руки. Эти проделки, кажется, продолжают и по сей день.

Самая важная часть этих «Секретных досье» — генеалогические деревья — приписывается некоему Анри Лобино, имя которого фигурирует на титульном листе. Две заметки внутри папки упоминают о том, что это всего лишь псевдоним — может быть, он обязан своим происхождением улице Лобино близ церкви Сен-Сюльпис в Париже. Что же касается генеалогий, то их составил некий Лео Шидлоф, историк и любитель древностей, австриец, предположительно живший в Швейцарии и умерший в 1966 году. Основываясь на этих сведениях, мы попытались добыть дополнительные уточнения.

В 1978 году в Англии мы нашли дочь Шидлофа. Она подтвердила, что ее отец действительно был австрийцем, но он не был ни составителем генеалогий, ни историком, ни антикваром; он был лишь экспертом и торговцем миниатюрами, на тему о которых опубликовал две работы. Он поселился в Лондоне в 1948 году и прожил там до самой смерти — эти последние сведения приведены, впрочем, в «Секретных досье».

Самое удивительное заключалось в том, что, по утверждению мадемуазель Шидлоф, ее отец никогда не интересовался ни генеалогиями, ни династией Меровингов, ни тайнами французского Лангедока. Однако, добавила она, кое-кто думал именно так, потому что, например, в 1960 году и позже он получал письма и телефонные звонки от многих неизвестных ему людей, европейцев и американцев, желающих увидеться с ним и поговорить на темы, в которых он совершенно не разбирался. Наконец, после его смерти в 1966 году к ней стали приходить различные послания, и авторы большинства из них осведомлялись о каких-то документах, которые мог оставить ее отец.

Каким бы ни было дело, в котором он против своей воли оказался замешан, продолжала мадемуазель Шидлоф, оно не пришлось по вкусу американскому правительству. Дейст-

вительно, в 1946 году, за десять лет до составления «Секретных досье», Лео Шидлоф попросил визу на въезд в США, но ему отказали, так как его подозревали в шпионаже или в какой-то другой подпольной деятельности. Прошли долгие месяцы ожидания, пока он не добился необходимых разрешений и не смог отправиться в Америку. Простые административные придирки? Нет, ответила его дочь, это было гораздо серьезнее и, безусловно, связано с секретными занятиями, в которых его подозревали.

Эти перипетии заставляли задуматься. Отказ в визе вовсе не был случайным, так как некоторые намеки в «Секретных досье» вызывали предположение, что Лео Шидлоф и в самом деле был связан с чем-то вроде международного шпионажа. Между тем в новой статье, появившейся в это время в Париже, говорилось о том, что таинственный Анри Лобино вовсе не Лео Шидлоф, а французский аристократ граф де Ленонкур, что и нашло подтверждение в других документах.

Однако подлинная личность Лобино была не единственной загадкой, связанной с этими досье. В них также фигурирует статья, намекающая на некую «кожаную сумку самого Лео Шидлофа», в которой предположительно содержатся конфиденциальные документы, относящиеся к истории Ренн-ле-Шато между 1600 и 1800 годами. Вскоре после смерти своего владельца сумка перешла в руки посредника, Фахара аль-Ислама, который в феврале 1967 года должен был встретиться в Восточной Германии с «агентом, присланным Женевой», и отдать ему документы. Но прежде чем передача состоялась, Фахар аль-Ислам, высланный из ГДР, должен был уехать в Париж, «чтобы ждать дальнейших указаний». А 20 февраля 1967 года в Мелёне на рельсах нашли его тело, выброшенное из экспресса Париж — Женева, и никакой сумки при нем не было.

21 февраля французская пресса была вынуждена подтвердить это печальное происшествие⁴: в Мелёне на рельсах было найдено обезглавленное тело, принадлежавшее молодому пакистанцу по имени Фахар аль-Ислам, высланному из ГДР по неизвестным причинам, который направлялся из

Парижа в Женеву. Думая, что речь могла идти об агенте контрразведки, власти передали дело в ДСТ*.

В то же время ни один журналист не упомянул ни о Лео Шидлофе, ни о кожаной сумке, ни о тайне Ренн-ле-Шато. В результате перед нами встало множество новых вопросов. С одной стороны, эта смерть могла быть связана с предметом наших поисков, и в таком случае «Секретные досье» были первоисточником информации, к которому пресса и широкая публика не имели доступа. С другой стороны, заметка, появившаяся в досье, могла быть чистой воды мистификацией. Кто-нибудь взял давнишнюю заметку из отдела происшествий о подозрительной смерти на железной дороге и небрежно сунул ее в документы досье, чтобы запутать следы. Но с какой целью? Кому было выгодно так решительно нагнетать вокруг Ренн-ле-Шато эту мрачную атмосферу?

Мы были тем более поражены, что смерть Фахара аль-Ислама явно не была единичным событием такого рода. Менее чем через месяц в Национальную библиотеку пришла новая брошюрка под названием «Красная змея», которую написали Пьер Фежер, Луи Сен-Максан и Гастон де Кокер. И датирована она была, что очень знаменательно, 17 января...

Странная книжка эта «Красная змея»! Кроме генеалогического древа меровингских королей и двух карт Франции той эпохи, сопровождаемых кратким комментарием, она содержала план церкви Сен-Сюльпис в Париже со всеми ее часовнями и именами святых, которым они посвящены. Но самой значительной частью ее были тринадцать коротких стихотворений в прозе, обладающих несомненными литературными достоинствами и по стилю похожих на стихи Рембо. Каждый из них относится к одному из знаков Зодиака, Зодиака из тринадцати знаков, последний из которых назывался *Orphichus*, или Змееносец, помещенный между Скорпионом и Стрельцом.

Тринадцать стихотворений, написанных от первого лица, представляют собой нечто вроде аллегорического богемолья, начиная Водолеем и кончая Козерогом, срок кото-

---

* Direction de la Securite du Territoire — Управление безопасности территории, иначе — контрразведка.

рого, как уточняет текст, заканчивается 17 января. Повсюду можно найти намеки на семью Бланшфор, на некоторые детали церкви Ренн-ле-Шато и надписи Соньера, на Пуссена и его «Аркадских пастухов», а также на слова, выбитые на надгробии: «Et in Arcadia ego». В одном из этих стихотворений говорится и о красной змее, «упомянутой в пергаментах», которая раскручивает свои кольца сквозь века — по-видимому, явный символ какой-либо семьи или рода. Что касается астрологического символа Льва, то к нему дан загадочный комментарий, показавшийся нам интересным, и поэтому мы приводим его полностью:

«От той, которую я желал освободить, поднимались ко мне волны могильного запаха. Раньше ее называли ИСИДОЙ, богиней целебных источников. ПРИДИТЕ КО МНЕ ВСЕ, КТО СТРАЖДЕТ И ИЗНЕМОГАЕТ, И Я ПОМОГУ ВАМ. Для других она МАГДАЛИНА со знаменитой чашей, наполненной целительным бальзамом. Посвященные знают ее настоящее имя: НОТР ДАМ ДЕ КРОСС»⁵.

Противоречия в этом загадочном тексте весьма интересны. Исида, безусловно, древнеегипетская богиня-мать, покровительница тайн, «Белая королева» с видом благожелательным, «Черная королева» с видом зловещим. Многие мифологи, антропологи и теологи с языческой древности и до христианской эпохи проследили историю ее культа, и для них Исида выжила в образе Девы Марии, «Царицы небес» св. Бернара, богини-матери Астарты из Ветхого Завета, которая является финикийским эквивалентом Исиды.

Но если верить «Красной змее», то богиня-мать христиан вовсе не Дева Мария, а «Магдалеянка», которой посвящены церковь в Ренн-ле-Шато и башня, построенная Соньером. Как указывает стихотворение, термин «Нотр Дам» (Богоматерь), украшающий все большие соборы во Франции, относится не к Деве Марии, а к Марии Магдалине. Но почему эта последняя заслуживает того, чтобы ее называли Богоматерью, да к тому же и «богиней-матерью»? Материнство — последняя вещь, ассоциирующаяся с Магдалиной. В христианской традиции она представлена как блудница, нашедшая свое спасение у ног Иисуса. Но так как, согласно четверто-

му Евангелию, она является первой, кто увидел учителя после его воскресения, ее почитают святой, особенно во Франции, куда, если верить средневековым легендам, она сама привезла Святой Грааль. Не означает ли, таким образом, «чаша, наполненная целительным бальзамом» священную Чашу? И надо ли поэтому отдавать Марии Магдалине место, традиционно предназначенное для Девы Марии (явно еретическая гипотеза!)?

Но каким бы ни было послание, переданное авторами «Красной змеи», они никогда не узнают результата, ибо их тоже постигла ужасная участь Фахара аль-Ислама. Действительно, 6 марта 1967 года Луи Сен-Максан и Гастон де Кокер были найдены повешенными, а на следующий день, 7 марта, Пьер Фежер присоединился к ним при сходных обстоятельствах.

Невозможно помешать себе думать, что эти три смерти прямо связаны с выходом в свет «Красной змеи». Тем не менее необходимо иметь в виду и такой возможный сценарий (также и в случае с Фахаром аль-Исламом): кто-то прочел в газете сообщение об этих драматических событиях, поместил имена в уже написанную брошюру, а потом сдал ее в Национальную библиотеку. Нет ничего проще. Подлог обнаружить невозможно, эффект ужаса обеспечен. Но опять же — с какой целью? Зачем сознательно создавать атмосферу трагедии, которая, вместо того чтобы разочаровать любопытных, наоборот, привлечет их?

Если все же это не мистификация, возникают новые вопросы. Эти трое покончили с собой или стали жертвами преступления? Суицид в подобных обстоятельствах кажется бессмысленным, да и убийство тоже. Можно понять так, что три человека были убиты, потому что могли выдать ценную информацию; но в данном случае информация уже была выдана и даже сдана в Национальную библиотеку. Значит, речь идет о форме наказания? Или же это радикальное средство для того, чтобы на будущее прекратить излишнюю болтливость? Все эти объяснения не очень удовлетворительны, по крайней мере, если виновный не был заранее уверен, что дело не будет иметь продолжения.

К счастью, перипетии нашего расследования не приво-

дили нас к таким драматическим ситуациям, хотя порой мы и сталкивались с мистификацией. Таков, например, случай с работой, подписанной Антуаном Отшельником и озаглавленной «Сокровище Меровингов в Ренн-ле-Шато», ссылки на которую мы много раз встречали в ходе наших поисков. Мы выяснили, что она находится в Национальной библиотеке, и попытались ее раздобыть, но это почему-то оказалось невероятно сложным. Каждый день в течение целой недели мы приходили в Национальную библиотеку, заполняли соответствующий бланк заказа, но каждый день он возвращался к нам с пометкой «выдано», указывающей, что книга уже у читателя. Спустя две недели, так как мы не могли больше задерживаться в Париже, мы обратились к одному из библиотекарей. Книга отсутствует уже в течение трех месяцев, сообщил он, и это исключительный случай, но до ее возврата невозможно сделать новый заказ.

Вернувшись в Англию, мы поручили одной нашей хорошей знакомой, которая должна была ехать в Париж, заказать работу в Национальной библиотеке и затем пересказать нам ее содержание. Но когда она вернулась, то мы узнали, что, несмотря на две попытки, она так и не смогла эту работу раздобыть и ей даже не вернули бланк заказа...

Прошло четыре месяца, и мы сделали новую попытку, которая оказалась такой же бесплодной. Измученные, мы ворвались в небольшой зал рядом с запасником и разыграли из себя английских туристов, по горло сытых бюрократическими препонами Национальной библиотеки. Очаровательный старичок-ассистент взялся нам помочь и отправился на поиски работы, причем мы благоразумно дали ему только шифр книги, без названия. Возвратился он удрученный: книга исчезла, ее украли! И что еще хуже, это злодеяние совершено, возможно, одной из наших соотечественниц, имя которой он, немного поколебавшись, сообщил. Речь шла о нашей знакомой!

Сразу же после нашего возвращения в Англию мы потребовали от Национальной Центральной библиотеки связаться с той же организацией в Париже и добиться объяснений: почему нашим вполне законным поискам чинили явные препятствия? Ответа никакого не последовало, но спустя некоторое время мы получили ксерокопию работы Антуана От-

шельника с требованием немедленно ее вернуть. Странное правило, ведь любой ксерокопированный экземпляр рассматривается обычно как простая копия и, следовательно, возврату не подлежит.

Впрочем, работа нас разочаровала, она вовсе не была достойна всего того труда, который мы затратили на то, чтобы ее заполучить. Как и на книге Мадлен Бланкассаль, на этой работе тоже стоял знак Великой Альпийской ложки, но в ней не сообщалось ничего нового, лишь краткое изложение истории графства Разес, Ренн-ле-Шато и Беранже Соньера и обсуждение деталей, которые нам давно и очень хорошо знакомы. Мы так и не поняли, почему ее так долго нам не давали и почему потом потребовали вернуть. Абсолютно ничего оригинального в этой работе нет, поскольку, за исключением незначительных изменений, это полное воспроизведение одной из глав довольно расхожего карманного издания, посвященного сокровищам, рассеянным по всему свету. Какое из этих двух изданий было плагиатом?

Все эти происшествия весьма типичны для атмосферы нескончаемых мистификаций, в которой плавают информация об интересующем нас сюжете. Другие исследователи столкнулись с теми же загадками. Имена, замененные простыми псевдонимами, адреса несуществующих издателей или организаций, ссылки на какие-то признанные работы, исчезнувшие и не найденные документы, искаженные или непонятно почему плохо каталогизированные в Национальной библиотеке, — все это создавало впечатление, будто перед нами разыгрывается грандиозный фарс, но принятый всерьез, прекрасно поставленный, прекрасно финансируемый и прекрасно проведенный.

Итак, среди обрывков сведений, не перестających появляться через определенные промежутки времени, постоянно прослеживаются уже хорошо знакомые нам лейтмотивы: Соньер, Ренн-ле-Шато, Пуссен, «Аркадские пастухи», рыцари Храма, Дагоберт II и династия Меровингов, перемешанные с новыми намеками, например на виноградарство, особенно на прививку винограда, что, возможно, имеет аллегорический смысл. Но есть информация совсем другого

стиля, как, например, идентификация Анри Лобино с графом де Ленонкуром или же настоящая личность «Магдалеянки», появляющейся весьма часто. Обнаруживаются и новые названия, тесно связанные, как нам кажется, с Ренн-ле-Шато. Одно из них — это Жизор в Нормандии, представлявший в эпоху Крестовых походов жизненно важное политическое и стратегическое значение. Другое — Стене, называемый иногда Сатаникум, находящийся в Арденнах, — бывшая столица династии Меровингов, видевшая убийство Дагоберта II в 679 году.

Невозможно перечислить здесь подробно весь известный материал, относящийся к загадке Ренн-ле-Шато. Слишком многое появилось после 1956 года, сведения слишком краткие, слишком разрозненные, порой слишком запутанные. Но сейчас очень важно коротко обозначить некоторые главные пункты, являющиеся бесспорными историческими фактами, которые составят основу наших дальнейших поисков.

1. За орденом тамплиеров стоит некий таинственный орден, который создал их, чтобы в его ведении находились все военные и административные дела. Орден действовал под различными названиями, самое распространенное из которых — Приорат Сиона.

2. Приорат Сиона управлялся последовательно великими магистрами, имена которых фигурировали среди самых знаменитых имен в истории и культуре Запада.

3. Рыцари Храма исчезают в период между 1307 и 1314 годами, но Приорат Сиона остается неприкосновенным. Периодически ему угрожают конфликты и интриги, однако он продолжает существовать век за веком, действуя в тени и руководя некоторыми великими событиями, имевшими место в истории Западной Европы.

4. Приорат Сиона существует и по сей день и остается активным; он играет некоторую роль в международном плане и во внутренних делах некоторых европейских государств.

5. Признанная и объявленная цель Приората Сиона — восстановление династии и рода Меровингов не только на французском троне, но и на тронах некоторых других европейских государств.

6. Это восстановление оправданно как в плане мораль-

ном, так и с точки зрения закона. Действительно, род Меровингов, низложенный в VIII веке, не исчез после Дагоберта II и его сына Сигиберта IV. Он непрерывно продолжался по прямой линии и благодаря династическим союзам и бракам включил в себя Готфрида Бульонского, который в 1099 году захватил Иерусалим, а также многих членов знатных семей и старинных и современных королевских фамилий: Бланшфор, Жизор, Сен-Клер (Синклер в Англии), Монтестью, Монпеза, Поэр, Лузиньян, Плантар и Габсбург-Лотарингских. Следовательно, род Меровингов в настоящее время вполне законно получает преимущество в деле об этом блестящем наследстве.

Существование так называемого Приората Сиона могло бы объяснить ссылки на «Сион», фигурирующие в документах, найденных Соньером, а также любопытную надпись «P. S.»*, появляющуюся в одном из документов и на надгробной плите могилы Мари де Бланшфор.

Однако что касается различных теорий о заговорах в истории, то мы принимаем их очень скептически, и большое количество утверждений только что приведенных, какими бы логичными они ни казались, кажутся нам либо неуместными, либо невероятными, даже абсурдными, либо же теми и другими одновременно. Тем не менее кое-кто упорствует и верит в них всерьез. И какова бы ни была правда, все признают, что, истинны эти утверждения или нет, они все явно связаны с тайной, окружающей Соньера и Ренн-ле-Шато.

Именно в силу этих различных причин мы в конце концов решили в пользу систематического исследования всего того, что мы в дальнейшем будем называть «документами Приората». Да, надо было подвергнуть их скрупулезной, систематической критике, позволяющей определить их точную ценность. Могло оказаться вполне возможным, что при строгом анализе большинство выводов, к которым мы пришли, отпали бы сами собой.

Но мы совершили бы большую ошибку, если бы судили слишком поспешно...

---

* «P. S.» — Prieuré de Sion.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

ТЕ, КТО ДЕЙСТВУЕТ В ТЕНИ

Уже давно мы были убеждены, что за спиной тамплиеров существует и действует какой-то «орден». Поэтому прежде всего рассмотрим одно утверждение из наших документов, кажущееся нам наиболее вероятным: орден Храма был создан Приоратом Сиона.

В первый раз мы обнаружили более или менее содержательную ссылку на этот Приорат на страницах «Секретных досье». Действительно, вверху страницы приведена была цитата из вышедшего в 1930 году монументального труда Рене Груссе о Крестовых походах, который сейчас считается неоспоримым. В этой цитате делается намек на Балдуина I, молодого брата Готфрида Бульонского, герцога Лотарингского и завоевателя Святой земли. После смерти брата Балдуин принял королевский венец и стал первым королем Иерусалима. Таким образом, комментирует Рене Груссе, через Балдуина I непрерывно продолжается «королевская традиция». И поскольку она была «основана на Скале Сион»¹, эта династия «равна» царствующим династиям Европы — Капетингам во Франции, англо-нормандским Плантагенетам в Англии, Гогенштауффенам и Габсбургам, правящим в Германии и Священной Римской империи.

Почему Груссе говорит о «королевской традиции», когда Балдуин и его потомки получили трон путем выборов, а не по наследству? Автор не дает никаких объяснений этому своему заявлению, а также не объясняет, почему традиция, «основанная на Скале Сион», была «равна» самым древним европейским династиям.

На той же странице «Секретных досье» имеется намек на таинственный Приорат Сиона. В самом деле, в тексте уточняется, что он был создан Готфридом Бульонским в 1090 году, за девять лет до завоевания Иерусалима, тогда как другие «документы Приората» приближают эту дату к

1099 году. Согласно тому же тексту Балдуин, младший брат Готфрида, «был обязан получением трона» этому Приорату, официальным местопребыванием которого было аббатство Богоматери на горе Сион в Иерусалиме или же — другая возможность — вне Иерусалима, на горе Сион, знаменитом «высоком холме», находящемся к югу от города.

Но так как ни один из текстов XX века, посвященных крестовым походам, не упоминает о Приорате Сиона, то нужно было сначала определить, действительно ли такой орден когда-либо существовал и истинно ли утверждение о том, что он имел право даровать королевские троны. С этой целью мы перевернули целые груды старинных документов, так как, кроме ясных ссылок на орден, необходимо было также отыскать следы его деятельности и возможного влияния. И прежде всего найти следы аббатства, носящего имя Богоматери на горе Сион.

На юге Иерусалима возвышается «высокий холм» горы Сион. Когда в 1099 году город был взят крестоносцами Готфрида Бульонского, там обнаружили развалины древней византийской базилики, датирующейся, вероятно, еще IV веком и названной «матерью всех церквей». Как указывает большое количество хроник и рассказов современников, победитель поспешил возвести на месте этих руин аббатство. По сообщениям летописца, писавшего в 1172 году, это величественное здание было очень хорошо укреплено, с башнями, стенами и бойницами, и окрещено аббатством Богоматери на горе Сион (Нотр-Дам-дю-Мон-де-Сион).

Очевидно, что кто-то это здание занял. Было ли это автономное общество, принявшее имя горы, на которой оно возросло? И принадлежали ли его члены к ордену Сиона? Вполне разумная мысль. В самом деле, если монахи и рыцари, которым Готфрид Бульонский подарил церковь Гроба Господня, объединились в официальный орден, носящий то же имя, то почему бы обитателям аббатства, расположенного на горе Сион, не сделать то же самое? В аббатстве, как отмечает один историк XIX века, «проживал капитул каноников-августинцев, в обязанности которых входило отправле-

ние службы под руководством аббата. Это сообщество имело двойное имя «Святой Марии на горе Сион и Святого Духа»². Другой историк в 1698 году высказывается еще более определенно, хотя стиль его и лишен изящества: «И так как дали ему главным местом приют, построенный на горе Сион в Иерусалиме, посвященный Божьей Матери, это дало право звать рыцарей: орден Богоматери Сиона»³.

Кроме этих свидетельств в пользу существования древнего ордена Сиона, мы нашли также некоторые документы с печатью и подписью того или иного настоятеля ордена. Например, есть грамота, подписанная приором Арнальдусом и датированная 19 июля 1116 года⁴, или другая, где имя этого же приора фигурирует рядом с именем Гуго Пайенского, первого великого магистра ордена Храма⁵.

Итак, все заставляет нас поверить в то, что орден Сиона в XII веке уже существовал. Остается под вопросом, не основан ли он еще раньше, а также кто из них — орден или место, им занимаемое, — был раньше другого. Например, если вспомнить цистерцианцев, то они позаимствовали свое имя у местечка под названием Сито, тогда как другие — францисканцы или бенедиктинцы — носили имена их основателей задолго до того, как осели в определенном месте. В случае с Сионом нам придется удовольствоваться тем, что в 1100 году существовало аббатство Богоматери на горе Сион, где обитали члены ордена, который, возможно, был образован еще раньше.

Таково наше мнение на этот счет. Но продолжим расследование.

В 1070 году, спустя двадцать девять лет после Первого крестового похода, монахи из Калабрии, что на юге Италии, прибывают в окрестности Арденнского леса, входившего в состав владений Готфрида Бульонского⁶. Как считают некоторые историки, предводительствовал ими некий Урсус — имя, тесно связанное в «документах Приората» с родом Мервингов. Прибыв в Арденны, калабрийские монахи заручаются покровительством Матильды Тосканской, герцогини Лотарингской, родной тетки и приемной матери Готфрида Бульонского. Это она дарует своим протеже земли в Орвале близ Стене, где около четырехсот лет назад был убит Даго-

берт II. Вскоре они возводят там аббатство, но остаются в нем не долго. В 1108 году они загадочным образом исчезают, не оставив после себя никаких следов. Кое-кто считает, что они просто вернулись к себе в Калабрию. В 1131 году Орваль становится одним из ленных владений св. Бернара.

Но перед своим исчезновением из Орваля калабрийские монахи оставили в истории Запада неизгладимую отметку. По словам все тех же историков, среди них находился человек, который позже станет знаменитым Петром Отшельником, тем самым Петром Отшельником, наставником Готфрида Бульонского⁷, который начиная с 1095 года вместе с Папой Урбаном II проповедует во Франции и в Германии необходимость Крестового похода. Нужно, красноречиво заявляет он, начать священную войну, которая возвратит христианскому миру могилу Христа и вырвет Святую землю из рук мусульман.

Приняв во внимание намеки, легко различимые между строк «документов Приората», мы спросили себя, не могло ли существовать некое подобия преемственности между монахами из Орваля, Петром Отшельником и орденом Сиона. В самом деле, можно быть почти уверенными в том, что монахи из Орваля не были бродячей общиной неизвестных монахов. Напротив, их внезапное исчезновение из Арденн спустя сорок лет является доказательством их сплоченности и организованности, которые, несомненно, имели постоянную основу. Если Петр Отшельник действительно принадлежал к этой общине, то его призывы в пользу Крестового похода были не проявлением фанатизма, а, напротив, хорошо продуманным политическим ходом. Кроме того, если он был наставником Готфрида Бульонского, то вполне вероятно, что он сыграл определяющую роль в решении своего ученика отправиться в Святую землю. Что же касается монахов из Орваля, то они могли и не возвращаться в Калабрию. Они могли обосноваться в Иерусалиме, в аббатстве Богоматери на горе Сион.

Это, конечно, была только гипотеза, без какой-либо опоры на документы. Однако мы вскоре нашли ее косвенное подтверждение. Когда Готфрид Бульонский сел на корабль,

чтобы отправиться в Святую землю, по слухам, его сопровождали несколько неизвестных людей, бывших, возможно, его советниками. Но войско Готфрида Бульонского — не единственное отправившееся в Палестину; их было еще три, во главе которых стояли представители высшей европейской знати. Из Европы уехали четыре могущественных правителя, и все они имели право сесть на трон, если Иерусалим падет и в Палестине будет создано королевство франков. А Готфрид Бульонский был заранее убежден, что трон займет именно он, ибо он единственный из сеньоров, управлявшихся на Ближний Восток, отказался от всех своих владений и продал все свое имущество, будто надеялся, что Святая земля воздаст ему за все это.

Итак, в 1099 году, сразу после взятия Иерусалима, собралось тайное совещание, и если история не смогла точно установить личности всех его участников, то спустя три четверти века Вильгельм Тирский утверждал, что самым знаменитым из них был не кто иной, как «некий епископ из Калабрии»⁸. Цель этого собрания была ему вполне ясна: выборы короля Иерусалима. И несмотря на требование Раймона, графа Тулузского, таинственные и влиятельные избиратели очень быстро отдали трон Готфриду Бульонскому, который скромно принял лишь титул «защитника Гроба Господня», а титул короля после его смерти в 1100 году принял его брат Балдуин.

Были ли участниками странного собрания, передавшего в руки Готфрида Бульонского новое королевство, монахи из Орваля и среди них — пользовавшийся тогда значительным авторитетом в Святой земле Петр Отшельник? Собиралась ли эта таинственная ассамблея в аббатстве на горе Сион? Иными словами, не были ли эти разные группы людей — монахи из Орваля, участники совещания, избравшие Готфрида, и обитатели аббатства Богоматери на горе Сион — одними и теми же людьми? Конечно, эту гипотезу подтвердить очень сложно. Но ее нельзя и отбросить. Если она верна, то подтверждает власть ордена Сиона — власть даровать королевский трон.

ТАЙНОЕ СОЗДАНИЕ ОРДЕНА РЫЦАРЕЙ ХРАМА

Согласно «Секретным досье» основателями ордена Храма считаются «Гуго де Пайен, Бизоль де Сент-Омер и Гуго, граф Шампанский, а также некоторые члены ордена Сиона: Андре де Монбар, Аршамбо де Сент-Энъян, Нивар де Мондидье, Гондемар и Россаль»⁹.

Гуго Пайенского и Андре де Монбара, дядю св. Бернара, мы уже знаем. Нам известен также и Гуго, граф Шампанский, подаривший землю, на которой св. Бернар построил аббатство Клерво. Став в 1124 году тамплиером, Гуго Шампанский принес клятву верности собственному вассалу и получил от епископа Шартрского письмо, которое нам тоже известно. Но несмотря на то, что между графом Шампанским и тамплиерами существовали определенные отношения, нигде, кроме «Секретных досье», он не указан в числе основателей ордена. Что касается Андре де Монбара, скромного дяди св. Бернара, то он просто принадлежал к ордену Сиона, то есть к другому ордену, который отличался от ордена Храма, предшествовал ему и сыграл в его создании главную роль.

Но это еще не все. В одном из текстов «Секретных досье» упоминается, что в марте 1117 года Балдуин I, «который был обязан Сиону своим тронном», был «вынужден» вести переговоры об утверждении ордена Храма в Сен-Леонар-д'Акре; а наши поиски открыли нам, что это местечко было как раз одним из ленных владений ордена Сиона. Зато мы совсем не знаем о том, почему Балдуин был «вынужден» вступить в переговоры. Это слово наталкивает на мысль о принуждении или о давлении, и, судя по некоторым намекам «Секретных досье», давление было оказано именно орденом Сиона, которому Балдуин «был обязан своим тронном». Если это так, то подтверждается предположение о том, что орден Сиона был всемогущей и влиятельной организацией, которая имела право не только даровать трон, но и, очевидно, заставить короля склониться перед желаниями ордена.

Если орден Сиона был действительно ответствен за избрание Готфрида Бульонского, то, конечно же, его младший

брат Балдуин «был обязан своим тронном» именно ему. Кроме того, теперь мы знаем, что орден Храма несомненно существовал (по крайней мере, в зачаточном состоянии) за целых четыре года до общепринятой даты его основания, то есть до 1118 года. В 1117 году Балдуин был болен, почти при смерти. Вполне возможно, что рыцари Храма в то время уже осуществляли свою деятельность в качестве служивых военных и административных помощников ордена Сиона, который приютил их в своем укрепленном аббатстве. Может быть также, что король Балдуин, находясь на смертном одре, был вынужден либо по состоянию здоровья, либо под давлением ордена Сиона предоставить тамплиерам официальный статус, чтобы обеспечить им легальное существование.

В ходе наших исследований о тамплиерах мы уже обнаружили сеть хитроумных, тесно переплетенных соотношений, которые косвенно указывали на существование некой честолюбивой структуры. На основании всего этого мы сформулировали гипотезу. Теперь же, благодаря новым данным о Приорате Сиона, наша гипотеза приобретает некоторую устойчивость. Перечислим некоторые важные моменты.

1. В конце XI века в Арденны прибыла таинственная монашеская община из Калабрии. Ее принимает под свое покровительство тетка и приемная мать Готфрида Бульонского, которая дарует им земли в Орвале.

2. Среди монахов, возможно, находится наставник Готфрида, один из вдохновителей Первого крестового похода.

3. Незадолго до 1108 года монахи покидают Орваль и исчезают; никто не знает, в каком направлении они убыли, но, возможно, они отправились в Иерусалим. Во всяком случае, Петр Отшельник едет в Святую землю. И если он был одним из монахов из Орваля, разумно было бы предположить, что остальные отправились вместе с ним.

4. В 1099 году Иерусалим был взят крестоносцами, и тайное собрание, состоявшее из неизвестных личностей, во главе которых стоял уроженец Калабрии, предложило Готфриду занять трон нового королевства франков.

5. По просьбе Готфрида Бульонского на горе Сион возводится аббатство; в нем обитает орден, носящий то же имя

и состоящий, возможно, из тех самых личностей, которые предложили ему занять трон.

6. В 1114 году рыцари Храма уже существуют, и их деятельность (возможно, военная) находится в зависимости от ордена Сиона. Но об учреждении ордена договорились лишь в 1117 году, а его существование официально датируется только следующим годом.

7. В 1115 году св. Бернар, член ордена цистерцианцев, находящегося на грани развала, становится одной из самых блестящих личностей христианского мира. В это же время его орден встает во главе самых богатых и престижных религиозных институтов Европы.

8. В 1131 году св. Бернар получает в свое владение аббатство Орваль, которое несколькими годами ранее занимали калабрийские монахи. Орваль становится обителью цистерцианцев.

9. В течение этого же времени пути некоторых лиц загадочным образом пересекаются в связи с различными событиями, что позволяет сложить некоторые куски головоломки. Так обстоит дело с графом Шампанским, который дарует земли св. Бернару, чтобы построить аббатство Клерво, содержит в Труа блестящий двор, как в романах о Святом Граале, и в 1114 году присоединяется к рыцарям Храма, первый известный великий магистр которого, Гуго Пайенский, является его собственным вассалом.

10. Андре де Монбар, дядя св. Бернара и предполагаемый член ордена Сиона, объединяется с Гуго Пайенским, чтобы основать орден Храма. Некоторое время спустя два брата Андре присоединяются к св. Бернару в Клерво.

11. Св. Бернар становится восторженным сторонником рыцарей Храма; он принимает их во Франции и участвует в выработке их устава, который, по существу, сходен с уставом цистерцианцев.

12. Приблизительно в период между 1115 и 1140 годом цистерцианцы и тамплиеры процветают: земли и богатства увеличиваются у тех и других в значительной мере.

Итак, мы снова вынуждены спросить себя: являются ли эти многочисленные отношения просто набором совпадений? Действительно ли эти люди, события и явления совер-

шенно независимы и лишь по воле случая накладываются друг на друга через определенные промежутки времени? Или же мы имеем дело с неким планом, задуманным и выстроенным некой организацией? И не являлся ли этой организацией орден Сиона?

Действительно ли орден Сиона стоял за спинами св. Бернара и тамплиеров, которые, таким образом, действовали в соответствии с некоей тщательно спланированной политикой?

ЛЮДОВИК VII И ПРИОРАТ СИОНА

В «документах Приората» не содержится никаких указаний на деятельность ордена Сиона в период между 1118 годом — официальной датой образования ордена тамплиеров — и 1152 годом. Вероятно, в этот отрезок времени орден оставался в Святой земле, в аббатстве близ Иерусалима. По слухам, французский король Людовик VII, возвращаясь из Второго крестового похода, привез с собой девяносто пять членов ордена. Никто не знает, в чем они должны были ему помогать и почему он желал им покровительствовать. Но если мы допускаем, что орден Сиона действовал в тени тамплиеров, это все объясняет, поскольку Людовик VII был обязан тамплиерам военной и финансовой поддержкой.

Итак, орден Сиона, основанный Готфридом Бульонским за полвека до описываемых событий, ступил или вновь ступил на землю Франции в 1152 году. Действительно, уточняет текст «документов», шестьдесят два члена ордена обосновались в «большом приорате» св. Самсона в Орлеане, который король подарил им; семеро других влились в ряды тамплиеров, а двадцать шесть (либо две группы по тринадцать человек) прибыли в «малый приорат на горе Сион», расположенный в Сен-Жан-ле-Блане в окрестностях Орлеана¹⁰.

Зная эти подробности, мы выходим из границ неуверенности и обретаем твердую почву под ногами, ибо грамоты, которыми Людовик VII устроил орден Сиона в Орлеане, все еще существуют. Они были много раз воспроизведены, а

оригиналы можно посмотреть в муниципальных архивах города. В этих же архивах находится датирующаяся 1178 годом булла Папы Александра III, которая официально подтверждает владения ордена: дома и обширные территории в Пикардии, во Франции (включая обитель св. Самсона в Орлеане), в Ломбардии, на Сицилии, в Испании и в Калабрии, а также многочисленные земли в Палестине, среди которых — Сен-Леонар-д'Акр. До Второй мировой войны в архивах Орлеана¹¹ находились по крайней мере двадцать грамот, упоминавших именно орден Сиона. К сожалению, во время воздушных налетов 1940 года все они, за исключением трех, погибли.

«РУБКА ВЯЗА» В ЖИЗОРЕ

Если верить «документам Приората», то 1188 год был важнейшим для Сиона и рыцарей Храма. Год назад Иерусалим снова был взят сарацинами, главным образом из-за некомпетентности и вспыльчивости Жерара де Ридфора, великого магистра ордена тамплиеров. Приговор «Секретных досье» более суров: в них говорится не о вспыльчивости или некомпетентности Жерара, а о его «предательстве» (очень неприятное слово!). В чем именно состояло его предательство, не объясняется. Но, по всей вероятности, оно вынудило «посвященных» ордена Сиона всем скопом вернуться во Францию, а точнее, в Орлеан. Утверждение правдоподобно, ибо, когда Иерусалим вновь оказался в руках неверных, аббатство на горе Сион должна была постигнуть та же участь. Поэтому нет ничего удивительного, что в подобных обстоятельствах обитатели его, лишившись своего оплота в Святой земле, стали искать убежища во Франции, где в их владении уже имелась земля.

События 1187 года — «предательство» Жерара де Ридфора и сдача Иерусалима, — видимо, ускорили разрыв между орденом Сиона и тамплиерами. Точные причины этого неизвестны, но согласно «Секретным досье» следующий год был свидетелем решительного поворота в жизни обоих орденов. И когда в 1188 году произошел окончательный раз-

рыв, орден Сиона перестал интересоваться своими знаменитыми протеже, как отец отвергает своего ребенка. Этот разрыв был отмечен неким ритуалом или церемонией, на которую намекают «Секретные досье» и другие «документы Приората», повествуя о «рубке вяза», имевшей место в Жизоре.

Записи об этом довольно туманны, но история и предания признают, что в 1188 году в Жизоре произошло очень странное событие, которое включало в себя рубку вяза. Факты таковы: перед крепостью находился луг, именуемый священным полем, которое, по сообщениям средневековых летописцев, с незапамятных времен пользовалось особым почитанием и в XII веке часто служило местом встреч французских и английских королей. В центре его рос старинный вяз, который в 1188 году во время встречи между Генрихом II Английским и Филиппом II Французским стал по непонятным причинам предметом серьезной, если не сказать кровавой, ссоры.

Согласно одному из рассказов, этот вяз отбрасывал единственную тень на священное поле. Дереву было более восьмисот лет, и ствол его был таким толстым, что девять человек, раскинув руки, едва могли обхватить его. Под этой приветливой тенью и расположились Генрих II и его спутники, оставив французского монарха, приехавшего позже, под жаркими лучами безжалостного солнца. На третий день переговоров под действием жары темпераменты накалились, вооруженные мужчины обменялись оскорбительными репликами, и из рядов галльских наемников Генриха II выпустили злополучную стрелу. Французы тотчас ринулись вперед, и, так как их было гораздо больше, чем англичан, последние были вынуждены искать убежища за стенами цитадели. Говорят, что в ярости Филипп II срубил дерево. Затем он стремительно возвратился в Париж, будучи в очень плохом настроении; там он заявил, что явился в Жизор вовсе не для того, чтобы играть в дровосека.

Разумеется, мы не преминули попытаться прочесть между строк этого простого до наивности средневекового анекдота нечто важное — объяснения и мотивации, оставшиеся

неизученными. Сама история кажется абсурдной, такой же абсурдной и загадочной, как истории, связанные с учреждением ордена Подвязки. Однако она находит подтверждение в других источниках.

Согласно другой хронике Филипп, кажется, действительно высказал Генриху свое намерение срубить дерево, и Генрих приказал «укрепить» ствол вяза стальными клинками. На следующий день появилась фаланга из шести эскадронов вооруженных французов, во главе каждого из которых стояли важные сеньоры королевства; у солдат в руках были пращи, топоры и дубинки. В завязавшемся бою старший сын и наследник английского трона Ричард Львиное Сердце ценой большого кровопролития попытался защитить дерево. К вечеру французы остались победителями на поле боя, и вяз был срублен.

В этом втором рассказе, как мы видим, заключено нечто большее, чем яростная ссора королей, а именно введение в бой воинов с обеих сторон с большим количеством участников и, возможно, жертв. К несчастью, ни в одной биографии Ричарда Львиное Сердце не содержится ни малейшего намека на подобное событие.

Зато «документы Приората» подтверждают и хронику, и предания: действительно, в 1188 году в Жизоре имел место любопытный спор, окончившийся рубкой вяза. Ничто вроде бы не говорит о том, что это событие как-то связано с орденом Сиона или с орденом Храма. С другой стороны, существующие записи так туманны и так противоречивы, что нельзя считать их безусловными. Очень вероятно, что тамплиеры присутствовали при этом инциденте — они часто сопровождали Ричарда Львиное Сердце, не говоря уже о том, что к тому времени Жизор более тридцати лет находился в их власти.

Похоже, это приключение с вязом скрывает от нас совсем не ту реальность, которую передали потомкам официальные рассказы. В самой их двусмысленности не кажется ли выпущенным главный элемент? Не выдана ли широкой публике простая аллегория, скрывающая за собой нечто гораздо более важное?

ОРМУС

Начиная с 1188 года, по утверждению «документов Приората», рыцари Храма были самостоятельны, независимы от ордена Сиона и не имели военных или каких-либо других обязанностей по отношению к нему. Впредь они вольны были служить своим целям и вершить свою судьбу вплоть до рокового дня — 13 октября 1307 года.

В том же самом 1188 году в ордене Сиона произошла полная перестройка. До сих пор одни и те же великие магистры, например Гуго Пайенский или Бертран де Бланшфор, одновременно руководили обоими институтами. Начиная с 1188 года орден Сиона стал выбирать своего собственного руководителя, независимого от ордена Храма. Первым среди них был Жан (Иоанн) де Жизор.

Орден Сиона также изменил свое название и принял то, под которым он известен нам и по сей день, — Приорат Сиона. К нему добавилось и второе название, довольно любопытное, — «Ормус». Это второе название использовалось, очевидно, до 1306 года (а через год был произведен арест французских тамплиеров). Слово «Ормус» представлено знаком — неким видом анаграммы, в котором сочетаются несколько слов-ключей и символов. Например, «ours» по-французски означает «медведь» — «ursus» по-латыни, намек на Дагоберта II и династию Меровингов (это мы увидим позже). «Orme» по-французски «вяз». «Or», разумеется, означает «золото». А прописная буква «M», составляющая обрамление для других букв, — это не только «M», но и астрологический символ Девы, означающий на языке средневековой иконографии Богоматерь.

Нам не встречались никакие упоминания о средневековом ордене или организации с названием «Ормус», и потому мы не смогли найти внешнее подтверждение сведений, содержащихся в «документах Приората». Но слово «Ормус» появляется в двух других совершенно разных контекстах. Во-первых, оно играет видную роль в зороастрийских идеях и в гностических текстах, являясь синонимом понятия света. Во-вторых, оно всплывает на поверхность в родословных масонства конца XVIII века. В масонской тради-

ции Ормус был египетским мистиком, последователем гностицизма из Александрии, где предположительно он жил в первые годы христианской эры. В 46 году он и шесть его товарищей были обращены в христианство св. Марком, апостолом от семидесяти. После этого он стал родоначальником новой секты, где смешивались принципы зарождающегося христианства и более древних верований.

Неизвестно, существовал ли Ормус Египетский на самом деле; но если представить себе то горнило мистической деятельности, каким была Александрия в I веке нашей эры, то такому персонажу там вполне нашлось бы достойное место. Всякого рода иудаистские и герметические* доктрины, последователи Митры и Зороастра, пифагорейцы и неоплатоники сталкивались в нескончаемой суматохе идей и мнений, где постоянно рождались и возрождались различные школы и доктрины. В изобилии имелись учителя самых разных верований, один из которых — а почему бы и нет? — мог принять имя «Ормус», выражающее светлое начало.

По той же масонской традиции в 46 году после Рождества Христова Ормус дал своему «новому ордену посвященных» специфический символ — красный или розовый крест. Мы знаем, что красный крест впоследствии оказался и на гербе рыцарей Храма, но смысл текста в «Секретных досье» совершенно ясен: в Ормусе следует видеть истоки ордена Розы и Креста, или розенкрейцеров. И в 1188 году Приорат Сиона прибавил к «Ормусу» еще одно название и стал называться орденом Истинных Розы и Креста.

С этого момента мы вновь оказались на очень сомнительной территории, и текст из «Секретных досье» начал казаться слишком подозрительным. Конечно, мы знакомы с заявлениями «калифорнийских розенкрейцеров» и других подобных современных организаций, которые выводят свои родословные из поздней античности и включают в них вели-

---

* Герметизм — античное религиозное философское течение, сочетавшее элементы греческой философии, халдейской астрологии, персидской магии, египетской алхимии. Представлено сочинениями, приписывавшимися Гермесу Трисмегисту, жившему во II—III вв. Герметизмом называют также совокупность оккультных наук — астрологии, алхимии, магии.

чайшие имена планеты. Но к ордену Розы и Креста, датирующемуся 1188 годом, мы относимся весьма скептически!

В самом деле, до начала XVII века или даже до последних лет XVI века не существует никаких следов розенкрейцеров (по крайней мере, рыцарей с этим именем), как убедительно показала это английский историк Фрэнсис Йейтс¹². Первые мифы, связанные с этим легендарным орденом, появляются около 1605 года и получают новый толчок десять лет спустя, после публикации трех взбудораживших общественность трактатов. В этих трактатах, появившихся в 1614, 1615 и 1616 годах, объявляется о существовании тайного братства, ассоциации посвященных мистиков, основанной неким Христианом Розенкрейцем, родившимся в 1378 году и умершим в 1484 году в преклонном возрасте — ста шести лет.

Сегодня принято считать, что Христиан Розенкрейц и его таинственное братство в действительности были лишь мистификацией, цели которой до сих пор неизвестны и которая, несомненно, имела в свое время серьезные политические последствия. Более того, теперь мы знаем автора брошюры, появившейся в 1616 году, — знаменитой «Химической свадьбы Христиана Розенкрейца». Речь идет об Иоганне Валентине Андреа, немецком писателе и теологе из Вюртемберга, который признался, что сочинил этот текст как «комедию» — в том смысле, в котором этот термин понимали Данте и Бальзак. Но в таком случае почему бы не предположить, что он сочинил и другие «розенкрейцеровские» брошюры, являющиеся источником всего, что сегодня известно об основании этой организации?

Однако, если «документы Приората» заслуживают доверия, мы должны пересмотреть проблему происхождения ордена Розы и Креста и увидеть в нем нечто другое, нежели ловко состряпанный в XVII веке фарс. Стоит подумать о нем как о тайном обществе или о подпольном братстве, которое действительно существовало. Быть может, оно было не совсем мистическим, но очень политизированным. Но оно могло существовать за четыреста двадцать пять лет до

того, как стало известно широкой публике, и за два века до своего легендарного основателя.

Еще раз повторяем: у нас нет никаких формальных доказательств. Конечно, роза с незапамятных времен являлась одним из великих мистических символов человечества, бывшим особо в моде во времена Средневековья, что доказывает «Роман о Розе» Гийома де Лорри и Жана Менгского и «Рай» Данте. Красный крест также был традиционным мотивом: мы находим его не только на гербе тамплиеров, но и на кресте Святого Георгия, каким его принял орден Подвязки, созданный спустя всего тридцать лет после краха тамплиеров. Но хотя розы и красные кресты изобилуют в мире символики, они не могут свидетельствовать о существовании ордена или тем более тайного общества с таким названием.

С другой стороны, как справедливо отметила Фрэнсис Йейтс, тайные общества, действовавшие задолго до розенкрейцеров XVII века, были «розенкрейцерскими» если не по названию, то по политической и философской ориентации¹³. Так, в разговоре с одним из исследователей Йейтс назвала Леонардо да Винчи розенкрейцером, имея в виду его образ мысли и убеждения.

Но это еще не все. В 1629 году, когда братство Розы и Креста переживало пик интереса в Европе, кюре Жизора Робер Деньо написал историю города и своей семьи. В этом манускрипте он прямо заявил, что орден Розы и Креста был основан Жаном де Жизором в 1188 году, чем подтвердил высказывания «документов Приората». Отстоящая от описываемых событий на четыреста пятьдесят лет вперед, рукопись представляет, по нашему мнению, доказательство тем более убедительное, что она исходит от человека, жившего в самом Жизоре¹⁴.

Но повторим еще раз: тексты «документов Приората» наталкивают только на предположения и не могут дать никакой абсолютной уверенности. Тем не менее не будем пренебрегать ими и удовольствуемся на первое время тем, что будем держать при себе свое суждение на этот счет.

ПРИОРАТ В ОРЛЕАНЕ

Параллельно с бесспорно важной информацией «документы Приората» предоставляют нам и другую, довольно разнородную и такую обыденную, что она представляется нам незначительной. Но именно ее незначительность говорит в пользу ее достоверности, ведь такие ничтожные детали вряд ли были выдуманы, тем более что большинство из них можно проверить.

Так, Жирар, аббат «малого приората» в Орлеане, между 1239 и 1244 годом уступил тевтонским рыцарям клочок земли в Акре. Причины этой сделки, естественно, никому не известны, но она была надлежащим образом установлена: существует грамота за подписью Жирара, датированная 1239 годом.

Но это еще не все. Имеется другая, похожая информация о некоем аббате Адаме, который руководил «малым приоратом» в 1281 году. Он передал участок земли близ Орваля монахам, занимавшим в то время аббатство, — это были цистерцианцы, которые поселились там на полтора века раньше, при св. Бернаре. Мы не сумели найти письменное свидетельство об акте передачи, но тем не менее это событие вполне правдоподобно, ибо имеются документы, касающиеся других похожих операций. В данном случае нас заинтересовало упоминание об Орвале, встречавшемся уже в ходе нашего расследования. Более того, этот участок земли должен был иметь исключительную важность, поскольку в «документах Приората» отмечено, что из-за этого дара Адам навлек на себя яростный гнев со стороны своих братьев из ордена Сиона и вынужден был отказаться от своих прерогатив. Акт сложения полномочий был формально засвидетельствован Тома де Сенвилем, великим магистром ордена Святого Лазаря. Сразу после этого опальный аббат уехал в Акр, а когда город попал в руки сарацин, несчастный аббат бежал оттуда на Сицилию, где и умер в 1291 году.

Надо сказать, что грамота о сложении полномочий аббатом Адамом исчезла. Но в 1281 году Тома де Сенвиль действительно был великим магистром ордена Св. Лазаря, резиденция которого находилась недалеко от Орлеана. А о том,

что аббат отправился в Акр, свидетельствуют две официальные прокламации и два письма, подписанных его рукой, первое из которых помечено августом 1281 года¹⁵, а второе — мартом 1289 года¹⁶.

«ГОЛОВА» ТАМПЛИЕРОВ

Одному моменту «документы Приората» уделяют особое внимание. Это отделение друг от друга орденов Сиона и Храма, произошедшее в 1188 году, когда был срублен вяз. Но, видимо, связь между орденами все же продолжала существовать, ибо «в 1307 году Гийом де Жизор получил от ордена Храма золотую голову *Caput LVIII m*»¹⁷.

Мы уже не в первый раз встречаемся с этой таинственной головой. Однако ее прямая связь с Сионом и со знаменитой семьей, царствовавшей в Жизоре, снова показалась нам сомнительной, словно «документы Приората» очень старались подчеркнуть эту взаимосвязь там, где ее не было. И все же именно по этому пункту нам удалось найти самые веские доказательства. Вот текст одного из отчетов инквизиции:

«11 мая следующего года Комиссия вызвала Гийома Пидуа, управляющего и хранителя богатств ордена Храма и на этом основании держащего у себя реликвии и раки, захваченные во время ареста тамплиеров в Париже. Он и его коллеги Гийом де Жизор и Рейнье Бурдон должны были представить членам Комиссии все деревянные и металлические фигурки, которые они собрали во время конфискации. Среди прочего добра тамплиеров обнаружилась большая голова из позолоченного серебра с ярлыком «*CAPUT LVIII m*»... с женским ликом»¹⁸.

Если эта голова продолжает озадачивать нас, то контекст, в котором появляется Гийом де Жизор, тоже не может не смущать. Он особо упомянут как сотоварищ Гийома Пидуа, являвшегося человеком короля Филиппа Красивого. Иными словами, так же, как и король Франции, де Жизор

был врагом тамплиеров и участвовал в их уничтожении. Однако, согласно «документам Приората», Гийом де Жизор был в то же самое время великим магистром Приората Сиона. Значит ли это, что Сион одобрял репрессивные акции Филиппа против тамплиеров и даже участвовал в них?

Некоторые документы вроде бы намекают на то, что Сион в определенном смысле не только разрешил уничтожение своих протезе, но и способствовал ему. Но правда и то, что эти же самые тексты подразумевают, что Сион осуществил в обстановке наибольшей секретности что-то вроде поддержки некоторым тамплиерам в последние дни существования ордена. Если факты точны, то Гийом де Жизор сыграл роль «двойного агента» и, быть может, взял на себя ответственность предупредить тамплиеров о том, что против них замышлялось.

Но равно можно предположить, что, если после официального разрыва в 1188 году Сион продолжал использовать свою официозную власть над тамплиерами, то Гийом де Жизор, по крайней мере частично, мог быть ответствен за уничтожение архивов ордена и за необъяснимое исчезновение его сокровища.

ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ ОРДЕНА ХРАМА

Среди текстов «Секретных досье» имеются три списка имен. Первый из них, самый простой и наименее интересный, называет всех аббатов, поставленных во главе владений Сиона в Палестине в период между 1152 и 1281 годами. В ходе наших поисков мы не раз встречали его в работах, которые представляются нам бесспорными и, таким образом, подтверждают его точность¹⁹. Во всех источниках список почти идентичен тексту «Секретных досье», за исключением двух имен, отсутствующих в источниках и фигурирующих в «документах Приората». В данном случае «документы Приората» не только согласуются с исторической правдой, но и заполняют пробелы.

Второй список содержит имена великих магистров ордена Храма с 1118 по 1190 год, то есть со дня его официально-го создания до разрыва с Сионом и «рубки вяза» в Жизоре.

Априори ничто не кажется в этом списке ненормальным, но если его сравнить с другими, которые опубликованы историками ордена Храма, то выявляются некоторые разночтения.

В соответствии с другими вариантами списка с 1113 по 1190 год было десять великих магистров, однако в «Секретных досье» всего восемь имен. Согласно другим спискам Андре де Монбар, дядя св. Бернара, был не только основателем ордена, но и великим магистром с 1153 по 1156 год. Согласно «Секретным досье», он никогда не был великим магистром, и все его действия происходили в тени, за спинами тамплиеров. Во всех других списках Бертран де Бланшфор — шестой великий магистр, с 1156 года, после Андре де Монбара, тогда как в «Секретных досье» он становится не шестым, а четвертым, в 1153 году. Впрочем, это не единственные расхождения, существующие между известными списками и «Секретными досье». Очень ли они серьезны, эти расхождения, и достаточно ли их, чтобы потерять доверие к «досье»?

В самом деле, стоит подчеркнуть, что нет никакого официального и точного списка великих магистров ордена Храма. Ничего подобного никогда не передавалось потомкам. Как мы знаем, архивы ордена были уничтожены или же исчезли, а первый известный список великих магистров датирован 1342 годом — спустя тридцать лет после разгрома ордена и двести двадцать пять лет со дня его основания. Значит, историки набросали этот список согласно старинным летописям, авторы которых то там, то здесь намекали на того или иного «магистра» или «великого магистра». Дополнительные сведения можно получить из грамот той эпохи, внизу текстов которых рядом с подписями названы титулы тамплиеров, издавших документ. Поэтому неудивительно, что в порядке следования имен великих магистров и в соответствующих датах царит такая неразбериха и они так сильно варьируются в различных документах.

Несмотря на все это, имеются некоторые существенные различия между «документами Приората» и другими известными текстами, и эти различия нельзя игнорировать. Нам пришлось в меру своих сил решать, грешит ли список

из «Секретных досье» незнанием или небрежностью либо, наоборот, он правдив и единственный содержит информацию, от которой отказались все историки. Если Сион на самом деле создал рыцарей Храма и если он (или, по крайней мере, его архивы) дожил до сегодняшнего дня, то можно не без оснований думать, что именно он владеет некими тайнами.

Впрочем, существует очень простое объяснение противоречий в списках великих магистров Храма из «Секретных досье»; объяснение, применимое ко всем расхождениям, которые могут существовать между ними и другими историческими источниками, считающимися бесспорными. Достаточно привести один лишь пример.

Кроме великого магистра в орден Храма входило большое число местных магистров: один в Англии, один в Нормандии, в Аквитании и на всех территориях, где находились владения ордена. Был также один для всей Европы в целом, один для морских дел и так далее. Таким образом, внизу страниц документов и грамот все эти магистры, местные и региональные, подписывались, как правило, одним и тем же титулом — *Magister Templi**. Сам великий магистр, будучи беззаботным или же просто скромным, не прибавлял ничего к этим двум словам. Так, Андре де Монбар, региональный магистр Иерусалима, имел на грамотах тот же титул, что и Бертран де Бланшфор, великий магистр ордена.

Следовательно, нет ничего удивительного в том, что историк, основывающий свои исследования на одной или двух грамотах и не проверивший своих ссылок, мог неправильно интерпретировать точный статус некоторых личностей из ордена Храма.

Верно это как для Андре де Монбара, так и для некоего Эверара де Барра, фигурирующего во многих списках в качестве одного из великих магистров ордена. Однако наши собственные исследования убедили нас в том, что он был лишь региональным магистром, избранным и находившимся во Франции и весьма поздно отправившимся в Святую землю. Тем не менее каждый знает, что согласно уставу ордена

---

* *Magister Templi* — магистр Храма (лат.).

великий магистр, который обязательно избирался генеральным капитулом, находящимся в Иерусалиме, сам должен был находиться там. В случае Эверара де Барра это не так, и поэтому надо было вычеркнуть его из списка великих магистров. Действуя таким образом, «Секретные досье» проводят на этот счет тщательные уточнения.

После того как мы провели более года, изучая и сравнивая различные списки великих магистров Храма, нам надо было изучить ссылки на всех историков ордена — английских, французских, немецких, а также их источники, хронистов того времени, например Вильгельма Тирского, и все современные им записи. Обобщив всю массу сохранившейся информации, рассмотрев при помощи лупы титулы и подписи на прокламациях, эдиктах, актах и на всех документах, имеющих отношение к тамплиерам, мы можем утверждать, что список, появившийся в «Секретных досье», наиболее точен не только в плане установления личностей великих магистров, но также и дат. Следовательно, если какой-либо список великих магистров Храма — единственный — должен считаться точным и окончательным, то это именно список из этих досье²⁰.

Не то чтобы этот список сам по себе имел главнейшее значение, но выводы, вытекающие из него, имеют. Мы вправе думать, что он основывается на исключительной и, вероятно, секретной информации. Кто-то получил доступ к этому источнику и использовал его для составления собственного списка великих магистров Храма. Повторяем: несмотря на некоторые расхождения, наш источник является наиболее точным, и эта точность неоспоримо свидетельствует в пользу всех документов «Секретных досье».

Нам была необходима эта уверенность. Без нее мы могли бы сразу же отказаться от третьего и последнего из списков, то есть списка великих магистров Приората Сиона, который на первый взгляд казался абсурдным.

ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ И ПОДЗЕМНАЯ РЕКА

Третий список из «Секретных досье»¹ — это последовательное перечисление великих магистров Приората Сиона, или, если использовать старое французское слово, «навигаторов», «перевозчиков».

Жан (Иоанн) де Жизор	1188—1220
Мари де Сен-Клер	1220—1266
Гийом де Жизор	1266—1307
Эдуар де Бар	1307—1336
Жанна де Бар	1336—1351
Жан де Сен-Клер	1351—1366
Бланш д'Эврё	1366—1398
Никола Фламель	1398—1418
Рене Анжуйский	1418—1480
Иоланда де Бар	1480—1483
Сандро Филипепи	1483—1510
Леонардо да Винчи	1510—1519
Коннетабль Бурбонский	1519—1527
Фердинанд де Гонзаг	1527—1575
Луи де Невер	1575—1595
Роберт Фладд	1595—1637
И. Валентин Андреа	1637—1654
Роберт Бойль	1654—1691
Исаак Ньютон	1691—1727
Чарлз Радклифф	1727—1746
Карл Лотарингский	1746—1780
Максимилиан Лотарингский	1780—1801
Шарль Нодье	1801—1844
Виктор Гюго	1844—1885
Клод Дебюсси	1885—1918
Жан Кокто	1918—1963

Прочитав этот список, мы снова засомневались. С одной стороны, он содержал имена, которые автоматически ожидаешь увидеть в подобных списках, — имена знаменитых людей, причастных к оккультизму и эзотерике. С другой — он включал имена людей, которых просто невозможно представить в качестве членов президиума тайного общества. Кроме того, это как раз те имена, на которые так легко ссылаются иные современные организации, озабоченные тем, чтобы придать себе вид достоверности. Так, калифорнийские розенкрейцеры объявляют себя потомками знаменитых представителей западной культуры: Данте, Шекспира, Гете...

Некоторые имена из этого списка, однако, не вызывают удивления. Никола Фламель был одним из самых известных алхимиков Средневековья. Роберт Фладр, философ XVII века, — специалист по тайным наукам. Что же касается его немецкого современника Иоганна Валентина Андреа, автора труда или трудов, давших начало знаменитому мифу о Христiane Розенкрейце, то с ним мы уже встречались. Другие имена не менее знамениты: Леонардо да Винчи, Сандро Филлиппи (более известный как Боттичелли); Роберт Бойль и Исаак Ньютон — блестящие ученые; Виктор Гюго, Клод Дебюсси и Жан Кокто — все они были замечательными личностями в культурной жизни своей эпохи.

Тем не менее по этому поводу возникает вопрос. Мыслимо ли, чтобы люди с такой известностью могли выполнять функции великих магистров тайного ордена так, что никто и никогда об этом не подозревал? В самом деле, можно ли вообразить Бойля или Ньютона вступившими на таинственный путь герметической мысли? И хотя Гюго, Дебюсси и Кокто интересовались подобными материями, их жизнь настолько хорошо известна, изучена и задокументирована, что в ней, кажется, тоже нет места для исполнения обязанностей великого магистра.

Список включает не только известные имена, но и другие, незнакомые как обыкновенному читателю, так и опытному историку. Таков, например, Гийом де Жизор, который в 1306 году сделал Приорат Сиона «герметическим масонст-

вом», и его дед, Жан (Иоанн) де Жизор, первый великий магистр ордена после «рубки вяза» и отделения от тамплиеров в 1188 году.

Жан де Жизор, безусловно, существовал. Он родился в 1133 году, умер в 1220-м, и его имя упоминается во множестве грамот. Богатый и могущественный, хозяин знаменитой нормандской крепости, где много раз встречались короли Франции и Англии, до 1193 года он был вассалом английского короля, страны, где у него имелись земли в Сассексе и усадьба в Тичфилде, в Хэмпшире². Согласно «Секретным досье», которые, правда, не уточняют причины, он встречался в 1169 году в Жизоре с Томасом Беккетом. Встреча вполне возможна, ибо Беккет как раз в этом году ездил в Жизор³, но конкретно проверить это не удалось.

Что же такого сделал этот безвестный Жан де Жизор, оставивший истории только свое имя и свой титул и не создавший ничего грандиозного? Чем же он заслужил пост великого магистра ордена Сиона? Ничем, если, конечно, не считать — и это единственное объяснение — его присутствия на густом и сложном генеалогическом древе, сок которого есть не что иное, как кровь самих Меровингов... Да, Жан де Жизор, так же как и остальные личности, упомянутые в списке, принадлежал — условие необходимое и достаточное — к этому знаменитому роду, который дал ордену много великих магистров.

В самом деле, орден Сиона выбирал своих верховных вождей из двух различных источников. Во-первых, как мы уже видели, среди самых известных личностей, принадлежавших к миру науки или искусства. Во-вторых, среди членов определенного рода, имеющего в своих жилах знатную, даже королевскую кровь. Эти последние, как правило, были персонажами второстепенными, сегодня канувшими в забвение (например, живший в XVIII в. Карл Лотарингский, деверь императрицы Марии Терезии, прославившийся своей непригодностью к сражениям и постоянно направляемый великим Фридрихом Прусским).

Бесспорную достоверность этому списку великих магистров Сиона придает именно посредственность некоторых

его членов. Действительно, разве автор выдуманной генеалогии не ввел бы в нее более замечательных персонажей, чем эти не очень-то блестящие аристократы? Таким образом, Приорат Сиона предстает перед нами осененный реализмом и простотой; он далек от того, чтобы вверять свою судьбу только гениям, мудрецам или святым, то есть людям необыкновенным, но кажется, что он выбирает решительно людей без исключительной судьбы, следуя сбалансированной и умеренной «дозировке».

В общем, если бы этот список был придуманным, то он содержал бы лишь знаменитые имена. Например, Данте, Микеланджело, Гете или Толстой лучше соседствовали бы с да Винчи, Ньютоном и Виктором Гюго, чем неизвестные Эдуар де Бар или Максимилиан Лотарингский. Не предпочтительнее ли были бы Байрон или Пушкин такому менее значительному писателю, как Шарль Нодье, а Жид или Камю, имеющие международное признание, — Жану Кокто, поэту несколько двусмысленному? И что сказать об отсутствии, например, Пуссена, чья связь с интересующей нас загадкой была уже в достаточной степени установлена?

Вот сколько появилось вопросов, не дающих нам покоя и требующих с нашей стороны очень глубокого изучения. Каждое процитированное имя должно было подвергнуться самой строгой проверке как в плане биографическом, так и в плане деятельности и поступков заинтересованных людей. Потом мы сформулировали четыре следующих вопроса:

1. Имел ли место личный, прямой или не прямой контакт между каждым предполагаемым великим магистром, его предшественником и его преемником?

2. Существовала ли связь, кровная или какая-либо другая, между каждым великим магистром и семьями, фигурирующими в генеалогиях «документов Приората» и, как предполагается, принадлежащими к роду Меровингов, в частности к герцогскому Лотарингскому дому?

3. Был ли связан каждый из великих магистров с Ренн-ле-Шато, Жизором, Стене, обителью Сен-Сюльпис и другими местами, обнаруженными в ходе нашего расследования?

4. Так как орден Сиона определил себя как «герметическое масонство», был ли каждый великий магистр замечен в склонности к герметической мысли и поддерживал ли он отношения с тайными обществами?

Раздобыть документы по великим магистрам до 1400 года было трудным делом, если не сказать невозможным, но они открыли нам удивительные подробности, касающиеся их последователей. Так, мы обнаружили, что большинство из них действительно имели более или менее тесные связи с одним или несколькими вышеупомянутыми местами, а именно Ренн-ле-Шато, Жизором, Стене или Сен-Сюльпис. Кроме того, в некоторых из них текла та же кровь, что и в представителях Лотарингского дома, или же они были связаны с ним каким-то другим образом (например, Роберт Фладд являлся наставником сына герцога Лотарингского). Мы обнаружили также, что начиная с Никола Фламеля все без исключения великие магистры Сиона были сторонниками герметической традиции и входили в какое-либо тайное общество, даже такие, как Бойль и Ньютон, которых никто даже не заподозрил бы в причастности к подобным учреждениям. Наконец, в большинстве своем великие магистры имели прямую или косвенную связь через посредство общих друзей с теми, кто им наследовал. Единственный разрыв в этой цепи произошел между Максимилианом Лотарингским и Шарлем Нодье во время Французской революции.

Разумеется, в пределах одной главы невозможно изучить в подробностях каждого великого магистра Приората Сиона. Впрочем, некоторые из них выходили из неизвестности только благодаря эпохе, во время которой они жили, и определение их точного места повлекло бы целую серию отступлений на забытые уже пути истории. Что касается других, то трудно обосновать роль, которую они играли, на нескольких страницах. В Приложении мы привели всю касающуюся их информацию, устанавливающую связи между ними, чтобы более широко обрисовать социальную и культурную атмосферу, в создании которой они коллективно приняли участие под эгидой Приората Сиона.

РЕНЕ АНЖУЙСКИЙ

Рене Анжуйский, «добрый король Рене», одна из самых знаменитых фигур европейской цивилизации Проторенессанса, заслуживает того, чтобы мы ненадолго задержали внимание на его очаровательной персоне.

Он родился в 1408 году и за время своего существования собрал невероятное количество титулов, среди которых самыми замечательными являются титулы графа де Бара, Провансальского, Пьемонтского и де Гиза, герцога Калабрийского, Анжуйского и Лотарингского, короля Венгрии, Неаполя и Сицилии, Арагона, Валенсы, Майорки и Сардинии, и, наконец, самый главный из всех — титул короля Иерусалима. Хоть он и был чисто номинальным, однако же был принят всеми европейскими монархами, и восходит он прямо к Готфриду Бульонскому. Одна из дочерей Рене, Мария, в 1445 году вышла замуж за Генриха VI Английского и сыграла важную роль в войне Алой и Белой розы.

Жизненный путь Рене Анжуйского, кажется, очень рано пересекся с жизненным путем Жанны д'Арк, причем весьма таинственным способом. Жанна, родившаяся в Домреми, что в герцогстве Бар, была подданной Рене. В первый раз она появляется в истории в Вокулере, на берегу Мезы, недалеко от своего родного городка, чтобы объявить коменданту крепости о «божественной миссии», которой она облечена: спасти Францию от английских захватчиков и обеспечить дофину королевский венец. Она должна присоединиться к нему в Шиноне, но сначала ей надо встретиться с герцогом Лотарингским, тестем и двоюродным дедом Рене.

Герцог удостоил ее аудиенции в своей столице, Нанси. По слухам, при этом присутствовал Рене Анжуйский. Когда герцог Лотарингский спросил ее, что ей угодно, Жанна ответила просто, несколькими словами, которые, однако же, озадачили многих историков: «Вашего зятя, коня и несколько храбрых мужчин, чтобы повести меня во Францию»⁴.

И тогда и позже было много разговоров об истинной природе отношений между Рене и Жанной. По некоторым источникам (вряд ли достоверным), они были любовниками. Но неоспорим тот факт, что с самого начала миссии

Жанны Рене находился рядом с ней, что он присоединился к ней позже при дворе дофина в Шиноне, что он сопровождал ее на штурм Орлеана⁵. Однако в дальнейшем историки постарались стереть из жизни Жанны д'Арк все следы Рене и не дают никаких уточнений по поводу его поступков и действий в период между 1429 и 1431 годом — период, являющийся апогеем деятельности Жанны. Обычно подразумевается, но без всяких доказательств, что Рене в то время не покидал герцогского двора в Нанси.

Но вернемся в Шинон, где Рене оказался рядом с Жанной и где при дворе блистала Иоланда Анжуйская. Действительно, именно Иоланда оказала необходимую моральную поддержку болезненному и слабовольному дофину; именно Иоланда быстро стала покровительницей Жанны, несмотря на всеобщее колебание; именно Иоланда убедила дофина видеть в Жанне спасительницу, на роль которой та претендовала; наконец, именно Иоланда устроила свадьбу дофина со своей собственной дочерью. А Иоланда — не кто иная, как мать Рене Анжуйского.

Чем дальше мы углубляемся в эти подробности, тем менее естественной представляется нам карьера Жанны д'Арк, как если бы кто-то, используя народную легенду о «Лотарингской девственнице» и ловко играя на психологии толпы, организовал «миссию» Орлеанской девы и управлял ею. Не обязательно, что отсюда вытекает существование тайного общества, но оно становится весьма вероятным, а особенно вероятным — под руководством Рене Анжуйского.

РЕНЕ И ТЕМА АРКАДИИ

Судьбы Жанны и Рене разошлись, и каждый пошел своей дорогой. Последуем вновь за герцогом Анжуйским. В отличие от многих современников, он менее похож на воина, чем на придворного и поэта. Любитель искусства, литературы и миниатюрной живописи, имеющий очень развитый ум, он опережал свой век, напоминая скорее утонченного принца итальянского Возрождения. Просвещенный меценат, он оказывал покровительство артистам и ученым, например Христофору Колумбу. Он сам сочинял стихи, мистические

аллегории — он автор «Coeur d'amour espris», а также составитель правил состязаний на турнирах. Занявшись эзотерическими науками, он содержал одного еврейского астролога, врача и каббалиста по имени Жан де Сен-Реми, который, возможно, был дедом знаменитого Нострадамуса.

Но кроме всего прочего, Рене Анжуйский любил рыцарство и романы о короле Артуре и Святом Граале. Он очень гордился тем, что обладал роскошным кубком из красного порфира; он объявил, что это кубок времен свадьбы в Кане Галилейской. Это необыкновенное приобретение он сделал в Марселе, куда, по преданиям, приплыла Магдалина со своим драгоценным ковчежцем. В других письменных источниках также говорится о кубке, принадлежавшем Рене, — о том же самом? — на котором была выгравирована таинственная надпись:

Qui bien beurra
Dieu voira.
Qui beurra tout d'une baleine
Voira Dieu et la Madeleine*⁶.

Итак, вполне разумно видеть в Рене одного из предшественников Ренессанса. Он провел много лет в Италии, где имел в своем владении большие территории. Его связывала дружба с герцогом Сфорца в Милане и с сеньором Флоренции Медичи. Он даже участвовал в несомненно честолюбивых проектах основателя могущественного флорентийского дома, планах, которые должны были наложить известный отпечаток на западную культуру.

Действительно, Рене находится в Италии, когда в 1439 году сеньор Флоренции посылает своих агентов во все концы света для поисков старинных рукописей и в 1444 году открывает первую в Европе публичную библиотеку — библиотеку Сан-Марко, отобрав таким образом у Церкви монополию на культуру. Благодаря ему впервые были переведены и, следовательно, стали доступны всем все великие произведения античной философии, например труды гностиков и

---

* «Кто хорошенько выпьет, узрит Бога. Кто выпьет все одним глотком, узрит Бога и Магдалину» (фр.).

герметиков. Впервые за семьсот лет в Европе университет Флоренции открыл курсы по изучению греческого языка. Наконец, сеньор Флоренции приказал создать центр по изучению трудов пифагорейцев и платоников, который, в свою очередь, позволил появиться на свет множеству других академий на всей территории Апеннинского полуострова.

Мы не знаем точно, какова была роль Рене Анжуйского в создании этих культурных очагов в Италии, но, по-видимому, именно он предложил им одну из своих любимых символических тем — тему Аркадии. Этот мотив впервые появился в западной постхристианской культуре именно в его творчестве. К примеру, в 1449 году Рене вместе со своим двором находится в своей резиденции в Тарасконе, где занимается постановкой целой серии «Действ» собственного сочинения — забавных гибридов турнира и маскарада, на которых рыцари состязаются между собой, представляющих в то же время что-то похожее на драму. Самая известная из них называется «Действо о пастушке», и в ней играет любовница короля, воплощающая все романтические и философские символы аркадской фигуры. Она председательствует на турнире, где рыцари, скрывшиеся под аллегорическими масками, символизируют конфликт различных идей и систем ценностей в пасторальной атмосфере, свойственной Аркадии и напоминающей церемониал Круглого стола и тайну Святого Грааля.

В произведениях Рене Анжуйского Аркадия встречается повсюду. Зачастую она представлена в образах фонтана или могилы, ассоциирующихся с подземной рекой. Эта река всегда отождествлялась с рекой Алфиос, главной рекой географической области Аркадия в Греции, которая протекает под землей и вновь выходит на поверхность в Сицилии, соединяясь с водами фонтана Аретузы. От античных времен до поэмы «Кубла-Хан» Колриджа обожествленная река Алфиос считалась священной, ибо ее название имеет общий корень с греческим словом «альфа», что, как известно, означает первопричину, источник, начало.

Эта подземная река, аллегория «подземных» преданий, скрытых от взгляда профана под различными формами эзотерической мысли, обрела для короля Рене очень большое

значение. Символ невидимого знания, тайны, передаваемой от поколения к поколению по обряду, — не мог ли он также внушить идею какого-то непризнанного потомства, рода, не прервавшегося до сих пор?

Впрочем, тема Аркадии и ее подземной реки вдохновляла не только Рене Анжуйского. В 1502 году в Италии вышла в свет книга, длинная пастораль под названием «Аркадия», влияние которой в области литературы и искусства окажется очень большим. Ее автор, Якопо Саннадзаро, возможно, был сыном Жака Саннадзаро, несколько раньше принадлежавшего к итальянскому окружению Рене Анжуйского. Эта же поэма в 1553 году будет переведена на французский язык и — странный факт — снабжена посвящением кардиналу де Ленонкуру, один из потомков которого в XX веке составит генеалогии «документов Приората»...

В заключение вспомним, что «Аркадией» также называется пасторальный роман англичанина Филипа Сидни⁷ и что в Италии она вдохновляла знаменитого Торквато Тассо, чей «Освобожденный Иерусалим» рассказывает о взятии Святого города Готфридом Бульонским. Но только в XVII веке, в творчестве Никола Пуссена, а особенно в «Аркадских пастухах», эта тема, бесспорно, достигает своего апогея.

Чем более мы вникали в суть дела, тем более очевидным нам представлялось, что под символическим образом «подземной реки» подразумевается нечто другое — идея традиции, иерархия ценностей, может быть даже, тщательно скрытое послание. Ибо эта река, невидимая для простых смертных, известна некоторым знатым семьям, прямо или косвенно фигурирующим в генеалогиях «документов Приората».

Таким образом, эти семьи передают их смысл и символ тем, кому они покровительствуют в области искусства, как ранее Рене Анжуйский передал их Сфорца, Медичи и Гонзагам, которые дали двух великих магистров ордену Сиона — Ферранте и Луи де Гонзагов, а также герцога Неверского. Отсюда образ «подземной реки» проник в творчество самых знаменитых художников и поэтов того времени, среди которых на первом месте — Боттичелли и Леонардо да Винчи.

МАНИФЕСТЫ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Как мы видели, первый манифест розенкрейцеров появился в 1614 году, следующий — спустя год, и оба они знаменуют рождение знаменитого мифа, влияние которого распространится на весь XVII век. Они немедленно провоцируют со стороны Церкви, в особенности иезуитов, сильную негативную реакцию, но зато вызывают исступленный восторг у либеральных протестантов Европы. Среди главных представителей традиции розенкрейцеров надо, разумеется, назвать Роберта Фладда, шестнадцатого великого магистра Приората Сиона, с 1595 по 1637 год.

В этих манифестах, претендующих на то, что они исходят из «тайного и невидимого» братства посвященных французов и немцев, подробно рассказывается история легендарного Христиана Розенкрейца⁸. В то же время в них публикуются грандиозные проекты: перестройка мира и человеческого сознания согласно великим принципам эзотерической мысли, приход к власти духовной свободы, когда человек, отбросив все преграды, получит доступ к недоступным до сих пор «тайнам природы» и станет хозяином своей судьбы в совершенной гармонии с космическими законами. Наконец, в них содержатся пылкие декларации, направленные против католической церкви и Священной Римской империи.

Мы уже видели, что эти первые проявления идей розенкрейцеров приписывают сегодня немецкому теологу Иоганну Валентину Андреа, великому магистру Сиона после Роберта Фладда, или, в самом крайнем случае, одному из его собратьев. Действительно, позже Андреа признается, что третий манифест от 1616 года — «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца», — анонимный, как и два предыдущих, он сочинил сам.

В данном случае речь идет о сложной герметической аллегории, оказавшей влияние на «Фауста» Гете. Фрэнсис Йейтс находит в ней отзвуки трудов английского мистика Джона Ди (который вдохновил Роберта Фладда), а также романов о Граале и о рыцарях Храма, — к примеру, Хри-

стиан Розенкрейц носил белую тунику, украшенную на плече красным крестом. В процессе повествования разыгрывается действие — аллегория внутри аллегории. Это действие рассказывает об одной принцессе «королевского рода», дочиста ограбленной маврами, которую выбрасывает на берег в деревянном сундуке и которая после многочисленных перипетий кончает тем, что выходит замуж за принца и возвращает свое наследство.

Предпринятое нами расследование выявило, что связи между Андреа и семьями, фигурирующими в генеалогиях «документов Приората», достаточно далеки. Не обнаружено никаких прямых линий наследования, кроме разве что Фридриха V, курфюрста Пфальцского. Фридрих был племянником главы протестантов Анри де Ла Тур д'Овернь, виконта Тюреннского и герцога Бульонского. Сам Анри являлся родственником семьи Лонгвиль, которая очень часто встречается в документах и в наших поисках. (Это тот Анри де Ла Тур д'Овернь, который с большими трудностями взял в 1591 году город Стене.)

Итак, в 1613 году Фридрих V женится на Елизавете Стюарт, дочери Якова I Английского, внучке Марии, королевы Шотландской, и правнучке Мари де Гиз, принадлежавшей к младшей ветви Лотарингского дома. Сто лет назад Мари де Гиз вышла замуж за герцога де Лонгвиля, а после его смерти — за Якова V Шотландского, создав таким образом династическую связь между семьями Стюартов и Лотарингов. Поэтому, как и трое следующих за ним великих магистров Приората, Андреа не скрывает своего интереса к королевскому трону Шотландии: герцогский дом Лотарингов был тогда очень ослаблен, и Сион моментально предпочел довериться всемогущим Стюартам.

Как бы то ни было, после свадьбы с Елизаветой курфюрст Пфальцкий собирает в своей столице, Гейдельберге, двор, страстно увлеченный эзотерикой. Фрэнсис Йейтс пишет:

«В Пфальце сформировалась культура, которая прямоком вышла из Ренессанса, но с более поздними тенденциями, культура, которую можно определить при-

лагательным «розенкрейцерская». Человеком, вокруг которого бурлили эти глубоководные течения, был Фридрих, курфюрст Пфальцский, и их представители надеялись на политико-религиозное выражение их целей... Движение сторонников Фридриха... было попыткой передать этим течениям политико-религиозное выражение, реализовать идеал тайной реформы, в центре которой будет реальный принц... Это... создало культуру, государство розенкрейцеров со своим двором в Гейдельберге»⁹.

Если Фридрих V играет большую роль в проповедовании идеи розенкрейцеров, то, кроме того, он кажется облеченным особой духовной и политической миссией, которая несет в себе множество обязательств, но не меньше больших надежд. В 1618 году он действительно принимает корону Богемии, которую предлагают ему сеньоры-бунтовщики, пытаясь вызвать гнев Папы и германской Священной Римской империи и толкая Европу в хаос Тридцатилетней войны. Два года спустя курфюрст Пфальцский был изгнан в Голландию, а Гейдельберг попал в руки католических войск. Что касается Германии, то она мало-помалу превратилась в гигантское поле битвы, театр одного из самых разрушительных и кровопролитных военных конфликтов, пережитых Европой. Но, выйдя из этого конфликта, Католическая церковь почти восстановила свое бывшее величие времен Средневековья.

В самом сердце этого крайнего беспорядка Андреа создает сеть более или менее секретных обществ под названием «Христианские союзы». Каждое из этих обществ руководится анонимным принцем, и в него входят еще двенадцать членов такого же ранга, разделенных на четыре специализированные группы и действующих в строго определенных сферах¹⁰. Цель этих «Христианских союзов» — охранять ценности и знания, которым угрожает опасность, особенно недавние научные достижения, объявленные Церковью еретическими. В то же время «Союзы» объявляют себя убежищами и защитниками врагов инквизиции, неразлучной с католическими армиями и яростно подавляющей малейшие

проявления розенкрейцерских идей. Множество эрудитов, философов и ученых нашли убежище в ячейках, созданных Андреа на местах, и благодаря им добрались до Англии, где начинало создаваться масонство. В определенном смысле «Христианские союзы» Андреа участвовали в организации масонских лож.

Итак, множество друзей и сторонников Андреа встретились по ту сторону Ла-Манша. В их числе: Самуэль Хартлиб, Адам Коменский, более известный под именем Комениуса, с которым Андреа состоял в переписке; Теодор Хаак, близкий друг Елизаветы Стюарт, и доктор Джон Уилкинс, бывший личный капеллан Фридриха Пфальцского и будущий епископ Честерский.

Появившись в Англии, все они без исключения входят в масонские кружки. Там мы находим Роберта Мореля, члена ложи с 1641 года; Элиаса Эшмола, специалиста по рыцарским орденам, масона с 1646 года; юного, но не по годам развитого Роберта Бойля, члена другого тайного общества — возможно, Приората Сиона, раз его имя фигурирует в списке великих магистров после Андреа.

Под покровительством Кромвеля эти английские и европейские умы, собравшись в динамичный ансамбль, создадут «невидимую коллегия», названную так Бойлем как отклик на манифесты розенкрейцеров. Эта «невидимая коллегия» станет в 1660 году, во время реставрации монархии, Королевским обществом¹² под покровительством и при поддержке Карла II Стюарта. Фактически все члены — основатели Королевского общества были масонами. Разумно поэтому предположить, что и само общество, по крайней мере в самом начале, было чисто масонским, происходящим через «Христианские союзы» Андреа от «невидимого братства розенкрейцеров».

Но течение «подземной реки», рожденной у ног Рене Анжуйского, здесь не останавливается. Следуя своей дорогой от Бойля до Исаака Ньютона, сменяющих друг друга великих магистров Приората, она теперь погружается в хитрые излучины масонства XVIII века.

ДИНАСТИЯ СТЮАРТОВ

Согласно «документам Приората» после Ньютона великим магистром Сиона стал Чарлз Радклифф. Его имя не было для нас таким же звучным, как Ньютон, Бойль или даже Андреа. Мы вообще не знали, кем был Чарлз Радклифф. Но когда навели о нем справки, он предстал перед нами как фигура значительная, влиятельная, даже таинственная в истории культуры XVIII века.

С XVI века Радклиффы были влиятельным родом в Нортумберленде. В 1688 году, незадолго до того как Яков II был свергнут, он пожаловал им титул герцогов Дервентуотерских. Чарлз Радклифф родился в 1693 году. Его мать была незаконной дочерью Карла II от любовницы Молль Дэвис. Таким образом, Радклифф со стороны матери унаследовал королевскую кровь, оказавшись внуком предпоследнего монарха Стюарта. Он был кузеном Красавчика принца Чарли* и Джорджа Ли, герцога Личфилда, — другого незаконного внука Карла II. Поэтому неудивительно, что Радклифф посвятил большую часть своей жизни делу Стюартов.

В 1715 году это дело возглавил Яков III, «Старый претендент», в то время живший в изгнании в Бар-ле-Дю у герцога Лотарингского. В том же году Радклифф и его старший брат Джеймс участвовали в Шотландском восстании. Обоих схватили и заключили в тюрьму. Джеймс был казнен, а Чарлзу удалось, явно с помощью герцога Личфилда, совершить беспрецедентный побег из тюрьмы Ньюгейт и позже вступить в ряды якобитов во Франции. В последующие годы он стал личным секретарем «Юного претендента», принца Чарли.

В 1745 году принц Чарли высадился в Шотландии и предпринял донкихотскую попытку восстановить Стюартов на британском троне. В этом же году Радклифф, пустившийся в дорогу для соединения с ним, был схвачен на французском корабле, приставшем к Доггер-банке. Через год, в 1746 году, «Юный претендент» был наголову разбит в

---

* Красавчик принц Чарли, «Юный претендент» — прозвища принца Карла Стюарта (1720—1788), сына Якова Эдуарда Стюарта.

Куллоденском сражении, а через несколько месяцев после этого Чарлз Радклифф умер под топором палача в лондонском Тауэре.

Во время пребывания во Франции Стюарты принимали деятельное участие в распространении масонства. Их принято считать основателями его особой формы, известной как «Шотландский обряд». Это более высокая степень масонства по сравнению с другими масонскими системами того времени. «Шотландский обряд» обещал посвящение в еще более глубокие тайны — тайны, которые сохранялись и передавались из поколения в поколение в Шотландии. Он устанавливал более тесные связи между масонством и такими сферами деятельности, как алхимия, Каббала и герметизм, тоже считавшимися розенкрейцерскими. Он подчеркивал не только свою древность, но и блестящую родословную.

Возможно, что «Шотландский обряд» был изначально придуман Чарлзом Радклиффом. В любом случае Радклифф в 1725 году основал первую масонскую ложу на континенте — в Париже. В этом же году или в следующем он был назначен великим магистром всех французских лож и пребывал на этом посту и в 1736 году, десять лет спустя. Распространение масонства в XVIII веке было обязано Радклиффу больше, чем кому-либо другому.

Обычно, особенно после 1738 года, Радклифф не афишировал свою деятельность и в основном действовал через посредников и «глашатаев». Самым знаменитым из них была загадочная личность, известная под именем шевалье Эндрю Рамсея¹³.

Рамсей родился в Шотландии где-то в 1680-х годах. В молодости он был членом квазимасонского, квазирозенкрейцерского общества под названием «филадельфийцы». Среди других членов этого общества были по крайней мере два близких друга Исаака Ньютона. Рамсей же относился к Ньютону с глубочайшим почтением, считая его высоким посвященным мистиком — человеком, который вновь открыл и реконструировал вечные истины, скрытые в древних таинствах.

Рамсея связывают с Ньютоном и другие люди. Он знаком с Жаном Дезагюлье, одним из ближайших друзей Нью-

тона. А в 1707 году изучает математику под руководством некоего Никола Фасио де Дюйе, самого близкого из друзей Ньютона. Как и Ньютон, тот демонстрировал явный интерес к камизарам — секте катаров-еретиков, в то время преследуемых в Южной Франции и ставших *cause célèbre** для Фасио де Дюйе.

В 1710 году Рамсей находился в Камбре, где подружился с философом-мистиком Фенелоном, бывшим кюре из Сен-Сюльпис, который в то время стал бастионом довольно сомнительной ортодоксии. Точно не известно, когда Рамсей познакомился с Чарлзом Радклиффом, но к 1720-м годам он уже принимает деятельное участие в якобитском движении. Некоторое время он даже служит наставником Красавчика принца Чарли.

Несмотря на его связи с якобитами, в 1729 году Рамсей возвратился в Англию, где, вопреки явному отсутствию надлежащих научных трудов, он был сразу принят в Королевское общество. Он также стал членом еще более закрытой организации, называемой «Клубом для джентльменов» (*Gentleman's Club of Spalding*). Членом этого клуба были такие люди, как Дезагюлье, Александр Поуп и, до самой смерти в 1727 году, Исаак Ньютон.

К 1730 году Рамсей возвращается во Францию и развивает бурную деятельность на пользу масонов. Он усердно посещает заседания, где встречается с такими известными людьми, как Дезагюлье. Ему покровительствует семья Тур д'Овернь, виконтов Тюреннских и герцогов Бульонских, которые три четверти века назад были связаны с Фридрихом Пфальцским. Во времена Рамсея герцог Бульонский был кузеном Красавчика принца Чарли и одной из заметных фигур у масонов. Он пожаловал Рамсею поместье, а также городской дом и назначил его воспитателем своего сына.

В 1737 году Рамсей опубликовал свою знаменитую «Речь» — пространное исследование истории масонства¹⁴, ставшее основополагающим документом масонского братства. Благодаря этой работе Рамсей становится самым из-

---

* *Cause célèbre* (фр.) — причина, повод прославиться.

вестным глашатаем масонов того времени. Но наши исследования убедили нас, что за спиной Рамсея стоял Чарлз Радклифф, который тогда председательствовал в ложе, где произносил речи Рамсей. Радклифф снова появляется в 1743 году на похоронах Рамсея как его душеприказчик. Радклифф был силой, стоявшей за Рамсеем, а Рамсей был звеном между Радклиффом и Ньютоном.

Несмотря на преждевременную смерть Радклиффа в 1746 году, семена, посеянные им в Европе, продолжали приносить плоды. В начале 1750-х появляется новый видный представитель масонства — немец Карл Готлиб фон Хунд. Хунд утверждает, что был посвящен в 1742 году, за год до смерти Рамсея и за четыре года до кончины Радклиффа. Он говорит, что во время посвящения его познакомили с новой системой масонства. Ее открыли ему «неизвестные старшие»¹⁵. Эти «неизвестные старшие», уточнял Хунд, были тесно связаны с движением якобитов. Он даже считал вначале, что человек, председательствовавший на его посвящении, был Красавчиком принцем Чарли. И хотя это оказалось не так, Хунд остался при своем мнении, что неизвестный был тесно связан с «Юным претендентом». Кажется разумным предположить, что этим человеком был Чарлз Радклифф.

Система масонства, в которую посвятили Хунда, это вариант «Шотландского обряда», который потом назвали «Строгое послушание». Название основано на клятве строго соблюдать обряды ордена, обеты непоколебимого, безусловного подчинения таинственным «неизвестным старшим». Основной догмат «Строгого послушания» заключался в том, что эта ложа ведет начало от рыцарей-тамплиеров, переживших преследование 1307—1314 годов и сохранивших свой орден в Шотландии.

Мы уже были знакомы с этим утверждением. На основе нашего собственного исследования мы могли допустить, что в какой-то степени это правда. Тамплиеры сражались на стороне Роберта Брюса в битве при Баннокберне. Так как папская булла, предписывающая распустить орден тамплиеров, никогда не была ратифицирована в Шотландии, то орден здесь никогда не притесняли. Мы нашли кладбище там-

плиеров в Аргайллшире. Самое раннее из надгробий датировано XIII веком, более поздние — XVIII веком. На ранних надгробных камнях выбиты рисунки с символами, сходными с найденными на кладбище тамплиеров в Англии и Франции. На поздних надгробиях они дополнены масонской символикой. В результате мы сделали вывод, что орден выжил в средневековом Аргайлле, сначала скрываясь, а потом постепенно выходя из подполья, смешиваясь с масонскими гильдиями и шотландскими кланами.

Поэтому корни «Строгого послушания», о котором рассказал Хунд, не казались нам невероятными. К сожалению, и он не мог развить новую систему масонства. В результате современники объявили его шарлатаном, обвинили в том, что он придумал историю своего посвящения и встречи с «неизвестными старшими» и что его обязательство распространять идеи «Строгого послушания» не более чем вымысел. На эти обвинения Хунд мог ответить только, что «неизвестные старшие» оставили его. Они обещали восстановить с ним контакт и дать ему дальнейшие инструкции, но так и не сделали этого. До конца жизни он утверждал, что он честный человек, повторяя, что его покинули покровители, которые действительно существовали.

Чем больше мы думали о заявлениях Хунда, тем правдоподобнее они звучали. Он предстал перед нами несчастной жертвой — не столько преднамеренного предательства, сколько непредсказуемого стечения обстоятельств. Ибо, согласно его же собственному объяснению, Хунд был посвящен в 1742 году, когда якобиты являлись еще влиятельной политической силой на континенте. Но к 1746 году Радклиффа уже не было. Умерли и многие его коллеги, другие были в тюрьме или в ссылке — иногда так далеко, как Северная Америка. Если «неизвестные старшие» Хунда и не восстановили контакт со своим протезе, то они не сделали этого не по своей вине. Тот факт, что от Хунда отказались сразу после разгрома якобитов, подтверждает его рассказ.

Есть другое свидетельство, которое заставляет верить не только Хунду, но и «документам Приората». Это свидетельство — список великих магистров ордена Храма, который Хунд получил, как он утверждал, от «неизвестных стар-

ших»¹⁶. На основе нашего собственного исследования мы сделали вывод, что список великих магистров ордена Храма в «Секретных документах» являлся настолько точным, что мог быть составлен только на основе конфиденциальной информации. За исключением написания одного из имен, список, представленный Хундом, точно совпадал со списком в «Секретных документах». Короче говоря, Хунд каким-то образом получил список великих магистров ордена Храма, более точный, чем любой другой известный в то время. Более того, он получил этот список, когда многие хартии, документы и прокламации находились под замком в Ватикане и были недоступны. Это подтверждает, что рассказ Хунда о «неизвестных старших» не является выдумкой и означает, что эти люди были широко осведомлены об ордене Храма — более осведомлены, чем они могли бы быть без доступа к тайным источникам.

В любом случае, несмотря на выдвинутые против него обвинения, Хунд не остался без поддержки. После поражения якобитов он нашел покровителя и друга в лице правителя Священной Римской империи. В то время им был Франциск, герцог Лотарингский, который, сочетавшись браком с Марией Терезией Австрийской в 1735 году, соединил дома Габсбургов и Лотарингов и положил начало новой династии. Согласно «документам Приората», брат Франциска, Карл Лотарингский, наследовал Радклиффу как великий магистр Сиона.

Франциск был первым европейским принцем, ставшим масоном и не скрывавшим этого. Он был посвящен в 1731 году в Гааге — бастионе эзотерического учения с тех пор, как розенкрейцеры обосновались там во время Тридцатилетней войны. На посвящении председательствовал Франсуа Жан Дезагюлье, близкий друг Ньютона, Рамсея и Радклиффа. Более того, вскоре после посвящения Франциск надолго отправился в Англию. Здесь он стал членом вполне безобидной на вид организации «Клуб для джентльменов».

В последующие годы Франциск Лотарингский был, вероятно, наиболее ревностным распространителем масонства, чем любой другой европейский монарх. Его двор в Вене стал в некотором смысле столицей масонства в Европе и центром

интенсивной эзотерической деятельности. Сам Франциск был практикующим алхимиком, его лаборатория располагалась в императорском дворце в Хофбурге. После смерти последнего Медичи он стал великим герцогом Тосканским и умело защищал от инквизиции масонов во Флоренции. Через Франциска Чарлз Радклифф, основавший первую масонскую ложу на континенте, передал долговременное обширное наследство.

КРУЖОК ШАРЛЯ НОДЬЕ

Сравнивая его с известнейшими политическими и культурными деятелями, хочется задать вопрос: с какой стати Шарль Нодье был избран великим магистром Сиона? Писатель довольно скромной значимости, хотя и не лишенный известного шарма, не слишком красноречивый эссеист, второстепенный романист, он вписывается в традицию Гофмана или Эдгара По, не создав по-настоящему собственной школы. Но так как в свое время он считался литературным деятелем первого плана, мы увидим, что он войдет в описываемые нами события, причем очень неожиданными окольными путями.

В 1824 году Нодье, будучи уже знаменитым, был назначен главным библиотекарем Арсенала, где собраны все средневековые рукописи, особенно те, которые имеют отношение к оккультным наукам, а именно тексты, написанные алхимиком Никола Фламельем, одним из первых великих магистров Сиона. Но библиотека Арсенала ревниво охраняет среди своих сокровищ и коллекции кардинала Ришелье, и многие работы по магии и герметической науке, по каббалистической мысли.

Французская революция ограбила все библиотеки и монастыри, какие только смогла. Книги и рукописи были собраны в Париже и присоединены к тем, что Наполеон тысячами посылал из Ватикана с четкой целью создать великую библиотеку и осуществить тем самым долго лелеемую мечту. Для этого в Риме он систематически занимался конфискацией всех документов, касающихся ордена Храма, из которых затем лишь немногие возвратились в папскую резиден-

цию. Именно этот огромный, прибывший из центра и с различных окраин Франции материал был доверен Шарлю Нодье.

В работе ему ассистировали двое сотрудников — Элифас Леви и Жан Батист Питуа (литературный псевдоним — Поль Кристиан), которые вместе с ним захотели возобновить интерес публики к эзотерике и принять заметное участие в возрождении оккультных наук, которым будет отмечен XIX век. Работа Питуа «История и практика магии» становится библией студентов, привлеченных этими вопросами. Совсем недавно переизданная в Англии, она и сегодня остается основным трудом в этой области.

Хотя Нодье и был очень занят на своем официальном посту в Арсенале, он тем не менее продолжал писать. Одно из его последних произведений, монументальная работа во многих томах, богато иллюстрированная, посвящена главным городам Франции. И большое место отведено эпохе Меровингов — поразительный факт в век, когда этому мрачному периоду истории уделялось так мало интереса. Длинные параграфы отданы тамплиерам, а Жизору — достаточно большая статья, подробно рассказывающая о «рубке вяза»¹⁷.

Библиотекарь и писатель, Шарль Нодье в то же время создает в Арсенале блестящий салон, который быстро превращается в один из центров парижской литературной жизни. Ему, замечательному оратору, как старшему и более мудрому, все курят фимиам, и он становится любимцем целого поколения молодых писателей. Среди них находится и его ученик и друг Виктор Гюго, будущий вожак новой школы, призванный, согласно «документам Приората», сменить его на посту великого магистра Сиона. Но это не единственная выдающаяся личность кружка. Его окружают и другие, и впоследствии они станут гораздо более знаменитыми, чем их мэтр. Речь идет о Франсуа Рене де Шатобриане, который отправится в паломничество в Рим на могилу Пуссена и возведет надгробный памятник, на котором будет воспроизведена его картина «Аркадские пастухи»; о Бальзаке, о Делакруа, о Дюма-отце, о Ламартине, о Мюссе, о Теофиле Го-

тье, о Жераре де Нервале и Альфреде де Виньи. Все они без исключения, подобно поэтам и художникам Возрождения, были увлечены эзотерическими идеями, и в частности герметической. И все они в равной степени введут в свои произведения мотивы, темы, сноски или намеки на легенды Ренн-ле-Шато. Мимоходом заметим, что в «Путешествии в Ренн-ле-Бен», вышедшем в 1832 году, мы уже найдем историю о легендарном сокровище, связанном с Бланшфором и с Ренн-ле-Шато. Его автор, Огюст де Лабуисс-Рошфор, опубликовал и другое произведение — «Любовники — Элеоноре», титульный лист которого без всяких объяснений украшен следующей надписью: «Et in Arcadia ego»...

Короче говоря, если литературная и оккультная деятельность Нодье должным образом вписывается в наше исследование, другой аспект его личности — его постоянная принадлежность к различным тайным обществам — поражает еще сильнее. Действительно, известно, что в 1790 году, в возрасте десяти лет, он входит в группу филадельфийцев¹⁸ и что в 1793 году он основывает другой кружок, может быть, связанный с предыдущим, который принимает самых непримиримых врагов Наполеона. Устав, датированный 1797 годом, свидетельствует о создании еще одного кружка, также названного «филадельфийцами»¹⁹. В библиотеке Безансона находится неизвестное эссе, написанное близким другом Нодье и прочитанное перед этим новым кружком. Эссе называется «Пастух Аркадии, или Первые звуки сельской флейты»²⁰.

Наконец в 1802 году в Париже Нодье публично признается в своей принадлежности к тайному обществу, которое он описал как «библейское и пифагорское»²¹, и в 1815 году публикует анонимно весьма любопытную «Историю тайных военных обществ», довольно двусмысленную, где неясны границы, разделяющие действительность и фантастику. Аллегии современных исторических событий, философия и практическая деятельность тайных объединений, быть может ответственных за падение Наполеона, так ловко переплетены между собой, что невозможно отличить правду от вымысла. В то время тайных обществ было множество, заяв-

ляет Нодье в своем произведении и добавляет, что одно из них превосходило все остальные, а именно общество Филадельфийцев. Связанный клятвой, он «может сообщить их социальное наименование, но только тем, кому это исключительно предназначено»²². Здесь явный намек на Сион, особенно в нижеследующем, довольно неясном отрывке предполагаемой речи, возможно, произнесенной во время собрания Филадельфийцев одним заговорщиком, заклятым врагом Наполеона:

«Он слишком молод, чтобы связывать себя с вами клятвой Ганнибала; но вспомните, что я назвал его Элиасеном и что я завещаю ему охрану храма и алтаря, если я умру прежде, чем увижу, как падет с узурпированного трона последний из угнетателей Иерусалима...»²³.

Итак, когда Нодье опубликовал эту «историю тайных обществ», отношение к нему резко изменилось. Теперь этим слишком многочисленным подпольным организациям вменялись в вину и вихрь революций, витавший тогда над Европой, и атмосфера страха и смятения, распространившаяся по всему континенту. Им приписывались малейшие проявления насилия или беспорядка, ничтожнейшие необъяснимые события. Наконец, их обвиняли в тайных диверсиях против государственных институтов, верований и даже основ нации. За этим последовала охота на ведьм и суровые кары, которые, будучи часто неправыми, в свою очередь, способствовали умножению подрывных действий и скрытой оппозиции. Часто являющиеся лишь продуктом воображения, секретные общества создавали у публики настоящий психоз, и это придавало им такое значение, которого они в действительности вовсе не имели.

В реальности, достигшей размеров мифа, или в мифе, за которым надо было видеть могущественную реальность, тайные общества сыграли свою первостепенную роль в истории Франции XIX века. Во всяком случае, что касается Шарля Нодье, то он занимает в ней важнейшее место²⁴.

ДЕБЮССИ И РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ

Вновь возникший во многом благодаря Шарлю Нодье интерес к эзотерике продержался до конца XIX века и достиг своей наивысшей точки в Париже. Когда в 1891 году Беранже Соньер нашел в своей церкви в Ренн-ле-Шато таинственные свитки, Клод Дебюсси, согласно списку «Секретных досье», сменил Виктора Гюго на посту великого магистра Сиона.

Дебюсси, как нам кажется, познакомился с Виктором Гюго через поэта Поля Верлена, многие стихи которого он позже положит на музыку. Он, конечно, был членом символистских кружков, неодинаковых по своему качеству, которые тогда дополняли парижскую культурную жизнь. Когда аббат Соньер приехал в Сен-Сюльпис, чтобы представить найденные им пергаментные свитки своему начальству, он встречался с Дебюсси через Эмиля Оффе и Эмму Кальве. В этих же кружках состояли Стефан Малларме (его «Послеполуденный отдых фавна» будет положен на музыку Клодом Дебюсси), Морис Метерлинк (его «меровингская» драма «Пеллеас и Мелизанда» заботами музыканта станет знаменитой оперой) и Вилье де Аиль-Адан, автор «Акселя», «розенкрейцерского» произведения и библии всего символистского движения. Дебюсси напишет либретто и для него, но смерть помешает ему закончить работу. Наконец, не забудем упомянуть знаменитые «вторники» Стефана Малларме, на которых регулярно бывали среди прочих Оскар Уайльд, У. Б. Йейтс, Стефан Джордж, Поль Валери, молодой Андре Жид и Марсель Пруст.

Но если все эти кружки имели под различными названиями определенный эзотерический аспект, то Клод Дебюсси посещает и другие, где он сталкивается с величайшими деятелями оккультных наук. Это такие имена, как Станислас де Гуайта, близкий друг Эммы Кальве и основатель кабалистического ордена Розы и Креста, сатанист Жюль Буа, еще один друг Эммы Кальве, и Мазерс, который создал знаменитое в то время английское тайное общество — орден Золотой Зари.

Еще одним оккультистом из окружения Дебюсси был известный всем доктор Жерар Анкокс, написавший под псевдонимом «Папюс»²⁵ работы о гадании на картах. Папюс был членом многих тайных эзотерических обществ, он также являлся другом и доверенным лицом Николая и Александры, царя и царицы России, и в числе его приближенных был библиотекарь из Каркасона Жюль Дуанель. Оба они взяли на себя обязанности епископов лангедокской Неокатарской церкви, и Дуанель объявил себя сверх того гностическим епископом Мирпуа, включающего в себя приход Монсежур, и Але, включающего приход Ренн-ле-Шато.

Как говорят, церковь Дуанеля была освещена неким епископом с Востока во время визита к жене лорда Джеймса Синклера в Париже. Являясь одной из многочисленных и безобидных сект, известных в Париже в конце века, эта церковь тем не менее вызовет живое волнение в официальных кругах, провоцируя даже отправку в Ватикан специального досье на «возникновение катарских тенденций», за которым последовал недвусмысленный приговор Святейшего Отца, обличающего учреждение Дуанеля как новое проявление древней альбигойской ереси.

Не заботясь об этом, Дуанель продолжает свою деятельность в округе Соньера. Мы приблизились к 1890 году, когда кюре Ренн-ле-Шато начинает афишировать свое богатство. И вполне возможно, что оба этих человека были представлены друг другу либо Дебюсси и Эммой Кальве в Париже, либо аббатом Анри Буде, другом Соньера и членом Общества искусства и науки в Каркасоне.

В это же самое время из Святой земли возвращается некий путешественник и присоединяется к группе своих друзей по оккультным наукам. Это Жозефен Пеладан, ученик Папюса и Клода Дебюсси, которым он объявляет великую новость: да, речь идет не о чем ином, как о могиле Христа, которую он нашел совсем не на традиционном месте Гроба Господня, а под мечетью Омар, старинной частью чужой территории, отданной ранее тамплиерам. Необыкновенное, величайшее открытие, восторгается его автор. В другое время «оно потрясло бы католический мир до самого основа-

ния»²⁶. Но как и по каким критериям была идентифицирована могила Иисуса и чем ее существование было способно до такой степени поколебать католические догматы? Связано ли это открытие с главным разоблачением, касающимся дальнейшей жизни всемогущего Ватикана? Ни путешественник, ни его друзья не соизволили объясниться по этому поводу, а Пеладан, добрый католик, не вдаваясь в подробности, много раз обращает внимание своего окружения на смертность Иисуса.

Между тем в 1890 году Пеладан основывает новый «католический орден Розы и Креста, Храма и Грааля», которому удастся ускользнуть от запрета Папы, и в то же время он обнаруживает настоящую страсть к искусству. Артист, заявляет Пеладан, должен быть рыцарем в доспехах, целиком вовлеченным в символические поиски Святого Грааля; и он сам смело пускается в этот эстетический крестовый поход, организуя ежегодные публичные выставки, которые будут названы «Салонами Розы и Креста». Их цель — разрушить любую реалистическую форму, чтобы дать расцвести латинскому вкусу, и создать школу совершенного идеалистического искусства. В перспективе некоторые темы будут систематически отклоняться как малоценные, например историческая, патриотическая и военная живопись, картины современной жизни и все пейзажи, «за исключением написанных в манере Пуссена»²⁷.

Пеладан не ограничивается живописью. Он распространяет свои эстетические законы на музыку и театр и ставит оригинальные спектакли на сюжеты об Орфее, аргонавтах, путешествии за золотым руном, о «Тайне розенкрейцеров» и «Тайне Грааля» — все это под эгидой и покровительством Клода Дебюсси.

Эту блестящую артистическую школу посещает также Морис Баррес. Молодым человеком он был уже членом кружка розенкрейцеров, близкого к Виктору Гюго. В 1912 году он опубликовал свой роман «Вдохновенный холм», который позже стали рассматривать как едва прикрытую аллегорию Беранже Соньера и Ренн-ле-Шато, ибо между романом и действительностью существовали аналогии, пре-

восходящие серию простых совпадений. Однако Баррес не помещает действие своего произведения ни в Ренн-ле-Шато, ни в другое какое-то место Лангедока; «Вдохновенный холм», возвышающийся над деревней, находится в Лотарингии, а эта деревня — бывший центр паломничества ордена Сиона...

ЖАН КОКТО

Насколько легко мы нашли у Радклиффа и Нодье связи с нашим расследованием, настолько случай с Жаном Кокто, жизнь которого явно не имела ничего общего с тайными обществами, представлялся более сложным.

Родившийся в зажиточной и влиятельной семье, очень одаренный, Кокто быстро покидает свой дом, чтобы в очень молодом еще возрасте войти в парижские артистические и литературные круги, жизнь в которых была ключом. В двадцать лет среди его друзей были Пруст, Жид и Баррес, а также Жан Гюго, правнук поэта, в компании с которым он вступает на путь оккультизма и спиритуализма. Бесспорную эзотерическую окраску имеет не только сама личность Кокто, но и его творчество и его эстетика в целом. Начиная с 1912 года он часто встречается с Дебюсси и постоянно ссылается на него в своих журналах. В 1926 году Кокто делает декорации для постановки оперы «Пеллеас и Мелизанда», явно заботясь о том, чтобы навсегда связать свое имя с именем музыканта.

Повороты его жизни, некоторые аспекты которой можно подвергнуть критике, тем не менее не могут принизить блестящий поэтический дар человека, являвшегося близким другом самых великих умов того времени. Любитель почестей, славы и дружбы с сильными мира сего, он, впрочем, не слишком далек от Жака Маритена или Андре Мальро. Равнодушный к политике, он все же обличит правительство Виши и провозгласит себя сторонником Сопротивления. Награжденный орденом Почетного легиона в 1949 году, в 1958-м он будет приглашен братом генерала де Голля произ-

нести приветственное слово Франции, что и выполнит с явным удовольствием.

Большая часть жизни Кокто связана с католическими роялистскими кругами. Он часто посещает некоторых старых парижских аристократов, в том числе друзей Марселя Пруста. Впрочем, в его католицизме, далеком от ортодоксальности, всегда было больше от эстетического поиска, чем собственно религиозных убеждений, даже если в конце своей жизни (эхо Беранже Соньера?) он очень любил украшать церкви и часовни. Но даже и тогда его набожность была под большим вопросом. «Меня принимают за религиозного художника, потому что я украшаю часовни... Что за странная мания всегда навешивать на человека ярлыки!»²⁸

Короче говоря, также по примеру Соньера, он вводит в свою живопись некоторые любопытные детали, — любопытные и внушающие определенные мысли, как это можно видеть в церкви Богоматери Французской в Лондоне. Воздвигнутая в 1865 году, сильно пострадавшая от бомбежек 1940 года, она была реставрирована и заново украшена после войны командой художников, приехавших из всех уголков Франции. В 1960 году, за три года до смерти, входивший в эту команду Кокто написал в церкви Распятие. Правда, совершенно особенное Распятие: под сенью черного солнца, с фигурой в правом нижнем углу, личность которой невозможно установить, мрачной и зеленоватой. Там есть и римский солдат со щитом в руке, на котором изображена стилизованная птица, напоминающая египетского бога Гора. Среди плачущих женщин и центурионов, играющих в кости, можно заметить еще двух современных персонажей, просто неуместных; один из них — автопортрет Кокто, решительно повернувшегося спиной к кресту... Но самое странное в этой фреске, без всякого сомнения, состоит в следующем: видна только нижняя часть креста до колен! Поэтому совершенно невозможно различить, кто на нем распят. И еще одна поразительная деталь: под ногами неизвестной жертвы, укрепленная на кресте, цветет гигантская роза. Без всяких колебаний ее можно расценить как напоминание об эмблеме розенкрейцеров, — мотив для католической церкви по меньшей мере странный!

ДВА ИОАННА XXIII

«Секретные досье», которые дают список предполагаемых великих магистров Сиона, датированы 1956 годом. Кокто умер в 1963 году, и никакая новая информация не позволяет нам узнать имя его преемника. Но вернемся к поэту, который, как мы увидим, сам себя подвергает допросу.

Согласно «документам Приората», орден Сиона и орден Храма, как мы знаем, имели одного и того же великого магистра вплоть до «рубки вяза» в 1188 году, а начиная с этого времени у Сиона был свой собственный великий магистр, и первым стал Жан (Иоанн) де Жизор.

Эти же самые документы извещают нас о том, что великий магистр обязательно принимал имя Жан (Иоанн) — или Жанна (Иоанна), ведь там есть четыре женщины, удостоенные этого титула. Таким образом, великие магистры образуют непрерывную последовательность Иоаннов, и эта последовательность вызывает в памяти понятие эзотерического папства, основанного на личности Иоанна, по контрасту и, быть может, в противоположность папству эзотерическому, основывающемуся на личности апостола Петра.

Но о каком Иоанне идет речь? Об Иоанне Крестителе? Об Иоанне Евангелисте, «любимом ученике» из четвертого Евангелия? Или об Иоанне Богослове, авторе Откровения? Во всяком случае, речь определенно идет об одном из них, и хотелось бы знать, кто был Иоанном Первым, раз Жан де Жизор в 1188 году принял имя Иоанна II.

Фигурирующий в списке великих магистров Сиона Жан Кокто, будучи Иоанном XXIII, властвует над судьбами ордена в 1959 году, когда умирает Папа Пий XII. В Риме был тут же избран новый Папа; им стал кардинал Венеции Анджело Ронкалли. Каждый вновь избранный папа сам выбирает себе имя, и каково же было всеобщее потрясение, когда узнали, что новый Папа, глава Церкви, выбрал имя Иоанна XXIII! Реакция христиан вполне объяснима. Во-первых, имя «Иоанн» предано анафеме с начала XV в., когда его носил антипапа. Более того, уже имелся один Иоанн XXIII. Антипапа, который отрекся в 1415 году (и который, кстати сказать, был ранее епископом Але), носил имя Иоанна

XXIII. Почему же в этих обстоятельствах кардинал Ронкалли выбрал это имя?

В 1976 году в Италии вышла странная книга, которая тут же была переведена на французский язык. Это «Пророчества Папы Иоанна XXIII», сборник мрачных пророческих стихотворений в прозе, которые сочинил глава Церкви, умерший тринадцатью годами ранее — в 1963 году, тогда же, когда и Жан Кокто. В основном эти пророчества очень темные, не поддающиеся никакой интерпретации. Действительно ли их написал Папа Римский Иоанн XXIII — это открытый вопрос. Однако в предисловии утверждается, что это так. Но кроме того, там сообщается, что Иоанн XXIII был тайным членом ордена Розы и Креста со времени его назначения папским нунцием в Турции в 1935 году.

Не стоит и говорить, что в это трудно поверить. И к тому же это невозможно проверить. Но с какой стати кому-то придумывать подобные вещи?

Быть может, во всем этом есть хоть немного правды? Мы знаем, что в 1188 году Приорат Сиона добавил к своему названию новое — «Истинных Розы и Креста». Если кардинал Ронкалли в самом деле принадлежал к обществу Розы и Креста и если речь шла о Приорате Сиона, то, став Папой, он мог добровольно и с символической целью выбрать имя своего великого магистра. Так Иоанн XXIII возглавлял одновременно тайный орден и христианскую Церковь.

Это одновременное царствование двух Иоаннов XXIII — над Сионом и над Римом — не кажется нам простой игрой совпадений. Также, по нашему мнению, не может быть придуманным список из «документов Приората», заканчивающийся на Иоанне XXIII в то самое время, когда один Иоанн XXIII уже занимал престол св. Петра. В самом деле, не будем забывать, что этот список был отдан в Национальную библиотеку в 1956 году, за три года до избрания нового Папы Римского.

Кроме того, остается еще один поразительный момент.

В XII веке ирландский монах по имени Малахий составил сборник пророчеств, близких к пророчествам Нострадамуса, которые, кстати, очень высоко почитаются многими католиками, включая Папу Иоанна-Павла II. В этих проро-

чествах автор перечислил пап, которые займут престол св. Петра в последующих годах, давая каждому из них собственное определение. Рядом с именем Иоанна XXIII вписаны слова: «Пастырь и Навигатор»²⁹ — как мы знаем, официальные титулы великого магистра Сиона.

Каковой бы ни была истина, скрытая за этими любопытными совпадениями (которые, быть может, и не являются таковыми), Иоанн XXIII более, чем другие папы, смог заставить развиваться римско-католическую церковь, жестко противостоявшую требованиям XX века. Во многом это произошло благодаря реформам II Ватиканского Собора. Более того, он одновременно пересмотрел позицию Церкви по отношению к масонству, поставив точку двум векам непримиримости и признав за католиками право быть масонами. Наконец, в июне 1960 года Иоанн XXIII лично опубликовал письмо на тему «драгоценной крови Христовой»³⁰, которую он определил совершенно по-новому. Иисус, уточнялось в письме, страдал как человек, и искупление человечества осуществилось благодаря его крови. В контексте этого письма человеческая страсть Иисуса и кровь, отданная за спасение людей, имеют большее значение, чем воскресение или даже конкретные подробности распятия.

Не стоит и говорить, что этот текст имел значительные последствия, способные, как говорили в то время, исказить самые основы христианской веры. Если на самом деле спасение человечества полностью основывается единственно на крови, пролитой ради него Христом, то какое же значение придавать тогда его смерти и воскресению?

ЗАГОВОР ЧЕРЕЗ ВЕКА

Теперь нужно было как-то синтезировать накопленные сведения. Многие из них впечатляюще свидетельствовали о наличии какого-то плана, какой-то согласованной структуры. И список великих магистров Сиона, поначалу казавшийся просто невероятным, впоследствии выявил некоторые интригующие закономерности. Многие фигуры, перечисленные в этом списке, имеют точки соприкосновения на разных уровнях. Это связь на уровне генеалогий, представленных в «документах Приората», в частности в том, что касается Лотарингского дома. Это принадлежность к одному или многим тайным обществам, отсутствие ортодоксальности в религиозных убеждениях (теоретически — католических), более или менее проявленная склонность к эзотерической мысли. Наконец, это тесный контакт каждого великого магистра со своим предшественником и со своим преемником.

Но достаточно ли одних этих констатаций? Они ведь все не доказывают, что Приорат Сиона, чье существование в Средние века было подтверждено, продолжал жить в течение последующих столетий. Они также не доказывают, что личности, фигурирующие в списке великих магистров, действительно занимали этот пост. Можно даже сказать, что некоторые из них не всегда кажутся подходящими для этой роли в силу предполагаемого возраста в момент посвящения. Допустим, Эдуар де Бар мог быть назначен великим магистром в пятилетнем возрасте, а Рене Анжуйский — в восемь лет в силу принципов наследования. Но это вовсе не касается Роберта Фладда или Шарля Нодье, ставших великими магистрами в двадцать один год, или Дебюсси — великого магистра в двадцать три года. Будучи столь юными, они не успели ни пройти через степени масонства, ни дать доказательства своей пригодности в соответствующих областях. Остается только предположить, что великие магист-

ры Сиона зачастую были фигурами чисто символическими и, быть может, даже не знали о титуле, который им пожалован.

Однако подобные рассуждения показались нам несерьезными, по крайней мере на основе той информации, которой мы располагали. Таким образом, мы вновь вернулись к истории и стали искать свидетельства об ордена Сиона в других местах, а не только в этом списке. В частности, мы перенесли наш перспективный выбор на Лотарингский дом и на некоторые семьи, упомянутые в «документах Приората», — это богатое поле деятельности.

Так как Приорат действовал только подпольно, не следовало ждать упоминаний о нем под его собственным именем. Если он продолжал существовать в течение последних веков, то, конечно, был вынужден скрывать свое истинное лицо, например, за личностью Ормуса, принятой в свое время. Кроме того, он не должен был заниматься лишь политикой и навязывать эту деятельность своим членам, чтобы не привлекать к ним излишнего внимания. Имея дело с организацией, которая смогла выживать на протяжении девяти веков, мы должны предполагать в ней величайшую гибкость, способность постоянно обновляться, приспосабливаться к каждой эпохе, склоняясь перед ее законами, — короче, изменять свою видимость, свою деятельность и свои цели в соответствии с требованиями эпохи. В порядке идеи, но вовсе не желая устанавливать ни малейшей параллели с мафией, хочется все же спросить: а не удалось ли этой последней в своей сфере сохранить скрытым свое лицо на протяжении веков, развиваясь в соответствии с требованиями конкретной ситуации?

ПРИОРАТ СИОНА ВО ФРАНЦИИ

В период между 1306 и 1480 годом, как сообщают нам «документы Приората», у ордена Сиона было девять командорств. В 1481 году, после смерти Рене Анжуйского, цифра увеличилась до двадцати семи. Самые важные располагались в Бурже, Жизоре, Жарнаке, Мон-Сен-Мишеле, Монревале,

Париже, Ле-Пюи, Солеме и Стене. Кроме того, лаконично добавляют «Секретные досье», существовал еще «ковчег, прозванный Бет-Ания (дом Анны), расположенный в Ренн-ле-Шато»¹. Если об этой таинственной цитате мы больше ничего не знаем, то, возможно, нелишне было бы напомнить, что, когда Соньер построил роскошную виллу в Ренн-ле-Шато, он назвал ее «вилла Бетания».

Командорство в Жизоре, согласно все тем же «документам», в 1306 году было расположено на Венской улице (рю де Вьенн). Отсюда оно сообщалось подземным переходом с местным кладбищем и склепом св. Катерины, расположенным под крепостью. Считается, что именно в этот склеп или в прилегающую подземную часовню в XVI веке был положен архив ордена Сиона, помещавшийся в тридцати сундуках.

Во время фашистской оккупации, в 1944 году, из Берлина прибыла военная миссия, чтобы вести в Жизоре раскопки под крепостью. Но высадка союзников помешала началу работ. Некоторое время спустя местный житель Роже Ломуа, в свою очередь, решил там покопаться, и в 1946 году он объявил мэру Жизора о находке — подземной часовне, в которой стояли девятнадцать каменных саркофагов и тридцать металлических сундуков. Кроме разрешения на продолжение работ Ломуа просил, чтобы о его открытии было заявлено публично. Но волокита — или чья-то злая воля? — оказалась такова, что он снова смог взяться за раскопки только в 1962 году. Однако публике о них ничего не было сообщено, а развернулись они под покровительством Андре Мальро, бывшего тогда министром культуры. Естественно, к тому времени саркофаги и сундуки исчезли, и, несмотря на шумную кампанию, развернутую по этому поводу в прессе, след их так и не был обнаружен. От этого открытия, странно походившего на сон, остались лишь два намека на подземный склеп св. Катерины в двух старых манускриптах, датирующихся 1375 и 1696 годами².

Во всяком случае, благодаря им рассказ Ломуа стал выглядеть правдоподобным, как и легенда, согласно которой часовня служила хранилищем архивов ордена Сиона. Что касается нас, то мы беремся доказать, что Приорат Сиона

продолжал существовать, по меньшей мере, на протяжении трех веков после крестовых походов и уничтожения ордена Храма.

Действительно, с начала XIV до начала XVI века некоторые документы, касающиеся Орлеана и обители Св. Самсона, базы Сиона, ссылаются на некий орден. Например, они упоминают о гневе Папы и короля Франции, вызванном в начале XVI века членами Приората Сиона в Орлеане, которые «нарушили свой устав» и «отказались от совместной жизни». В конце XVI века всплыли и другие обвинения на их счет: их упрекали в несоблюдении устава, в предпочтении жить отдельно от всех, а не вместе, в том, что они предавались распутству, часто жили за пределами обители Св. Самсона и не восстанавливали ее стен, серьезно пострадавших в 1562 году. По тем же источникам, власти обители потеряли терпение и в 1619 году выгнали Приорат Сиона, после чего подарили здание иезуитам³.

Начиная с этого времени мы нигде не находили никакого намека на Приорат, по крайней мере под этим названием, и доказательства, которые мы только что привели, не могут быть окончательными. Кроме того, они практически ничего не сообщают о деятельности Сиона, его целях или влиянии, довольствуясь лишь простым намеком на какое-то монашеское братство, более или менее тайное. Действительно, что общего могло иметь это сборище дерзких и недисциплинированных личностей из обители Св. Самсона с членами знаменитого братства, управляемого самыми блестящими людьми в истории Запада? Согласно «документам Приората», Сион был важной, мощной, влиятельной организацией, породившей орден Храма и занимавшейся самой высокой политической. Обитатели же Св. Самсона ничего похожего в памяти не вызывали.

Может быть, обитель Св. Самсона в Орлеане была тогда лишь изолированным и второстепенным местом действий Сиона? Действительно, в списке самых важных командорств в «Секретных досье» Орлеан не упоминается. Значит, надо было искать следы ордена в другом месте.

ГЕРЦОГИ ДЕ ГИЗЫ И ГЕРЦОГИ ЛОТАРИНГСКИЕ

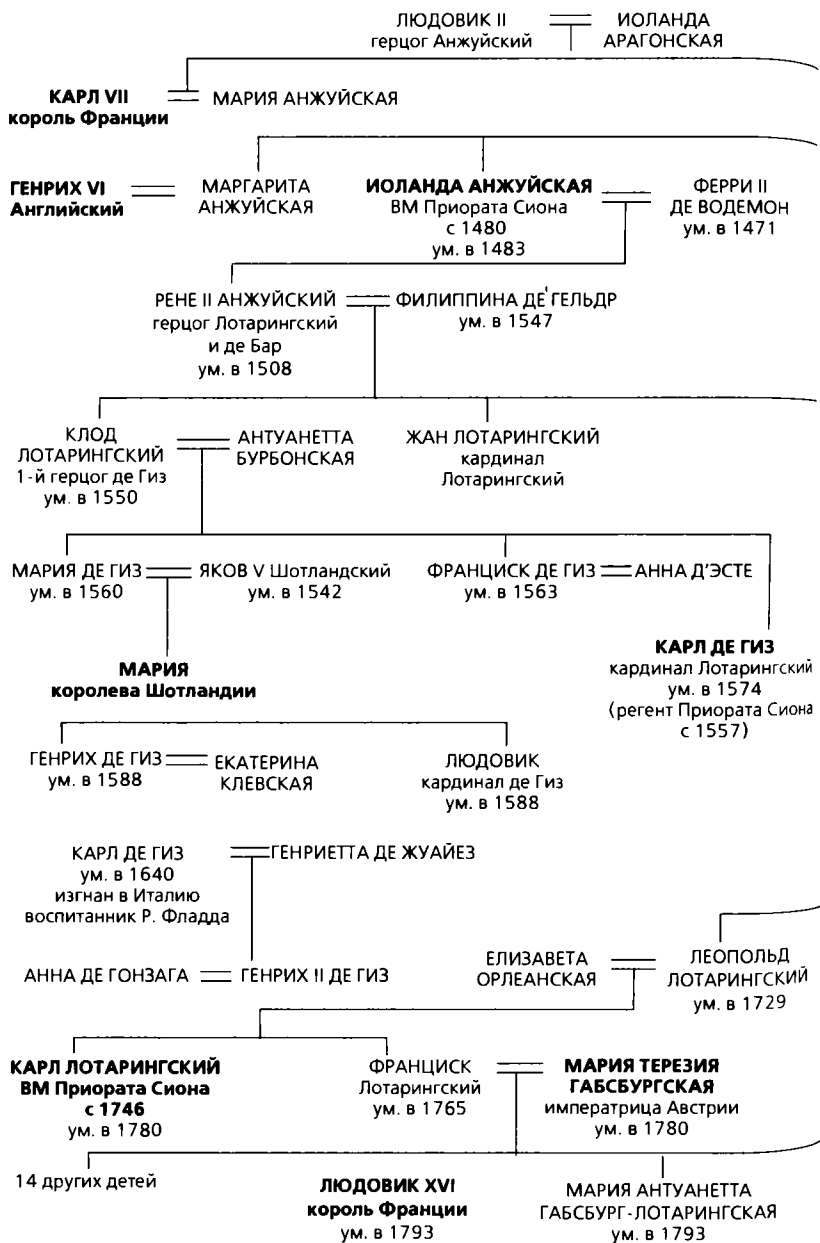
В течение всего XVI века Лотарингский дом и его младшая ветвь — дом де Гизов — предпринимали целенаправленные попытки сбросить династию Валуа и завладеть французским тронem. Много раз они были на волосок от достижения цели. По прошествии каких-то тридцати лет все правители, наследники и принцы Валуа были уничтожены, и род Валуа окончательно угас.

Карл, кардинал Лотарингский, и его брат Франциск, герцог де Гиз, были близки к успеху в период между 1550 и 1560 годом. Оба они были союзниками Шарля де Монпансье, коннетабля Бурбонского, названного в «Секретных досье» великим магистром Сиона до 1527 года. Они также были связаны с семьей Гонзага из Мантуи, и Фердинанд де Гонзага, великий магистр Сиона с 1527 по 1575 год, оказывал им помощь и поддержку во всех заговорах против французского трона. Что касается герцога де Гиза, то он женился на Анне д'Эсте, герцогине де Жизор.

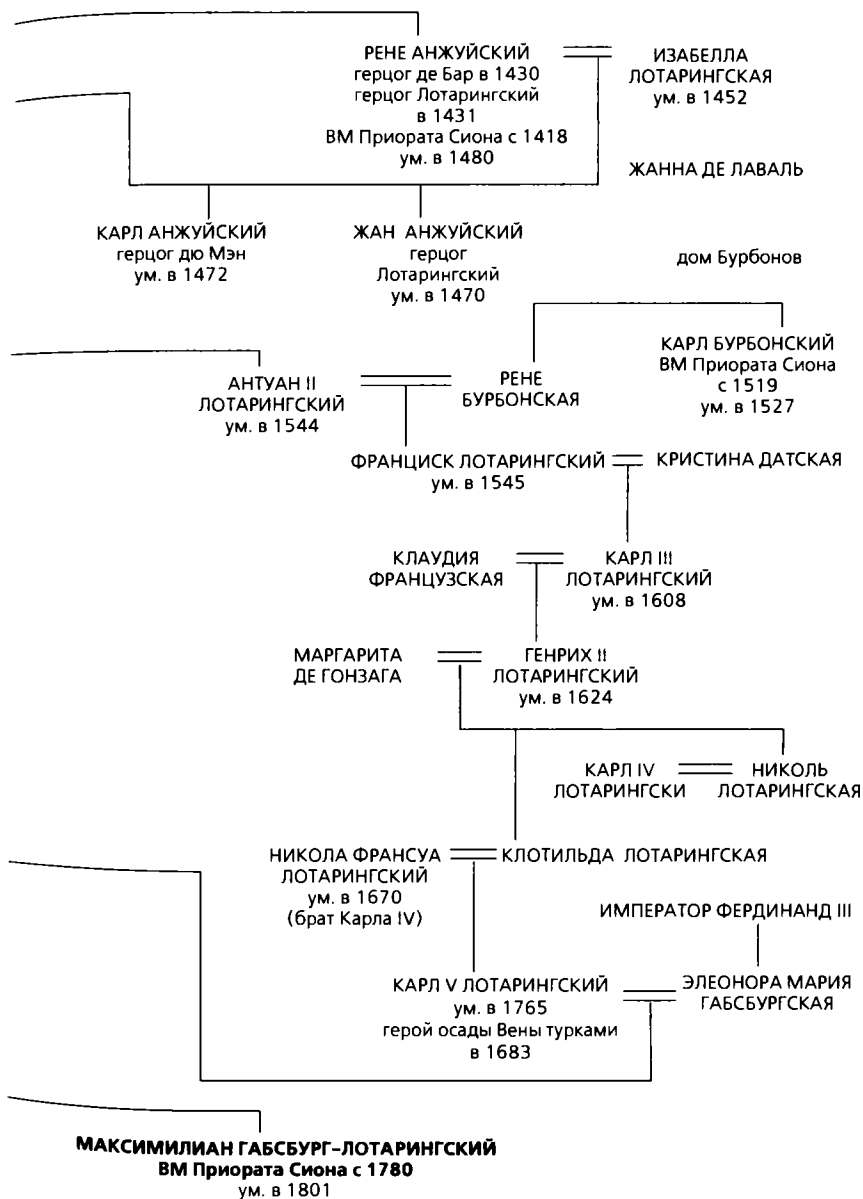
Рис. 6. Герцогство Лотарингия в середине XVI века

Герцоги Лотарингские

и де Гизы

История описывает кардинала Лотарингского и герцога де Гиза как редкой непримиримости католиков, фанатиков, доходивших до жестокости. Однако эта репутация, по крайней мере в области религии, кажется несколько преувеличенной, так как, по нашему мнению, эти последние скорее вели себя как ловкие оппортунисты, улещивая одновременно и католиков, и протестантов⁴. Впрочем, не кардинал ли Лотарингский на совете Тридцати в 1562 году сделал попытку децентрализации папской власти, дав больше самостоятельности местным епископам и доведя церковную иерархию до состояния, в каком она была в эпоху Меровингов?

Как бы то ни было, в 1563 году Франциска де Гиза, без пяти минут короля, убивают. Его брат кардинал последовал за ним спустя двенадцать лет, в 1575 году. Однако борьба с царствующими принцами еще не окончилась, и в 1584 году новый герцог де Гиз и новый кардинал Лотарингский вновь начинают осаду трона Валуа, в чем им помогает Луи де Гонзага, герцог Неверский, великий магистр Сиона на протяжении уже девяти лет. Заметим мимоходом, что знаком сбора заговорщиков был лотарингский крест, бывшая эмблема Рене Анжуйского⁵.

Этот конфликт длился до самого конца XVI в., когда род Валуа окончательно прекратился. Но дом де Гизов, сильно пострадав от этого соперничества, больше не имел претендента на трон, который теперь был в пределах досягаемости.

Помогало ли взбунтовавшимся династиям какое-нибудь тайное общество или орден? Мы этого не знаем, но, во всяком случае, ясно, что международная сеть эмиссаров, послов, шпионов и агентов всех видов, даже убийц, состояла у них на жалованье, ибо тогда это была весьма распространенная практика. Среди них назовем и Нострадамуса, который, вероятно, работал на Франсуа де Гиза и кардинала Лотарингского⁶.

Если верить некоторым историкам и «документам Приората», Нострадамус не довольствовался тем, что тайно поставлял своим покровителям ценные сведения о деятельности и планах их противников. Будучи официальным астро-

логом французского двора, он следовал за королем во время всех его перемещений и, таким образом, знал многое, касающееся личностей, с которыми сталкивался: их уязвимые места, их слабости и странности. Поэтому можно думать, что он вполне был в состоянии манипулировать Валуа в психологическом плане и, следовательно, отдать их в руки врагов. Так как он знал все гороскопы, жизнь всех придворных, то есть все закулисные дела, «изнанку» двора, то ему не составляло особого труда установить, а потом сообщить своим хозяевам подходящий момент для исчезновения, убийства, отравления. Поэтому по большей части пророчества Нострадамуса вовсе не были пророчествами, а были скорее зашифрованными посланиями, закодированными инструкциями, тайной программой действий, предназначенной для узкого круга посвященных.

Это, конечно, только гипотеза, но тем не менее уже можно заранее сказать, что определенные так называемые пророчества Нострадамуса явно относились к прошлому: к рыцарям Храма, к династии Меровингов, к Лотарингскому дому, к бывшему графству Разес близ Ренн-ле-Шато⁷ и — в многочисленных четверостишиях — к приходу «великого монарха», который придет из Лангедока.

И еще одна подробность из жизни Нострадамуса непосредственно заинтересовала нас. Как сообщают некоторые историки⁸ и народная легенда, прежде чем начать карьеру пророка, он действительно долгое время прожил в Лотарингии — что-то вроде испытательного срока, период экзаменов, после которых он был «посвящен» в важную тайну. Говорят также, что он имел доступ к одной очень старой работе по эзотерике, которая стала основой всего последующего творчества. Эта работа была передана ему в месте, которое нам знакомо: речь идет об аббатстве Орваль, отданном в дар приемной матерью Готфрида Бульонского, где, возможно, родился Приорат Сиона. Во всяком случае, еще в течение двух веков, до Французской революции и Наполеона, Орваль будет связываться с именем Нострадамуса, потому что именно в это время будут изданы знаменитые пророчества и астрологические произведения.

НАСЛЕДОВАНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ТРОНА

Теперь перенесемся в 20-е годы XVII столетия. Трон Франции занимает Людовик XIII, но настоящая власть в руках единственного человека, отвечающего в то время за политику страны, — министра короля, его преосвященства, серого кардинала де Ришелье. Его называли «Макиавелли своего времени», великим умом королевства, но этого мало, ибо, по нашему мнению, он был еще более значительной личностью.

Итак, в то время как во Франции кардинал устанавливал мир и стабильность, остальная Европа, и в частности Германия, продолжала барахтаться в потрясениях Тридцатилетней войны. Эта война, по происхождению не религиозная, быстро стала таковой, и католические силы Испании и Австрии противостояли в кровавых распрях протестантским армиям Швеции и маленьких немецких княжеств. Среди последних фигурировало курфюрство Пфальц, чей правитель, курфюрст Фридрих V, находился в изгнании в Гааге со своей женой Елизаветой Стюарт; поддерживало Фридриха и его союзников розенкрейцерское движение в Англии и на континенте.

В 1633 году кардинал Ришелье высказался за смелую политику. Он бросил Францию в Тридцатилетнюю войну, но с той стороны, с которой никто ее не ожидал, предпочтя своим кардинальским убеждениям некоторые соображения политического порядка, имеющие в его глазах большое значение. Так, он мечтал поскорее установить французское превосходство в Европе, уменьшить постоянно тяготевшую над Францией австрийско-испанскую угрозу и уничтожить испанское владычество, прочно утвердившееся в течение веков на древних меровингских землях Нидерландов и части Лотарингии.

Европа присутствовала при парадоксальной ситуации, когда католический кардинал католической страны послал свои католические войска сражаться на стороне протестантов против других католиков. Ни один историк никогда не допускал и мысли, что Ришелье мог быть розенкрейцером, но разве действовал бы он иначе, чтобы засвидетельствовать свои убеждения или, по крайней мере, привлечь к себе благосклонность ордена Розы и Креста?

В тот же самый момент Лотарингский дом в лице Гастона Орлеанского, юного брата Людовика XIII, продолжал претендовать на французский трон. Гастон всего лишь женился на сестре герцога Лотарингского, но если бы он добился трона, то ее тщеславный род наконец получил бы шанс вершить судьбы Франции в следующем поколении, через его наследника. Такой перспективы, во всяком случае, было достаточно, чтобы мобилизовать силы Карла, герцога де Гиза. Воспитанный молодым Робертом Фладдом, он женился на Генриетте Катерине де Жуайез, владелице Куизы и Арка, где находится могила, идентичная изображенной на картине «Аркадские пастухи» Никола Пуссена.

План низложить Людовика в пользу Гастона снова провалился, и французский король остался на троне. Судьба, казалось, пыталась помочь герцогу Орлеанскому: король и королева долго не имели детей. Но в 1638 году, после двадцати трех лет бесплодия, Анна Австрийская родила сына и тем самым положила конец всякой надежде на перемены. Конечно, удивление было огромным, а также большим было сомнение по поводу законности происхождения новорожденного. Молва и некоторые историки того и более позднего времени не преминули приписать отцовство кардиналу Ришелье или же его протеже и преемнику кардиналу Мазарини — гипотеза, не лишняя основания, если счесть возможным тайный брак последнего с Анной Австрийской после смерти короля.

Так, в силу происшедших событий, растаяли мечты Гастона Орлеанского и Лотарингского дома. Но когда в 1642 году умер Ришелье, не пренебрегли ничем, чтобы избавиться от Мазарини и удалить от трона юного Людовика XIV. Будучи вначале просто народным бунтом, Фронда, настоящая гражданская война, продлилась десять лет. Кто же сгруппировался вокруг Гастона Орлеанского, который был ее зачинщиком? Знакомые нам личности: Фредерик Морис де Ла Тур д'Овернь, герцог Бульонский, виконт Тюреннский, герцог де Лонгвиль, внук Луи де Гонзаги, герцога Неверского, великого магистра Сиона пятьдесят лет тому назад. Что касается столицы этих «фрондеров», то ею стал ни больше ни меньше как старинный город Стене в Арденнах.

ОБЩЕСТВО СВЯТОГО ПРИЧАСТИЯ

«Документы Приората» упоминают, что в середине XVII века Приорат Сиона пытался низложить Мазарини. Но это окончилось провалом, так как по окончании Фронды Людовик XIV взшел на трон, а кардинал после недолгого изгнания вновь заступил на пост первого министра и занимал его вплоть до своей смерти в 1660 году. Зная, что Сион был настроен враждебно по отношению к Мазарини, и зная семьи, вовлеченные во Фронду — те самые, из генеалогий «Секретных досье», — мы можем вполне обоснованно связать одно с другим и увидеть в членах Приората поджигателей этой гражданской войны.

«Документы Приората» приводят также некоторые фамилии, связанные с орденом и давшие ему нескольких великих магистров, фигурировавшие в первых рядах оппозиции Мазарини: Гонзага, Невер, Гиз, Лонгвиль, Бульонский... Именно здесь, по крайней мере, именно в этой эпохе следует искать и найти след Приората Сиона и кого-нибудь из его членов.

Но ведь не только эти люди были вовлечены в бунт. Были и другие, проявившие себя не только во время Фронды, но и в течение долгого времени после нее. Так, члены Общества Святого Причастия, о котором упоминают «документы Приората», признавали в нем общество, явно происходящее от Приората, либо сам Приорат, действующий под другой личиной, потому что сходство его с Сионом как в плане структуры, организации, деятельности, так и в плане методов было безусловным.

Что же это за Общество Святого Причастия, тайное общество, вполне реальное, существование которого было признано в XVIII веке, название которого с тех пор повторяют многие историки и деятельности которого посвящено столько исследований?

Общество Святого Причастия было основано в период между 1627 и 1629 годом знатным сеньором из окружения Гастона Орлеанского. Однако никто и ничего не знает о том, кто и когда руководил им, ибо оно тщательно охраняло, как охраняет и сегодня, свое инкогнито. Нам известны

только некоторые из его посредников, низшие члены иерархии, нечто вроде подставных лиц, действующих по указанию свыше. Назовем среди них брата герцогини де Лонгвиль, брата суперинтенданта финансов Людовика XIV Шарля Фуке, наконец, дядю философа Фенелона, которого спустя полвека обнаружат состоящим в масонстве рядом с шевалье Рамсеем. Вокруг Общества вращались также такие известные личности, как святой Венсан де Поль, епископ Але Никола Павийон и Жан-Жак Олье, основатель семинарии Сен-Сюльпис, возможного центра деятельности Ассоциации⁹.

В своей организации и деятельности Общество напоминало орден Храма, предвосхищая масонство. Из Сен-Сюльпис оно управляло сетью провинциальных ответвлений и капитулов, члены которых должны были повиноваться, не пытаясь понимать или спорить, даже не обязательно будучи согласными и никогда не зная тех, кто отдавал приказания. Единая глава и невидимое сердце — так можно определить Общество Святого Причастия. Да, это было бьющееся сердце, и билось оно в ритме тайны, которая была его смыслом жизни и самой жизнью. Некоторые рассказы того времени делают ссылки на «тайну, которая является душой Общества». Одно из положений его устава предусматривает: «Путеводная звезда, определяющая дух Общества, которая для него очень важна, есть тайна»¹⁰. Каковы же были функции Общества?

Новичкам, еще не посвященным, в завуалированной форме давали понять, что оно посвятило себя делу милосердия в регионах, опустошенных религиозными войнами, например в Пикардии, Шампани и Лотарингии. Но теперь общеизвестно, что дело милосердия было лишь хитроумной вывеской, имеющей мало общего с истинным смыслом существования святого дома. Фактически этот смысл существования был двойным: сначала практиковать нечто вроде религиозного шпионажа, затем проникать на самые высокие посты в стране, включая, естественно, посты поближе к трону.

Общество Святого Причастия, кажется, особенно преуспело в продвижении к этой цели. Так, Венсан де Поль, член Королевского совета совести, стал исповедником Людовика

XIII и личным советником Людовика XIV, пока его враждебность к Мазарини не вынудила его уйти с этого поста. Что касается королевы-матери Анны Австрийской, то она была лишь игрушкой в руках Общества, которому на некоторое время удалось повернуть ее против своего первого министра. Впрочем, всемогущая организация не ограничивалась одним тронном, и можно сказать, что в середине XVII века она раскинула свои сети по всей Франции через посредство аристократии, парламента, правосудия и полиции, доказательством чему служит то, что эти институты не однажды открыто выражали свое недоверие королю.

Однако никто ни тогда, ни теперь еще не дал точного, всеми принятого определения Общества Святого Причастия, потому что определения «военная ультракатолическая организация», «бастион ортодоксальности и нетерпимости» — это очень туманно. Кроме того, почему в католической стране подобная организация упорно действовала в тайне от всех? Впрочем, что означал тогда термин «еретик»? Протестантов или янсенистов? В действительности же ни тех, ни других, раз огромное количество их находилось среди членов Общества.

Если Общество было действительно католическим, разве оно не должно было поддержать Мазарини, защитника интересов Церкви? Однако оно, напротив, открыто противостояло ему до такой степени, что первый министр не прекращал попыток низвергнуть его в небытие. Иезуиты тоже относились к Обществу враждебно, так же как и некоторые другие католические власти, обвинявшие его в ереси — в том, против чего оно, по его собственному утверждению, боролось. В 1651 году епископ Тулузский собирался разоблачить нечестивую деятельность и «в высшей степени неправильный» вид церемонии принятия¹¹ — отзыв обвинений, выдвинутых ранее против тамплиеров. Но Общество, которому угрожало отлучение от Церкви, отреагировало с неожиданной силой и весьма странной неосторожностью, которой невозможно было ожидать от этих набожных католиков.

Вспомним теперь, что Общество Святого Причастия было основано в разгар эпохи розенкрейцерского психоза.

«Невидимое братство» было повсюду, отвечало за все, было предметом страха и наихудших поучений, объектом преследований и упорных поисков. И вместе с тем орден Розы и Креста оставался невидимым. Нигде в католической Франции никому не удавалось отыскать ни одного его члена, как будто это была лишь фикция, продукт народного воображения.

Значит, орден Розы и Креста — призрак? Поищем в другом месте. А если орден, имеющий какой-то свой интерес обосноваться во Франции, предпочел скрыться за спиной другой организации? Какой замечательной вывеской, какой обманчивой маской могло быть это Общество, официальной целью которого была как раз охота на розенкрейцеров! Так, может быть, под респектабельной вывеской Общества Святого Причастия эти последние смогли спокойно следовать к цели и вербовать сторонников своего дела, притворяясь их самыми коварными врагами?

Общество Святого Причастия сопротивлялось Мазарини и Людовику XIV до 1660 года, когда менее чем за год до смерти своего первого министра король официально объявил о ликвидации организации. Однако в течение последующих пяти лет ничего не изменилось, так как Общество решило сначала игнорировать королевский эдикт, затем, в 1665 году, просто объявило о своем намерении продолжать существовать в своем «настоящем виде». Весь его архив был собран и целиком укрыт в надежном месте в Париже, которое так никогда и не было найдено, — по всей видимости, в обители Сен-Сюльпис¹². Таким образом, спустя два века эти архивы вполне могли оказаться доступны некоему аббату по имени Эмиль Оффе.

Тем не менее кое-кто считает, что Общество продолжало свирепствовать, только под другим обличем, до конца следующего века — настоящий вызов абсолютизму Людовика XIV — и даже гораздо дольше, до первых лет XX века.

Мы не будем высказывать своего мнения по этому поводу, скажем только, что оно, безусловно, пережило свое предполагаемое исчезновение в 1665 году. В 1667 году Мольер, верный сторонник Людовика XIV, атаковал Общество некоторыми намеками в своем «Тартюфе», чем навлек на себя

незамаскированные репрессии. Несмотря на то что он пользовался покровительством короля, представление его пьесы было запрещено в течение двух лет. Со своей стороны, Общество Святого Причастия имело своих собственных писателей — Ларошфуко, проявлявшего большую активность во время Фронды, и даже, говорят, Лафонтена, чьи невинные и очаровательные басни являлись открытой критикой королевской власти. Действительно, Людовик XIV не питал особого расположения к баснописцу и был против приема его во Французскую Академию. А кто покровительствует Лафонтену? Герцоги де Гизы и Бульонские, виконт Тюреннский и вдова Гастона Орлеанского — безызыскные для нас личности.

Итак, речь идет о тайном обществе, большая часть истории которого совершенно официальна. Оно подчеркнуто католическое, но не менее открыто замешано в деятельность отнюдь не католическую. Оно тесно связано с некоторыми влиятельными аристократическими фамилиями, которые были очень активны во время Фронды и чьи генеалогии фигурируют в «документах Приората». У него имеются связи с обителью Сен-Сюльпис, и хотя оно действовало всегда тайком, но было все же очень влиятельно. Наконец, оно очень враждебно относилось к кардиналу Мазарини.

Мы находим здесь все основные признаки Приората Сиона, как они нам представлены «Секретными досье». Почти совершенно совпадают действия обеих организаций, и если орден Сиона продолжал свою деятельность в течение XVII века, то, не слишком рискуя ошибиться, можно идентифицировать его с Обществом Святого Причастия или с теми, кто действовал за его спиной.

ЗАМОК БАРБАРИЯ

Как утверждают «документы Приората», враждебность Сиона по отношению к Мазарини спровоцировала с его стороны суровые репрессии. Одной из его главных жертв стала семья Плантар, потомок Дагоберта II и рода Меровингов. Действительно, в 1548 году Жан де Плантар женился на Мари де Сен-Клер, создав таким образом новую связь меж-

ду собственной семейной ветвью и родом Сен-Клер де Жизор. В то время его семья обосновалась близ Невера, в замке Барбария, призванном стать ее официальной резиденцией в течение следующего века. Но 11 июля 1659 года Мазарини приказал разрушить замок, и Планта́ры потеряли все свое состояние¹³.

Однако ни один труд, ни одна биография Мазарини не подтверждают этого сообщения. Мы также не нашли никаких упоминаний об этом, когда занимались изучением семьи Планта́р, проживающей в Ниверне, и прежде всего не нашли никаких следов замка Барбария. Впрочем, нет никаких сомнений в том, что Мазарини страстно желал иметь герцогство Неверское и его провинцию, чего он в конце концов и добился, подписав контракт 11 июля 1659 года, в день предполагаемого разрушения замка¹⁴.

Это подтолкнуло нас к дальнейшему расследованию в данном направлении. Вскоре мы обнаружили несколько разрозненных фрагментов доказательства. Их было недостаточно, чтобы прояснить дело, но они подтвердили достоверность «документов Приората». В списке владений и ленов Ниверне, датированном 1506 годом, упоминается замок Барбария. В документе 1575 года промелькнула деревушка под названием Планта́ры¹⁵.

Существование замка Барбария окончательно подтверждается наличием следующих фактов: в 1874—1875 годах члены Общества литературы, науки и искусства Невера принимают раскопки на месте руин. Проект весьма рискованный, так как камни, превратившиеся из-за огня в стекло, и буйная растительность между ними делают всякую идентификацию практически невозможной. Но в конце концов остатки стены и замка извлечены на свет божий. Сомнений больше нет: это замок Барбария, сегодня это доказано, и ошибка исключена. Дополнительное уточнение: прежде чем эти места были разрушены, они состояли из маленького укрепленного городка и замка¹⁶, отстоявшего совсем немного от бывшей деревушки Планта́ры.

Итак, существование замка, разрушенного пожаром, бесспорно подтверждается. Что же касается деревушки Планта́ры, то нет никакого сомнения в том, что она принадлежа-

ла семье, носящей то же имя. Но любопытно, что ни один документ не содержит ни даты, когда сгорел замок, ни имени организатора пожара. Если ответственность за это нес Мазарини, то он очень потрудился, чтобы стереть малейший след своего поступка, и дошел даже до того, что систематически вычеркивал замок Барбария с карт и из истории Ниверне. Во имя какой побудительной причины он действовал и какой ужасный секрет был связан с этой таинственной местностью?

НИКОЛА ФУКЕ

Фрондеры и Общество Святого Причастия не были единственными врагами Мазарини. Среди них был и всемогущий Никола Фуке, суперинтендант финансов Людовика XIV начиная с 1653 года. Человек большого таланта, умный и тщеславный, он станет впоследствии самой богатой и влиятельной персоной в королевстве, его истинным монархом, как его называли в народе. Его политические мечтания соответствовали его тщеславию, примером чему — приписываемая ему идея сделать Бретань независимым герцогством и стать там хозяином.

Мать Фуке была известным членом Общества Святого Причастия, так же, как и один из его братьев — Шарль, епископ Нарбоннский в Лангедоке. Что касается его младшего брата Луи, то он тоже был священником. В 1656 году Никола по неизвестным причинам отправляет его в Рим, откуда, как мы помним, тот присылает ему загадочное письмо, процитированное нами в первой главе, повествующее о беседе с Пуссеном о тайне, которую даже «короли с большим трудом смогли бы вытянуть из него». Со своей стороны, художник больше не будет болтать и не сделает никому никаких признаний по этому поводу, буквально соответствуя девизу своей личной печати: «Tenet confidentiam»*.

Итак, в 1661 году Людовик XIV велит арестовать своего суперинтенданта финансов, обвинив его в том, что он пере-

---

* Tenet confidentiam — хранит тайну.

путал личные интересы с управлением общественными финансами и, что еще более серьезно, в подготовке бунта против короля. Следовательно, на все его богатства был наложен секвестр, его документы и переписка переданы королю, который лично и тщательно их изучил.

Начинается процесс; он длится четыре года и приводит в движение всю Францию — писателей, памфлетистов, двор и провинцию. Самый младший брат обвиняемого, Луи, умер, но его мать и Шарль мобилизуют Общество Святого Причастия, к которому принадлежит один из судей, собирающихся вести процесс. Респектабельный дом тут же бросается в битву вместе со сторонниками Никола Фуке, стараясь повернуть общественное мнение в пользу обвиняемого, ожидающего в тюрьме приговора. Кара, потребованная для него Людовиком XIV, столь же необычна, сколь примечательна: смерть, ни больше ни меньше. Двор отказывается и, храбро доказывая свою независимость, голосует за пожизненное изгнание. Но король, не желая менять свое решение, заменяет упрямых судей другими, более соответствующими его желаниям.

В конце концов голоса в пользу изгнания взяли верх над королевской волей, и в 1665 году Людовик XIV смягчает наказание, заменяя его пожизненным заключением. Суперинтендант был спасен, но приговорен к строжайшей изоляции в крепости Пьемонта с очень вредными для здоровья условиями. Он не имел права ни гулять, ни принимать гостей, ему не давали чернил и бумаги. Что касается его лакеев и тюремщиков, то они постоянно сменялись. Малейшее внимание к заключенному было чревато галерами или виселицей¹⁷.

В этом же самом 1665 году, когда Фуке был заключен в Пиньероль, в Риме умер Пуссен, и Людовик XIV через своих агентов попытался раздобыть его картину «Аркадские пастухи». Но когда двадцать лет спустя король наконец завладел картиной, он ревниво охранял ее от посторонних взглядов в личных апартаментах своей новой резиденции в Версале, не давая никому любоваться ею, и соглашался показывать ее лишь в исключительных случаях малому числу своих приближенных.

Закончим эту главу уточнением о том, что несчастливая судьба Фуке, каковы бы ни были причины ее и результат, не коснулась его детей. Несколько десятилетий спустя его внук, маркиз де Бель-Иль, стал одной из величайших личностей в королевстве, и когда в 1718 году он уступил королю замечательно укрепленный остров, которому был обязан своим именем, в обмен он получил земли, очень нас интересующие. Одно из этих владений было Лонгвиль, и нам не надо возвращаться вновь к этому имени. Другое было Жизор, и оно дало внуку Фуке титул графа, потом в 1742 году — герцога де Жизора, а через шесть лет, в 1748 году, получило статус «первого герцогства».

НИКОЛА ПУССЕН

В нескольких километрах от Жизора находится маленький городок Лез-Андели, где в 1594 году родился Никола Пуссен. Но очень скоро он переселился в Рим, откуда приезжал только в редких случаях, как, например, после 1640 года, когда его вызвал кардинал Ришелье для выполнения важной миссии.

Хотя художник мало занимался политикой и не покидал своего убежища в Риме, он был тесно связан с Фрондой. Доказательством этому служит его переписка, открывающая многочисленные дружеские узы с участниками движения против Мазарини и неожиданную фамильярность с некоторыми «фрондерами», убеждения которых он, по-видимому, разделял¹⁸.

Так как мы уже встретились с «подземной рекой» Алфиос, которая из Аркадии течет к ногам Рене Анжуйского, займемся теперь надписью, неотделимой от живописи Пуссена: «Et in Arcadia ego» — «И вот я в Аркадии».

Эта загадочная фраза в первый раз появляется на одном из предыдущих его живописных полотен. Надгробие, увенчанное черепом, не является простым надгробием, а вделано в скалу. На первом плане — водяное божество с бородой, задумчиво созерцающее землю: это бог Алфиоса, который, безусловно, вершит судьбу подземной реки. Произведение датируется 1630 — 1635 годами, то есть приблизительно на

пять-десять лет раньше знаменитой версии «Аркадских пастухов».

Слова «И вот я в Аркадии» появляются в истории между 1618 и 1623 годами вместе с картиной Джованни Франческо Гверчино, которая, возможно, вдохновила Пуссена в его творчестве. Два пастуха, выходящие из леса, подходят к поляне и надгробию, на котором отчетливо видна знаменитая надпись и большой череп, положенный на камень. Если неизвестно символическое значение этой картины, то известно, что Гверчино был сведущ в области эзотерики. Ему был близок язык тайных обществ, ибо некоторые его произведения посвящены специфическим масонским темам. Напомним, что двадцатью годами раньше ложи начали быстро распространяться в Англии и в Шотландии. Одна из картин, «Воскресение Учителя», написанная почти за сто лет до того, как эта легенда вошла в масонскую традицию¹⁹, явно относится к масонской легенде о Хираме Абиффе, архитекторе и строителе Храма Соломона.

Но вернемся к словам «И вот я в Аркадии». Согласно «документам Приората», они стали официальным девизом семьи Плантаров, по крайней мере, с XII века (когда Жан де

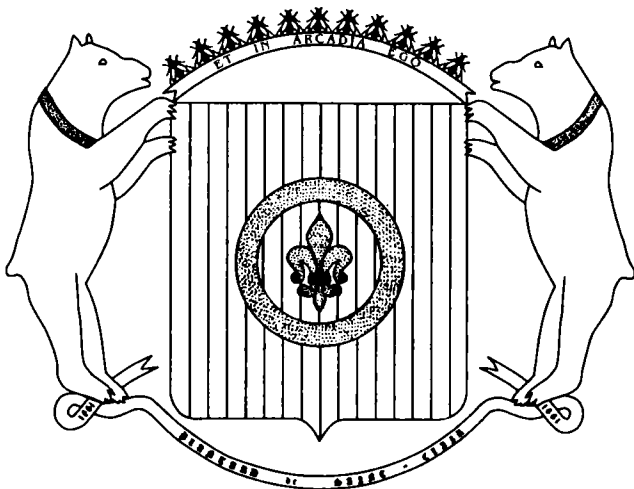

Рис. 7. Семейный герб Плантаров

Плантар женился на Идуане де Жизор) и уже в 1210 году были процитированы неким Робером, аббатом из Мон-Сен-Мишель²⁰.

Не имея доступа к архивам знаменитого аббатства, в настоящее время мы, к сожалению, не можем проверить это утверждение. Тем не менее год 1210-й кажется нам ошибкой. Во-первых, в 1210 году не существует аббата из Мон-Сен-Мишель по имени Робер. Затем, если и существует некий Робер де Ториньи, аббат этих мест, то даты, касающиеся его деятельности, располагаются между 1154 и 1186 годами — время, когда он был замечен благодаря своим работам и коллекциям, относящимся к девизам, гербам и эмблемам знатных фамилий христианского мира²¹.

Каково бы ни было происхождение этих таинственных слов, они явно обладали для Гверчино и Пуссена смыслом, происходящим отнюдь не из области поэзии. По нашему мнению, они, скорее всего, должны были соответствовать символу или знаку, предназначенному нескольким посвященным — возможно, это был эквивалент какого-нибудь масонского «пароля», скрывающего реальность, запрещенную для профанов. Впрочем, именно в этих словах определяется в «документах Приората» самый характер символического искусства:

«Аллегорические произведения имеют то преимущество, что достаточно одного слова, чтобы прояснить отношения, недоступные толпе; они отданы всем, но их значение адресовано элите. Отправитель и адресат понимают друг друга поверх толпы. Непонятный успех некоторых произведений идет от этого достоинства аллегии, которая является не просто модой, а способом эзотерического выражения»²².

Итак, если эти строчки в их контексте применимы к творчеству Никола Пуссена, то не могут ли они так же хорошо подойти и Леонардо да Винчи, и Боттичелли, и другим гениям Ренессанса, а также — почему бы и нет? — Нодье, Виктору Гюго, Дебюсси, Жану Кокто и их друзьям?

ЧАСОВНЯ РОССЛИН И ШУГБОРО-ХОЛЛ

Ранее мы установили существование важных связей между предполагаемыми великими магистрами Сиона XVII и XVIII веков и европейским масонством. В процессе изучения масонства мы нащупали и другие связи, не относящиеся к великим магистрам, но в некоторых аспектах очень интересные для нашего исследования.

Так, это многочисленные намеки на семью Синклер — шотландскую ветвь нормандских Сен-Клер де Жизоров. Их земли в Рослине находились всего в нескольких километрах от бывшей резиденции рыцарей Храма в Шотландии, и часовня этой местности, построенная между 1446 и 1486 годами, слыла приобщенной к масонству и к ордену Розы и Креста. Сверх того, грамота, датированная 1601 годом, признает Синклеров «наследными великими магистрами шотландского масонства»²³. Это самый ранний из известных масонских документов. Согласно другим источникам, этот титул был пожалован семье Синклер Яковом II, который царствовал в ту же эпоху, что и Рене Анжуйский, то есть между 1437 и 1460 годами.

Но другой кусок головоломки, еще более таинственный, появляется в Англии, в Стэффордшире, еще одном важном очаге масонства, в первой половине XVII века.

Когда великий магистр Сиона Чарлз Радклифф сбежал в 1714 году из Ньюгейтской тюрьмы, он, как мы помним, получил помощь от своего кузена, графа Личфилда. В конце века род Личфилдов угас, имя и титул исчезли и были выкуплены в начале XIX века потомками семьи Энсон, которые, в свою очередь, стали графами Личфилдами.

Семья Энсон с 1697 года владеет замком Шугборо-Холл в Стэффордшире, который раньше был епископством. После смерти его владельца в 1762 году в парламенте имела место церемония, во время которой была прочитана длинная элегическая поэма. И какова же была одна из строк поэмы, описывающая пасторальную сцену «в счастливых долинах Аркадии»?

«Взгляд глаз твоих на мрамор легендарный устремлен.
Увиденное вызывает поучительный вздох.
Даже в счастливых долинах Аркадии,

Среди смеющихся нимф и игривых пастушков
 Ты видишь, как с трогательной грацией угасает радость
 И жалость появляется на грустно улыбающемся лице.
 Где теперь танец, лютня, свадебный пир,
 Страсть кипит в сердце возлюбленного,
 Здесь символ жизни юной, в весеннем цвету.
 Но причина печали — палец, указывающий на могилу».

Вне всякого сомнения, это явный намек на Пуссена, и последний стих ее вызывает в памяти «перст разума, указывающий на надгробие», привлекающий внимание к словам «И вот я в Аркадии»²⁴. В парке Шугборо-Холла находится величественный барельеф из мрамора, выполненный по заказу семьи Энсон между 1761 и 1767 годами. И что же на нем изображено? Репродукция «Аркадских пастухов» Пуссена, все детали которой перевернуты и представляют собой как бы зеркальное отражение. Внизу можно прочесть выгравированную на мраморе надпись:

O. U. O. S. V. A. V. V.
 D. M.

Но эти загадочные буквы так и не были никогда удовлетворительным образом расшифрованы.

СЕКРЕТНОЕ ПИСЬМО ПАПЫ

В 1738 году Папа Климент XII выпустил буллу, разоблачающую и отлучающую от Церкви всех масонов — «врагов Римской церкви». Это решение труднообъяснимо, особенно в эпоху, когда многие масоны, например якобиты, были ревностными католиками. Возможно, Папа беспокоился о неких связях, существующих между молодым масонством и антиклерикальными розенкрейцерами XVII века.

Некоторый свет на это дело может пролить письмо Папы Климента XII, впервые разрешенное к публикации в 1962 году. В этом письме, адресованном неизвестному человеку, Папа категорически заявляет, что идеи масонов основаны на ереси и эта ересь (с которой мы уже неоднократно сталкивались) состоит в отрицании божественности Иисуса. А вдохновители масонства, выдающиеся умы, стоящие за

ним, — это те же люди, что спровоцировали лютеранскую реформу²⁵.

Можно подумать, что у Папы паранойя. Однако важно отметить, что он говорит не о неопределенных идейных течениях или о туманных преданиях. Напротив, он имеет в виду хорошо организованную группу людей — секту, орден или тайное общество, на протяжении многих лет старательно расшатывающее основы католического христианства.

СКАЛА СИОН

Конец XVIII века увидел беспорядочное распространение самых разношерстных масонских систем. Среди них фигурировал Восточный обряд Мемфиса²⁶, где в первый раз (для нас, по крайней мере) появилось имя Ормуса, принятое Приоратом Сиона между 1188 и 1307 годами. Согласно Восточному обряду Ормус был египетским мудрецом, который хотел примирить языческие и христианские таинства и с этой целью основал около 46 года нашей эры орден Розы и Креста.

В это же самое время масонские обряды умножали намеки на «Скалу Сион» — ту самую скалу, которая, согласно «документам Приората», делала «королевскую традицию», установленную Готфридом Бульонским, равной другим древним династиям Европы.

Напомним, что мы с самого начала хотели видеть в «Скале Сион» гору Сион, «высокий холм», расположенный на юге Иерусалима, где Готфрид построил аббатство, предназначенное будущему ордену. Но в масонском контексте и учитывая его отношение к Иерусалимскому храму эта скала принимает совсем другое значение, ибо она фактически соответствует некоторым специфическим местам из Евангелия. Скала становится там отброшенным камнем, которым несправедливо пренебрегли при строительстве храма и который должен был занять свое место в здании в качестве основания. Так, в псалме 117 (118) говорится:

«Камень, что строители кинули прочь, соделался главою угла».

В Евангелии от Матфея (21, 42) Иисус особо ссылается на этот псалом:

«Неужели вы никогда не читали в Писании: «Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла...»

В «Послании к Римлянам» (9, 33) имеется другая отсылка, гораздо более двусмысленная:

«Вот, полагаю в Сионе камень преткновения и камень соблазна; но всякий, верующий в Него, не постыдится».

В «Деяниях Апостолов» (4, 10—11) скала Сион явно является аллегорией, относящейся к самому Иисусу:

«...именем Иисуса Христа Назорея... Им поставлен он пред вами здрав. Он есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла...»

В «Послании к Ефесянам» (2, 20) метафора еще более очевидна:

«...бывши утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем...»

Но всю свою символическую ценность эта скала принимает в Первом послании Петра (2, 3—8):

«...ибо вы вкусили, что благ Господь. Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устрояйте из себя дом духовный, священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом. Ибо сказано в Писании: «Вот, Я полагаю в Сионе камень краеугольный, избранный, драгоценный; и верующий в Него не постыдится». Итак Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна, о который они преткнутся, не покаясь слову, на что они и оставлены».

Сразу же за этим отрывком следует стих, значение которого должно предстать нам лишь позже. Петр намекает там на царский род, духовных и светских наставников, род царей-священников:

«Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди взятые в удел...»

Что можно заключить из этих сбивающих с толку текстов о Скале Сион, краеугольном камне Храма, который так глубоко лежит в тайной традиции масонства? Что думать о явной идентификации этого камня с самим Иисусом? Как толковать эту «королевскую традицию», основанную на Скале Сион или на Иисусе собственной персоной, ставшую таким образом равной царствующим в Европе династиям во времена Крестовых походов?²⁷

МОДЕРНИСТСКОЕ КАТОЛИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В 1833 году пост министра народного образования занимал Жан-Батист Питуа, бывший сотрудник Шарля Нодье в Библиотеке Арсенала²⁸. В этом же году министр начинает осуществлять честолюбивый замысел: опубликование всех доселе неопубликованных документов, относящихся к истории Франции. Были сформированы два комитета, в состав которых вошли Виктор Гюго, Мишле и большой специалист по крестовым походам Эмманюэль Рей.

Среди работ, опубликованных вскоре под эгидой министерства народного образования, был монументальный труд «Процесс над тамплиерами» Мишле — исчерпывающее собрание всех отчетов инквизиции и протоколы процессов над рыцарями Храма. Со своей стороны, барон Рей выпускает несколько работ о крестовых походах и Франкском королевстве в Иерусалиме, в которых в первый раз мы нашли оригинальные грамоты, касающиеся Приората Сиона, и при их чтении с удивлением констатировали, что некоторые места, процитированные Реем, почти слово в слово совпадают с соответствующими местами «документов Приората».

Наконец, в 1875 году барон основывает Общество Латинского Востока. Оно обосновалось в Женеве, афишируя честолюбивые археологические проекты, и имело свой собственный «Журнал Латинского Востока», который и сегодня широко используется историками и который также опубликовал многие грамоты Приората Сиона.

Исследования Рея были характерны для новой формы исторической эрудиции, появившейся тогда в Европе, а особенно в Германии, и сильно углубившей кризис, вызванный среди верующих распространением учения Дарвина и агностицизма, составляющих серьезную угрозу для Церкви.

Как известно, до тех пор исторический поиск основывался на неточном и спорном фундаменте — легенды, устные предания, личные воспоминания, субъективные справки, которые могли быть совершенно по-разному истолкованы. Но в XIX веке немцы ввели в свою методику работы строгость и тщательную технику, ставшие сегодня обычным делом в этой области: критический анализ, расследование и систематическое использование имеющегося в наличии материала, хронологический поиск, проверка ссылок. Может быть, немецкие писатели немного заблудились в их приверженности к точности, но надо признать, что они также создали бесспорную основу для дальнейших поисков, которой обязаны многие важнейшие археологические открытия, например, находка места расположения Трои Генрихом Шлиманом.

Эти методы быстро нашли свое применение, причем с равной строгостью и в изучении Библии. И Церковь, основой которой было безусловное принятие догм, также быстро осознала, что ее великая Книга слабо сопротивлялась этим новым методам работы. В самом деле, в своем очень спорном произведении «Жизнь Иисуса» Ренан применил немецкую методологию к Новому Завету, и результаты получились для Рима неудобные.

Именно против этой новой опасности на защиту Церкви встало Модернистское католическое движение, предполагая создать по немецкой методике поколение священнослужителей, способных защитить буквальную истинность Писа-

ния с такой же прямоотой, что и их собратья в исторических дисциплинах.

К несчастью, этот план потерпел крах. Новое оружие, попав в руки юных церковников, послужило тому, что повернуло их против Библии и уничтожило дело, которое им доверили, так как критический анализ Писания открыл множество противоречий и элементов, несовместимых с католическими догмами. Не перенеся удара, модернисты в конце века отказались от роли «войска избранных» и перешли в разряд еретиков. Это была самая серьезная угроза, которую знала Церковь со времен Мартина Лютера; это был кризис, который мог привести католиков на грань раскола.

Очагом же деятельности модернистов, как и Общества Святого Причастия, снова стало аббатство Сен-Сюльпис в Париже, а одним из их главных представителей — директор семинарии в 1852—1884 годах²⁹. Из Сен-Сюльпис движение быстро распространилось по всей Франции, а затем по Италии и Испании. В руках модернистов Библия теряла свой бесспорный авторитет и была пересмотрена в специфическом контексте эпохи. Но это еще не все. Модернисты действительно отказывались от централизации церковной власти, а особенно от совсем недавней доктрины о непогрешимости Папы³⁰, которую они осудили как противоречащую новым тенденциям. Таким образом, они очень быстро перетянули на свою сторону часть Церкви и многих писателей, среди которых были Роже Мартен дю Гар во Франции и Мигель де Унамуно в Испании.

Ответ Церкви не заставил себя долго ждать. Действуя со всей суровостью, она обвинила модернистов в масонстве. Многие из них были отстранены и даже отлучены от церкви, а на их труды был наложен запрет. Позже, в 1903 году, Папа Лев XIII учредил Папскую Библейскую комиссию для контроля за всеми работами, касающимися Писания. В 1907 году Папа Пий X категорически осудил модернистов, и три года спустя Церковь наконец потребовала, чтобы ее деятели принесли клятву полного отречения от подобной формы мысли.

Однако движение дожило до 1914 года, когда Первая мировая война отвела от него внимание общественности.

Что же касается его авторов, то они вовсе не исчезли. В Британии коварный аббат Тюрмель под четырнадцатью различными псевдонимами опубликовал серию модернистских произведений, каждое из которых по очереди было запрещено. Но личность автора была установлена лишь в 1929 году. Излишне говорить, что его отлучили от Церкви.

В то же самое время модернизм распространился в Англии, где его с восторгом приняли члены Англиканской церкви по примеру Уильямса Темпла, будущего епископа Кентерберийского, который не замедлил объявить, что подобное идейное движение — это то, что необходимо образованным людям³¹. И конечно, не случайно среди сторонников Темпла мы находим каноника А. Л. Лиллея, который был знаком со священником, приславшим нам поразительное письмо о «неопровержимом доказательстве» того, что Иисус не умер на кресте...

Как мы знаем, Лиллей некоторое время работал в Париже и там познакомился с Эмилем Оффе, знаменосцем модернизма, эрудитом, сведущим в истории, языках и символизме. Однако Оффе вышел не из Сен-Сюльпис, а из семинарии Сиона в Лотарингии: «Вдохновенный холм»³².

«ПРОТОКОЛЫ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»

Одно из самых красноречивых доказательств существования и деятельности Приората Сиона датируется концом XIX века. Это свидетельство хорошо известно, но его никогда не рассматривали как таковое. Напротив, его всегда связывают с более зловещими вещами. Сыграв печально известную роль в недавней истории, оно и сегодня вызывает бурные эмоции, крайнее неприятие и мрачные воспоминания, так что большинство писателей предпочитают избегать этой темы. Реакция вполне понятная, ведь этот документ внес значительный вклад в развитие предубеждений и принес много страданий. Но наши исследования убеждают, что этот документ, использованный в преступных целях, был при этом совершенно неверно истолкован.

Все более или менее знают, какую роль сыграл Распутин при дворе Николая I и Александры, государей Всея Руси.

Но что обычно остается неизвестным, так это то, что задолго до него в императорском окружении существовали влиятельные и даже могущественные эзотерические кружки. Один из них был создан между 1890 и 1900 годами вокруг некоего «господина Филиппа» и его ментора, хорошо известного при дворе в Санкт-Петербурге. Этот последний, с которым мы уже встречались, был не кто иной, как Папюс³³, французский эзотерик, товарищ Жюля Дуанеля, создателя Неокатарской церкви в Лангедоке, друг Пеладана (который считал, что нашел могилу Иисуса), Эммы Кальве и Клода Дебюсси. Одним словом, возрождение французского оккультизма, пришедшееся на конец XIX века, далеко вышло за пределы Франции и докатилось до Петербурга, проникнув в окружение царя и царицы.

В России у Папюса и у господина Филиппа были друзья, но было и немало врагов. Например, великая княгиня Елизавета была явной противницей этого эзотерического кружка и старалась поставить как можно ближе к трону своих собственных фаворитов, среди которых фигурировал некий человек, известный в дальнейшем под псевдонимом Сергей Нилус.

Около 1903 года Нилус представил царю весьма сомнительный документ, предлагавший доказательства опасного заговора. Без сомнения, в обмен на эту информацию Нилус ожидал благодарности от своего государя. Но он просчитался. Царь попросту заявил, что это фальшивка, и приказал уничтожить все экземпляры и удалил Нилуса из своего окружения.

Однако копия текста избежала уничтожения и сразу же была опубликована в газете, не вызвав, впрочем, ни малейшего интереса. В 1905 году ее снова опубликовали как приложение к труду философа и мистика Владимира Соловьева, и она начала привлекать внимание, а в последующие годы стала позором всего XX века.

Что же это был за документ? Маленькая брошюрка, содержащая нечто вроде общественной и политической программы, самое распространенное название которой (оно немного отличалось в каждом издании) — «Протоколы Сионских мудрецов»³⁴. Происходили они якобы из специфиче-

ских еврейских источников, и многие антисемиты считали их неопровержимым доказательством широкого «международного заговора». В 1919 году «Протоколы» раздавали белогвардейцам, которые в течение следующих двух лет уничтожили около шестидесяти тысяч евреев, считая их виновниками революции 1917 года. Потом «Протоколы» стали распространяться благодаря заботам Альфреда Розенберга, проповедника расистских теорий национал-социалистической партии Германии. Так, Гитлер в своей книге «Майн кампф» широко использовал содержание «Протоколов», чтобы оправдать собственный фанатизм, ни разу не подвергнув сомнению их подлинность. Он не был одинок. В Англии «Морнинг пост» немедленно опубликовала их, и даже «Таймс» в 1921 году уделила им самое серьезное внимание, прежде чем признать свою ошибку. Сегодня мы знаем, каким чудовищным обманом является этот документ, но он еще в ходу в Латинской Америке, в Испании и даже в Англии в целях пропаганды антисемитизма³⁵.

«Протоколы Сионских мудрецов» представляют собой как бы программу всемирного господства группы людей, призванных установить новый порядок, — их порядок как верховных деспотов. Все средства хороши, чтобы добиться цели: возмущение, анархия, свержение режимов, быстрое развитие масонства, других параллельных организаций, абсолютный контроль над общественными, политическими и экономическими институтами западного мира. Целые нации будут реорганизованы согласно плану небывалого размаха³⁶.

Для современного читателя эти «Протоколы» могут показаться похожими на романы о Джеймсе Бонде, напомнив о фиктивной организации «Спектр», с которой он воюет. Однако когда они впервые были опубликованы, их посчитали результатом международного еврейского конгресса, прошедшего в 1897 году в Базеле. Мы знаем, что это ошибочная гипотеза, ведь первые экземпляры «Протоколов» были составлены на французском языке, а никаких французских делегатов на конгрессе в Базеле не было. Добавим, что как минимум один экземпляр был в ходу с 1884 года, то есть за тринадцать лет до конгресса, и что он появился в руках од-

ного из членов масонской ложи, к которой принадлежал сам Папюс и великим магистром которой он стал³⁷. (В этой же самой ложе в первый раз было провозглашено предание об Ормусе, легендарном египетском мудреце, основателе ордена Розы и Креста.)

Что нам сегодня точно известно, так это то, что «Протоколы Сионских мудрецов» были по большей части вдохновлены сатирическим произведением, сочиненным и опубликованным в 1864 году в Женеве. Направленное против Наполеона III, оно было написано неким Морисом Жоли, которого сразу же посадили в тюрьму. Был ли Жоли розенкрейцером? Говорят, что был. Во всяком случае, он был связан с Виктором Гюго, а Гюго, разделявший его антипатию к Наполеону, уж точно был розенкрейцером.

Таким образом, можно утверждать, что «Протоколы» родились не на конгрессе в Базеле в 1897 году. Но к какому времени отнести их возникновение? Современные ученые считают их абсолютной фальшивкой, подделкой, придуманной антисемитами с единственной целью — дискредитировать иудаизм. Однако в самих «Протоколах» содержатся сильные аргументы против подобного заключения. Например, в них имеется некоторое количество загадочных намеков явно не иудаистского характера. Причем они настолько не иудаистские, что не имело никакого смысла их фабриковать. Ни один поддельщик-антисемит, обладающий хоть каплей здравого смысла, никогда бы не стал использовать подобные аргументы, чтобы дискредитировать евреев, потому что никто никогда не поверил бы в их иудаистское происхождение.

Приведем лишь один пример, процитируем заключительные слова «Протоколов»; «Подписано представителями Сиона, посвященными 33-й степени»³⁸. Каков здесь смысл? Почему наш фальсификатор обвиняет нескольких евреев, конкретно «посвященных 33-й степени», а не всех делегатов международного еврейского конгресса, что было бы более логично?

Объяснение простое. Эти «посвященные 33-й степени» не имеют ничего общего ни с иудаизмом, ни с международным еврейским заговором, а скорее всего относятся к ма-

сонству, конкретнее — к так называемому «Строгому послушанию», известному еще со времен Хунда.

Но в «Протоколах» есть и другие несообразности. Например, повторяющиеся намеки на пришествие «масонского царства» или «монарха из рода Сиона», предназначенного им управлять, и этот монарх должен происходить из той же династии, что и царь Давид, быть «истинным Папой» и «патриархом международной Церкви». Заключение текста столь же загадочно: «Некоторые потомки рода Давидова подготовят королей и их наследников... Только Царь и еще трое, которые поручатся за него, будут знать, что случится...»³⁹

Реальные или сфабрикованные, но в любом случае эти документы вряд ли являются выражением еврейской мысли. С библейских времен ни один король не фигурировал в еврейских преданиях, и не могло быть и речи ни о каком принципе королевской власти, ибо это было лишено всякого смысла как в 1897 году, так и сегодня.

По нашему мнению, эти намеки имеют скорее христианский отзвук, чем еврейский, ибо единственным «Царем Иудейским», признанным за два последних тысячелетия, был Иисус Христос собственной персоной. Если верить Евангелиям, то не принадлежит ли Иисус к той же династии, что и царь Давид?

Если кто-то сфабриковал этот документ, зачем придавать ему столь явную христианскую окраску? Для чего вводить папский контекст, тоже специфически христианский? Наконец, зачем говорить о «международной Церкви», а не о международной синагоге или храме? И в особенности к чему этот таинственный намек на царя и «трех, которые поручатся за него», имеющий оттенок не иудаизма или христианства, а тайных обществ под эгидой какого-нибудь Валентина Андреа или Шарля Нодье? Короче говоря, если «Протоколы Сионских мудрецов» действительно произведение антисемитов, то трудно придумать что-либо более невежественное, более неинформированное, более нелепое.

Напрашивается множество выводов в пользу этих умозаключений и наших исследований.

1. Существует оригинальный текст, который лег в основу официальной версии «Протоколов». Этот текст не апок-

рифический, но подлинный. Он не раскрывает ни еврейскую мысль, ни «международный еврейский заговор», но скорее масонскую организацию или подобное ей тайное общество, включающее в свое название слово «Сион».

2. Оригинальный текст, на котором основана официальная версия «Протоколов», в своем выражении не является ни насильственным, ни провокационным. Это программа, в которой упоминается о более обширной власти, экспансии масонства, предполагающей установление общественного, политического и экономического контроля. Эта программа может также прилагаться как к тайным обществам эпохи Возрождения, так и к Обществу Святого Причастия или же организациям Андреа или Нодье.

3. Оригинальный текст, на котором основывается официальная версия «Протоколов», попал в руки Сергея Нилуса. Последний сначала не хотел использовать его против евреев. Напротив, он принес его царю с намерением дискредитировать эзотерическое движение при дворе, организованное Папюсом, господином Филиппом и другими посвященными. Но прежде он изменил язык, чтобы сделать документ более страстным и таким образом лучше повлиять на царя. Когда Нилус покинул двор, изгнанный государем, он оставил текст в его новой редакции. Таким образом, «Протоколы» потерпели неудачу в первоначальной цели скомпрометировать эзотерический кружок при дворе, но зато послужили антисемитскому движению. Хотя главной мишенью Нилуса были Папюс и господин Филипп, нужно признать, что и евреи тоже стали ею.

4. Официальная версия «Протоколов Сионских мудрецов», не будучи апокрифичной, скорее всего является переделанным текстом. Но за этими изменениями, как в палимпсесте* или в некоторых отрывках Библии, можно найти следы оригинального текста. Ссылки на некоего царя, на Папу, на международную Церковь или на Сион, вероятно, не слишком подошли Нилусу. Определенно он не сам их придумал. Но раз они там были, а он был настолько несве-

---

* Палимпсест — памятник письменности, в котором первоначальный текст стирался и заменялся новым.

душ, то у него не было никаких причин их уничтожить. Коротче, если эти следы ничего не значили в еврейском контексте, то они возвращают себе смысл в контексте тайных обществ.

Впрочем, далее мы увидим, что они относятся главным образом к ордену Сиона.

СВЯТИЛИЩЕ ЗОЛОТОЙ ДОЛИНЫ

Пока мы продолжали наше независимое расследование, продолжали появляться новые «документы Приората». Иные из них — все в той же форме маленьких брошюр, сданных в Национальную библиотеку. Другие — в виде книг, появляющихся регулярно в книжных магазинах.

Некоторые из этих трудов рассматривали события, относящиеся к концу XIX века, а именно к Беранже Соньеру. Так, согласно одному «в достаточной степени подтвержденному документами» рассказу, священник не «случайно» нашел пергаментные свитки, спрятанные в его церкви. Наоборот, они были переданы ему эмиссарами Приората Сиона, явившимися к нему с визитом в Ренн-ле-Шато. По крайней мере до конца 1916 года они обращались с ним как с их доверенным лицом, но потом он вдруг страшно с ними поссорился, сообщает автор⁴⁰.

Если эта деталь точна, то она, бесспорно, по-новому освещает смерть священника в январе следующего года. Действительно, за десять дней до этого он себя прекрасно чувствовал, а затем мы теряемся в загадках по поводу заказа на гроб, который он сделал 12 января через свою служанку и доверенное лицо Мари Денарно. Кстати, один из «документов Приората», самый недавний и более обстоятельный, кажется, подтверждает эту версию. Согласно этому документу, Соньер был всего лишь пешкой, и его роль в тайне Ренн-ле-Шато была значительно раздута. Настоящим ответственным за эти события, происшедшие в маленькой деревушке, был его друг Анри Буде, кюре соседней коммуны Ренн-ле-Бен⁴¹.

Как мы видим, этот документ дает другое возможное объяснение тайне. Действительно, все свое богатство Соньер получил от Буде — в общей сложности 13 миллионов

франков за период с 1887 по 1915 год. Буде также был его советником в различной деятельности, в работах по благоустройству деревни, в строительстве виллы Бетания и башни Магада. Наконец, это Буде проверял реставрацию церкви Ренн-ле-Шато и был настоящим автором странной дороги из крестов, иллюстрированной версии или видимого выражения непонятной работы его сочинения.

Следуя все той же публикации Приората, Соньер не знал главного значения тайны, роль хранителя которой он исполнял вплоть до марта 1915 года, когда Буде, чувствуя приближение смерти, открыл ему ее. В подобном случае Мари Денарно могла быть агентом Буде. Именно через нее кюре передавал Соньеру свои инструкции, и лично ей он отдавал все деньги. Или, по крайней мере, большую их часть, ибо, как мы узнали, между 1885 и 1901 годами он, кроме того, заплатил епископу Каркасона 7 655 250 старых франков. А этот последний, как мы помним, отправил за свой счет Соньера в Париж с документами. Если придерживаться этой версии, то получается, что епископ был прежде всего помощником Буде, а это при тогдашней системе церковной иерархии должно было создать ситуацию по меньшей мере необычную.

Что касается самого аббата Буде, то здесь возникает много вопросов. На кого он работал? Чьим интересам служил? Откуда у него была власть заставлять работать и молчать старшего по званию коллегу? Откуда шло финансирование, позволявшее ему предаваться такой расточительности? Ответа на эти вопросы нет, по крайней мере четкого ответа. Но существует один неявный, и все тот же: Приорат Сиона.

Другая недавняя работа, черпающая информацию также из источников, закрытых для широкой публики, тоже склоняется в пользу этой гипотезы. Речь идет о книге «Сокровища золотого треугольника», опубликованной в 1979 году Жаном Люком Шомеом.

По мнению последнего, вовлеченные в тайну Ренн-ле-Шато церковные деятели — Соньер, Буде, Оффе, его дядя из Сен-Сюльпис, епископ Каркасона и, возможно, другие — принадлежали к масонству «Шотландского обряда». А оно,

уточняет автор, во многих пунктах отходило от ортодоксального масонства. «Христианское, герметическое и аристократическое», оно состояло не единственно из атеистов и свободомыслящих, но, наоборот, было глубоко религиозным и принимало всю социальную и политическую иерархию, божественный порядок и стоящее за всем этим существование великого космического начала. Наконец, высшие степени этого масонства соответствовали низшим степеням Приората Сиона⁴².

Мы уже сталкивались с масонством подобного рода. И действительно, описание Шомея вполне подходит к первоначальному «Шотландскому обряду», введенному Чарлзом Радклиффом и его сподвижниками. Масонство Радклиффа и масонство, описываемое Шомеем, были, несмотря на осуждение Папой, приемлемы для ревностных католиков — как для якобитов XVIII века, так и для французских священников XIX века. Впрочем, и те и другие, пройдя через папское осуждение, не переставали считать себя христианами и католиками. Более того, они, судя по всему, получали огромный, возбуждающий прилив веры, который позволял им видеть себя более истинными христианами, чем сам Папа.

Итак, при всей своей уклончивости, Жан Люк Шомей уверенно предполагает, что незадолго до 1914 года Ассоциация, к которой принадлежали Буде и Соньер, слилась с другим тайным обществом. Не в нем ли следует искать объяснение любопытным намекам на некоего монарха, содержащимся в «Протоколах Сионских мудрецов», особенно если, как далее уточняет Шомей, Приорат Сиона сам управлял всем, скрываясь за другой организацией?

Упомянутое тайное общество носило название «Святылище Золотой Долины» («Святылище Валь д'Ор» — перестановка слогов в названии Орваль). Это оккультное с политической окраской общество было основано около 1873 года⁴³. Оно имело множество точек соприкосновения с другими своими собратьями по эпохе. Это, к примеру, понятие геометрических точек и священных мест, мистических истин, присущих всем великим мифологическим темам. Это интерес к происхождению человека, рас, языков и символов, свойственный теософии. Подобно прочим сектам и общест-

вам того времени, «Святылище Золотой Долины» сочетало в себе христианские и «транسخристианские» элементы и, по примеру легендарного Ормуса, старалось примирить языческие и христианские таинства, придавая особое значение идеям друидов, навеянным частично Пифагором.

Кроме этих тем, уже слегка затронутых в трудах Анри Буде, «Святылище Золотой Долины» имело свой собственный идеал, обрисованный Шомеем в весьма туманных терминах: «эзотерическая геополитика» и «мировой этнархический порядок». Скажем в двух словах, что «Святылище» мечтало создать в Европе XIX века новую Священную Римскую империю, светское государство, где все народы будут собраны вместе и объединены больше общими духовными основами, чем экономическими, социальными или политическими. Но в отличие от своего предшественника это государство будет истинно «священным», истинно «римским» и истинно «имперским», хотя значение этих слов может быть не совсем таким, как обычно представляется. Это идеальное государство осуществит старинную мечту человечества — пришествие Царства небесного на Землю, зеркало и отражение космического порядка, всеобщей гармонии и ее иерархии. Таким образом, будет выполнено наконец давнее обещание герметической традиции: «Внизу как наверху»; мечта менее утопическая, чем об этом можно думать, и вполне представляемая в условиях конца европейского XIX века.

«...Теократия, в глазах которой нации станут провинциями, их правители — проконсулами на службе оккультного мирового правительства, состоящего из «элиты». Для Европы это царство «Великого Царя» означает двойную гегемонию папства и империи, Ватикана и Габсбургов, которые являются его правой рукой»⁴⁴.

В XIX веке Габсбурги были, разумеется, синонимом Лотарингского дома, а понятие «Великого Царя» не только подтверждало пророчества Нострадамуса, но и актуализировало монархистскую идею, намеченную в «Протоколах».

Параллельно осуществлению этого грандиозного проекта «Святылище Золотой Долины» провозглашает необходимость важных изменений в общественных установках. Ва-

тикан больше не будет похож на тот, что пребывает в данное время в Риме, но станет совсем другим. Что касается Габсбургов, то по примеру древнеегипетских фараонов или Мессии, ожидаемого евреями на заре христианской эры, они станут династией царей-священников.

Шомей не уточняет, в какой степени Габсбурги были бы вовлечены в этот тайный и честолюбивый план. Однако визит эрцгерцога в Ренн-ле-Шато не мог не быть причастным к его развертыванию. Впрочем, каковы бы ни были эти планы, Первая мировая война помешала их осуществлению, сбросив представителей Лотарингского дома с пьедестала.

Зато это финальное явление «Святыни Золотой Долины» — или Приората Сиона — по-новому осветило наши предыдущие открытия. «Протоколы Сионских мудрецов», цели различных тайных обществ, вроде тех, которыми руководили Чарлз Радклифф или Нодье, политические стремления Лотарингского дома — все обрело здесь новое значение.

Но как обстояло дело с практической реализацией плана и в силу каких принципов Габсбурги предлагали себя в качестве династии царей-священников? Даже принимая то, что им было дано всенародное одобрение, каким образом их права оказались бы приоритетными по отношению к французскому правительству или русской, немецкой, английской династиям? И в особенности как бы они завоевали всеобщую поддержку, необходимую для того, чтобы их план удался?

Мы снова зашли в тупик, утонули в гипотезах и оказались перед нелепыми выводами. Наверное, мы неправильно истолковали глубокую мысль «Святыни Золотой Долины». Или это Шомей неправильно ее истолковал. Или, быть может, члены «Святыни Золотой Долины» были беспочвенными мечтателями?

Наилучшим выходом было покинуть тупик, чтобы поискать следы Приората Сиона в наши дни и таким образом найти более действенное подтверждение его существования. Члены Приората уж точно не были беспочвенными мечтателями. Во второй половине XX века они продолжали следовать программе, во всех отношениях схожей с той, которой следовало общество «Святыни Золотой Долины» каких-нибудь сто лет назад.

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ

«25 июня 1956 года. Регистрация в супрефектуре Сен-Жюльен-ан-Женевау. Приорат Сиона. Цель: обучение и взаимопомощь его членов. Местонахождение: Су-Кассан, Анмас (Верхняя Савойя)»¹.

Эти несколько строчек, появившиеся в «Журналь оф-фисьель» от 20 июля 1956 года, дали нам доказательство того, что Приорат Сиона благополучно дожил до наших дней, что он в ладах с законом, обязывающим заявлять о себе всякое общество, и что он даже не давал себе труда скрывать свое существование. По крайней мере, внешне, ибо действительность была совсем иной: к приведенному адресу не прилагалось никаких телефонных номеров, да и сам адрес не позволял определить ни улицу, ни дом, ни контору... Супрефектура не смогла нам ни в чем помочь, не смогла дать никаких дополнительных сведений, а адрес ничего не значил. Равнодушие или сообщничество? В самом деле, как полиция могла принять такую фантастическую регистрацию? Но в какую же сторону нам повернуться, чтобы раздобыть более подробные уточнения?

Тогда нам пришла в голову идея попросить в супрефектуре Сен-Жюльена экземпляр заявленного Устава Приората.

Этот тоже весьма туманный документ, содержащий двадцать одну статью, не давал точных сведений ни о целях ордена, ни о его роли, ни о его ресурсах, ни о наборе его членов. Зато обыкновенные на первый взгляд детали озадачили нас. Так, один из параграфов оговаривал: «Принятие в члены осуществляется без внимания к языковым, расовым, социально-классовым различиям и независимо от любой политической идеологии», а чуть ниже другой гласил: «Ассоциация открыта для всех католиков, достигших 21 года». Итак, мы имели дело с явно католической организацией. Но разве

наши исследования не показали нам много раз, что великие магистры Сиона, будучи далеки от того, чтобы освободиться от католической ортодоксальности, были скорее приверженцами герметической тенденции, если не откровенно еретической? Смущающее противоречие... или же, наоборот, подтверждение религиозного обязательства, как в случае с орденом Храма и Обществом Святого Причастия, которые также, по примеру Сиона, требовали от каждого своего члена полного «отрешения от личности, чтобы посвятить себя служению высоконравственному апостольству». Являясь синонимом абсолютного повиновения, превосходящего все соображения духовного или временного порядка, это отрешение прекрасно совпадало с изложенными принципами.

Далее объявлялось, что Сион действует под названием «Chevalerie d'Institution et Régles Catholiques, d'Union Indépendante et Traditionaliste», то есть «Рыцарство католических установлений и правил, независимый традиционалистский союз». Аббревиатура полного названия — CIRCUIIT — использовалась как заголовок периодического бюллетеня, издаваемого обществом для своих членов.

Кроме того, благодаря одному документу из «Секретных досье», появившемуся незадолго до 1956 года, мы знаем, что в то время Сион насчитывал 1093 человека, распределенных по семи степеням, следуя традиционному пирамидальному принципу. На вершине пирамиды находился великий магистр, или Навигатор, затем шли три «принца — ноахита Богоматери», за которыми на нижней ступени следовали девять «крестоносцев Святого Иоанна». Как мы видим, число посвященных каждой последующей степени было в три раза больше числа посвященных предыдущей, а великий магистр и его двенадцать непосредственных подчиненных — намек на Иисуса и его двенадцать учеников — составляли «тринадцать розенкрейцеров».

Но в Уставе, датированном маем 1956 года, указывался 9841 член — цифра, иллюстрирующая удивительно быстрое развитие ордена, члены которого распределялись по девяти степеням, а не по семи. Впрочем, эти семь так и остались, просто к ним прибавились две новые, введенные в основу

иерархии, окружающие верхушку широкой сетью новообращенных. Великий магистр носил титул Навигатора, как и в предыдущем документе, но трое «принцев — ноахитов Богоматери» стали Сенешалями, а девять «крестоносцев Святого Иоанна» — Коннетаблями. Впрочем, вот посвященные этому параграфы XI и XII Устава с загадочной терминологией:

«Генеральная ассамблея состоит из всех членов ассоциации. Она включает 729 провинций, 27 командорств и ковчег, названный «Кугиа».

Каждое из этих командорств, так же, как и ковчег, насчитывает 40 членов. Каждая провинция — 13 членов. Члены разделены на две действенные группы:

1. Легион, которому поручено апостольство.
2. Фаланга — охранительница Традиции.

Иерархия из девяти степеней включает:

а) в 729 провинциях

1. Новообращенные:	6561 член
2. Крестоносцы:	2187 членов

б) в 27 командорствах

3. Витязи:	729 членов
4. Всадники:	243 члена
5. Рыцари:	81 член
6. Командоры:	27 членов

в) в ковчеге «Кугиа»

7. Коннетабли:	9 членов
8. Сенешали:	3 члена
9. Навигатор:	1 член» ² .

Как требовалось по закону, в начале Устава был поименно назван «совет». Он состоял из четырех членов, трое из которых были нам неизвестны (но не были ли эти имена псевдонимами?), а именно: президент Андре Бономм, родившийся 7 декабря 1934 года, вице-президент Жан Делеаваль, родившийся 7 марта 1931 года, и казначей Арман Дефаго,

родившийся 11 декабря 1928 года. Зато мы уже встречали четвертого — это был Пьер Плантар, родившийся 18 марта 1920 года. Согласно документу, он занимал должность секретаря. Но он был также официальным «генеральным секретарем отдела документации», а это означало, безусловно, наличие других должностей.

АЛЕН ПОЭР

Вскоре после 1970 года Приорат Сиона стал предметом обсуждения в прессе и в определенных кругах французской общественности. Так, 13 февраля 1973 года «Миди либр» публикует большую статью, касающуюся Сиона, Соньера и Ренн-ле-Шато, внушая мысль о том, что Приорат может являть собой потомков рода Меровингов в XX веке и что среди них находится истинный претендент на французский трон — Ален Поэр³.

Ален Поэр не очень известен за рубежом, но весьма популярен во Франции, где уже дважды был временно исполняющим обязанности президента Республики: сразу же после отставки генерала де Голля с 28 апреля по 19 июня 1969 года и после смерти Жоржа Помпиду со 2 апреля по 27 мая 1974 года. Известно также, что он был награжден медалью Сопротивления и Военным крестом 1939—1945 годов и что, когда «Миди либр» опубликовала свою статью, т. е. в 1973 году, он уже был председателем парламента.

Насколько нам известно, Ален Поэр никогда не давал никаких комментариев по поводу своих предполагаемых связей с Приоратом Сиона или с потомками династии Меровингов. Однако в генеалогиях «документов Приората» упоминается некий Арно, граф Поэр, где-то между 894 и 896 годами породнившийся с семьей Плантар через брак и считавшийся прямым потомком Дагоберта II. Его внук Ален де Поэр стал в 937 году герцогом Бретонским.

Следовательно, независимо от того, известно ли современному Алену Поэру о Приорате Сиона или нет, сам Приорат явно считал его бесспорным представителем рода Меровингов.

ПОТЕРЯННЫЙ КОРОЛЬ

Теперь мы постоянно задавали себе вопрос: каковы были обоснования и цели тех, кто продолжал неумолимо выдавать — документ за документом, информацию за информацией — такой замечательный, неистощимый, касающийся нашего дела материал?

Мы уверены, что здесь не могло быть и речи о мистификации, иначе она бы длилась уже слишком долго и потребовала бы слишком много средств и воображения. Речь также не шла о какой-то серии работ, ловко опубликованных с целью получения выгоды вокруг волнующей умы тайны, которая заставляет трепетать публику, как если бы это была тайна Бермудского треугольника. Нет! И не о коммерческой афере шла речь, ибо появление «документов Приората» не мотивировалось деньгами. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратить внимание на очень малое количество, сдержанность и довольно кустарный способ производства соответствующих брошюр. Что же тогда? Мы оказались лицом к лицу с неким подобием произведения искусства, чьи исторические основы не вызывают сомнения, серьезность и качество сведений достойны самых высоких похвал и чей метод, как бы делающий вас причастным к тайне, играя на любопытстве публики, является просто замечательной находкой.

В этом методе нет ничего произвольного, напротив, в нем все строго подчинено логике. Кажется, что вся информация исходит из единого и секретного источника и каждый фрагмент, каким бы малым он ни был, придает предыдущему дополнительный смысл и несколько видоизменяет его. Неожиданное свидетельство постоянно возбуждает нетерпение и интерес читателя и в один момент успокаивает его любопытство. Да, это так. Возможно, что «документы Приората» увидели свет благодаря соответствующим образом разработанному порядку и тщательно подготовленному плану: сначала привлечь внимание публики к определенным фактам, затем установить их достоверность, потом создать психологический климат, способный держать читателя в напряжении и подготовить к получению дальнейшей инфор-

мации. Похоже, таинственные организаторы этой странной операции шаг за шагом готовили объявление о каком-то инсценированном открытии, которое в нужный момент будет выдано для удовлетворения заботливо поддерживаемого в возбуждении любопытства. Мы думаем, это открытие касается династии Меровингов, ее выживания, продолжения до сегодняшнего дня и подпольного королевства. Разве не нашли мы в «Шаривари» написанное пером одного из членов Приората Сиона следующее заявление: «Без Меровингов не существовал бы Приорат Сиона, а без Приората Сиона династия Меровингов угасла бы»? Связь между орденом и династией частично подтверждается в продолжении статьи:

«Король одновременно является пастухом и пастырем. Иногда он спешно отправляет какого-нибудь блестящего посла к своему вассалу, своей правой руке, чье счастье подвергается смертельной опасности. Это Рене Анжуйский, коннетабль Бурбонский, Никола Фуке и многие другие, за чьими блестящими удачами следовали необъяснимые несчастья, ибо эти эмиссары ужасны и уязвимы. Посвященных в тайну можно либо превознести, либо свалить. Это также Жиль де Ре, Леонардо да Винчи, Джузеппе Бальзамо, герцоги Неверские и Гонзага, чей путь окутан магическим благоуханием, где страдание смешано с ладаном — благоухание Магдалины.

Если король Карл VII при входе Жанны д'Арк в залу его замка Шинон прячется в толпе придворных, он делает это не для того, чтобы пошутить — в чем была бы соль подобной шутки? — но потому, что он уже знает: она — посланница и перед ней он такой же придворный, как и все остальные. Тайна, которую она открывает ему в этих стенах, заключена всего в нескольких словах: «Любезный сеньор, я прибыла от короля»⁴.

Намеки в этом тексте небезынтересны. Прежде всего, король — «потерянный король», возможно из рода Меровингов — продолжает царствовать только в силу своей личности. Затем следует еще более удивительный намек: находя-

щиеся у власти знают о его существовании, знакомы с ним, уважают его и боятся. Наконец, великий магистр Приората Сиона или другой член ордена служит посланником от «потерянного короля» к его представителям, а его посланники вполне могут быть взаимозаменяемыми.

СТРАННЫЕ БРОШЮРЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ

В 1966 году появилась любопытная переписка, касающаяся смерти Лео Шидлофа, который, как мы помним, под псевдонимом Анри Лобино был предполагаемым автором генеалогий, фигурирующих среди «документов Приората».

Первое письмо, опубликованное в «Женевском католическом еженедельнике», датировано 22 октября и подписано неким Лионелем Бюрю, членом «Женевской христианской молодежи». Объявив о кончине Шидлофа в Вене 17 октября в возрасте восьмидесяти лет, автор яростно восстает против обвинений, брошенных Римом в адрес покойного, который был автором «замечательного исследования», опубликованного в 1956 году, — генеалогического древа меровингских королей и дела Ренн-ле-Шато.

Ватикан, продолжает Лионель Бюрю, имел полное и тайное досье на этого человека и его деятельность, но никогда не осмеливался на него нападать. Впрочем, после его смерти медленно, но неуклонно возрастала пропаганда в пользу Меровингов. Например, эмблема, которую выбрала для себя нефтяная фирма «Антар» (это уже 1966 г.), представляющая короля Меровинга с лилией и обручем в руках, выполненная карикатурно, но все же вполне узнаваемо, — не навеена ли она, быть может, неосознанным, но явным влиянием на умы? И разве французские церковные круги не действовали в том же направлении, что и Рим? Короче, заключает Лионель Бюрю, используя термины масонства и катаров, Анри Лобино был «великим путешественником и великим искателем, человеком добрым и лояльным, и он останется символом «совершенного мастера», которого уважают и почитают»⁵.

Действительно, любопытный язык! Но еще более любопытны обвинения «Римского католического бюллетеня» против Шидлофа, процитированные Бюрю: «Просоветский, общеизвестный масон, готовивший во Франции народную монархию»⁶. Эти слова вызвали гнев Бюрю и, как нам кажется, являются противоречивыми в той мере, в какой просоветские симпатии совершенно не вяжутся с наступлением монархии. Автор «Римского бюллетеня», впрочем, не колеблясь, идет еще дальше, самым нелепым образом используя слова, которые широко цитирует Бюрю:

«Потомки Меровингов всегда стояли у истоков ересей, начиная с арианства, катаров и тамплиеров и кончая масонством. На родине протестантства в июле 1659 года Мазарини приказал разрушить замок Барбария, построенный в XII веке. Этот дом в течение веков выпускал только тайных подстрекателей против Церкви»⁷.

Так как Лионель Бюрю не указал точно, в каком номере «Римского католического бюллетеня» он нашел это заявление, нам, к сожалению, было невозможно проверить его подлинность. Тем не менее то, что вытекает из него, имеет в наших глазах исключительную важность, ибо, если быть точным, оно представляет собой бесспорное свидетельство (из римско-католического источника) разрушения неверского замка Барбария. Может быть также, оно приоткрывает, хотя бы частично, смысл существования Приората Сиона и его союзников: маневрировать, чтобы добиться власти именно с помощью постоянных конфликтов с Церковью. Конфликтов, которые в данном случае происходят не из-за случайностей, не из-за политики, не из-за обстоятельств, но по воле и определенному плану. Вероятно, мы найдем там и все то же давнее противоречие, касающееся католического отпечатка, носимого орденом Сиона.

После публикации своего письма Лионель Бюрю нашел смерть в автокатастрофе, в которой погибли еще шесть человек. Но перед этим он получил ответ, очень удивительный, в виде нескольких страниц, имеющих надпись «Для личного пользования» и подписанных неким С. Ру⁸.

Осудив Бюрю за легкомыслие и излишнюю эмоциональность, с которыми он говорил о Лео Шидлофе, автор подтвердил и дополнил его высказывания. Действительно, Лео Шидлоф был сановником Великой Льпийской ложи Швейцарии — масонской ложи, чьи следы имеются на некоторых «документах Приората», — и, добавляет Ру, он не скрывал своих «дружеских чувств к государствам Востока»⁹. Что же касается потомства Меровингов, Ру идет еще дальше Бюрю в этом отношении:

«Пусть не говорят сегодня, что Церковь не знала о династии из Разеса, но надо признаться, что и потомки, начиная с Дагоберта II, всегда были тайными деятелями против королевской власти во Франции и против Церкви, что они были создателями всех ересей. Возвращение к власти потомка Меровингов означало бы для Франции объявление народного государства — союзника СССР, и триумф масонства повлек бы за собой исчезновение религиозной свободы»¹⁰.

И в заключение — еще несколько довольно неожиданных строк:

«Что касается вопроса о меровингской пропаганде во Франции, то все знают, что реклама нефтяной компании «Антар», представляющая собой меровингского короля с лилией и обручем в руке, была современным и замаскированным призывом в пользу возвращения Меровингов к власти. Мы также задаем себе вопрос: что мог делать в Вене Лобино незадолго до своей смерти, накануне больших перемен в Германии? Точно ли, что Лобино готовил в Австрии будущее соглашение об обмене с Францией, будущую базу франко-русского соглашения?»¹¹.

Что хочет сказать Ру? Почему, по примеру «Римского католического бюллетеня», против которого выступил Бюрю, он устанавливает связь между такими противоположными понятиями, как советская гегемония и монархия, хотя бы и народная? Видеть в символе нефтяной компании хитрую форму пропаганды в пользу дела — признаем это — столь

же темного, сколь и спорного, означает просто не доверять здравому смыслу, разве нет? И что означают его намеки на интересные «изменения» в Германии, Франции и Австрии, а также это таинственное франко-русское соглашение, о котором якобы всем известно?

В первом прочтении письмо Ру кажется бессвязным, мы это не оспариваем. Но после углубленного его изучения мы были вынуждены признать, что оно, напротив, имеет все характеристики нового и очень хитроумного «документа Приората». Цель его — уколоть любопытство, мистифицировать, внести смятение в умы, короче — подготовить читателя принять новое откровение. Станный, но уже проверенный способ, который красноречиво свидетельствует о значимости предстоящей информации. Если утверждения Ру точны, то наше расследование выйдет за узкие рамки изучения рыцарского ордена, чтобы подойти к гораздо более обширным границам высшей международной политики.

КАТОЛИКИ-ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ

В 1977 году появляется новый и очень значительный «документ Приората» в виде статьи из шести страниц, названной «Круг Улисса» и подписанной «Жан Делод». Кое-какие сведения уже устарели, но зато там была и совершенно неизвестная информация об ордене Сиона. Например, следующий параграф:

«В марте 1117 года Балдуин I был вынужден приступить к переговорам в Сен-Леонар-д'Акре и готовил учреждение ордена Храма по указанию Приората Сиона. В 1118 году орден Храма был создан Гуго Пайенским. С 1118 по 1188 год Приорат Сиона и орден Храма имеют общего великого магистра. Начиная с 1188 года Приорат Сиона насчитывает двадцать семь великих магистров вплоть до сего дня. Последние из них:

Шарль Нодье
Виктор Гюго

с 1801 по 1844 г.
с 1844 по 1885 г.

Клод Дебюсси

с 1885 по 1918 г.

Жан Кокто

с 1918 по 1963 г.,

и с 1963 года, без других уточнений, аббат Дюко-Бурже.

Каковы цели Приората Сиона? Об этом никому ничего не известно, если только он не является мощью, способной противостоять в будущем Ватикану. Монсеньор Лефевр — активный и значительный член Приората, вполне способный заявить: «Сделайте меня Папой, и я сделаю вас королем»¹².

Надо подчеркнуть особо два сведения, и прежде всего предполагаемое наследование монсеньора Лефевра Приорату Сиона. Известно, что этот последний представляет собой самого консервативного приверженца Римско-католической церкви и что по этому поводу он яростно и открыто противостоял Папе Павлу VI. Два раза — в 1976 и 1977 годах — ему грозили отлучением, и оба раза он продемонстрировал полнейшее равнодушие, если не сказать наглость, способную спровоцировать раскол внутри Церкви. Все удивлялись, что такой непримиримый католик может делить свои убеждения между движением и орденом, имеющим герметические, близкие к ереси тенденции. Остается только одно возможное объяснение: именно монсеньор Лефевр в XX веке является представителем масонства XIX века, ассоциирующегося со «Святыищем Золотой Долины», — «христианского, герметического и аристократического» масонства, более католического, чем сам Папа.

Второй важный момент этого отрывка из «Круга Улисса» — идентификация великого магистра Приората Сиона наших дней, а именно аббата Дюко-Бурже.

Франсуа Дюко-Бурже родился в 1897 году и, вероятно, очень рано, еще будучи в семинарии Сен-Сюльпис, познакомился с многочисленными модернистами, среди которых был Эмиль Оффе. Затем он стал монастырским капелланом Мальтийского ордена. Награжденный медалью Сопrotивления и Военным крестом 1939—1945 годов, он сегодня признан большим литератором, членом Французской Академии, поэтом и биографом писателей-католиков, таких, например, как Поль Клодель и Франсуа Мориак.

По примеру монсеньора Лефевра аббат Дюко-Бурже вошел в оппозицию Папе Павлу VI. По примеру монсеньора Лефевра он объявляет себя «традиционалистом» и ярим врагом всякой литургической реформы, а также всякой попытки «модернизации» римско-католической церкви. 22 мая 1976 года ему запретили исповедовать и отпускать грехи, и он открыто бросает вызов приговору своих начальников, следуя примеру монсеньора Лефевра. Наконец, 22 февраля 1977 года он высказывается в пользу католиков-традиционалистов, укrywшихся в церкви Сен-Николя-дю-Шардонне (Святого Николая) в Париже.

Если монсеньор Лефевр и аббат Дюко-Бурже в плане теологии находятся на краю правого крыла католической церкви, то, вероятно, точно так же обстоит дело и в плане политики. Действительно, до Второй мировой войны монсеньор Лефевр не скрывал своих симпатий к «Аксьон Франсез», крайне правой политической группировке, поддерживавшей идеи германского национал-социализма. Позже «мятежный епископ» снискал себе дурную славу тем, что горячо поддерживал военный режим в Аргентине. На вопрос о занятой им позиции он заявил, что ошибся и на самом деле имел в виду не Аргентину, а Чили! Франсуа Дюко-Бурже представляется не таким экстремистом, а его награды свидетельствуют по меньшей мере о его патриотической антигерманской деятельности во время войны. Правда, это все не мешало ему демонстрировать свою симпатию к Муссолини и не скрывать надежды на то, что французы вскоре найдут «свой смысл в достойном поведении нового Наполеона»¹³.

Сначала мы заподозрили, что монсеньор Лефевр и аббат Дюко-Бурже не входят в Приорат Сиона, а просто кто-то старается их скомпрометировать с помощью тех же сил, с которыми они, как считалось, боролись. Но затем, вспомнив устав Приората Сиона и его второе название — «Рыцарство католических правил и установлений независимого и традиционалистского союза», мы подумали, что это учреждение, напротив, прекрасно подходит таким личностям, как монсеньор Лефевр и аббат Дюко-Бурже.

Впрочем, есть и другое возможное объяснение. Его

трудно принять, но оно хотя бы дает ответ на некоторые противоречия. В самом деле, почему бы этим двоим церковным деятелям, скрывающим свою личность, не быть чем-то вроде агентов-provokаторов, потрясающих знаменем традиционализма, чтобы вызвать волнение, посеять смущение в Церкви и спровоцировать раскол, начавшийся после правления Папы Павла VI? Мы уже видели, что эту стратегию в недавнем прошлом использовали тайные общества, описанные Нодье, и она же использовалась в «Протоколах Сионских мудрецов». К тому же некоторые журналисты и церковные деятели не преминули намекнуть недавно, что монсеньором Лефевром на самом деле манипулировали другие люди или что он работал на них¹⁴.

Эта гипотеза, к которой следует подходить осторожно, основывается, однако, на логических выводах. Действительно, как надо действовать по отношению к Папе Павлу VI, чтобы подтолкнуть его к большему либерализму? Принять сторону либералов и таким образом укрепить Папу в его консерватизме? Ничего подобного! Наоборот, публично занять ультраконсервативную позицию, вынуждая этим Папу высказаться в пользу либералов. По всей видимости, таким и было умозаключение монсеньора Лефевра и его сторонников; именно в этом направлении они и действовали и осуществили ловкий замысел, который представил Папу либералом.

Верна ли наша гипотеза или нет, но ясно, что монсеньор Лефевр, как и многие другие персонажи нашего расследования, знал какую-то важную тайну. Действительно, в 1976 году его отлучение казалось неизбежным. Для Папы Павла VI оно было бы единственно возможным выходом из-за постоянных вызовов и выпадов епископа. Но в последнюю минуту и против всяких ожиданий Ватикан полностью изменил свои взгляды. Почему?

Быть может, ответ находится в статье «Гардиан» от 30 августа 1976 года, согласно которой священники — сторонники монсеньора Лефевра в Англии предположили, что он обладал «всемогущим оружием, подходящим для использования в его спорах с Ватиканом»¹⁵.

Что же это было за секретное оружие, способное «потрепсти весь мир» и до такой степени испугать Ватикан? Ка-

кой такой дамоклов меч, неизвестный профанам, был подвешен над головой главы Церкви? Никто этого не знает, но, во всяком случае, он оказался достаточно эффективным, чтобы еще раз спасти монсеньора Лефевра от кары Рима. И Жан Делод очень справедливо пишет по этому поводу, что Марсель Лефевр действительно представляет «силу, способную противостоять Ватикану» — лоб в лоб, если это будет необходимо.

Но кому он бросит — или уже бросил — этот последний вызов: «Сделайте меня Папой, и я сделаю вас королем!»?

КОНВЕНТ 1981 ГОДА И УСТАВ КОКТО

Вопросы, связанные с личностью аббата Дюко-Бурже, недавно прояснились благодаря внезапному усилению гласности, которым пользуется во Франции Приорат Сиона с конца 1980 года.

Действительно, в августе 1980 года популярный еженедельник опубликовал статью, касающуюся тайны Ренн-ле-Шато и Приората Сиона, решительно присоединив к этим сюжетам монсеньора Лефевра и аббата Дюко-Бурже. Оба они только что побывали в одном из святых мест Сиона — деревне Сент-Коломб в Ниверне, — которое до разрушения кардиналом Мазарини замка Барбария принадлежало семейству Плантар.

Мы тут же решили встретиться с аббатом Дюко-Бурже. Любезный, но уклоняющийся от любого конкретного вопроса, он начисто отрицал свою принадлежность к Приорату Сиона и вскоре подтвердил это публично в письме, опубликованном еженедельником, который напомнил всем о деле Ренн-ле-Шато.

Пять месяцев спустя, 22 января 1981 года, в другом журнале¹⁶ появилась краткая заметка, которую мы приводим ниже:

«Настоящее тайное общество, состоящее из 121 члена, Приорат Сиона, основанный Готфридом Бульонским в Иерусалиме в 1099 году, имел своими великими магистрами Леонардо да Винчи, Виктора Гюго, Жана

Кокто. Этот орден только что собрал свой Конвент в Блуа 17 января 1981 года (предыдущий Конвент соби-рался в 1956 году в Париже).

Во время Конвента в Блуа Пьер Плантар де Сен-Клер был избран великим магистром ордена 83 голосами из 92 голосовавших в третьем туре выборов.

Избрание этого великого магистра отмечает ре-шающий этап в эволюции концепций и умов в мире, ибо все члены Приората Сиона являются «серыми кардиналами» в высших финансовых кругах и между-народных политических или философских обществах. Сверх того Пьер Плантар — прямой потомок меро-вингских королей от Дагоберта II. Его происхождение законным образом доказано пергаментными докумен-тами Бланки Кастильской, найденными аббатом Сонь-ером в его церкви в Ренн-ле-Шато в 1891 году.

Эти документы, проданные племянницей священ-ника в 1961 году капитану Рональду Стэнсморю и сэру Томасу Фрэзеру, были положены в «Ллойд банк Юроп лимитед» в Лондоне¹⁷.

Незадолго до появления статьи мы связались с Филип-пом де Шеризе, имя которого встречалось в наших исследо-ваниях так же часто, как и имя Пьера Плантара. Шеризе ка-тегорически заявил нам, что аббат Дюко-Бурже не набрал достаточного количества голосов, чтобы стать великим ма-гистром, и что он вообще опроверг слухи о своей принад-лежности к ордену. Шеризе прислал нам также подлин-ный — переведенный с латинского — устав Приората Сиона. Тот устав, который мы получили в префектуре Сен-Жюлье-на и который в 1973 году был опубликован одним француз-ским журналом¹⁸, был признан Жаном Люком Шомеем аб-солютной фальшивкой. Подлинный устав наконец-то дол-жен был прояснить для нас непонятную до сих пор позицию аббата Дюко-Бурже по отношению к Приорату Сиона.

Датированный 5 июня 1956 года, этот текст был подпи-сан Жаном Кокто. Если он и был делом рук замечательного фальсификатора, то нам он показался вполне достоверным и заставил нас считать таковым весь документ в целом¹⁹, ко-

торый мы считаем нужным воспроизвести здесь целиком, все двадцать две статьи

«СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. Между подписавшими настоящий Устав и теми, кто впоследствии будет принят и выполнит нижеследующие условия, учрежден рыцарский орден, нравы и обычаи которого восходят к ордену, основанному Готфридом VI по прозванию Набожный, герцогом Бульонским в Иерусалиме в 1099 году и признанному в 1100 году.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ. Наименование ордена: «Sionis Prioratus» или «Приорат Сиона».

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ. Приорат Сиона имеет своей целью упрочение традиционалистского рыцарского ордена, просветительской деятельности и создание среди ее членов взаимопомощи, как моральной, так и материальной, во всех обстоятельствах.

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ. Продолжительность деятельности Приората Сиона бесконечна.

СТАТЬЯ ПЯТАЯ. Генеральный секретарь, назначаемый Конвентом, выбирает представительные бюро. Приорат Сиона не является тайным обществом, все его декреты, акты и назначения обнародуются на латинском языке.

СТАТЬЯ ШЕСТАЯ. Приорат Сиона включает 121 члена; в этих пределах он открыт для всех совершеннолетних, признающих цели и принимающих обязанности, предусмотренные настоящим Уставом.

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ. Если один из членов ордена захочет выйти из него и укажет с предоставлением документа одного из своих потомков, который станет его преемником, Конвент должен рассмотреть эту просьбу и, если это необходимо, позаботиться о воспитании, указанном ниже, для несовершеннолетнего члена.

СТАТЬЯ ВОСЬМАЯ. Будущий член должен купить на свои собственные средства для прохождения первой

степени белое одеяние со шнурком. Начиная с принятия его на первую ступень член имеет право голоса. После принятия новый член должен принести клятву служения ордену при любых обстоятельствах, какие сложатся в его жизни, а также работать во имя МИРА и уважения к человеческой жизни.

СТАТЬЯ ДЕВЯТАЯ. После принятия новый член должен сделать взнос в любом размере. Каждый год он должен сообщать в Генеральный Секретариат о добровольном взносе в пользу ордена, ценность которого будет установлена им самим.

СТАТЬЯ ДЕСЯТАЯ. Со времени своего принятия член должен предоставить метрику и образец своей подписи.

СТАТЬЯ ОДИННАДЦАТАЯ. Член Приората Сиона, против которого трибунал вынес приговор по общему праву, может быть временно лишен своих титулов и функций, а также членства в ордене.

СТАТЬЯ ДВЕНАДЦАТАЯ. Генеральная ассамблея членов ордена называется Конвент. Никакое решение Конвента не может иметь силы, если число присутствовавших было меньше 81 человека. Голосование тайное и производится посредством использования белых и черных шаров. Любое предложение, набравшее менее 61 белого шара во время одного голосования, не может быть представлено вновь.

СТАТЬЯ ТРИНАДЦАТАЯ. Конвент Приората Сиона единолично и большинством в 81 голос из 121 члена выносит решения о всяких изменениях в Уставе и правилах внутреннего распорядка.

СТАТЬЯ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Любое принятие в члены ордена решается Советом тринадцати розенкрейцеров. Титулы и посты жалуются великим магистром Приората Сиона. Члены ордена принимаются на эти посты пожизненно. Их права полностью переходят к одному из ими самими указанных детей. Указанный ребенок может отказаться от своих прав, но он не может сделать это в пользу брата, сестры, родственника

или другого лица. Он не может быть впоследствии восстановлен в правах в Приорате Сиона.

СТАТЬЯ ПЯТНАДЦАТАЯ. В двадцатисемидневный срок двое братьев должны будут войти в контакт с будущим членом и принять его согласие либо отказ. Если после восьмидесятиоднодневного срока, данного на раздумье, не последует согласия, то полноправным признается отказ, и место считается вакантным.

СТАТЬЯ ШЕСТНАДЦАТАЯ. В силу права наследования, подтвержденного предыдущими статьями, пост и титул великого магистра Приората Сиона могут передаваться, следуя тем же прерогативам, его последователю. Если место вакантно и отсутствует прямой наследник, Конвент в восьмидесятиоднодневный срок приступает к выборам.

СТАТЬЯ СЕМНАДЦАТАЯ. По всем декретам Конвент должен голосовать, и они становятся действительными, если на них стоит печать великого магистра. Генеральный секретарь назначается Конвентом на 3 года, и он может продолжать занимать этот пост и после истечения срока полномочий. Генеральный секретарь должен иметь степень командора, чтобы выполнять свои функции. Функции и посты исполняются добровольно.

СТАТЬЯ ВОСЕМНАДЦАТАЯ. Иерархия Приората Сиона включает пять степеней:

1. Навигатор	число: 1	Ковчег тринадцати розенкрейцеров.
2. Крестоносец	число: 3.	
3. Командор	число: 9.	
4. Рыцарь	число: 27	Девять командорств Храма.
5. Всадник	число: 81.	
Итого: 121 член.		

СТАТЬЯ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. Существуют 243 Свободных Брата, прозванных Набожными или, начиная с 1681 года, названных Детями Святого Винсента, ко-

торые не участвуют ни в голосовании, ни в Конвенте, но которым Приорат Сиона предоставляет определенные права и привилегии в соответствии с декретом от 17 января 1681 года.

СТАТЬЯ ДВАДЦАТАЯ. Ресурсы Приората Сиона складываются из даров и взносов его членов. Резерв, названный «достоянием Ордена», составляется Советом тринадцати розенкрейцеров; это сокровище может быть использовано только в случае абсолютной необходимости и серьезной опасности для Приората и его членов.

СТАТЬЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. Генеральный секретарь созывает Конвент в том случае, если Совет розенкрейцеров считает это полезным.

СТАТЬЯ ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. Отрицание принадлежности к Приорату Сиона, объявленное публично или письменно, без причины и опасности для личности, влечет за собой исключение из членов, которое будет объявлено Конвентом.

Текст Устава в 22 статьях, соответствующий оригиналу, сообразован с изменениями Конвента 5 июня 1956 года.

Подпись великого магистра
Жан Кокто».

Этот экземпляр Устава Приората Сиона во многих пунктах отличается, как мы видим, от того, который был послан нам супрефектурой Сен-Жюльена, с одной стороны, и от информации, появившейся в «документах Приората», — с другой. Первый действительно давал общее число членов 9841 человек, а второй — 1093 человека. Тот, который мы сейчас держали в руках, давал цифру 364, среди которых имелось 243 члена «Детей Св. Винсента». Кроме того, если «документы Приората» упоминают иерархию в семь ступеней, а устав Сен-Жюльена — в девять, то этот дает только пять, с названиями, отличными от названий в предыдущих документах.

Что же означали эти противоречия? Быть может, внутри Сиона имело место что-то вроде раскола, начиная прибли-

зительно с 1956 года, когда в Национальной библиотеке начали появляться «документы Приората»? Это как раз то, что утверждал Филипп де Шеризе в недавней статье²⁰: действительно, между 1956 и 1957 годами произошел раскол, угрожавший принять размеры полного разрыва, отмеченного «рубкой вяза» в 1188 году, происшедший между Сионом и орденом Храма. Раскола удалось избежать, продолжает Ф. де Шеризе, благодаря дипломатии П. Плантара, который воззвал к лучшим чувствам бунтарей. Потом был Конвент 17 января 1981 года, и орден, кажется, вновь обрел свою сплоченность.

Итак, если аббат Дюко-Бурже и был великим магистром Приората Сиона, то было ясно, что теперь он им уже не являлся. Впрочем, Ф. де Шеризе сообщил нам, что он никогда им и не был, так как не набрал необходимого количества голосов. Не был ли он избран теми, кто вступил на путь раскола? И если эта гипотеза верна, подходила к нему или нет статья 22 Устава? Это неизвестно, но зато можно утверждать, что сегодня он не имеет никакой связи с Приоратом Сиона, даже если она и была в прошлом.

Эти выводы, проясняющие необычную ситуацию с аббатом Дюко-Бурже, объясняют также принцип отбора великих магистров Приората. Теперь мы знаем, почему некоторым из них было всего пять или восемь лет и как этот титул присуждался в пределах и за пределами одного точно определенного рода и его генеалогической сетки. В принципе титул являлся наследуемым, передаваемым из века в век членам различных семей меровингской крови. Но если никто его не требует или отказывается от него, его предлагают, согласно уставу, человеку со стороны. Так что Леонардо да Винчи и Ньютон, Виктор Гюго и Кокто без особых возражений могли фигурировать в списке великих магистров Сиона.

ПЬЕР ПЛАНТАР ДЕ СЕН-КЛЕР

Среди имен, регулярно появляющихся в различных «документах Приората», имеется, как мы уже говорили, имя семьи Плантар, а особенно имя Пьера Плантара, явно связанного с тайной Соньера и Ренн-ле-Шато. Если верить генеа-

логиям «документов», Пьер Плантар де Сен-Клер²¹ является прямым потомком Дагоберта II и династии Меровингов; из тех же источников известно, что он также является бывшим владельцем замка Барбария.

Однако не только имя этого человека постоянно появляется по ходу наших исследований, но и разные обрывки сведений, датирующиеся последними двадцатью пятью годами, в конце концов приводят к нему. Так, в 1960 году П. Плантар при Жераре де Седе упоминает о некоем «международном секрете», спрятанном в Жизоре²², и в последующее десятилетие передает ему большую часть основных документов для двух его работ о Жизоре и Ренн-ле-Шато²³. Согласно недавним открытиям, дед П. Плантара был другом Беранже Соньера, а сам он в настоящее время владеет земельными участками поблизости от Ренн-ле-Шато и Ренн-ле-Бен, к которым относится холм Бланшфор, а также участками в Стене, в Арденнах, где располагается старинная церковь Св. Дагоберта. Наконец, Пьер Плантар, как мы видели на первой странице Устава Приората Сиона, имеет титул генерального секретаря ордена.

Интервью, взятое у П. Плантара в 1973 году, не сообщило нам, как и ожидалось, ничего нового. Добавим, что оно показалось нам очень туманным, полным намеков и больше ставило вопросы, чем давало ответы, особенно по поводу Меровингов: «Отыщите корни знаменитых французских фамилий, — заявляет он, — и вы поймете, каким образом такая личность, как Анри де Монпеза, может в один прекрасный день стать королем»²⁴. И еще: «Общество, к которому я принадлежу, очень древнее, я наследую другим, вот и все. Мы свято охраняем некоторые вещи от публичности»²⁵.

Слова, как мы видим, весьма уклончивые и не дающие почти никаких уточнений по поводу Приората Сиона и его генерального секретаря. Другая статья, опубликованная вскоре, немного дополняет портрет Пьера Плантара. Автор — его первая жена, Анна-Леа Илер, умершая в 1971 году:

«Не надо забывать, что этот психолог был другом таких разных людей, как Израиль Монти, Габриэль Тарьё д'Эгмон, один из тринадцати розенкрейцеров,

Поль Лекур, философ Атлантиды, г-н Леконт-Моншарвиль, делегат Агарты, аббат Оффе, служащий отдела документации Ватикана, Т. Море, директор консерватории в Бурже, и т. д. Вспомним также, что во время оккупации он был арестован, подвергнут пыткам в гестапо, что он был интернирован по политическим мотивам на долгие месяцы. Будучи профессором, он оценил достоинства тайных учений, в результате чего был избран членом «*honoris causa*»^{*} многочисленных тайных герметических обществ. Жизненный опыт и перенесенные испытания выковали личность этого мирного мистика, этого апостола свободы, этого аскета, идеалом которого было служение человечеству. Что же удивительного в том, что в подобных обстоятельствах он стал одним из негласных правителей, с которыми часто советуется сильные мира сего? Вспомним, наконец, что в 1947 году его пригласило швейцарское правительство, и много лет он жил в Швейцарии, на Женевском озере, где встречаются делегаты и миссионеры, съезжающиеся со всего мира»²⁶.

Конечно, Анна Илер хотела нарисовать очень облагороженный портрет своего мужа. Однако она не представляет его совершенно необыкновенным человеком, хотя его связи могут иногда показаться странными. Неприятности с гестапо, во всяком случае, свидетельствуют в его пользу, так как он действительно с октября 1943 года до конца 1944 года был арестован за то, что в 1941 году в Париже выпустил газету Сопrotивления под названием «Победить!»²⁷.

Впрочем, Пьер Плантар имел и других знакомых, кроме названных мадам Илер, и некоторые из них были высокопоставленными личностями, например Андре Мальро и генерал де Голль. В 1958 году во время восстания в Алжире генерал, желая вернуться к власти, обращается к Плантару, и тот с помощью Андре Мальро тут же организует Комитеты общественного спасения, призванные сыграть главную роль в возвращении де Голля в Елисейский дворец. В письме от 29 июля 1958 года этот последний поблагодарил Плантара

---

* *Honoris causa* — почетный член (лат.).

за сотрудничество, а во втором, написанном пять дней спустя, попросил его распустить выполнившие свою миссию Комитеты. Пьер Плантар тут же сделал это через официальное коммюнике, переданное по радио и напечатанное в прессе²⁸.

Итак, наше расследование продвигалось, и нам не терпелось — нужно ли об этом говорить? — познакомиться с Пьером Плантаром. Но это было непросто, тем более что мы действовали не от имени какой-либо официальной организации. К тому же Плантара невозможно было найти. И только весной 1979 года, когда мы начинали снимать второй фильм о Ренн-ле-Шато, нам представился счастливый случай — под прикрытием Би-би-си — войти с ним в контакт как раз в тот момент, когда одна английская журналистка, проживавшая во Франции, предложила нам свою помощь в поисках Приората Сиона через масонские ложи и оккультные парижские круги.

Вполне предсказуемо она сразу же наткнулась на стену противоречий и мистификации. Одни предрекали более или менее быструю смерть, как и всем, кто слишком интересовался Сионом; другие сообщали, что Приорат существовал в Средние века, но теперь его больше нет; третьи же утверждали обратное.

Совершенно обескураженная, наша знакомая обратилась к Жану Люку Шомею, который уже брал интервью у Пьера Плантара и хорошо знал нашу тему, так как глубоко затронул ее. Он не был членом Приората, но ему легко было попасть на свидание с Плантаром, и раньше он соглашался дать нам кое-какие дополнительные сведения.

По его мнению, Приорат Сиона, несмотря на характерную для него таинственность, не был в чистом виде тайным обществом. Объявление в «Журнал оффисьель» было фальшивкой, исходящей от членов-диссидентов, каковым, впрочем, был и предполагаемый устав, присланный из Сен-Жюльена, — произведение тех же самых авторов.

Но, как утверждал Шомей, Сион на самом деле строил честолюбивые планы на ближайшее будущее. Через несколько лет во французском правительстве произойдут крайне

серьезные события, которые подготовят дорогу для народной монархии, управляемой человеком из рода Меровингов. Сион будет царствовать в тени, как он делал это в течение многих веков, но не с материалистической целью, а чтобы восстановить «истинные ценности», то есть ценности духовные и, может быть, даже эзотерические; во всяком случае, уточняет наш собеседник, дохристианские, несмотря на подчеркнута католические тенденции Устава. Но это еще не все. По мнению Шомея, Франсуа Дюко-Бурже действительно был великим магистром Сиона, и если мы удивлялись тому, что этот католик-традиционалист смог приспособиться к дохристианским ценностям, то не лучше ли было бы пойти к нему самому и прямо спросить об этом?

Шомей подчеркнул древность Приората Сиона и широту его членского состава, включающего представителей всех сфер жизни. Он добавил, что цели Приората не замыкаются исключительно на том, чтобы восстановить династию Меровингов. И тут последовало любопытное заявление: не все члены Приората Сиона, сказал Шомей, являются евреями. Не естественно ли в этом случае предположить, что таковых было много, если не большинство? И не есть ли это новое противоречие? Потому что если устав не выдвигает никаких точных требований по этому поводу, то как примирить внутри ордена его членов-евреев и великого магистра — католика, например аббата Дюко-Бурже, крайнего традиционалиста, имеющего к тому же такого друга, как монсеньор Лефевр, известный своей почти открытой антисемитской позицией?

Но это не единственный парадокс, открытый Шомеем, который говорил также и о некоем «Лотарингском принце» из рода Меровингов, облеченном священной миссией. Просто поразительное заявление, ибо в настоящее время никакого лотарингского принца, ни даже личности, обладающей этим именем, не существует. Может, он будет жить инкогнито? Или же Шомей использовал слово «принц» в более широком смысле, означая «потомок»? В таком случае этим принцем мог бы быть Отто Габсбург, герцог Лотарингский.

Ответы Жана Люка Шомея нашей знакомой журналистке вновь поднимали множество вопросов, и она, обескура-

женная, закончила беседу. Теперь под эгидой Би-би-си должно было состояться свидание с Пьером Плантаром.

С первого же взгляда Пьер Плантар показался нам человеком учтивым и полным достоинства, непринужденным, скромным, любезным. Нас удивили его безграничная эрудиция и гибкость ума. Его реплики были очень остроумными, хлесткими, иногда колкими, но никогда — злыми. Глаза его светились снисходительностью и иронией, что не уменьшало его власти, которую он, казалось, испытывал на окружающих. Однако в нем угадывалось что-то аскетическое, суровое, происходившее, возможно, от простоты его поведения и от отсутствия показной роскоши. Он был одет элегантно, но в классическом стиле, и все в его облике дышало хорошим вкусом и умеренностью.

Во время этой беседы и двух последующих Пьер Плантар ясно дал нам понять, что он ничего не расскажет ни о нынешней деятельности, ни о целях Приората Сиона, зато с готовностью ответит на вопросы, относящиеся к прошлому этого ордена. Он также отказался от всякого публичного заявления о будущем, хотя допустил, что будет трудно избежать какого-либо намека на него в ходе бесед. Кроме того, он объявил нам, что Приорат Сиона действительно владел исчезнувшим сокровищем Иерусалимского храма, похищенным римскими легионами Тита в 70 году нашей эры, и что это достояние в нужный момент будет возвращено в Израиль. Но каким бы оно ни было — историческим, археологическим или политическим, — это сокровище являлось второстепенным. Настоящим же было сокровище «духовного порядка», и часть его заключалась в том, чтобы облегчить важные изменения, которые должны были произойти в общественном порядке.

В этих словах мы увидели отзвук высказываний Жана Люка Шомея: радикальное потрясение во Франции, но не революция, а изменения в установлениях, предшествующие возвращению монархии. И это не было насмешливым пророчеством, настаивал Пьер Плантар, но глубоким и окончательным убеждением, в которое он искренне верил.

Нам были известны основные темы этих заявлений, среди которых, однако, то тут, то там появлялись противоре-

чия. Так, Пьер Плантар иногда употреблял местоимение «мы», явно говоря от имени Приората Сиона, но в иные моменты, казалось, он отъединялся от ордена и говорил только сам за себя, ибо он был претендентом Меровингов, потенциальным королем, а Сион был лишь поддержкой и союзником. Это были два разных голоса: один принадлежал Генеральному секретарю Сиона, другой — непризанному королю, «царствующему, но не правящему», видящему в ордене нечто вроде консультанта по личным вопросам, и было трудно определить, где кончается один голос и начинается другой. Короче говоря, в этом наш собеседник явно желал остаться в тени.

Таким образом, после трех бесед мы не слишком продвинулись вперед и, кроме Комитетов общественного спасения и писем генерала де Голля, больше ничего не узнали ни о политическом могуществе Сиона, ни о случайной возможности или же наследственном праве его членов изменить правительство и общественный строй во Франции. Мы не продвинулись и в поисках причин того, что династия Меровингов более, чем другая королевская династия, должна быть признана всем миром. Например, требования Стюартов, существующих и сегодня и все еще претендующих на английский трон, стоят на более прочной основе, чем требования меровингских потомков. И другие вакантные европейские короны имеют своих претендентов: еще живы члены династий Бурбонов, Габсбургов, Гогенцоллернов и Романовых. Почему же им надо верить меньше, чем Меровингам? С точки зрения абсолютной законности и чисто технически притязания Меровингов на трон действительно вполне обоснованны. Но в современном мире этот вопрос все равно остается чисто академическим, таким же академическим, как если бы современный ирландец стал доказывать, что он потомок древних ирландских королей.

Мы снова отказались от мысли воспринимать Приорат Сиона как небольшую секту оригиналов, если вообще не крупную мистификацию. Напротив, все указывало на то, что в прошлом эта организация обладала реальной властью и влияла на политику других государств. Даже теперь все было не так просто, как казалось на первый взгляд. Скажем,

Приорат был лишен корысти или какого бы то ни было расчета. Действительно, стоило бы Пьеру Плантару только захотеть, и по примеру многочисленных сект и культов он мог бы сделать себе из Приората Сиона весьма доходное предприятие. Но это был абсолютно не тот случай. Большинство «документов Приората» не были предназначены для продажи, и сам Приорат не производил нового набора членов, как это обычно делала любая масонская ложа, — число его членов было строго ограничено, и новички принимались только на вакантные места. Такая «исключительность» говорит, среди прочего, о чрезвычайном доверии ордена к самому себе, об уверенности, что ему просто не нужны орды новичков — ни для финансовой выгоды, ни для каких-то иных целей. Другими словами, орден уже обладал чем-то таким, что обеспечивало поддержку столь значительных личностей, как Мальро и де Голль. Но можно ли серьезно поверить, что такие люди, как Мальро или де Голль, заботились о восстановлении династии Мервингов на французском троне?

ПОЛИТИКА ПРИОРАТА СИОНА

В 1973 году была выпущена книга, озаглавленная «Изнанка политической амбиции». Этот труд, написанный швейцарским журналистом Матье Паоли, делает попытку всесторонне исследовать Приорат Сиона. Как и мы, Паоли вошел в контакт с представителем ордена, имя которого он не называет. Но Паоли не имел рекомендаций на Би-би-си, а представитель, с которым он встретился, если судить по его рассказу, имел значительно более низкий статус, чем Пьер Плантар. Кроме того, этот человек был менее словоохотлив, чем Плантар. В то же время Паоли жил на континенте и имел большие, чем мы, возможности для поисков и расследований. Книга получилась настолько интересной и содержала так много новой информации, что мы удивились, почему Паоли не написал продолжения. Наведя справки о нем, мы узнали, что в 1977 или 1978 году он был расстрелян израильтянами за шпионаж в пользу арабов²⁹.

Расследование Паоли было во многом схоже с нашим. Он тоже вступил в контакт с дочерью Лео Шидлофа в Лон-

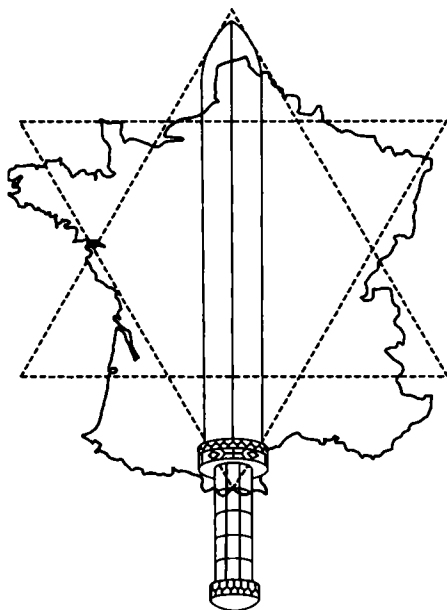

Рис. 8. Обложка журнала «Circuit»

доне, и мисс Шидлоф информировала его, что ее отец, насколько ей известно, не имел никакого отношения к тайным обществам, масонству или Меровингам. Как и наш представитель из Би-би-си, Паоли имел контакт с Великой Альпийской ложей и встретился с ее канцлером. И также получил двусмысленные ответы. Согласно Паоли, канцлер даже отрицал, что он знает Лобино или Шидлофа. Что касается работ, на которых стоит аббревиатура Альпийской ложи, канцлер категорически утверждал, что таковых не существует. И все же друг Паоли, который был членом Альпийской ложи, уверял, что он видел эти работы в их библиотеке. Паоли сделал вывод о том, что существуют две возможности. Первая: учитывая специфический характер работ Анри Лобино, Великая Альпийская ложа, которая запрещает всякую политическую активность как в Швейцарии, так и вне ее, не хочет, чтобы кто-то знал об ее участии в этом деле. Вторая: некое движение использовало имя Великой Альпийской ложи, чтобы скрыть свою собственную деятельность³⁰.

В Версальском филиале Национальной библиотеки Паоли обнаружил четыре выпуска журнала «Circuit» («Круг») ³¹, упомянутого в уставе Приората Сиона. Первый был датирован 1 июля 1959 года, и его главным редактором был назван Пьер Плантар. Но сам журнал не предполагал связи с Приоратом Сиона. Напротив, он объявлял себя официальным органом организации, названной Федерацией французских сил. Была даже печать, которую Паоли воспроизводит в своей книге, и следующие данные:

Периодическое издание по вопросам культуры
Федерации французских сил
улица Пьер Жуэ, 116
Оне-су-Буа (Сена и Уаза)
тел: 929-72-49

Паоли проверил адрес. По этому адресу журнал не издавался. Номер телефона также оказался ложным. Все попытки Паоли найти Федерацию французских сил оказались напрасными. По сей день нет никакой информации о подобной организации. Но вряд ли является совпадением то, что Французский штаб Комитетов общественной безопасности располагается в Оне-су-Буа ³². Вполне возможно, что Федерация французских сил каким-то образом была связана с этими комитетами. И для такого предположения есть все основания. Паоли сообщает, что во втором номере «Круга» упоминается письмо от генерала де Голля Пьеру Плантару, в котором тот благодарит Плантара за службу. Служба эта, по всей видимости, заключалась в работе в Комитетах общественной безопасности.

Согласно М. Паоли большинство статей в «Круге» связаны с эзотерикой. Они написаны Пьером Плантаром (под его настоящим именем и под псевдонимом «Ширен»), Анн Леа Хислер и другими, о ком мы уже рассказывали. В то же время там были и другие статьи на самые разные темы. В некоторых из них говорилось про тайную науку о винограде и виноградарстве — о прививке виноградных лоз, что, очевидно, имело серьезное влияние на политику. Все это казалось бессмысленным, пока мы не предположили, что виноград

и виноградарство всего лишь аллегория, подразумевающая родословные, генеалогические древа и династические браки.

Если статьи в «Круге» не посвящались эзотерике или метафорическим рассуждениям, они были ревностно националистическими. Например, в одной из них, подписанной Адрианом Севреттом, автор утверждает, что решение существующих проблем уже грядет:

«Но только с помощью новых методов и новыми людьми, ибо политика мертва. Любопытно, что люди не хотят признавать этого. Существует лишь один вопрос: организация экономики. Но есть ли еще люди, способные думать о Франции как во время оккупации, когда патриоты и участники Сопротивления не задумывались о политических взглядах своих товарищей по борьбе?»³³

М. Паоли цитирует следующий отрывок из четвертого выпуска «Круга»:

«Мы хотим, чтобы 1500 экземпляров «Круга» послужили запалом, который зажжет свет. Мы хотим, чтобы голос патриотов смог одолеть препятствия, как в 1940 году, когда они покинули оккупированную страну и постучали в дверь кабинета лидера свободной Франции. Сегодня аналогичная ситуация. Мы — французы, мы — та сила, которая борется, чтобы построить новую, здоровую Францию. Это надо сделать в прежнем патриотическом духе, с такой же волей и солидарностью. Таким образом, мы просто руководствуемся старым подходом к жизни»³⁴.

Затем следует подробный план для правительства по возвращению Франции потерянного блеска. Он включает, например, ликвидацию департаментов и восстановление провинций.

«Департамент — это произвольная система, созданная во время Революции, продиктованная и определенная той эрой в соответствии с потребностями передвижения (гузевой транспорт). Сегодня это бессмыс-

лица. Наоборот, провинция — это живая часть Франции, это наше прошлое, это такая же основа, что и та, которая положила начало нашей нации. Она имеет свой фольклор, свои обычаи, свои памятники, часто свои местные диалекты, которые мы хотим вернуть и распространить. Провинция должна иметь свой собственный аппарат для защиты и администрирования, приспособленный к ее специфическим нуждам, но связанный со всей нацией»³⁵.

Далее Паоли цитирует текст на восьми страницах со следующими подзаголовками:

Совет провинций
Государственный совет
Парламентский совет
Налоги
Работа и производство
Медицина
Национальное образование
Возраст совершеннолетия
Обеспеченность жильем и школами

План для правительства, предложенный под этими заголовками, не противоречив и, вероятно, может осуществиться с минимальным сопротивлением. План политически нейтрален. Его нельзя назвать планом ни левого ни правого крыла, ни либеральным ни консервативным, ни радикальным ни реакционным. В целом он кажется вполне безобидным. Нельзя лишь понять, каким образом он вернет Франции утерянный «блеск». Как пишет Паоли, «предложения... не революционные. Однако они основаны на реалистичном анализе действующих структур Французского государства и имеют смысл»³⁶. Но план правительства, описанный в «Круге», не указывает открыто на реальную базу, на которую в случае осуществления он будет опираться, — реставрация популярной монархии во главе с Меровингами. В «Круге» не было необходимости акцентировать это, ибо это было предпосылкой, условием, вокруг которого вращались все опубликованные в журнале материалы. Для читателей журнала восстановление рода Меровингов являлось оче-

видным и принималось как цель, над которой надо потрудиться.

Здесь в своей книге Паоли ставит важный вопрос, который не давал покоя и нам:

«С одной стороны, у нас есть скрытый потомок Меровингов, а с другой стороны, тайное общество «Приорат Сиона», цель которого — способствовать реставрации популярной монархии по линии Меровингов... Но необходимо знать, удовлетворится ли это движение эзотерико-политическими философствованиями (невысказанная цель которых — добыть больше денег, эксплуатируя мировое легковерие и наивность,) или оно способно действовать по-настоящему»³⁷.

Затем он рассматривает этот вопрос с учетом имеющихся у него свидетельств и делает следующие выводы:

«Безусловно, Приорат Сиона располагает могущественными связями. При создании любой ассоциации предварительно делается запрос в Министерство внутренних дел. Это делается и в случае создания журнала, издательства. Однако эти люди умудряются публиковать под псевдонимами, с фальшивыми адресами, через несуществующие издательства свои работы, которые нельзя открыто найти ни в Швейцарии, ни во Франции. Тут есть две вероятности: или правительство не выполняет свою работу, или же...»³⁸

Паоли не дает альтернативы. В то же время ясно, что лично он считает не озвученную возможность наиболее вероятной. Короче, вывод таков: государственные чиновники и другие важные люди либо являются членами Приората Сиона, либо подчиняются ему. Если это так, Приорат Сиона действительно очень влиятельная организация.

Проведя собственное расследование, Паоли признал законными притязания Меровингов на престол. В таких пределах, по его признанию, он видит смысл в целях, поставленных Приоратом Сиона. Но если брать шире, он серьезно озадачен. Интересно, в чем смысл реставрации Меровингов сегодня, спустя более чем тысячу триста лет после их свер-

жения? Будет ли правление Меровингов отличаться от любого другого сегодняшнего режима? Если да, то как и почему? Что особенного в Меровингах? Даже если их притязания законны, они кажутся не к месту. Но тогда почему так много влиятельных и умных людей и сегодня, и в прошлом не только уделяют им внимание, но и демонстрируют им свою лояльность?

Мы задавали себе эти же вопросы. Как и М. Паоли, мы были готовы признать законность прав Меровингов. Но какое значение их притязания имеют сегодня? Неужели «техническая» законность монархии является настолько убедительным аргументом? Почему в конце XX века монархия, какая бы она ни была — законная или незаконная, претендует на подобную лояльность, какой требовали Меровинги?

Если бы мы имели дело только с группой выживших из ума чудаков, мы выбросили бы все это из головы. Но речь шла о весьма влиятельной организации, в рядах которой находились самые заслуженные, выдающиеся, популярные и ответственные люди нашего времени. И эти люди относились к идее реставрации династии Меровингов как к достаточно обоснованной, что заставляло их пренебречь различиями в политических, социальных и религиозных взглядах.

Казалось бессмысленным, что реставрация династии более чем тысячелетней давности имеет жизненно важное значение для стольких общественных деятелей и уважаемых людей. Конечно, есть вероятность, что мы что-то проглядели. Возможно, законные наследственные права не были единственным аргументом, предъявленным Меровингами. Возможно, было еще что-то важное, что отличало Меровингов от других династий. Что-то особенное в королевской родословной Меровингов.

КОРОЛИ С ДЛИННЫМИ ВОЛОСАМИ

Загадка династии Меровингов еще более туманна, чем тайна катаров и рыцарей Храма, — настолько тесно переплетаются здесь действительность и вымысел. Несмотря на все наши усилия отделить настоящее от фальшивого, достоверность от легенды, мы оставались окутаны непроницаемым облаком тайны.

Происходящий от сикамбров — германского племени, более известного под именем франков, — меровингский род властвовал в течение V—VII веков на обширных территориях, ставших затем Францией и Германией. Не будем забывать, что эта эпоха была также эпохой короля Артура и послужила фоном для большого романтического цикла о Граале. Без сомнения, это самый темный период из того времени, которое сейчас называют «темными веками». Но как мы выяснили, «темные века» не были такими уж темными. Наоборот, нам быстро стало понятно, что кое-кто намеренно затемнял их.

Образование и культура, как мы знаем, были в то время монополией католической церкви, и относящаяся к этому периоду информация, которая у нас имеется, исходит из ее, Церкви, источников. Остальное же исчезло или было уничтожено. Иногда, к счастью, несмотря на молчание или незнание, слишком долго окружавшие эту эпоху, несмотря на покрывало, заботливой рукой брошенное на их тайну, какая-нибудь деталь просачивается и доходит до нас. Слово, дата внезапно выступают из тени, и благодаря им можно восстановить увлекательную реальность, так отличающуюся от того, что нам преподает официальная история.

ЛЕГЕНДА О МЕРОВИНГАХ

Происхождение династии Меровингов сопряжено с многочисленными загадками, и первая из них касается непосредственно ее природы.

В самом деле, понятие династии обычно вызывает в памяти семью или дом, царствующий на том месте, откуда исчезли, либо были изгнаны, либо низложены предшественники. Так, война Алой и Белой розы в Англии была отмечена сменой династий. Затем, сто лет спустя, Тюдоры исчезли, и Стюарты вззошли на трон, в свою очередь, уступив впоследствии главенство Оранскому и Ганноверскому домам.

Ничего подобного не было в истории Меровингов — ни узурпации, ни грубости, ни угасания предшествующей династии. Кажется, что они всегда правили Францией и всегда были признаны законными ее королями. До того дня, когда один из них, которого судьба отметила особым знаком, дал свое имя династии.

Историческая действительность, касающаяся этого Меровея (Меровеха или Меровеуса), совершенно скрыта легендой. Это почти сверхъестественный персонаж, принадлежащий великим классическим мифам. Даже его имя свидетельствует о его чудесном происхождении, ибо в нем находят отзвук французские слова «мать» («*mère*») и «море» («*mer*»).

По мнению главного франкского летописца и согласно последующей легенде, Меровек был рожден от двух отцов. Будучи уже беременной, его мать, жена короля Хлодиона, пошла купаться в море. Там ее соблазнило и похитило таинственное морское существо — «зверь Нептунов, на Квинотавра похожий», тоже мифологическое животное. Возможно, это существо сделало королеву беременной второй раз, и когда родился Меровек, в его жилах текли две разные крови: кровь франкского короля и кровь таинственного морского чудовища.

Вы скажете, что это распространенная легенда не только во времена античности, но и в более поздней европейской традиции. Конечно, но, как и все легенды, она далека от того, чтобы полностью быть вымышленной, а является сим-

волической и за своей чудесной видимостью скрывает конкретную историческую действительность. В случае с Меровеем эта аллегория означает передачу ему матерью иностранной крови или же смешение династических родов, следствием чего явилось то, что франки оказались связанными с другим племенем, пришедшим, возможно, из-за моря. С течением лет и с развитием легенд оно по той или иной причине превратилось в морское существо.

Итак, Меровея родился, облеченный самой необыкновенной властью, и с этого дня, какой бы ни была историческая действительность, скрытая за легендой, Меровингская династия оказалась окружена аурой магии и сверхъестественного, которые никогда ее не покинут.

Если верить преданиям, меровингские короли, по примеру их знаменитого современника Мерлина, были приверженцами оккультных наук и различных эзотерических искусств. Их часто называли королями-колдунами или чудотворцами, ибо они обладали, как опять же гласит легенда, чудесной силой исцелять наложением рук, и кисти, свисающие по бокам их одеяний, обладали такими же целительными свойствами. У них был дар ясновидения и телепатического общения с животными и силами окружающей их природы, а на шее они носили магическое ожерелье. Наконец, их объявляли обладателями таинственной формулы, защищавшей их и гарантировавшей долголетие, — что, однако, не подтверждается историей. На их теле имелось родимое пятно, которое свидетельствовало об их священном происхождении и позволяло немедленно их узнать: красное пятно в виде креста было расположено либо на сердце (любопытное предвосхищение герба тамплиеров), либо между лопатками.

Меровингов называли также «королями с длинными волосами». По примеру знаменитого Самсона из Ветхого Завета они действительно отказывались стричь волосы, в которых помещалась вся их «доблесть» — сущность и секрет их сверхъестественных способностей. Причины этих верований нам неизвестны, но их принимали достаточно всерьез по крайней мере до 754 года: когда Хильдерика III низложи-

ли и заключили в тюрьму, Папа срочно приказал остричь ему волосы.

Эти легенды, какими бы необычными они ни казались, основываются все же на конкретных и бесспорных явлениях действительности, а именно на тех, что касаются особого положения, которое занимали Меровинги при жизни. На самом деле их считали не королями в современном смысле этого слова, а скорее королями-священниками, земным олицетворением всемогущества Божия, каковыми до них были фараоны Древнего Египта. Они не царствовали милостью Божией, но были живыми ее представителями, воплощением — качество, обычно признаваемое только за Иисусом Христом. Их обряды более походили на священнические, чем на королевские. Так, были обнаружены тела некоторых меровингских монархов, носящие на черепах ритуальные надрезы, подобные тем, какие можно видеть на черепах древних великих буддийских священников Тибета. Эти надрезы позволяли душе покидать тело в момент смерти и входить в контакт с божественным миром. Не следует ли в таком случае и тонзуру священников отнести к древней меровингской практике?

В 1653 году в Арденнах была найдена меровингская могила, имеющая большое значение. Это было захоронение Хильдерика I, сына Меровея, отца Хлодвига — самого знаменитого представителя династии. В могиле находилось оружие, сокровища, различные драгоценности и значки, которые обычно находят в королевских захоронениях. Но в этом имелись также предметы, относящиеся больше к области магии и колдовства, чем к королевской власти: отрезанная лошадиная голова, голова быка, сделанная из золота, и хрустальный шар¹.

Одним из священных символов Меровингов была пчела, и таких пчелок из золота в могиле Хильдерика было около трехсот. Все содержимое могилы было передано Леопольду Вильгельму Габсбургскому, военному правителю Австрийских Нидерландов и брату императора Фердинанда III². Однако позже все эти сокровища вернулись во Францию, и во время коронации в 1804 году Наполеон сделал изображение пчел главным украшением своего парадного облачения.

Но это не единственное проявление императорского интереса к королям, которые задолго до него занимали трон Франции. По его приказу аббат Пишон очень серьезно занялся генеалогическими поисками, чтобы узнать, выжил ли род Меровингов после падения династии. Именно эти заказанные Наполеоном документы впоследствии будут широко использованы в генеалогиях «документов Приората»³.

АРКАДИЙСКИЙ МЕДВЕДЬ

Итак, между нами и исторической действительностью, которую мы старались исследовать, вставал фантастический мир, достойный той эпохи, когда по всей Европе рождались великие циклы мифов и легенд.

На самом деле об истинном происхождении Меровингов известно очень мало. Сами они считали себя потомками Ноя, который в их глазах еще больше, чем сам Моисей, был кладезем мудрости — понятие, которое вновь возникнет через какую-нибудь тысячу лет в европейском масонстве. Так как они еще претендовали на то, чтобы их считали потомками жителей Древней Трои, современные историки начали искать их след в античной Греции, а в особенности в регионе, называемом ранее Аркадией. Как говорят эти историки, предки меровингских королей на самом деле имели связи с аркадийским царским домом. В самом начале христианской эры они дошли до Дуная, потом перешли Рейн и обосновались на территории современной Западной Германии.

Троянские или аркадийские корни — эти детали вовсе не противоречат друг другу. Во всяком случае, Гомер считал, что в осаде Трои принимали участие многие аркадийцы, и древнегреческие историки тоже сообщали о каком-то племени, пришедшем из Аркадии. Мимоходом отметим, что в этих местах медведь раньше считался священным животным и был предметом таинственного культа и ритуальных жертв⁴. Само название «Аркадия» происходит от «аркадес», что значит «медвежий народ». Древние аркадийцы утверждали, что являются потомками Аркаса, божества земли, имя которого переводится как «медведь». Наконец, из

греческой мифологии мы узнаем, что Аркас был сыном нимфы Каллисто, связанной с Артемидой-охотницей. Сегодня Каллисто знакома нам по очертаниям созвездия Большой Медведицы, а Аркас — Малой Медведицы.

Подобное же положение занимал медведь и у сикамбров-франков, предков Меровингов. Как и древние аркадийцы, они поклонялись ему в виде Артемиды или, точнее, ее галльской сестры Ардуины, божества Арденн, культ которой существовал задолго до Средних веков. Одним из главных центров таинств Ардуины был Люневиль, расположенный недалеко от двух местностей, которые нам уже знакомы: это Стене и Орваль, где до 1304 года Католическая церковь обнародовала приказы, запрещающие культ языческой богини⁵.

Особые тотемические и магические силы, признаваемые за медведем в этих меровингских Арденнах, вполне объясняют то, что имя «Урсус» («Ursus») — «медведь» по-латыни — ассоциируется в «документах Приората» со всей королевской династией Меровингов. Но самый поразительный факт — это то, что по-валлийски слово «медведь» произносится «арт» («arth»), откуда и происходит имя «Артур» («Arthur»). Но так как мы не можем долго следовать по этой дороге и отклоняться от нашей темы, то ограничимся пока констатацией того, что знаменитый король Артур был современником Меровингов и также принадлежал к тому же мистическому циклу о медведе.

ПРИХОД СИКАМБРОВ В ГАЛЛИЮ

В начале V века нашествие гуннов на Европу повлекло за собой широко развернувшуюся миграцию. Именно в эту эпоху сикамбры перешли Рейн, вошли в Галлию и обосновались на территории современной Бельгии и на севере Франции в районе Арденн. Сто лет спустя эта область стала называться королевством Австразия, в центре которого находилась современная Лотарингия.

Не стоит думать, что сикамбры вошли в Галлию подобно орде варваров. Их появление не было отмечено никакой су-

матой, никакими жестокостями, как это часто бывало. Напротив, они естественным образом слились с местным населением. В течение веков язычники — но не дикари — поддерживали с римлянами прекрасные отношения, зная и применяя у себя их нравы, обычаи и принципы управления, и некоторые из них добивались званий офицеров императорской армии, а в иных случаях становились даже римскими консулами, поэтому ни о каком нашествии не может быть и речи, здесь имела место мирная ассимиляция. И когда в конце V века Римская империя рухнула, сикамбры совершенно естественно заняли вакантное место, не прибегая к насилию, но уважая древние обычаи. Таким образом, общественный строй государства первых Меровингов мало отличался от Римской империи, и управление Галлией просто перешло в другие руки.

МЕРОВЕЙ И ЕГО ПОТОМКИ

Имя «Меровей» носят две исторические личности, и поэтому трудно определить точно, который из двух родился от легендарного морского чудовища. Действительно, известно, что один Меровей, вождь племени сикамбров, жил в 417 году, сражался вместе с римлянами и умер в 438 году. Говорят даже, что он посетил Рим, где произвел сенсацию, проезжая верхом на коне по загроможденным улочкам столицы империи с развевающимися на ветру длинными волосами.

В 448 году сын первого Меровея, носящий то же имя, был провозглашен в Турне королем франков и царствовал в течение последующих десяти лет до самой своей смерти. Он стал первым монархом объединившегося франкского народа. В силу этого или, быть может, по причине его знаменитого двойного рождения, что бы оно ни символизировало, основанная им династия получила название Меровингской.

При его наследниках Франкское королевство продолжало процветать, но не в примитивном и варварском смысле этого слова, как можно себе вообразить. Напротив, это была цивилизация, сравнимая в некоторых аспектах с Византией. В правление Меровингов уровень светской грамотности был гораздо выше, чем он будет спустя пятьсот лет и

две династии. Эта грамотность распространялась и на самих правителей, что весьма удивительно, принимая во внимание то, какими грубыми, невоспитанными и необразованными были монархи позднего Средневековья. Так, король Хильперик I (VI в.) не только построил в Париже и Суасоне великолепные амфитеатры в римском стиле, но и был прекрасным поэтом, гордившимся своими талантами. А также несравненным оратором, особенно когда произносил речи, обращенные к церковным властям, доказывающие гибкость его мысли, владение диалектикой и глубокое знание самых различных тем, что ставило его наравне с его собеседниками⁶.

Конечно, подчиненные меровингским законам франки выказывали иногда некоторую грубость, но никогда не демонстрировали особого расположения или вкуса к войне, как викинги, гунны или вестготы. Главной их деятельностью были сельское хозяйство и торговля в Средиземноморье, но высоким уровнем мастерства отличались и их ремесла, как свидетельствует большое количество экспонатов, выставленных в европейских музеях.

Наконец, меровингские короли обладали колоссальными богатствами. Большая их часть находилась в виде золотых монет высочайшего качества, производимых на королевских фабриках, одна из которых была расположена на месте современного города Сьон в Швейцарии. Многочисленные образцы этих монет существуют и в наши дни: на них вычеканен равноконечный крест, тот самый, который возьмет себе во время Крестовых походов франкское королевство в Иерусалиме.

КОРОЛЕВСКАЯ ДИНАСТИЯ

Окруженные нимбом из тайны, легенд, магии и сверхъестественного, меровингские короли совершенно не походили на других правителей той эпохи. Если их обычаи и экономика были в некоторых деталях похожи на обычаи и экономику их европейских современников, то аура, окружавшая династию и королевскую власть, была поистине уникальной.

Мужские потомки меровингского рода не рождались «священными» королями, но начинали причисляться к такому с двенадцатилетнего возраста. Этот день их рождения не был отмечен никакой публичной церемонией, ни коронацией, ни помазанием на царство. Просто начиная с этого дня они, словно подчиняясь некоему священному праву, брали на себя бремя власти. Но так как король был верховным правителем королевства, никто не заставлял его — да от него это и не требовалось — входить в практические детали своего дела. Его роль состояла прежде всего в том, чтобы «быть», а не «делать», царствовать не управляя, — короче, воплощать в себе символ, быть ритуальной фигурой и королем-священником одновременно. Управление и хозяйственная деятельность ложились на плечи человека, не принадлежавшего к королевской династии, своего рода канцлера, носящего титул «палатный мэр» или, проще, «майордом». Такая структура меровингского режима несколько напоминает некоторые современные конституционные монархии.

Подобно патриархам из Ветхого Завета меровингские правители были полигамными и содержали роскошные гаремы даже после того, как обратились в христианство. Даже когда аристократия, уступив нажиму Церкви, решила принять строгую моногамию, монархи отказались следовать этому. И Церковь, что очень любопытно, согласилась закрыть глаза на эту привилегию без единого слова протеста. Английский историк пишет:

«Почему полигамия была молчаливо одобрена франками? Быть может, мы имеем здесь дело с древним обычаем королевской семьи, семьи такого ранга, что ее кровь уже не может быть облагорожена никаким, даже самым выгодным династическим браком и не может быть осквернена кровью рабыни... Родится ли королева в королевской династии или от куртизанки — это не имело значения... В собственной крови этой династии находилась седа рода, и все, кто принадлежал к нему, разделяли ее»⁷.

Другие, подразумевавшие то же самое, спрашивали себя: «А может, Меровинги — это германская династия

Heerkonige*, выходцы из древней королевской династии времен великого переселения народов?»⁸

Но сколько королевских семей в мире обладало такими привилегиями и почему Меровинги имели на это больше прав, чем другие? Каким образом их кровь оказалась надедена такими исключительными правами? Это были вопросы без ответов, и мы терялись в догадках.

ПАКТ ХЛОДВИГА С ЦЕРКОВЬЮ

Самым знаменитым из всех меровингских королей был внук Меровея, Хлодвиг I, который царствовал с 481 по 511 год. Все французские школьники знают это имя, ибо благодаря ему Франция приняла христианство и Римско-католическая церковь завоевала в Западной Европе превосходство, которое оставалось ненарушимым тысячу лет.

В 496 году Римско-католическая церковь оказалась в ненадежном положении, и ее существованию, хрупкому с самого начала века, угрожала очень серьезная опасность. Римский епископ провозгласил себя Папой между 384 и 399 годом, но его официальный статус, идентичный статусам других епископов того времени, совершенно не походил на современное папство. Не будучи духовным руководителем и верховным властителем христианского мира, он представлял собой просто одну из многочисленных и противоречивых форм христианства, безнадежно борющихся, чтобы выжить, несмотря на конфликты, расколы и оппозиции теологического порядка. Официально римско-католическая церковь обладала не большим авторитетом, чем кельтская церковь, с которой пребывала в постоянном разногласии. Она обладала не большим авторитетом, чем какая-нибудь еретическая секта вроде арианства, которое отрицало божественность Иисуса, настаивая на его человеческой природе. Заметим, кстати, что в конце V века епископства в Западной Европе были в различной степени вовлечены в эту форму арианства.

---

* Heerkonige — короли-воины (нем.).

В той мере, в какой Римская церковь хотела выжить и утвердить свой авторитет, она нуждалась в могущественной поддержке. И если христианство хотело развиваться по единственному пути римской доктрины, ему надо было распространять эту доктрину, внедрять, а при необходимости навязывать ее с помощью светских сил, достаточно надежных и эффективных, чтобы победить, вытеснить и окончательно задушить все соперничающие с ней верования. Церковь начала искать эту поддержку, эту силу и нашла ее, вполне естественно, у Хлодвига.

В 486 году Хлодвиг в большой степени увеличил владения Меровингов и благодаря победам над враждебными ему племенами присоединил к Арденнам прилегающие к ним многочисленные мелкие государства и княжества. Теперь такие важные города, как Труа, Реймс и Амьен, входили во франкское королевство, и Хлодвиг становился одним из самых могущественных монархов в Западной Европе.

Его обращение и крещение имеют, безусловно, беспрецедентное значение в нашем расследовании. Все подробности в свое время были описаны в знаменитом предании «Житие святого Ремигия», но, к несчастью, за исключением некоторых страниц рукопись была уничтожена спустя двести пятьдесят лет. С какой целью и ради какого таинственного замысла? По всей видимости, это было сделано умышленно, и только несколько фрагментов еще свидетельствуют о том, какой огромный интерес представляло ее содержание.

Согласно преданию, внезапное и неожиданное обращение Хлодвига было делом рук его жены Хродигильды (Клотильды), ревностной католички, которая не успокоилась до тех пор, пока не увидела, как ее муж принял ее веру благодаря помощи ее исповедника епископа Реймского Ремигия. За свое твердое исповедование веры она позже была канонизирована. Но за этим преданием стоит конкретная историческая действительность. В самом деле, когда Хлодвиг обратился в римскую веру, чтобы стать первым королем-католиком франков, то он завоевал гораздо больше, нежели простое уважение своей супруги, и царство более существенное, чем Небесное.

Известно, что в 496 году между ним и св. Ремигием произошло несколько тайных встреч, после которых немедленно последовало надлежащим образом оформленное согласие между франкским королем и Римской церковью. Для Рима это была беспрецедентная политическая победа, которая обеспечивала выживание его Церкви и устанавливала ее высшую духовную власть над всей Западной Европой. Наконец-то она стала равной Константинополю — блестящей и далекой родине восточного православия. Теперь она могла дать волю своим мечтам о владычестве и найти неотвратимое средство, чтобы положить конец различным существовавшим тогда формам ереси. Инструментом этой духовной гегемонии, мечом из плоти и крови католической церкви, ее светской рукой, осязаемым проявлением ее власти впредь должен был стать Хлодвиг.

Что, в свою очередь, выигрывал король франков?

Он получал титул «Нового Константина» («*Novus Konstantinus*»), а также разрешение править объединенной империей, Священной Римской империей, призванной заменить империю Константина, незадолго до того разрушенную вандалами и вестготами.

Как считают некоторые современные историки, еще задолго до своего крещения Хлодвиг предусмотрел возможность сделать эту древнюю Римскую империю наследственным владением Меровингов⁹. Как бы то ни было, теперь он становился чем-то вроде императора Западной Европы, патриархом германских государств на Западе, царствуя, но не управляя, над всеми народами и королями¹⁰.

Этот пакт, подписанный Хлодвигом и Церковью, оказался одним из наиболее существенных моментов для христианского мира VI века — и последующего тысячелетия. Действительно, крещение короля франков знаменовало рождение новой Римской империи, христианской империи, основанной на самой Церкви и управляемой королями Меровингами. Теперь между духовной властью и светским государством существовала нерасторжимая связь, ибо одно приносило клятву верности другому, и оба были связаны друг с другом навсегда. Договор был скреплен церемони-

ей — крещением Хлодвига св. Ремигием, который произнес знаменитые слова:

«*Mitis depone colla, Sicamber, adora quod incendisti, incendi quod adorasti*»*.

Вспомним, ибо это часто забывают, что это крещение никоим образом не было коронацией. В самом деле, Церковь не должна была объявлять Хлодвига королем, так как он уже был им, и ей ничего другого не оставалось, как признать его таковым. Таким образом, она официально связывала себя не с одним Хлодвигом, а с его последователями, не с отдельной личностью, а с династией. В этом смысле пакт по всем пунктам походил на божественное помазание царя Давида. Конечно, его можно было изменить — как в случае с Соломоном, — но его нельзя было ни отменить, ни порвать, ни предать. И Меровинги не могли не заметить эту параллель.

До конца своей жизни Хлодвиг свято старался исполнять надежды и честолюбивые замыслы, питаемые Римом на его счет. С непрестанным усердием, достойным восхищения, он силой оружия насаждал веру — предмет его договора. Будучи официально одобрен и духовно поддерживаем Церковью, он расширил границы своего королевства на юге и на востоке. Теперь оно занимало большую часть Франции и значительную часть Германии.

Самыми коварными из его соперников были исповедующие арианство вестготы, чья империя простиралась от Северных Пиренеев до Тулузы. Хлодвиг начал против них яростные военные кампании и окончательно победил их в 507 году в битве при Вуйе. После этого Тулуза и Аквитания не замедлили пасть перед ним, как, впрочем, и все остальные вражеские земли, чьи правители еще до прихода франкских войск сложили оружие. От Тулузы вестготы отступили к Каркасону, затем, будучи изгнанными из этой цитадели, они основали свою столицу и последний бастион в графстве Разес, в городе Реде, который сегодня зовется деревней Ренн-ле-Шато.

---

* Смирненно склони голову, Сикамбр, поклонись тому, что ты сжег, сожги то, что почитал.

ДАГОБЕРТ II

В 511 году Хлодвиг умер, и созданная им империя была, согласно меровингскому обычаю, разделена среди четырех его сыновей. И в течение более ста лет Меровингская династия царствовала в многочисленных разрозненных королевствах. Но так как они большую часть времени вели войны и все больше запутывались в вопросах наследования, то с годами их права стали давать повод к все возрастающим беспорядкам. Власть, так хорошо централизованная Хлодвигом, все больше и больше ослаблялась и медленно приходила в упадок. Всякого рода смуты, интриги, похищения и убийства плюс к этому хронический беспорядок мало-помалу докатились до самых отдаленных уголков франкского королевства.

Однако в самом центре этого хаоса родилась и быстро росла новая верховная власть, образец силы и равновесия, — не официальные правители, а майордомы, о которых мы говорили выше. В силу сложившихся обстоятельств эти последние действительно умножали свою власть и даже внесли большой вклад в падение монархии.

Лишенные власти, безвольные последние Меровинги стали знаменитыми «королями-бездельниками» — таким презрительным прозвищем заклеила этих слабых и безразличных монархов история. Они были изнеженными, и ими легко манипулировали алчные и подлые советники, правившие вместо них.

Но давайте не будем относиться к ним слишком сурово. Действительно, постоянные войны, интриги и анархия в меровингском королевстве толкали к трону юных принцев, которые самым жалким образом уступали давлению своего окружения. Но другие, более зрелые, представлялись настоящими правителями. Именно таков был случай Дагоберта II, жизнь которого с самого начала похожа на одну из многочисленных средневековых легенд или на волшебную сказку. Однако описанные события действительно имели место¹¹.

Дагоберт II родился в 651 году, он был наследником королевства Австрия. Но когда спустя пять лет умер его отец, их майордом Гримоальд похитил мальчика, чтобы помешать ему взойти на трон. Напрасно повсюду искали ребенка,

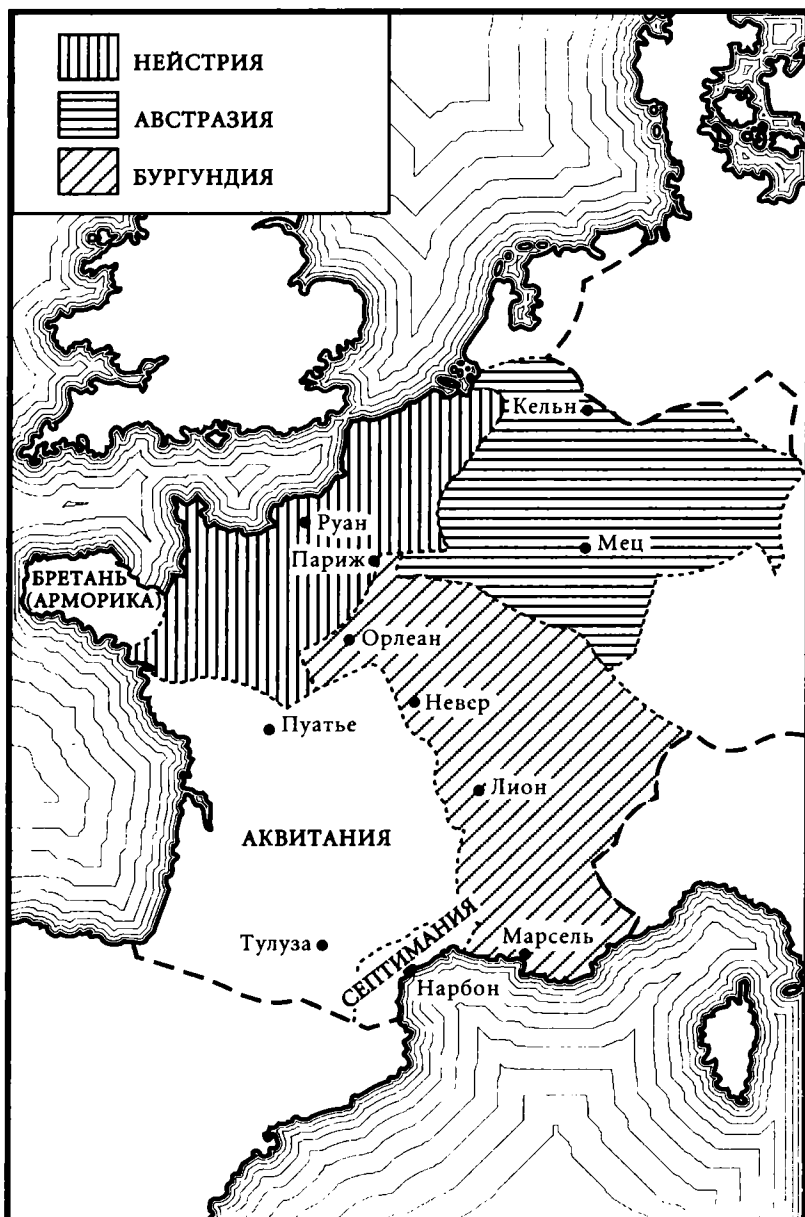

Рис. 9. Королевство Меровингов

он исчез, и нетрудно было убедить двор в его смерти. Ссылаясь на волю покойного монарха, Гримоальд тут же предложил избрать новым королем его собственного сына. Хитрость удалась, причем не только с вельможами, но и с матерью Дагоберта, которая отдала всю власть в руки честолюбивого майордома.

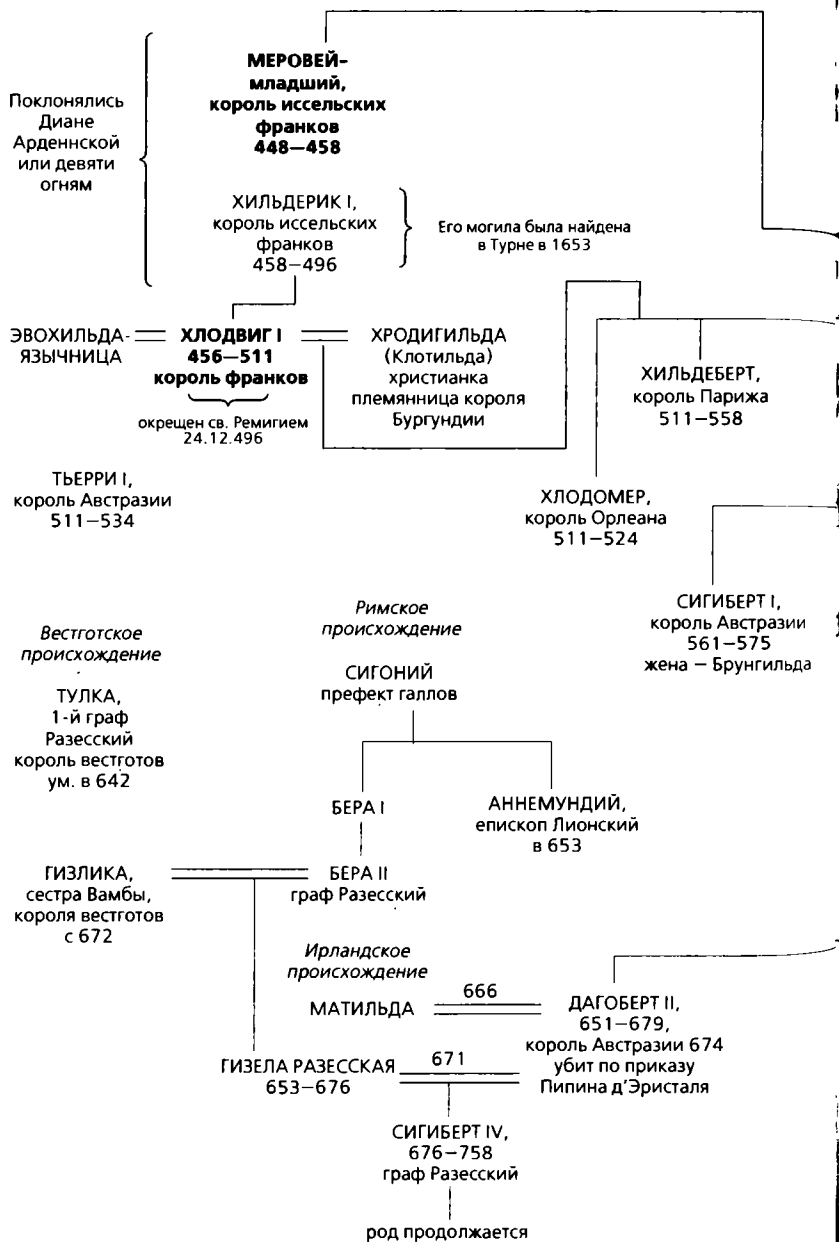
Однако настоящий наследник трона не умер. В действительности Гримоальд не решился его убить, а отдал епископу города Пуатье, который, в свою очередь не желая совершать преступления, отправил его в Ирландию. Детство Дагоберт провел в монастыре Слана¹² близ Дублина, где он получил лучшее образование, чем ему могли дать во Франции. Между прочим, легенда рассказывает, что в Ирландии он отправился ко двору Верховного короля Тары и познакомился с тремя принцами из Нортумбрии*, воспитанными также сланскими монахами. В 666 году он женится на кельтской принцессе Матильде. Вскоре после этого покидает Ирландию, едет в Англию и устраивается в Йорке, в королевстве Нортумбрия, где подружился с епископом Уилфридом, который стал его советником.

В то время между кельтской и римской церквями существовал раскол: первая отказывалась признавать авторитет второй. Уилфрид, заботившийся о единстве и пытавшийся привести заблудших овец к материнской груди, уже успел добиться в этом некоторого успеха на совете в Уитби в 664 году. Но его покровительство юному Дагоберту не могло не иметь скрытых мотивов. В то время союз Меровингов с Римом, установленный полтора века назад Хлодвигом, несколько ослаб, и Уилфрид, верный сторонник Рима, считал своим долгом помочь укрепить его первенство в Англии и на континенте. В ближайшем будущем Дагоберт мог вернуться во Франкское королевство и потребовать себе трон Австрии; будучи у себя дома, он также мог согласиться взять в руки меч, чтобы оказать поддержку Церкви. То есть епископ был настолько мудр, что уже сейчас хотел обеспечить его лояльность.

---

* Современный Нортумберленд.

Династия Меровингов: короли

В 670 году принцесса Матильда, жена Дагоберта, умерла, дав жизнь их третьей дочери, и Уилфрид, не теряя времени, подыскал некоронованному монарху другую жену. Если в первый раз в женитьбе Дагоберта играли роль мотивы династического порядка, то во второй раз они были еще сильнее, ибо он женился на Гизеле Разесской, дочери Беры II, графа Разесского, и внучке Тулки, короля вестготов¹³. Другими словами, королевская кровь вестготов смешивалась с кровью Меровингов. Благодаря этой связи, которая устанавливала границы государства в Арденнах и Пиренеях, зарождался образ той Франции, которую мы знаем сегодня. Наконец, и что особенно важно, эта связь помещала вестготов, исповедовавших арианство, в сферу деятельности Римской церкви.

Итак, возвратившись на континент, Дагоберт в 671 году женился на Гизеле. Судя по рассказам современников, свадьба состоялась в Реде, то есть Ренн-ле-Шато, — в резиденции юной принцессы Разесской, а брак был освящен в церкви Св. Магдалины, на месте которой спустя много веков должна была подняться церковь Беранже Соньера. У Дагоберта уже было три дочери от первого брака, но не было наследника, и вторая жена родила ему еще двух дочерей, а затем, в 676 году, сына, Сигиберта IV, — в это время Дагоберт уже снова был королем.

В течение трех лет после свадьбы Дагоберт, казалось, ждал в Ренн-ле-Шато своего часа, наблюдая издалека за своими северными владениями. Наконец в 674 году представился благоприятный случай. При помощи матери и советников он отправился в Австразию, потребовал королевский венец и был официально провозглашен королем. Большую роль в этом событии, бесспорно, сыграл Уилфрид, епископ Йоркский, а также другой персонаж, которому история уделила мало внимания, — святой Аматус, епископ Сьонский из Швейцарии¹⁴.

Заняв трон, Дагоберт не стал «королем-бездельником», но, напротив, показал себя достойным наследником Хлодвига. Быстро освоившись, он укрепил свою власть, положил конец анархии в королевстве и затем бросил все силы на то, чтобы установить в нем порядок. Он правил жестко и под-

12. Восьмиугольная башня замка Жизор, центр Приората Сиона после 1188 г.

13. Часть морской стены замка Афлит в Палестине. Замок, построенный тамплиерами в 1218 г., был покинут в 1291 г. после падения Акра.

14. Церковь рыцарей Храма в Темпле, Лондон. Круглый неф был в 1 г. освящен патриархом Иерусалима.

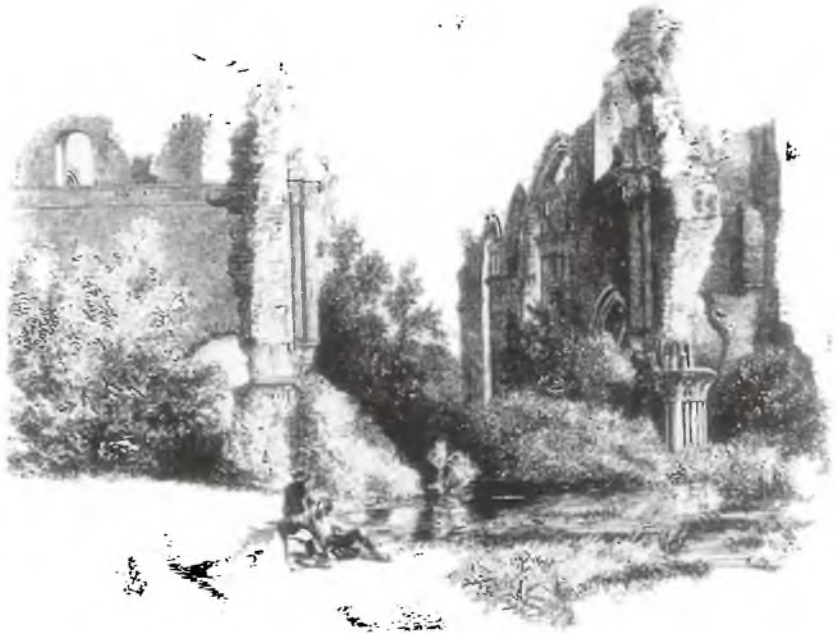
15. Интерьер церкви Рыцарей Храма в Лондоне. Фигуры рыцарей датируются XIII в. Не все из них изображают тамплиеров.

16. Печать аббатства Богоматери на горе Сион в Иерусалиме. Датируемая 2 марта 1289 г., она изображает Святой Дух, сходящий к апостолам в виде голубя.

17. Печать рыцарей Храма, Англия, 1303 г. На изображении — английский лев и полумесяц богини-матери со звездами.

18. Развалины аббатства Орваль. Гравюра середины XIX в.

19. Гробница в окрестностях деревни Арк, возможно изображенная Никола Пуссеном на картине «Аркадские пастухи».

20. Рене Анжуйский.
«Источник судьбы», 1457 г.
Надпись гласит, что источник был сотворен волшебником Вергилием, которого современники Рене связывали с Аркадией. Это первое изображение подземной реки Алфиос в западном искусстве.

21. Франческо Гверчино.
«Et in Arcadia ego». 1618 г.
Первая известная картина, на которой используется этот девиз.

22. Никола Пуссен. «Et in Arcadia ego». Ок. 1630 г.
Первая картина

23. Никола Пуссен. «Аркадские пастухи». 1640—1642 гг.

24. «Пастушеский монумент». Шугборо-Холл, Стеффордшир. Копия картины Пуссена «Аркадские пастухи», сделанная в середине XVIII в. Изображение повернуто зеркально. Надпись не расшифрована.

чинил себе бунтующую знать, достаточно сильную в экономическом и военном плане, чтобы сопротивляться трону. Наконец, говорят, что он собрал в Ренн-ле-Шато бесценные сокровища, предназначенные для завоевания Аквитании¹⁵, которая ускользнула от опеки Меровингов около сорока лет тому назад и стала независимым государством.

Но если Уилфрид Йоркский ждал от нового короля Австразии, что тот станет защитником Церкви, то он был жестоко разочарован его поведением, ибо Дагоберт не сделал в этом направлении ничего. Напротив, он, казалось, даже попытался затормозить все попытки римской экспансии внутри своего королевства, явно провоцируя ярость церковных властей, не лишённую, впрочем, основания. На этот счет существует письмо французского прелата, горько жалующегося Уилфриду на налоги, которые поднял Дагоберт, «презрев Церкви Божии и их епископов»¹⁶.

Но у короля были и другие причины для того, чтобы поссориться с римскими властями. В силу своего брака с вестготской принцессой Дагоберт действительно получил значительные земельные владения на территории современного Лангедока, а вместе с землями — и кое-что другое. Номинально вестготы были верны Католической церкви. Но на самом деле их союз с Римом был весьма слаб, а тяготение к арианству — достаточно сильно в королевской семье. Есть доказательства, что Дагоберт отчасти придерживался этих веяний.

В 679 году, после трех лет царствования, Дагоберт уже успел нажить себе значительное число врагов, как светских, так и религиозных. Во-первых, это была знать, попытки которой обрести независимость он энергично обуздал; во-вторых, Церковь, экспансии которой он явно препятствовал. Что же касается франкских правителей в соседних государствах, то они завидовали сильному и централизованному режиму и опасались его. Некоторые из этих правителей имели в королевстве Дагоберта союзников и агентов. Одним из них был собственный майордом короля Пипин д'Эристалль (Жирный), тайно связанный с врагами короля. В случае необходимости он не остановился бы перед предательством и убийством.

Как и многие последние меровингские короли, Дагоберт имел две столицы, главнейшая из которых находилась в Стене¹⁷, на границе с Арденнами. А перед королевским дворцом в Стене простирался густой лес, считающийся священным с незапамятных времен и называющийся Вёврским лесом. 23 декабря 679 года Дагоберт отправился туда на охоту. Неизвестно, было ли это ритуальной церемонией, но в последующих рассказах явно слышится мощное эхо легенд, посвященных убийству Зигфрида из «Песни о нибелунгах», которые ходили в то время по Галлии от Рейна до Бретани.

Падая от усталости, около полудня король лег около ручья под деревом и заснул. Во время сна один из слуг — как говорят, это был его крестник — украдкой подобрался к нему и убил его ударом копья в глаз. Очевидно, он действовал по приказу майордома и, совершив свое злодеяние, вернулся в Стене с намерением уничтожить всю королевскую семью. Неизвестно, удался ли ему этот черный замысел, но официально царствование Дагоберта и его прямых потомков нашло внезапный и ужасный конец. Впрочем, Римская церковь ни в коей мере не скорбела об этом. Даже наоборот, она решительно и недвусмысленно одобрила убийство, как об этом свидетельствует письмо французского прелата, пытавшегося оправдать цареубийство в глазах Уилфрида Иоркского¹⁸.

Но упокоиться в могиле телу короля не было суждено. Его немедленно похоронили в королевской часовне Св. Ремигия. В 872 году, почти два века спустя, Карл II (Лысый) эксгумировал его и перевез в другую церковь, которая с тех пор стала церковью Св. Дагоберта. Покойного короля канонизировали в том же самом 872 году, 10 сентября, в Дузи, но не Папой, которому это исключительное право было дано только в 1159 году, а архиепископским собором.

Причины канонизации остаются неясными. В некоторых источниках проскальзывает, что мощи бывшего короля оградили Стене и окрестности от нашествия викингов. Но почему эти мощи обладали подобной силой? Церковные власти всегда хранили на этот счет осторожное молчание. Они признали, что Дагоберт по какой-то причине стал предметом нового культа, и днем его прославления был объявлен

день его смерти, 23 декабря¹⁹. Но они затруднялись сказать, что это за причина. Быть может, они чувствовали, что у них по отношению к Дагоберту нечиста совесть, и сочли нужным канонизацией искупить свою вину. Но стоило ли заходить так далеко и почему надо было ждать долгих двести лет?

Однако последующие века не сохранили ни уважения, ни почтения по отношению к Стене, к церкви Св. Дагоберта и, возможно, к его мощам. Действительно, лишь в 1069 году герцог Лотарингский, дед Готфрида Бульонского, уделил особое внимание церкви, отдав ее под покровительство близлежащего аббатства в Горзе.

Во время Французской революции церковь была разрушена, а останки святого разбросаны, как и многие другие. Лишь череп с ритуальным надрезом, как у древних меровингских королей, единственный из останков короля избежал уничтожения и находится сейчас в монастыре в Монсе. Но в середине XIX века появился очень любопытный документ в форме поэмы-литании из двадцати одного стиха, названной «*De sancto Dagoberto martyre prose*»*. Что же в ней говорилось? То, что Дагоберт был умерщвлен по «совершенно особой» причине. И что еще более странно, этот текст, восходящий к Средним векам или даже к более древним временам, был найден в аббатстве Орваль²⁰.

УЗУРПАЦИЯ ВЛАСТИ КАРОЛИНГАМИ

Дагоберт вовсе не был последним монархом из рода Меровингов, как принято сейчас считать. Хотя его ветвь этой семьи угасла, династия все же осталась на троне. Официально по крайней мере, ибо в течение еще трех четвертей века будут говорить только о «королях-бездельниках»: многие из них были возведены на трон очень юными и были неспособны проявить власть, которой еще не могли обладать.

К тому же предполагаемая чистая меровингская кровь исчезла вместе с Дагобертом, и последние короли этого рода происходили не от Хлодвига и Меровея, а от младших

---

* «Рассказ о святом мученике Дагоберте» (лат.).

ветвей. Убийство Дагоберта явилось концом династии. Смерть Хильдерика III в 754 году имела относительное значение, ведь настоящая линия с 679 года более не существовала.

Власть, выпавшая из рук Меровингов, вновь, как и в давние времена, попала в руки майордома. Этим майордомом был Пипин д'Эрystal, организовавший убийство Дагоберта. А после его смерти власть над франками получил его сын, знаменитый Карл Мартел.

Карл Мартел справедливо назван блестящей личностью в истории Франции. Это он остановил нашествие сарацин на Пуатье в 732 году и, следовательно, заслужил имя «защитника веры и христианского мира», которое носит до сего дня. Отметим, что, играя главную роль при дворе, он никогда не стремился завладеть тронem, хотя у него была такая возможность, и всегда относился к нему с суеверным страхом, как будто речь шла об особой меровингской прерогативе.

Он умер в 741 году. Его сын спустя десять лет отказался от подобного трепетного отношения к трону. Под именем Пипина Короткого, майордома короля Хильдерика III, он действительно без колебаний завладел тронem с помощью и при поддержке Церкви. Его послы спросили у Папы Захарии: «Кто должен стать королем? Тот, кто по-настоящему правит, или тот, кто называется королем, но у кого нет реальной власти?» Папа, необдуманно нарушив пакт, заключенный между Хлодвигом и Церковью, высказался в пользу майордома. Так, в силу разрешения верховной власти, Пипин получил титул короля франков. Он низложил Хильдерика III, запер его в монастыре и, либо чтобы унижить его, либо чтобы лишить его «магической власти», наголо остриг его священные волосы. Хильдерик только на четыре года пережил свое бесчестье, и Пипин, теперь бесспорный король, мог впредь спокойно править в королевстве²¹.

За год до этого появился важный документ, призывавший изменить ход всей истории Запада. Он назывался «Константинов Дар». Сегодня всем известно, что это была фальшивка, грубо сфабрикованная папской канцелярией, но тогда он имел значительное влияние.

Этой «дарственной», датированной предполагаемым го-

дом обращения Константина в христианство, то есть 312 годом, император передавал в дар епископу Римскому, а следовательно, Церкви всю полноту своих прав и все свое состояние. Он впервые официально признал главу Римской церкви «викарием Христовым» и отдал ему статус императора. Но, как уточнялось в документе, епископ Римский великодушно возвратил Константину его императорские права, и последний пользовался ими в качестве сделанного ему одолжения, со святым позволением и с благословения главы Церкви.

Последствия этого документа достаточно ясны. Император доверял епископу Римскому верховную власть, как духовную, так и светскую, над всем христианским миром. Впредь Папа и император в одном лице, глава католической Церкви мог на этом основании по своему усмотрению распоряжаться императорской короной и передавать свои полномочия кому заблагорассудится. Иными словами, во имя Христа он обладал неоспоримым правом назначать и низлагать королей. Именно из этого «Константинова Дара» впоследствии вытекали прерогативы Ватикана, разрешающие ему вмешиваться в светские дела.

Получив подтверждение своей власти, Церковь поспешила укрепить позиции свою и Пипина Короткого, учредив церемонию, предназначенную для посвящения нового «узурпатора», кто бы он ни был по рождению. Так появилось коронование, и на короновании Пипина присутствовали епископы самого высокого ранга. Эта церемония состояла не в том, чтобы признать короля или подписать с ним соглашение, а просто-напросто в том, чтобы его создать.

Обряд миропомазания, следовательно, оказался измененным. Если раньше речь шла о простой церемонии признания, о ратификации, то теперь он принимал новое значение. Миропомазание приобретало право превосходства над кровью и, в силу самой своей роли, могло ее сделать священной. Это был более чем символический акт, который даровал владыке божественную милость. Что касается Папы, на которого возлагалась ответственность за совершение его, то он становился верховным посредником между Богом и королями. Короче говоря, обрядом миропомазания Церковь

присваивала право «назначать» королей. Кровь была теперь подчинена елею, а монарх — Папе.

Будучи коронованным в Понтионе в 754 году, Пипин Короткий открыл собой династию Каролингов. Это имя пошло, кстати, от Карла Мартела, а не от Карла Великого, как принято думать. Карл Великий был провозглашен великим римским императором в 800 году, хотя в силу пакта, подписанного с Хлодвигом три века тому назад, этот титул должен был принадлежать исключительно представителю Меровингской династии. Таким образом, Рим становится центром империи, охватывающей всю Западную Европу, правители которой разрешают или не разрешают царствовать королям.

Как мы видели, в 496 году Церковь навсегда связала себя с родом Меровингов. Санкционируя убийство Дагоберта, учреждая церемонию коронования и сажая Пипина на франкский трон, она тайно предавала пакт. Более того, коронованием Карла Великого она публично и окончательно подтверждала свое предательство. По примеру одного современного историка будет справедливо спросить: каково истинное значение миропомазания? Может быть, оно имело целью компенсировать своими достоинствами магическую власть исчезнувшего рода с длинными волосами? Не должно ли оно было искупить скандальный разрыв клятвы в верности, подписанной ранее Хлодвигом и Церковью?²²

Рим установил ритуал «делания королей», основанный на таинстве миропомазания²³. Но его оказалось недостаточно для того, чтобы узурпаторы-Каролинги спокойно почтили на лаврах. Все они пытались подтвердить законность своих прав, сочетаясь браком с меровингскими принцессами, и Карл Великий не был исключением из этого правила.

Очень хотелось бы, кстати, знать, какие мысли волновали будущего императора во время церемонии коронования. Чувствовал ли он себя узурпатором, то есть виновным, или же победителем? Сознал ли он, несмотря на елей, что Церковь совершила предательство по отношению к роду, на место которого он заступал?

Может быть, он испытывал все эти чувства одновременно, а также чувствовал некоторое удивление от неожидан-

ной инсценировки, заботливо подготовленной Папой без его ведома. Согласно историческим документам, Карл Великий был вызван в Рим, и там его уговорили пойти на мессу, во время которой глава Церкви возложил ему на голову королевский венец, а народ устроил восторженную овацию Карлу, Августу, божественному венценосцу, императору римлян, Великому, защитнику мира... Если верить высказываниям историка того времени, Карл никогда не согласился бы войти в тот день в церковь, несмотря на большой религиозный праздник, если бы знал заранее, что его там ожидало²⁴.

Но независимо от реальной ответственности, взятой на себя Карлом во время его коронования, пакт, подписанный Хлодвигом и Церковью, был постыдным образом предан, и это предательство вот уже более одиннадцати веков продолжает беспокоить Приорат Сиона. Впрочем, к подобному заключению приходит и Матье Паоли:

«Для них [членов Приората Сиона] единственной настоящей знатью является знать либо вестготского, либо меровингского происхождения. Каролинги и все остальные лишь узурпаторы. В самом деле, они были только королевскими чиновниками, которым было поручено управлять землями и которые, передав сначала друг другу эти земли в наследство, просто-напросто захватили власть. Короновав в 800 году Карла Великого, Церковь совершила клятвопреступление, ибо ранее она заключила союз с Меровингами во время крещения Хлодвига, союз, который сделал Францию старшей дочерью Церкви»²⁵.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ДАГОБЕРТА II ИЗ ИСТОРИИ

Меровингская династия, начавшая угасать в 679 году, после убийства Дагоберта II, окончательно исчезла с мировой исторической сцены со смертью Хильдерика III в 754 году. По крайней мере, такова официальная версия. Однако согласно «документам Приората» меровингский род не угас, а продолжался до наших дней через Сигиберта IV, сына Дагоберта от второй жены, Гизелы Разесской.

Итак, Сигиберт существовал и был наследником Дагоберта II, в этом нет и тени сомнения. Но ни один источник, кроме «документов Приората», не упоминает о том, что с ним случилось. Летописцы того времени предполагают, что он был убит одновременно со своим отцом и другими членами королевской семьи. Одна крайне сомнительная запись излагает другую версию: Сигиберт погиб на охоте в результате несчастного случая за год или два до убийства своего отца. Но эта последняя гипотеза не кажется серьезной, потому что охотнику тогда едва ли исполнилось три года.

Не сохранилось никаких свидетельств, кроме «документов Приората», ни о смерти, ни о возможном выживании Сигиберта. Эта личность исчезла во мраке времени, и никто, кажется, даже не заинтересовался ею — опять же кроме Приората Сиона. В любом случае, Приорат располагал на этот счет определенной информацией, которую невозможно получить из других источников, но она была довольно незначительной либо была сознательно уничтожена впоследствии.

Вряд ли стоит удивляться тому, что до нас не дошло никаких записей о судьбе Сигиберта, если все официальные документы, касающиеся его отца, Дагоберта II, стали доступны лишь в XVII в. Как будто Средние века систематически пытались вычеркнуть его из прошлого Франции, вплоть до того, что вообще отрицали его существование. Сегодня Дагоберт фигурирует во всех энциклопедиях, но до 1646 года нигде не было даже упоминания о нем²⁶. Ни одно генеалогическое древо французских правителей, составленное до 1646 года, не включает его имени, перескакивая от Дагоберта I сразу к Дагоберту III, одному из последних меровингских королей, умершему в 715 году. Более того, надо было дожидаться 1655 года, чтобы вновь увидеть это имя в официальном списке королей Франции. Учитывая этот процесс искоренения, мы совсем не были удивлены недостатку информации о Сигиберте. Скорее всего, имевшиеся о нем сведения были сознательно уничтожены.

Тогда встает такой вопрос: почему Дагоберт II был вычеркнут из истории? И что пытаются скрыть, отрицая существование этого человека?

Прежде всего, очень возможно, что отрицается существование его наследников, ибо если Дагоберта никогда не было, то, естественно, не было и Сигиберта. Но почему так важно было вплоть до XVII века отрицать присутствие Сигиберта в истории Франции? Не является ли это доказательством того, что, благополучно выжив, он представлял опасность из-за своего потомства?

Здесь имелась какая-то тайна. Чей был интерес и какова причина не сообщать никому о том, что Сигиберт пережил уничтожение королевской семьи Меровингов в 679 году? Можно ответить так: это было выгодно Церкви и новой династии франкских правителей в IX веке и во время периода Крестовых походов. Но почему это положение существовало еще при Людовике XIV, когда на французском троне сменилось три династии и протестанты сломали католическое господство? Причина была в другом. Видимо, следовало искать ее в функции самой меровингской крови, но не из-за ее «магической силы», а в том, что она оказывала сопротивление всем превратностям времени.

ПРИНЦ ГИЛЛЕМ ДЕ ЖЕЛЛОН, ГРАФ РАЗЕССКИЙ

Все те же «документы Приората» сообщают нам, что после смерти отца Сигиберт IV был спасен своей сестрой и тайно переправлен на юг, во владения его матери, вестготской принцессы Гизелы Разесской. Он прибыл в Лангедок в 681 году, чтобы вскоре наследовать своему дяде и стать герцогом Разесским и графом де Реде, приняв в качестве прозвища слово «Плантар»* — «побег» меровингской виноградной лозы. Вот так, под этим именем и с этим титулом, унаследованным от своего дяди с материнской стороны, он продолжит род, одна из ветвей которого спустя двести лет породит Бернара Плантавелю, отца будущего первого герцога Аквитанского.

По имеющимся у нас сведениям, ни один историк не

---

* «Plant-Ard» (позднее «Plantard»), от plantard — побег, черенок (фр.).

подтвердил, но и не опроверг эти источники. Все было просто проигнорировано. Но на основании косвенных свидетельств можно с уверенностью предположить, что Сигиберт на самом деле спасся и у него были потомки. Усердное вычеркивание Дагоберта II из истории Франции может свидетельствовать только в пользу существования его сына, ибо, отрицая отца, сознательно исключают сына и его потомков.

Среди прочих свидетельств есть грамота 718 года, имеющая отношение к основанию монастыря Св. Мартина Альбьерского в нескольких километрах от Ренн-ле-Шато «Сигибертом, графом де Реде, и его женой Магдалой»²⁷. Но кроме этого текста, названия Реде и Разес не упоминаются ни в одном документе этого и следующего столетий. Вновь они появились в крайне интересном контексте.

Но вернемся снова в эти места. Итак, в 742 году на юге Франции существовало независимое государство. Одни считали его автономным княжеством, другие — настоящим королевством. О нем известно мало, официально его признавали только Карл Великий и его последователи, а также халиф Багдадский и мусульманский мир. Церковь признала его крайне неохотно, конфисковав часть его земель. Как бы то ни было, государство Разес и Ренн-ле-Шато продолжало жить до конца IX века.

Приблизительно между 759 и 768 годом правитель его был провозглашен королем и, несмотря на намеренное молчание Рима, был признан таковым Каролингами, чьим вассалом он стал. Во многих сообщениях он фигурирует под именем Теодориха или Тьерри, и сегодня историки считают его потомком Меровингов²⁸. Он был младшим сыном Сигиберта V, брата Беры III. В 790 году его сын, Гиллем де Желлон, обладал титулом графа Разесского.

Гиллем де Желлон — одна из самых видных личностей своей эпохи, и здесь, как и в случае с Карлом Великим или Готфридом Бульонским, легенда не отказывает себе в лукавом удовольствии завуалировать историческую действительность. До эпохи Крестовых походов ему были посвящены шесть длинных эпических поэм, шесть «Песней о дейст-

вах», подобных знаменитой «Песне о Роланде». Данте с восторгом вспоминает о нем в своей «Божественной комедии», а в начале XIII века он стал главным героем «Виллехальма», незаконченного романа Вольфрама фон Эшенбаха. Самым значительным романом этого немецкого поэта-миннезингера, посвященным тайнам Грааля, является «Парцифаль», и автор, как мы уже видели, поместил замок и род Граалей в Пиренеи, как раз туда, где в начале IX века находились владения Гиллема де Желлона.

Гиллем был близко связан с Карлом Великим. Его сестра вышла замуж за одного из сыновей императора Священной Римской империи, и он сам был одним из главных его союзников в бесконечных войнах с маврами против государства Каролингов. В 803 году, то есть вскоре после коронации Карла Великого, Гиллем овладел Барселоной и простер свои владения далеко за Пиренеи. В знак благодарности император поспешил утвердить его особый статус — владельца всех этих территорий, на что указывают многочисленные свидетельства.

Но во многих очень серьезно составленных генеалогиях семьи и потомков Гиллема де Желлона²⁹, к несчастью, не уточняется, кто были его предки, за исключением его отца Теодориха, который нам уже известен. В общем, его происхождение окутано тайной. Ограничимся тем, что отметим среди его потомков Бернара Плантавелю, будущего основателя герцогства Аквитанского, который, как мы уже видели, фигурирует в «документах Приората» как потомок Сигиберта IV. Другая грамота, от 813 года, рассказывающая об основании монастыря Св. Марии Алетской Берой IV, графом де Реде, и его женой Ромеллой, а также детьми, Аргилой и Ротаудой, подтверждает все, о чем говорится в «документах Приората».

Очень соблазнительно было бы использовать генеалогии «документов Приората», чтобы заполнить белые пятна истории и просто признать предками Гиллема де Желлона Дагоберта II, Сигиберта IV, Сигиберта V и весь древний меровингский род, свергнутый майордомами, а также и названную «документами» ветвь Плантавов.

К сожалению, нам пришлось отказаться от этого легкого пути, ибо, на наш взгляд, сведения являются недостаточно точными, чтобы мы позволили себе свести в одну династию Плантаров, потомков Сигиберта IV и Гиллема де Желлона. Возможно, это и была одна ветвь рода, но возможно также, что две ветви скрестились только на Бернаре Плантавелю, принадлежавшем к обеим династиям.

Несмотря на некоторые несоответствия в датах, генеалогии, относящиеся к семье Гиллема де Желлона, в общем подтверждают генеалогии «документов Приората». И поскольку не имелось противоречащих аргументов, мы решили принять последнюю гипотезу: Сигиберт, пережив убийство своего отца, Дагоберта II, обеспечил выживание и продолжение меровингского рода под именем Плантар и с титулом графов де Реде.

ПРИНЦ УРСУС

В 886 году «побег меровингской лозы» стал могучим деревом с многочисленными и сложными ответвлениями. Бернар Плантавелю и герцоги Аквитанские представляли одно из них. Другое же, судя по «документам Приората», было представлено внуком Сигиберта IV, Сигибертом VI, более известным под именем «принц Урсус». Между 877 и 879 годами принц Урсус официально объявил себя королем Урсусом. Затем, чтобы возратить свое законное наследство, организовал восстание против Людовика II Французского с помощью Бернара Овернского и маркиза де Готи, сеньоров своих друзей.

Но если история подтверждает, что восстание действительно имело место в это время, и намекает на двух сеньоров-союзников, то она не называет поджигателем бунта Сигиберта VI, довольствуясь тем, что много раз упоминает принца Урсуса, участвовавшего в любопытной церемонии, имевшей место в Ниме, в ходе которой пятьсот церковнослужителей пели «Te Deum»³⁰. Скорее всего, речь здесь идет о коронации, на которую, вероятно, и намекают «докумен-

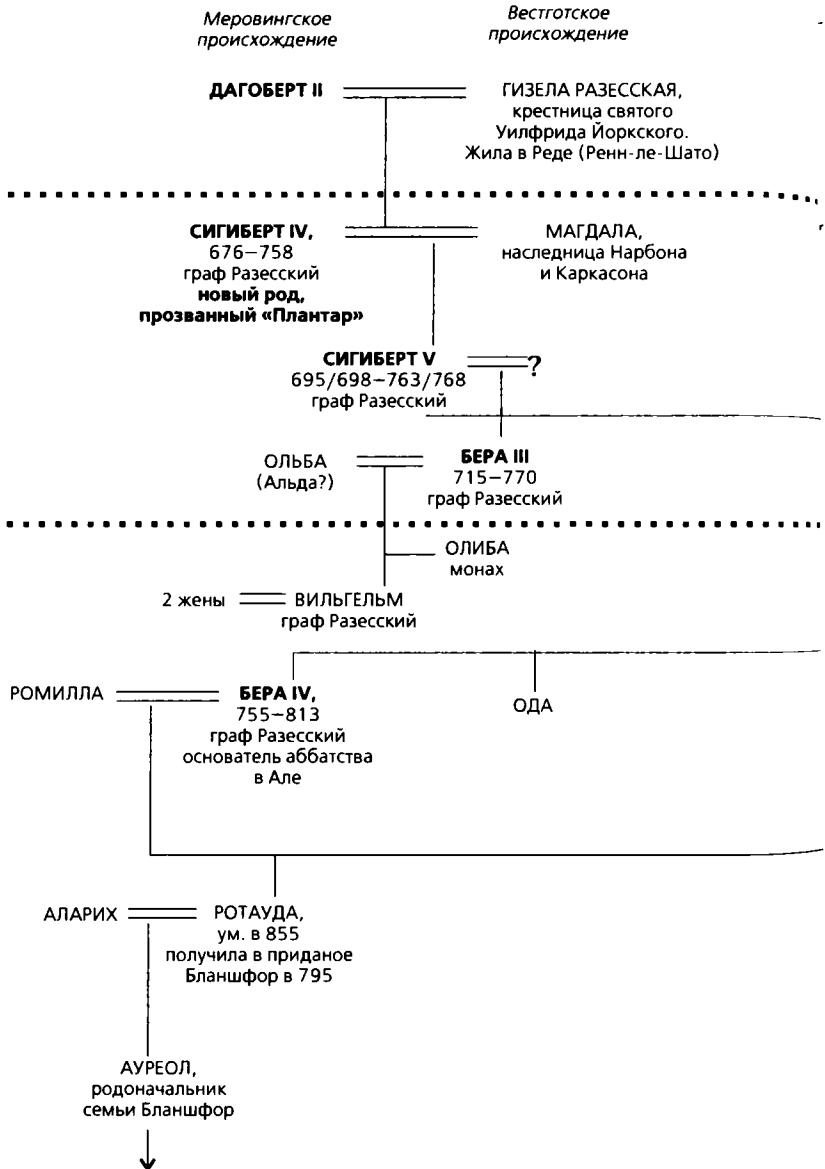
ты Приората», когда упоминают официальное провозглашение Урсуса королем между 877 и 879 годами.

Опять складывается впечатление, что «документы» пользуются секретными сведениями, дополняющими официальную историю и заполняющими белые пятна. Благодаря им мы узнаем, что таинственный принц Урсус на самом деле — потомок короля Дагоберта II через Сигиберта IV. И тогда восстание обретает совсем другое значение: это попытка Меровингской династии, лишенной своих прав, вернуть наследство, пожалованное ей Римом пактом, который был заключен с Хлодвигом, а затем нарушен.

Из «документов Приората» и различных других источников становится ясно, что восстание провалилось: принц Урсус и его союзники в 881 году были разбиты при Пуатье. Семья Плантар, таким образом, теряла все свои владения на юге Франции, но сохраняла почетные титулы графов де Реде и герцогов Разесских. Что касается принца Урсуса, то он умер в Бретани, с герцогским домом которой через династические браки была связана его семья. Так в конце IX века кровь Меровингов потекла в жилах герцогов Бретонских и Аквитанских.

В течение следующих лет часть семьи, членом которой был Ален, будущий герцог Бретонский, нашла убежище в Англии и основала там ветвь рода, названную «Планта». Согласно некоторым источникам Ален и его семья бежали от викингов. «Документы Приората» упоминают одного из членов этой английской ветви, Беру VI, прозванного Зодчим за то, что он занимался «искусством строительства» в стране, где он и его потомки нашли убежище у короля Ателстана. Этот загадочный намек не лишен интереса, поскольку мы знаем, что происхождение британского масонства, согласно масонским источникам, действительно восходит к царствованию Ателстана³¹. Можно ли предположить, что потомки Меровингов в дополнение к претензиям на французский престол были в какой-то мере связаны и с братством вольных каменщиков?

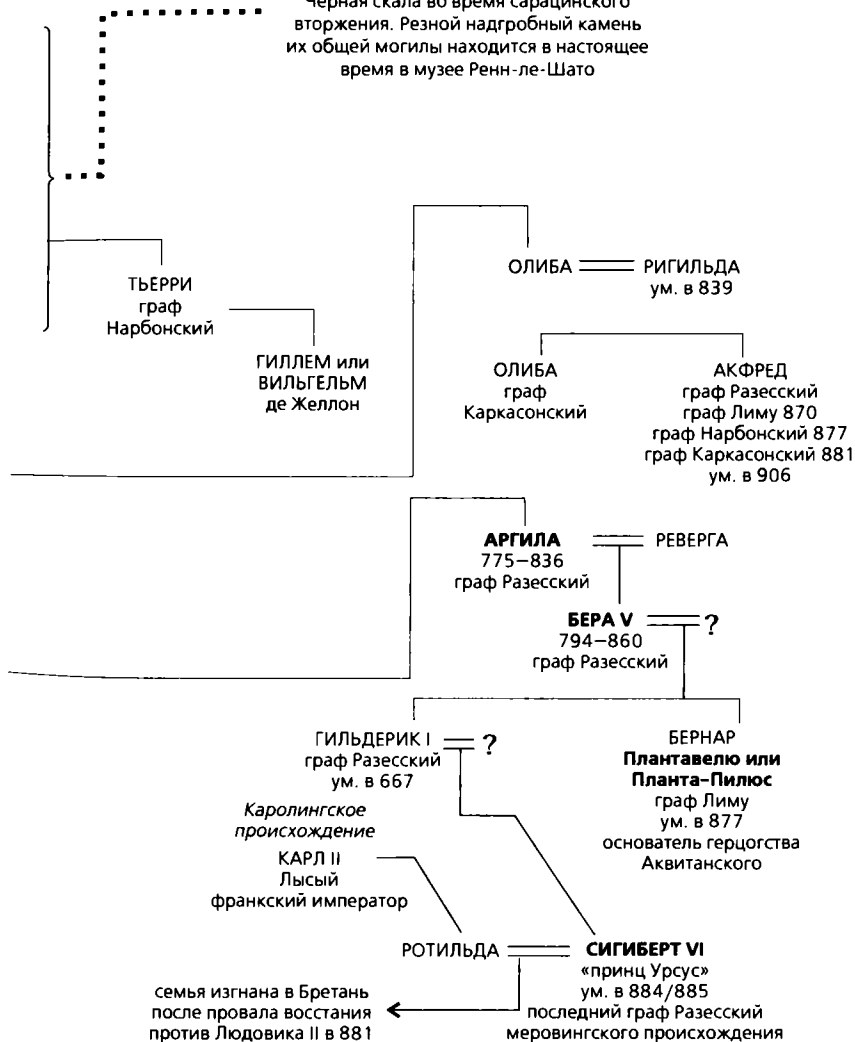
Династия Меровингов:

потерянные короли

Прозваны «принцами-отшельниками»,

т. к. нашли убежище в пещерах горы Черная скала во время сарацинского вторжения. Резной надгробный камень их общей могилы находится в настоящее время в музее Ренн-ле-Шато

СЕМЕЙСТВО ГРААЛЬ

Средневековье изобилует мифами, богатству и поэтичности которых может позавидовать греческая или римская мифология. Часть этой мифологии имеет отношение к персонажам вполне реальным, например к Артуру, Роланду, Карлу Великому или Родриго Диасу де Вивару — знаменитому Сиду. Но другая ее часть покоится на явно более хрупкой основе, например на легендах о Граале.

Среди самых популярных фигур Средневековья надо отметить Лоэнгрин, «Рыцаря с лебедем», и одноименный роман, где сказочные темы Грааля связаны с подлинными историческими персонажами. Не эта ли смесь фантастики и реальности, единственная в своем роде, продолжает обеспечивать успех операм Вагнера?

Согласно этим средневековым легендам Лоэнгрин, называемый иногда Гелиосом по причине своих уз с Солнцем, является потомком таинственной «семьи Грааль». В романе Вольфрама фон Эшенбаха он действительно является сыном Парцифалья, последнего рыцаря Грааля. Однажды в священном храме или замке Грааля, в Мунсальвеше, Лоэнгрин слышит колокол часовни, который звонит сам, без всякой посторонней помощи: кто-то зовет его, это сигнал. Действительно, к нему взывает о помощи дама, пребывающая в отчаянии, — герцогиня Брабантская, по одним источникам, герцогиня Бульонская — по другим³². Лоэнгрин устремляется к ней в лодке, запряженной лебедями. Победив преследователей прекрасной герцогини, он женится на ней, но в день своей свадьбы требует от нее дать клятву: никогда не задавать вопросов ни о его происхождении, ни о его прошлом. В течение семи лет эта женщина будет повиноваться желанию своего господина, но однажды, подстрекаемая любопытством и ревнивыми соперниками, она поддается искушению. После того как она задает роковой вопрос, Лоэнгрин тотчас покидает ее, садится в свою лодку, запряженную лебедями, и исчезает в лучах заходящего солнца. Однако он оставляет ей сына, который, согласно рассказам, станет то ли отцом, то ли дедом Готфрида Бульонского.

Нашим современникам трудно представить себе ту популярность, которая окружала ореолом судьбу Готфрида

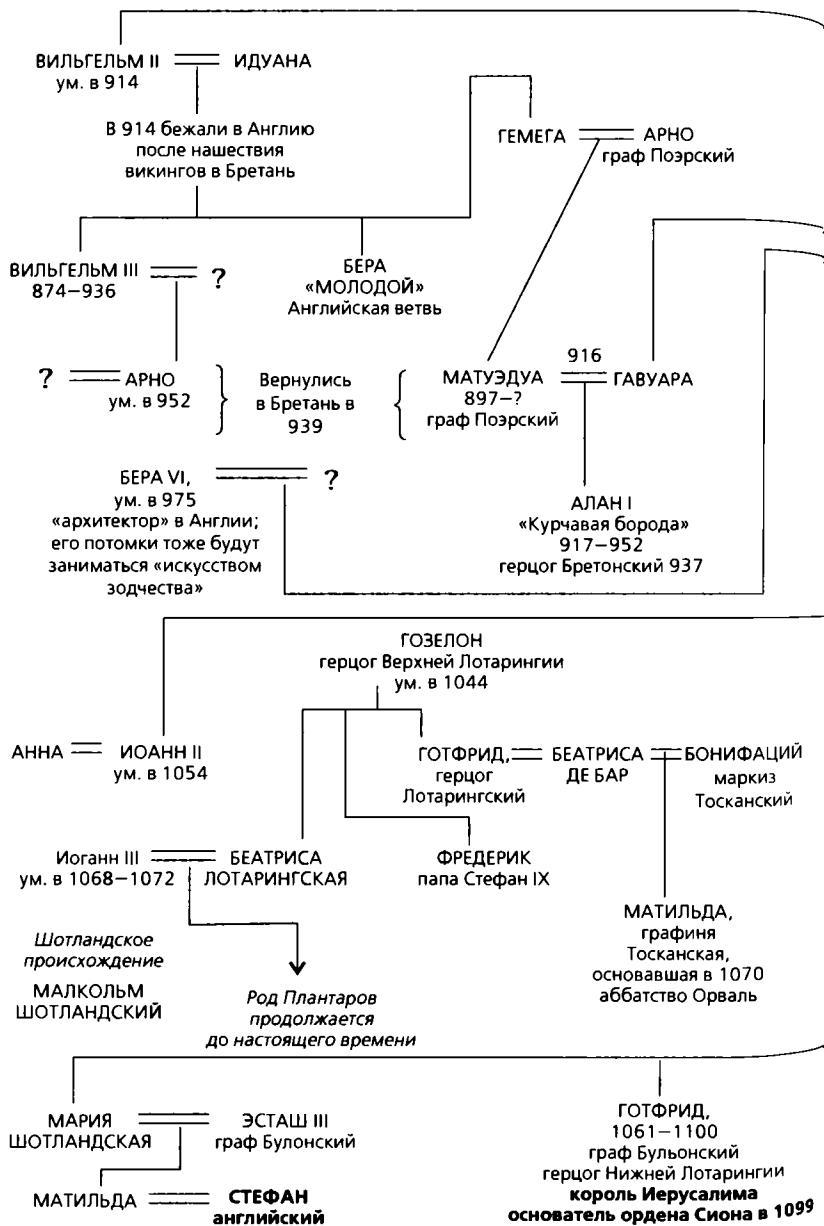
Бульонского в его время и вплоть до XVII века. Действительно, сегодня при словах «крестовые походы» в памяти всплывают скорее Ричард Львиное Сердце, король Джон, Людовик Святой и Фридрих Барбаросса, но никто из них не пользовался в свое время таким необыкновенным почитанием, как Готфрид Бульонский. Организатор Первого крестового похода, Готфрид был для души народа верховным рыцарем, замечательным героем, благодаря которому Иерусалим был вырван из рук неверных, а вместе с ним была отвоевана могила Иисуса Христа. Короче, тот, кто сумел объединить в одном порыве восторга и великодушия самые высшие ценности рыцарства и христианского рвения, состоял из плоти и крови, то есть существовал на самом деле.

Теперь понятно, почему Готфрид Бульонский стал культовой фигурой и поклонение ему сохранялось еще долго после его смерти. А от культа до мифа всего один шаг, и в случае с Готфридом этот шаг был легко сделан. Вольфрам фон Эшенбах и многие другие средневековые романисты увидят в нем потомка таинственной семьи Грааль, блестящего представителя легендарного рода. Все эти гипотезы тем более понятны, что они находят свои истоки лишь в таинственной игре света и теней³³.

«Документы Приората» представляют нам наиболее правдоподобную — быть может, первую такую правдоподобную — генеалогию Готфрида Бульонского. Насколько возможно было ее проверить, она оказалась точной. Ничто ей не противоречит, все ее подтверждает, и к тому же она разрешает множество исторических загадок.

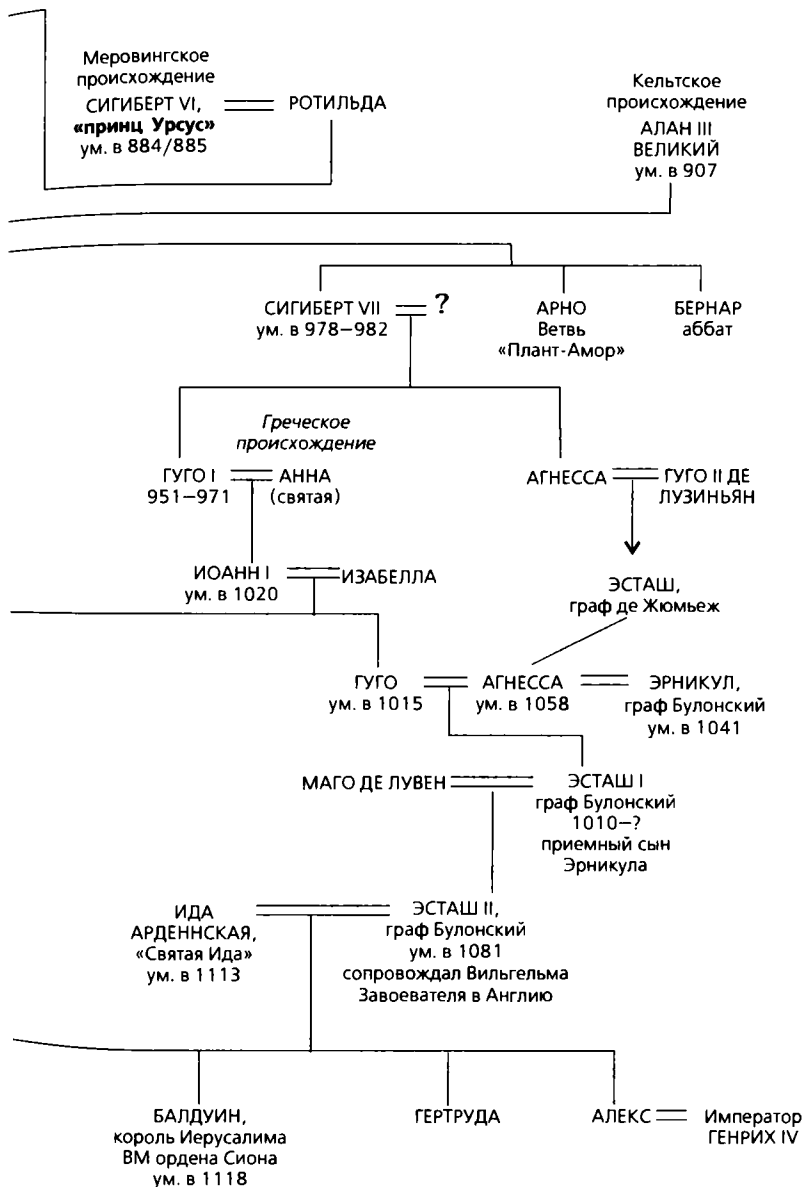
Согласно этой генеалогии, Готфрид происходил из семьи Плантар со стороны прабабки, вышедшей в 1009 году замуж за Гуго де Плантара. Следовательно, в жилах Готфрида текла кровь Меровингов, он был прямым потомком Дагоберта II, Сигиберта IV и других «потерянных королей» этого рода. В течение четырех столетий королевская кровь питала многочисленные и перемешанные между собой генеалогические деревья, а затем в один прекрасный день метод, аналогичный прививке винограда, позволил появиться на свет исключительному плоду — Готфриду Бульонскому, герцогу Лотарингскому. И именно здесь, в Лотарингском доме, меровингская кровь нашла себе новое потомство.

Меровингская династия: потерянные короли

Фрагмент из труда Анри Лобино (Анри де Ленонкура)

Это открытие по-новому освещает Крестовые походы, и впредь можно видеть в них нечто совсем другое, нежели череду битв исключительно ради того, чтобы отвоевать у сарацин Гроб Господень.

В этих обстоятельствах Готфрид Бульонский в его собственных глазах и в глазах его сторонников действительно был бóльшим, чем просто герцог Лотарингский. Он был законным королем, уполномоченным претендентом из династии, низложение которой произошло с убийством Дагоберта II в 679 году. Но несмотря ни на что, он оставался королем без королевства, а на троне Франции династия Капетингов устроилась слишком хорошо, чтобы ее оттуда прогнали.

Что же должен был сделать король без владений, если не найти или не создать королевство? А какое королевство выбрать, если не самое драгоценное из всех — Палестину, Святую землю, по которой ходил сам Иисус? Владыка такого королевства не будет ли равен другим владыкам Европы? Царствуя в самых священных местах на земле, не возьмет ли он справедливый реванш над Церковью, той Церковью, которая четыреста лет назад предала его предков?

НЕУЛОВИМАЯ ТАЙНА

Итак, некоторые кусочки головоломки наконец начинали занимать свои места. Если Готфрид Бульонский действительно принадлежал к меровингскому роду, то множество элементов, не имеющих видимой связи, занимали теперь логичное место в едином целом. Теперь было оправдано значение, придаваемое таким разным деталям нашего исследования, как династия Меровингов и крестовые походы, Дагоберт II и Готфрид Бульонский, Ренн-ле-Шато, рыцари Храма, Лотарингский дом и Приорат Сиона. Мы могли проследить меровингский род до настоящего времени и Алена Поэра, Анри де Монпеза, а также до супруга королевы Дании, не забывая, естественно, Пьера Плантаара де Сен-Клера и Отто Габсбурга, герцога Лотарингского, короля Иерусалимского.

Да, конечно... Но на главный вопрос по-прежнему ответ не найден. Почему Мервинги? Почему на протяжении веков эта вечная вездесущность, стабильная, действенная, убедительная, несмотря на свой ореол тайны? Каким сказочным знаком, какой невидимой печатью, ускользавшей все время от нашего взора, был отмечен этот род?

ИЗГНАННОЕ ПЛЕМЯ

Могло ли быть что-то особенное в потомках Меровингов, что-то большее, чем просто «техническая», академическая законность престолонаследия? Могло ли быть что-то, в какой-то степени затрагивающее наших современников? Что-то, что могло воздействовать на существующие социальные, политические или религиозные институты, возможно, даже изменять их? Эти вопросы продолжали волновать нас. Однако ответов на них по-прежнему не находилось.

Мы перечитали самые важные из «документов Приората», а особенно тщательно — «Секретные досье», и это помогло нам проверить одни детали, объяснить другие и сориентироваться в направлении дальнейших поисков. Но, увы, нигде больше не появлялось ни малейшего указания, способного прояснить таинственную специфичность меровингского рода. Мы подошли к перекрестку, к критической точке нашего расследования. Смысл некоторых из этих документов пока еще ускользал от нас, и нам приходилось возвращаться назад, но уже по проложенным тропинкам, чтобы постараться взглянуть то, что мы могли упустить.

Как мы уже выяснили, Меровинги считали, что происходят из Древней Трои. Но согласно «документам Приората», их происхождение надо искать еще раньше, а именно в эпоху Ветхого Завета.

Большое число записей, сопровождающих «Секретные досье», в самом деле намекали на одно из двенадцати племен Израиля, на племя Вениамина, а в одной из записей прямо цитируются три отрывка из Библии: Второзаконие, Книга Иисуса Навина и Книга Судей.

В первом тексте Моисей, благословив каждого из патриархов двенадцати племен, говорит о Вениамине такими словами: «Возлюбленный Господом обитает у него безопасно, Бог покровительствует ему всякий день, и он покоится меж-

ду раменами Его» (33, 12). Что же означали эти слова? Не хотел ли Моисей сказать, что Вениамин и его потомки были избраны Богом и отмечены особым знаком? И этот знак «между раменами его» не вызывает ли в памяти легендарное родимое пятно Меровингов — красный крест, расположенный между лопатками?

Быть может, пристрастие к параллелям толкает нас слишком далеко, но это не единственная связь между патриархами Ветхого Завета и нашими поисками. Как сообщает Роберт Грейвс, действительно 23 декабря было священным днем для племени Вениамина; а мы помним, что 23 декабря было выбрано для праздника дня св. Дагоберта¹. Но продолжим. Среди трех кланов, образующих племя Вениамина, был клан Ахирама — могущего быть отождествленным с Хирамом, строителем Храма Соломонова и центральной фигурой масонской традиции. Верный ученик Хирама звался Бенони, а Бенони было именем, которым Вениамина-ребенка назвала его мать Рахиль перед смертью.

Вторая ссылка «Секретных досье» на Библию — это отрывок из Книги Иисуса Навина, и он еще более значителен. Это рассказ о прибытии народа Моисеева в Землю обетованную и распределение ее по различным племенам. Территория, доставшаяся Вениамину, включала будущий святой город Иерусалим; перечисляются земли, которые ему были отданы: «...Цела, Елеф и Иевус, иначе Иерусалим, Гивеаф и Кириаф: четырнадцать городов с их селами. Вот удел сынов Вениаминовых, по племенам их» (18, 28). Значит, прежде чем стать столицей Давида и Соломона, Иерусалим по полному праву принадлежал Вениамину и его потомкам.

Теперь посмотрим на третий отрывок из Библии, из книги Судей Израилевых, который включает сложную последовательность событий. На левита, пересекавшего территорию Вениамина, было совершено нападение, а его сожительницу изнасиловали почитатели Велиала, варианта шумерской богини-матери, вавилонской Иштар и финикийской Астарты. Левит тотчас же собирает правителей Израеля и требует мести: злоумышленники из племени Вениамина должны быть преданы суду. Но Вениамин отказывает, предпочитая защитить «сынов Велиала», и затем следует крова-

вая битва между виновным племенем и одиннадцатью другими коленами Израиля; последние даже клянутся никогда не давать своих дочерей в жены членам враждебного племени; затем бой кончается, большая часть племени Вениамина истреблена, и победоносный Израиль (слишком поздно) раскаивается в своем решении:

«И поклялись Израильтяне в Массифе, говоря: никто из нас не отдаст дочери своей сынам Вениамина в замужество. И пришел народ в дом Божий, и сидели там до вечера пред Богом, и подняли громкий вопль, и сильно плакали, и сказали: Господи, Боже Израилев! для чего случилось это в Израиле, что не стало теперь у Израиля одного колена?» (21, 1-3).

И снова, чуть дальше:

«И сжалились сыны Израилевы над Вениамином, братом своим, и сказали: ныне отсечено одно колено от Израиля; как поступить нам с оставшимися из них касательно жен, когда мы поклялись Господом не давать им жен из дочерей наших?» (21, 6-7).

В стихе 15 еще раз встает та же дилемма:

«Народ же сожалел о Вениамине, что Господь не сохранил целости колен Израилевых. И сказали старейшины общества: что нам делать с оставшимися касательно жен, ибо истреблены женщины у Вениамина? И сказали: наследственная земля пусть останется уцелевшим сынам Вениамина, чтобы не исчезло колено от Израиля. Но мы не можем дать им жен из дочерей наших; ибо сыны Израилевы поклялись, говоря: «Проклят, кто даст жену Вениамину» (21, 15-18).

Исчезло ли колено Вениамина? Нет, ибо старейшины наши выход. Уцелевшие идут на праздник Господень в Силом. Они прячутся в винограднике и, когда девушки Силома выходят танцевать, нападают на них, похищают их и женятся.

Почему же «Секретные досье» привлекают внимание к этому отрывку? Не потому ли, что колено Вениамина — одно из главных и что оно быстро оправляется от удара,

вновь обретя свой численный состав и свой престиж, и что именно они (первая книга Самуила) дадут Израилю его первого царя, Саула?

Однако битва в защиту верных Велиалу отметила поворот в судьбе сынов Вениамина, и многие из них, если не все, должны были отправиться в изгнание. Впрочем, по этому поводу в «Секретных досье» имеется заметка, написанная заглавными буквами. Вот она:

«ОДНАЖДЫ ПОТОМКИ ВЕНИАМИНА ПОКИНУЛИ СВОЮ СТРАНУ; НЕКОТОРЫЕ ОСТАЛИСЬ; СПУСТЯ ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ГОТФРИД VI [Бульонский] СТАНОВИТСЯ КОРОЛЕМ ИЕРУСАЛИМА И ОСНОВЫВАЕТ ОРДЕН СИОНА»².

Следовало ли отсюда, что между этими рассеянными во времени элементами — Вениамином, Готфридом, Сионом — действительно существовала некая связь? Да, это так, и мы констатируем это, собрав воедино некоторые разрозненные фрагменты «Секретных досье», призванные стать связным целым.

Итак, сыны Вениамина отправились в изгнание, которое, как считается, привело их в Грецию, в центр Пелопоннеса, в Аркадию, где они породнились с королевской семьей. Продолжение известно: в начале христианской эры они эмигрировали на Дунай и Рейн, слились с тевтонскими племенами и породили франков-сикамбров, прямых предков Меровингов.

По «документам Приората» и с учетом аркадийского эпизода, Меровинги, следовательно, были прямыми выходцами из колена Вениаминова. Иными словами, их потомки, Плантары или герцоги Лотарингские, имели семитское происхождение; а так как Иерусалим был отдан Вениамину, то Готфрид Бульонский, отправляясь в Святую землю, требовал всего-навсего свое законное наследство. Вспомним, что из всех европейских принцев, собравшихся в Первый крестовый поход, Готфрид был единственным, кто отказался от всего своего состояния, словно у него было намерение не возвращаться больше во Францию.

Ничто, однако, не подтверждало происхождения меро-

вингского рода «от Вениамина», ведь «документы Приората» ссылались на слишком далекое и слишком темное время, чтобы служить в этом смысле формальным доказательством. Тем не менее эта гипотеза не имела ничего нового или оригинального. Она уже существовала в творчестве Марселя Пруста и в более позднем творчестве писателя Жана д'Ормессона, где прослеживалась мысль о том, что некоторые знатные французские семьи имеют еврейское происхождение. Вспомним и позицию Роже Пейрефитта, который в 1965 году вызвал скандал среди своих современников и заставил много говорить о себе, ибо он поддерживал ту же теорию, но не только по отношению к большей части европейской аристократии, но и применительно ко всем французам вообще.

Несомненно, что гипотеза эта неподтвержденная, но правдоподобная, как правдоподобна и миграция, приписываемая племени Вениамина в «документах Приората». Они взяли в руки оружие, чтобы защищать верных Велиалу, этому подобию богини-матери, которой часто придавали вид теленка или быка, которую они почитали. Быть может, культ золотого тельца, упоминаемый в Исходе и ставший темой одной из самых знаменитых картин Пуссена, отражает смутное воспоминание о специфическом ритуале, присутствием только сынам Вениамина.

Продолжая сражаться с одиннадцатью другими коленами Израиля, сыны Вениамина выбрали путь изгнания на запад и к финикийскому берегу, где у моряков были большие и прочные корабли. Почитавшие тот же культ богини-матери, «Царицы Небес», называемой в их стране Астартой, финикийцы не могли отказать в помощи беглецам.

Вот так колено Вениаминово покинуло Палестину и бежало в Грецию, и можно было надеяться отыскать его следы где-нибудь еще. Они действительно имеются в греческой мифологии, если верить легенде о сыне короля Белоса, Данае, привезшем в Элладу пятьдесят своих дочерей, которые ввели в Аркадии культ богини-матери. Как считает Роберт Грейвс, миф о Данае описывает прибытие на Пелопоннес «племени из Палестины»³, и историк ведет к тому, что король Белос был на самом деле Ваалом, или Белом, или, мо-

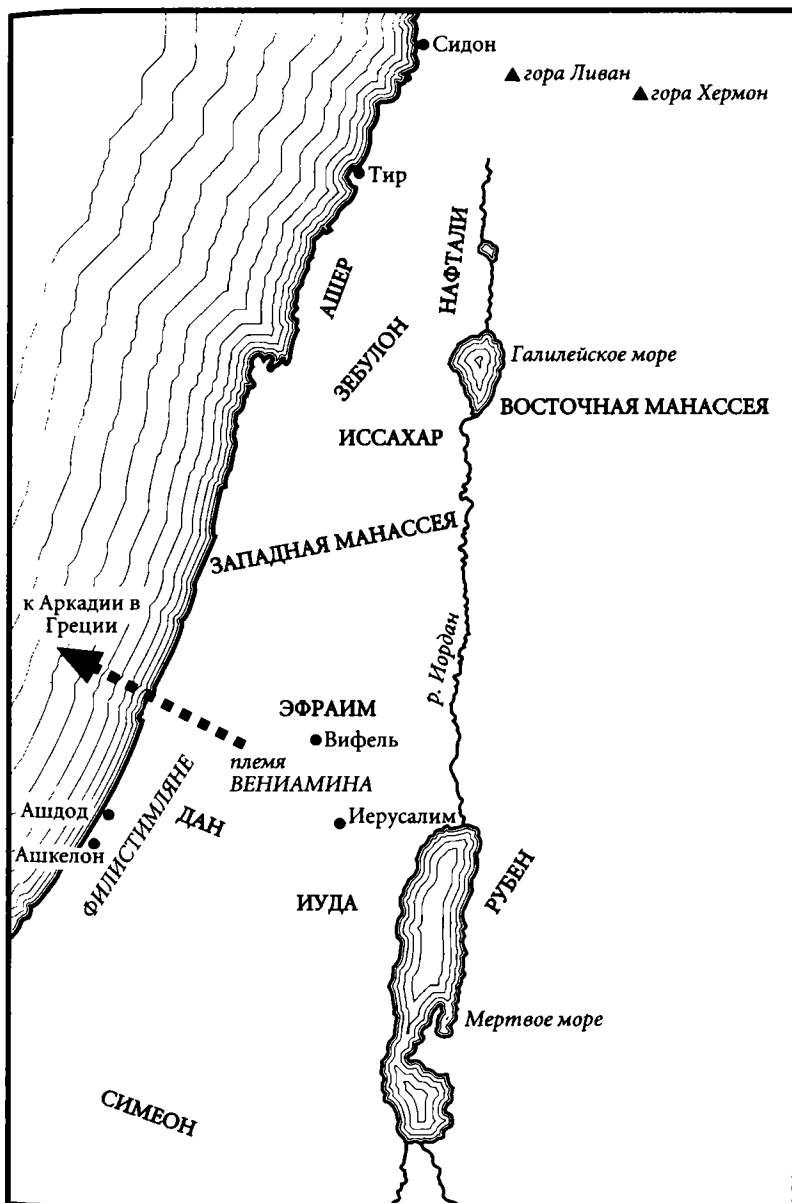

Рис. 10. Иудея. Показан единственный возможный путь бегства племени Вениамина

жет быть, Велиалом из Ветхого Завета — интересное уточнение, ибо известно, что один из кланов племени Вениамина звался кланом Белы.

Так культ богини-матери распространился по всей Аркадии, а затем и по всей Греции, чтобы позже слиться с культом Деметры, потом — Дианы и Артемиды. Под именем Ардуины Артемида становится богиней Арденн, а ведь именно из Арденн франки-сикамбры войдут в Галлию. Тотемом Артемиды был медведь — Каллисто, мать Аркаса, медвежонка, покровителя Аркадии. Перенесенная на небеса Артемидой, Каллисто стала созвездием Большой Медведицы. Именно поэтому слово «Урсус», часто применяемое к Меровингам, не может считаться простым совпадением.

Заметим также, что и в другом месте греческой мифологии имеются намеки на изгнание евреев из Палестины в Аркадию. В античной древности, например, этот район находился под надзором всемогущего государства Спарты, которая попросту абсорбировала большую часть местной культуры, и легендарного аркадийца Аикея можно отождествить с Ликургом, систематизатором спартанских законов. Достигнув зрелого возраста, спартанцы, как позже и Меровинги, придавали своим длинным волосам магическое значение, не только указывающее на физическую силу, но и принимающее значение священного символа⁴. Наконец, две апокрифические книги Маккавея устанавливают прямую связь между евреями и спартанцами. Во второй книге говорится о евреях, «отправившихся в Лакедемонию в надежде найти там убежище, учитывая то, что у них с местным населением общее происхождение»⁵. А в первой книге говорится: «Из рассказа о спартанцах и евреях стало ясно, что они братья и происходят из рода Авраамова»⁶.

Таким образом, хоть и не имеется действительно бесспорных доказательств, возможность еврейской миграции в Аркадию ни в коем случае не может быть совершенно исключена. Тем более что есть и другой аргумент в ее пользу — семитское влияние на культуру франков, что не нужно доказывать, так как этим уже широко занимается археология.

Семитские и финикийские торговые пути пересекали юг

Франции, от Бордо до Марселя и Нарбона, и поднимались вверх по Роне. Начиная с VII века до нашей эры вдоль французского Средиземноморья имелись финикийские торговые конторы, а в Тулузе и Каркасоне при раскопках обнаружилось многочисленное количество предметов, доказывающие семитское влияние. Не стоит сверх меры удивляться этому, ведь финикийские цари Тира в IX веке до нашей эры вступили в союз с царями Израиля и Иудеи, и результатом были тесные и вполне естественные контакты между народами.

Наконец, в 70 году нашей эры разграбление Иерусалима и разрушение Храма повлекло за собой массовый исход евреев из Святой земли. Не будем забывать, что, например, в Помпеях, погребенных навечно под лавой Везувия в 79 году, имелась весьма значительная еврейская община и что в то же самое время южные города Галлии, такие, как Арль, Люнель, Нарбон, служили убежищем детям Израиля, изгнанным с родной земли. Иммиграция еврейского народа в Европу, а особенно в Галлию, конечно, началась задолго до падения Иерусалима. Между 106 и 48 годами до нашей эры Рим действительно имел свою еврейскую колонию, как позже Кельн на берегах Рейна. Некоторые римские легионы имели рабов-евреев, которые вместе со своими хозяевами проходили через всю Европу, и большая их часть наконец обрела свободу и группировалась в общины.

Бесполезно искать иные причины, по которым во Франции часто названия городов и деревень имеют бесспорно еврейское происхождение, и это случается чаще всего в самом центре древнего Меровингского королевства. Например, в нескольких километрах от Стене, на опушке Вёврского леса, где был убит Дагоберт II, находится деревня Баалон, а между Стене и Орвалем — город Авиот. Что касается горы Сион в Лотарингии — «вдохновенного холма», — то она вначале называлась Семита⁷. Дойдя в нашем расследовании до этого места, мы уже не могли отрицать того, что этот набор мелких деталей, даже самых малозначительных, в конце концов подтверждал правоту «документов Приората» и делал их еще более правдоподобными. Во всяком случае, мы должны были признать, что, по всей вероятности, Меровинги и их знатные потомки имели семитское происхождение.

Но что же дальше? Это открытие, не будучи в конечном счете ни для кого секретным, было ли оно главным? Неужели мы прошли столькими путями и столько раз сворачивали на новые дороги, чтобы прийти единственно к подобному выводу? Неужели этой истории об изгнанном племени было достаточно, чтобы оправдать непрерывность Меровингской династии, Приорат Сиона, Ньютона и да Винчи, деятельность герцогских домов де Гизов и Лотарингских, Общество Святого Причастия, тайны, касающиеся «Шотландского обряда», и все то, что мы так терпеливо открывали и анализировали в первой части настоящей работы? Одним словом, неужели факт происхождения от колена Вениаминова действительно представляет такой интерес для нашего века?

Кроме того, если наше расследование касалось вопросов специфически семитских и иудейских, то почему в нем оказывались замешаны столько специфически христианских элементов? К примеру, пакт между Хлодвигом и Римской церковью; общепризнанное христианство Готфрида Бульонского; завоевание Иерусалима; возможно, еретические, но тем не менее христианские идеи катаров и рыцарей Храма; благочестивые секты вроде Общества Святого Причастия; масонство, проповедовавшее «герметизм, аристократизм и христианство», и намеки на многочисленных христианских проповедников, от высокопоставленных князей Церкви до сельских священников вроде Буда и Соньера?

Наконец, последнее замечание: наше исследование разворачивалось под знаком христианства, а не Ветхого Завета. Еврейское происхождение меровингского рода, таким образом, мало отражалось на нем, и эта история с племенем Вениамина имела на него очень ограниченное воздействие, последствий которого было не более, чем какого-нибудь другого отклонения от темы.

Но тем не менее мы были глубоко убеждены, что эта история скрывала в себе нечто гораздо более значительное. Увлекаемые вполне естественным любопытством, мы удалились от правильного пути. Но в какой момент? Где-то какая-то важная деталь ускользнула от нас, и надо было выяснить, какая именно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОТОМСТВО

СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Да, одна деталь от нас ускользнула. Мы выбрали ошибочное направление, мы не уделили достаточного внимания одному факту, быть может, незначительному на первый взгляд, но имеющему серьезные последствия. Однако мы были убеждены, что не пренебрегли ни одной датой, ни одним историческим событием, прямо или косвенно связанным с нашим исследованием. Мы сознавали, что очень тщательно следовали всем фактам, но, возможно, песчинку, на которую мы не обратили внимания, следовало искать не на этом уровне, а в другом месте, в сферах, лежащих ниже официальной истории, неизвестных ей, однако неотделимых от нее, спрятанных в самом сердце тайной истории мира.

Так, с самого начала наших поисков мы встречались, сталкивались и расходились с темой, которая возвращалась через определенные промежутки времени, но очень ненавязчиво, чтобы не привлекать нашего внимания. Это тема Святого Грааля.

Святой Грааль... Предполагаемое сокровище катаров, сохранный мужественными рыцарями Храма, воспетое знаменитыми романами, родившимися при дворе графов Шампанских, которые сами были тесно связаны с основанием ордена Храма. Грааль, облеченный той же таинственной властью, как и обладатели головы, которой поклонялись тамплиеры во время церемоний; слышущий источником всякого богатства и плодородия на земле.

Мы снова встретились с ним в более близкое к нам время — в конце XIX века — в оккультных кружках Жозефена Пеладана и Клода Дебюсси. И снова, углубляясь во время, мы замечали, что Грааль притягивает лишь к себе одному безграничную и фантастическую тень чудесного цикла средневековых романов, носящего его имя. Безусловно, это цикл легенд, но он носит отпечаток реальности: Готфрид Бульон-

ский стал сыном Лоэнгрин, рыцаря с лебедем, а отцом Лоэнгрин был Парцифаль или Персеваль — в разных странах это имя произносили по-разному. Наконец, мы обнаружили Грааль на юге Франции, в землях, принадлежавших средневековому принцу Гиллему де Желлону, другу Карла Великого, а также под пером Вольфрама фон Эшенбаха, который объявляет своего героя потомком одного очень таинственного семейства.

Были ли эти регулярные появления в наших поисках случайными или же, напротив, они являлись выражением одной из их основных составляющих? Каковым бы он ни был, этот Грааль, но был ли он связан с загадкой Ренн-ле-Шато? Но тогда чем же именно он был? Существовал ли он на самом деле, или же это была всего лишь химера, мечта, порожденная ненасытным воображением Средневековья, вскормленного мистикой? Или он был использован как символ какой-то более или менее конкретной истины?

Все это были захватывающие вопросы и радужные перспективы, которые, к несчастью, грозили увлечь нас слишком далеко в сферы обманчивых умозрительных рассуждений. Но, по крайней мере, мы могли хоть на несколько мгновений остановиться на романах, посвященных этой легенде, многочисленных романах, сложных по своей сути, поднимающих множество вопросов.

По одним источникам, Грааль был кубком, которым пользовались Иисус и его ученики во время Тайной вечери; по другим — он был чашей, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Иисуса, пригвожденного к кресту. Третьи считают, что он был и тем и другим одновременно. Однако нас насторожил один момент. Если Грааль существовал и был так тесно связан с личностью Иисуса, то почему в течение более чем тысячелетия о нем молчали? Почему ни малейшего следа его нет ни в фольклоре, ни в устных преданиях первых десяти веков нашей эры? Был ли он в течение всего этого времени если не утерян, то, по крайней мере, забыт или сознательно изъят из недр человеческого сознания?

Даже принимая то, что этот священный предмет, трудноопределяемый, но так близко касающийся христианской веры, мог исчезнуть подобным образом, как объяснить то, что

он внезапно вновь всплыл на поверхность в самый разгар эпохи Крестовых походов, в тот самый момент, когда франкское королевство в Иерусалиме находилось в своем апогее, когда орден Храма был на гребне своей власти, а ересь катаров была наиболее сильна и грозна, чем когда-либо?

Цикл романов о Граале должен был помочь нам понять, было ли это случайным стечением обстоятельств или же, напротив, повторяющиеся появления этого таинственного мифа на нашем пути имели свой смысл.

ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ ГРААЛЕ

Литературное происхождение ее, связанное с основным циклом смен времен года и с их вечным возвращением, является главным образом языческим. Несомненно, в начале его лежит некое подобие культа природы, вдохновенного прямо или косвенно тайнами, окружающими на Ближнем Востоке Таммуза, Аттиса, Адониса или Озириса. Со своей стороны, галльская и скандинавская мифологии изобилуют намеками на смерть, возрождение и возобновление, на этот постоянный цикл то бесплодной, то плодородной земли. В XIV веке это центральная тема английской поэмы «Сэр Ивэйн и Зеленый рыцарь»; это также тема «Мабиногиона» — одного из самых выдающихся собраний валлийских легенд Средневековья, современного французским рассказам о Граале, но дополняющего более древние фольклорные темы. Мы находим там и таинственный «котел воскресения», куда в сумерках бросали мертвых воинов, чтобы утром на заре они вышли оттуда ожившими. Котел принадлежит великому Брану, который обладает также огромным блюдом, на коем без конца появляется пища, какую только пожелаешь, — как раз одна из чудесных сил, приписываемых Граалю. Однако в конце своей жизни Бран был обезглавлен, а его голова почиталась как талисман и была перевезена в Лондон, где за ней признали множество магических способностей, например удобрять землю или даже отпугивать захватчиков.

Большинство из этих тем, как мы видим, вновь возникает в романах о Граале, и чары, приписываемые голове Брана, позже станут приписываться рыцарями Храма своим таинственным головам-талисманам.

Многие эрудиты прошлых веков и настоящего времени, в частности Джеймс Фрэзер в своей «Золотой ветви», постарались определить языческие источники цикла романов о Граале. Но, кажется, никто особенно не заинтересовался тем, как между серединой и концом XII века языческий миф странным образом изменился, чтобы выкристаллизоваться и прочно утвердиться в христианском мире через Чашу, собравшую в себя кровь Христа. И поэтому нам кажется, что здесь в действительности идет речь о процессе более тонком, чем прививка христианских преданий на древо языческих легенд.

Во всяком случае, романов, построенных на основе темы Грааля, на мистических воспоминаниях об Иисусе, очень много, и их чудеса и феерии до сих пор поражают воображение и приводят в восторг. Действительно, начиная с 1188 года, когда произошел разрыв между орденом Храма и Приоратом Сиона, фантастический фейерверк продолжается до того времени, которое можно расположить между 1291 годом (датой падения франкского государства в Иерусалиме) и 1307—1314 годами — период, в течение которого тамплиеры были уничтожены. Затем — полная тишина до 1407 года, когда в Англии за эту тему вновь берется Томас Мэлори в своем знаменитом произведении «Смерть Артура». С тех самых пор и до сегодняшнего дня Грааль не уходит из всех западных литератур и, наверное, из всех культур, ибо под разными обличьями он присутствует и в Англии, и во Франции, и в Италии, и в Испании, и в Германии, и в Норвегии... Дошло даже до того, что во время последней войны немцы, убежденные в его «материальном» существовании, решили приступить к археологическим раскопкам на юге Франции и постараться его найти¹.

Во времена Мэлори Грааль уже был Чашей с Тайной вечери, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Иисуса. По некоторым рассказам, Иосиф Аримафейский увез ее в Англию, в Гластонбери; по другим — ее взяла с собой во

Францию Магдалина, как свидетельствуют об этом легенды IV века, намекая на ее побег из Святой земли и высадку на берег недалеко от Марсея, где до сих пор почитаются ее мощи.

Позже средневековая литература будет изобиловать этими темами, видя в Магдалине женщину, которая привезла священный предмет. Наконец, в заключение вспомним интерес, проявленный Рене Анжуйским к этой Чаше, которой, по его утверждениям, он обладал в XV веке. Вернемся к Мэлори и отметим, что он отождествлял Грааль с кубком и на этой основе выстроил чисто рыцарский роман, из которого по большей части были исключены мистические и символические аспекты древних легенд.

Но самый древний роман, посвященный этой теме, датируется эпохой около 1188 года. Он называется «Персеваль, или Повесть о Граале» и был написан Кретьеном де Труа, трувером и клириком двора графов Шампанских.

О Кретьене известно мало, в основном то, что его поэтическая карьера началась при Марии Шампанской, королеве блестящего двора, богатого молодыми дарованиями. Именно ей он посвятил большую часть своих произведений, которые, впрочем, не затрагивали тему Грааля, например «Ланселот, или Рыцарь телеги» и «Ивэйн, или Рыцарь со львом».

Только в последнем его романе появляется еще довольно туманная тема поисков Грааля. Посвящен он не Марии Шампанской, а Филиппу Эльзасскому, графу Фландрскому², и в начале романа Кретьен уточняет, что написан он был специально для Филиппа, который первым рассказал ему эту легенду. Его героя зовут Персеваль, что переводится как «сын вдовы» — наименование, напомним, принадлежащее дуалистическим и гностическим ересям, обозначающее кого-либо из пророков либо самого Иисуса и позже перешедшее в масонство.

Итак, покинув свою вдовую мать, Персеваль отправляется ко двору короля Артура. С ним приключается множество историй, и однажды ночью в замке короля-рыбака, который предоставляет ему кров, перед ним появляется Грааль. Однако Кретьен не дает на этот счет никаких уточнений. Мы узнаем только, что его приносит «очень красивая, стройная и нарядная» девушка и что он «сделан из чистейшего золо-

та» и украшен «разными камнями, самыми богатыми и драгоценными, какие только можно было найти под водой и на земле». А на следующий день Персеваль покинет замок. Он так и не задал вопроса, которого от него ждали, — вопроса о происхождении, о Граале и смысле его существования, о том, «кому он служит». Двусмысленная формулировка, которую можно понимать буквально или аллегорически. Этот вопрос должен был снять заклятие. Как бы там ни было, Персеваль продолжает свой путь и узнает, что он принадлежит к семейству Грааль и что дядя его — тот самый король-рыбак, который обладает Святым Граалем.

Кретьен де Труа умер, не закончив своего романа. Таким образом, мы никогда не узнаем конца, если таковой и существовал. Кое-кто, однако, думает, что он сгорел во время пожара Труа в 1188 году, пожара, который совпал с весьма подозрительной смертью поэта.

Весь интерес, который представляет «Персеваль», заключается в том, что это было первое произведение, посвященное Граалю. Действительно, в течение всего следующего пятидесятилетия поэты будут приукрашивать и умножать интерпретации этой темы, родившейся однажды при дворе в Труа и захватившей всю Европу так же быстро, как огонь охватывает сухую солому. Но если некоторые из этих вариантов, бесспорно, ведут свое происхождение от Кретьена, то более поздние романы о Граале будут черпать свои сюжеты в эпохе, предшествовавшей той, во время которой жил шампанский автор. Одни выведут на сцену короля Артура, другие — Иисуса.

Среди этих многочисленных поздних версий наше внимание привлекли три. Первая — это «Роман об истории о Святом Граале», написанный Робером де Бороном, клириком из Франш-Конте, между 1190 и 1199 годом. Благодаря этому новому рассказу, в котором автор старается выделить символическое значение мифа, этот последний становится специфическим христианским символом. Пользуясь источниками, существовавшими до его предшественника, Робер де Борон в самом деле намекает на чисто христианский характер Грааля и на некую «великую книгу», секреты которой были ему открыты³.

Произвел ли эту христианизацию Грааля поэт из Франш-Конте или же это сделал его предшественник? Очень многие принимают сейчас вторую гипотезу, и все же первым точным определением Грааля мы, бесспорно, обязаны Роберу. Это, объясняет он, Чаша с Тайной вечери, которую затем Иосиф Аримафейский наполнил кровью распятого Христа и которая тем самым приобрела магическую силу. После распятия члены семьи Иосифа стали ее хранителями, и в романах о Граале рассказывается об их приключениях и превратностях их судеб. Так, Галаад был сыном Иосифа Аримафейского, а его зять Брон получил Грааль, увез его в Англию и сам стал королем-рыбаком. Как и в поэме Кретьена де Труа, так и в этой версии Персеваль является сыном «вдовы», но он также был внуком короля-рыбака, а не племянником.

Во всяком случае, в обоих романах Персеваль — член семьи Грааль, только по более прямой линии в повествовании Робера де Борона, который более точен в хронологии, чем Кретьен де Труа, ибо он помещает действие в Англию, во времена Иосифа Аримафейского, а не в неопределенное место «артуровского» времени, как шампанский автор.

В одно время с «Романом об истории о Святом Граале» появился, возможно в Англии, другой роман, в прозе, — «Перлесваус», посвященный именно поискам Персеваля. Но в противовес убеждениям своей эпохи, его автор предпочел остаться неизвестным, и из этого можно заключить, что он принадлежал к монашескому или военному ордену, где этот род занятий считался недостойным. Впрочем, как считают некоторые специалисты по средневековой литературе, «Перлесваус» вполне мог быть произведением пера тамплиера⁴. Действительно, рыцари Тевтонского ордена поддерживали и поощряли многих анонимных поэтов, и, несомненно, так же поступали тамплиеры. Некоторые фрагменты в романах обращают на себя внимание тем, с каким исключительным знанием дела описаны военная действительность, оружие, экипировка, маневры, стратегия и получаемые раны. Сомневаться не приходится: автор хорошо был знаком с полем битвы и сам имел военный опыт.

Как бы то ни было, но даже если роман и не был написан тамплиером, повсюду чувствуется тень рыцарей: замок, где находится не Грааль, а конклав «посвященных»; церемония, на которой Персеваля приняли двое «мастеров», хлопающих в ладоши и окруженных тридцатью тремя другими мужчинами, «одетыми в белое и носящими на груди красный крест и кажущимися одного возраста»⁵; наконец, утверждение одного из этих таинственных «мастеров» о том, что ему хорошо известен род Персеваля и что он лично видел Грааль — привилегия, коей удостоены были лишь немногие.

Как и предыдущие романы Кретьена де Труа и Робера де Борона, «Перлесваус» настойчиво проводит линию рода, потомства: Персеваль много раз назван там «самым святым». В другом месте говорится, что он принадлежит «к роду Иосифа из Аримафеи», а дальше — что «этот Иосиф был дядей его матери, бывшим воином Пилата в течение семи лет»⁶.

Однако действие «Перлесвауса» происходит не в эпоху Иосифа Аримафейского, а, как и у Кретьена, во времена короля Артура. Впрочем, хронология не всегда соблюдается точно, раз упоминаемая там Святая земля вернулась вновь в руки неверных, тогда как в действительности это событие произошло лишь два века спустя после царствования короля Артура.

Кроме поля битвы анонимный автор «Перлесвауса», кажется, хорошо знает и магический мир заклинаний и обращений. Например, там можно прочесть многочисленные намеки на алхимическую работу, а именно на двух мужей, «сделанных из меди благодаря искусству некромантии»⁷. Здесь явно присутствует отголосок некоторых тайн, окружавших тамплиеров. Например, один из «мастеров», одетых в белое, обращает к Персевалю слова, напоминающие о загадочной голове из ритуалов ордена: «Есть головы, сделанные из серебра, и головы, сделанные из свинца, и тела, которым эти головы принадлежали; я говорю тебе, что ты должен вызвать сюда головы Короля и Королевы»⁸.

Безусловно, это намеки на магию, а также на ереси и язычество. И не только Персеваль обозначен таковым, как

«сын вдовы», но все действие романа целиком разворачивается в атмосфере странных церемоний, неожиданных для христианского контекста. Король принесен в жертву, его дети зажарены и съедены (преступление, в котором часто обвиняли тамплиеров), над лесом поднят красный крест, чудесное белое животное на глазах у Персевалья раздирают в клочья собаки. Затем на сцену выходят рыцарь и девушка, они несут золотую посуду и принимаются собирать в нее изуродованные куски мяса, а потом целуют крест и исчезают. Что касается Персевалья, то он преклоняет колена перед крестом, а затем, как и все остальные, в свою очередь, целует его:

«И он почувствовал, что от креста и от места этого исходит такой сладкий аромат, что ничто не может сравниться с ним. И когда обернулся он, то увидел, что из леса идут к нему два священника; и первый воскликнул: «Сэр рыцарь, отойди от креста, потому что не имеешь ты права приближаться к нему». Персеваль не препятствовал ему, и священник преклонил колени перед крестом, и вознес молитву ему, и поклонялся ему, и целовал его множество раз, и выражал миру радость великую. А другой священник, подойдя, поднял посох огромный, отбросил первого силою и, рыдая, начал посохом наносить удары по кресту. Персеваль, узря это с удивлением огромным, молвил ему: «Сэр, как вижу я, вы совсем не священник. Почему творите вы мерзость великую?» Священник отвечал ему: «Сэр, не должно касаться тебя то, что мы делаем, так как не знаешь ты ничего о нас!» Не был бы он священником, Персеваль имел бы право сразиться с ним, но не было у него желания обижать священника»⁹.

Это отношение к кресту сильно напоминает обвинения, выдвинутые против тамплиеров в различных протоколах процессов инквизиции. Но оно напоминает также дуализм катарского учения, отрицающего крест, и гностическую философию; и то и другое распространяется здесь и на сам Грааль.

Если для Кретьена де Труа Грааль лишь неопределенный предмет из золота и драгоценных камней, а для Робера де

Борона — Чаша, в которую собрали кровь Христа, то в «Перлесваусе» он принимает совсем другие и очень любопытные размеры, заключая в себе идею тайны, относящуюся к Иисусу и приоткрытую лишь для небольшого числа людей. «Ты не должен раскрывать тайн Спасителя, — говорит священник Ивэину, — и тех, кому они были доверены, ты тоже должен скрывать»¹⁰. Следовательно, Грааль содержит тайну, каким-то образом связанную с Иисусом. И в природу этой тайны посвящены лишь избранные.

Когда Ивэйн в конце концов увидел Грааль, «ему показалось, что в центре Грааля он видит фигуру ребенка... Он поднял голову, и ему показалось, что он видит Грааль во плоти, и он посмотрел выше и увидел, как ему показалось, царя в короне, пригвожденного к кресту»¹¹.

А потом Грааль «появляется при освящении даров во время мессы, в пяти разных видах, о чем никто не должен рассказывать, ибо тайна причастия открывается только тому, кому Бог дает его. Король Артур узрел все превращения, и последнее превращение было в потир*»¹².

Короче, Грааль в «Перлесваусе» состоит из меняющейся последовательности обликов или видений. Первый из них — это коронованный царь на кресте. Второй — ребенок. Третий — мужчина в терновом венце: кровь стекает по лбу, ногам, ладоням, сочится из бока¹³. Четвертый образ не описан. Пятый — потир. В каждом случае явление сопровождается благоуханием и ярким светом.

Из текста видно, что Грааль в «Перлесваусе» воплощает одновременно несколько ипостасей. Кроме того, его можно интерпретировать на нескольких разных уровнях. На мирском уровне он может быть предметом — чашкой, миской или потиром. В метафорическом смысле он может оказаться генеалогическим древом или теми людьми, которые составляют эту родословную. Ясно, что Грааль — это некое переживание, вполне вероятно, гностическое озарение, превозносимое катарями и другими дуалистическими сектами того периода.

---

* Потир — большая чаша (церковн.).

ИСТОРИЯ, РАССКАЗАННАЯ ВОЛЬФРАМОМ ФОН ЭШЕНБАХОМ

Из всех романов, посвященных Граалю, самым известным и наиболее типичным по жанру, бесспорно, остается «Парцифаль», написанный между 1195 и 1216 годом. Его автор, Вольфрам фон Эшенбах, по происхождению был баварским рыцарем. Сначала нам казалось, что он родился слишком далеко от места действия своего героя, чтобы смочь приняться за роман со знанием дела. Но вскоре мы изменили свое мнение.

Действительно, сразу же по прочтении первых страниц отдаешь себе отчет в том, что это единственная достоверная версия истории о Граале. В противовес другим эта основана на информации из «первых рук» — от некоего Киота Провансальского, который, в свою очередь, получил ее от некоего Флегетаниса.

Вот цитата из текста Эшенбаха по этому поводу:

«Если бы кто-нибудь из вас еще недавно спросил меня об этом и рассердился по причине моего отказа ответить ему, открыть эти тайны, он заслужил бы серьезное порицание. По примеру Киота мне надо было их еще скрывать... Но теперь о них нужно рассказать.

Киот, известный мастер, нашел в Толедо среди брошенных рукописей основу этой истории, написанную по-арабски. Ему сначала пришлось научиться различать буквы: а, б, в (но он совсем не собирался посвящать себя черной магии)...

Один язычник по имени Флегетанис был очень уважаем за его ученость. Этот большой знаток природы происходил от Соломона; его родители принадлежали к одной израильской семье в очень давние времена, когда святое крещение еще не оберегало людей от адского огня. Это он написал историю Грааля. Флегетанис родился от отца-араба; он поклонялся тельцу...

Язычник Флегетанис умел предсказывать исчезновение каждой звезды и момент ее возвращения... Все земные события определяются движениями светил. Изучая созвездия, язычник Флегетанис открыл глубокие тайны, о которых он говорил с трепетом.

Он говорил, что существовал предмет, именуемый Граалем. Это имя он ясно прочитал по звездам. Войско ангелов положило его на землю. С тех пор о нем должны были заботиться люди, ставшие христианами и такие же чистые, как ангелы. И охранять Грааль призывались только люди, имеющие высокие заслуги.

Киот, мудрый учитель, искал тогда в латинских книгах, где мог жить народ достаточно чистый и в достаточной мере склонный к жизни отрешенной, чтобы стать хранителем Грааля. Он читал хроники королевства Бретань, Франции, Ирландии и многих других стран, пока в Анжу не нашел то, что искал. В очень правдивых книгах он прочел историю Мазадана. И нашел продолжение его рода»¹⁴.

Из многочисленных пунктов, которые требуют объяснения в этом отрывке, важно отметить четыре. Первый — это то, что история Грааля ассоциируется с семьей некоего Мазадана. Второй — важную роль играет здесь дом герцогов Анжуйских. Третий — то, что оригинальная версия, кажется, пришла через Пиренеи из мусульманской Испании, а точнее, из Толедо — важного центра иудейских и мусульманских эзотерических учений. Наконец, последний пункт, но не последний по значимости, состоит в том, что приключения Грааля имеют еврейское происхождение. Это неожиданно, ведь если Грааль, как мы видели, это христианская тайна, то почему она была передана посвященными-евреями и почему еврейские писатели имели доступ к христианским текстам, неизвестным самим христианам?

Очевидно, что этот текст поднимает первый и серьезный вопрос: кто такие Киот и Флегетанис? По этому поводу велись многочисленные споры; одни считали, что это вымышленные персонажи, другие — что они действительно существовали. Что касается нас, то в пользу наших исследований о тамплиерах мы выбираем вторую гипотезу, по крайней мере насчет Киота Прованского. В самом деле, по нашему мнению, речь почти наверняка идет о Гиоте Прованском, монахе и трубадуре, жившем в Провансе, который писал любовные песни, сатирические стихи, направленные против Церкви, и произведения во славу ордена Храма, одним из

глашатаев которого он являлся. К тому же известно, что в 1184 году по случаю праздника Святой Троицы он отправился в Майнц, где в этот день император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса посвящал своих сыновей в рыцари. На церемонии, конечно же, присутствовали поэты и трубадуры со всего христианского мира, и среди них не мог не быть Вольфрам фон Эшенбах, рыцарь Священной Римской империи. Человек большой культуры, он, по всей вероятности, встречался с поэтом Гиотом Прованским, который был счастлив побеседовать с таким достойным собеседником и, несомненно, доверил ему в символической форме кое-какие секретные сведения о Граале...

Что касается Флегетаниса, то все заставляет нас верить, что если Киот Прованский существовал в действительности, то и он тоже должен был существовать. В крайнем случае всегда можно думать, что либо Эшенбах, либо Гиот, либо оба вместе придумали его со всеми его характерными чертами, преследуя вполне определенную цель.

В своей истории о Граале Вольфрам фон Эшенбах важное место отводит тамплиерам, ибо они являются хранителями Грааля и его семейства. Конечно, здесь вполне может иметь место вольное обращение поэтов той эпохи с хронологией, но не следует забывать о том, что и «Перлесаус» содержал много намеков на тамплиеров. Было бы очень удивительно, если бы автор «Перлесауса» и автор «Парцифалья» были оба виноваты в одном и том же несоблюдении хронологии; зато более вероятно то, что, приобщая так явно орден Храма к тайнам Грааля, они оба пытались заставить нас что-то понять. Ведь если тамплиеры были представлены как хранители Грааля, то это значит, что Грааль существовал не только во время короля Артура, но и в эпоху крестовых походов, когда были написаны романы. Следовательно, Грааль не принадлежал только прошлому. Он был также частью современной действительности, и именно это сообщение было общим для обоих романов.

Как мы видим, фон в поэме Эшенбаха имеет очень большое значение, и роль тамплиеров, так же как и личности Киота и Флегетаниса могли бы — по крайней мере, мы на это надеялись — прояснить тайну Грааля. Но, к сожалению,

ничего полезного в тексте «Парцифалья» на этот счет мы не нашли. Автор утверждает, описывает, но в конечном счете никогда ничего не объясняет. Он довольствуется тем, что настаивает на серьезности своего произведения, являющегося неким подобием «посвященческого документа» в сравнении с фантастической сказкой, придуманной Кретьеном де Труа. Тайны Грааля, открыто напоминает Вольфрам, скрывают различные явления действительности, спрятанные за внешними проявлениями. Нужно уметь читать между строк, ибо то, что там скрывается, может иметь серьезные последствия. Но нужно также быть достойным этого, ибо Грааль открывается не всем. Это — тайна, и он должен оставаться тайной, «ибо никто не может найти Грааль, не будучи так любим Небесами, что они сверху указывают на него, чтобы принять в свое окружение»¹⁵.

Его охраняют те, «на кого указал сам Бог»¹⁶. Что же такое Грааль для Вольфрама фон Эшенбаха? Во-первых, и в особенности, это таинственный предмет, едва замеченный Кретьеном де Труа:

«Она [королева из семьи Грааль] была одета в аравийские шелка. На зеленом бархате она несла такой величественный предмет, равного которому не нашлось бы даже в Раю, совершенную вещь, к которой нечего было прибавить и которая одновременно являлась корнем и цветком. Этот предмет называли Граалем. Не было на земле такой вещи, которую бы он не превосходил. Дама, которой сам Грааль поручил нести себя, звалась Репанс де Шой [Repanse de Schoye — «Не знающая гнева»]. Природа Грааля была такова, что тот, кто о нем заботился, должен был быть человеком совершенной чистоты и воздерживаться от всякой вероломной мысли»¹⁷.

Затем он становится неким подобием рога изобилия, заключающим в себе все счастье и все радости мира:

«Сто пажей получили приказ явиться с почтением к Граалю и собирать хлеб, который они затем уносили, завернув в белые салфетки. Мне рассказали, и я повторяю вам, что у Грааля сотрапезники находили все ку-

шанья, какие они могли только пожелать, готовые совершенно к употреблению.

Но, скажут мне те, кто меня слушает, никогда на земле не было видано ничего подобного. Не нужно ни в чем сомневаться. Ибо Грааль — это цветок всякого счастья; он приносит на землю такую полноту благоденствий, что его заслуги были почти равны тем, какие можно увидеть лишь в Царствии Небесном»¹⁸.

И здесь все еще речь идет о земном, материальном предмете без специфической власти. Но позже Парцифаль услышит из уст своего дяди-отшельника совершенно иное определение Грааля, несущее в себе отзвук гностической мысли:

«Доблестные рыцари живут в замке Мунсальвеш, где охраняют Грааль. Это тамплиеры, которые часто уезжают в далекие края на поиски приключений. Каков бы ни был исход их битв, слава или унижение, они принимают его с открытым сердцем, как искупление их грехов. Все, чем они кормятся, приходит к ним от драгоценного камня, сущность которого — чистота. Его называют «*lapsit exillis*». Это благодаря камню Феникс сжигает себя и становится пеплом; это благодаря камню Феникс линяет, чтобы затем вновь появиться во всем своем блеске, прекрасным, как никогда. Нет такого больного, который перед этим камнем не получил бы гарантию избежать смерти в течение всей недели после того дня, когда он его увидел. Кто видит его, тот перестает стареть. Начиная с дня, когда камень появился перед ними, все мужчины и женщины принимают тот вид, какой они имели в расцвете своих сил. Этот камень дает человеку такую мощь, что его кости и плоть тут же находят вновь свою молодость. Он тоже называется Граалем»¹⁹.

Итак, Грааль стал камнем, и его интерпретации имели очень много более или менее достоверных толкований слов «*lapsit exillis*». Действительно, в нем можно увидеть «*lapis ex caelis*» («камень, пришедший с небес»), «*lapsit ex caelis*» («упавший с небес»), «*lapis lapsus ex caelus*» («камень, упавший с небес»), и, наконец, «*lapis elixir*», знаменитый и сказочный философский камень алхимиков²⁰. В самом деле,

весь этот отрывок, как и роман Эшенбаха в целом, кишит алхимическими символами. Например, Феникс хорошо известен как знак возрождения, а в средневековой иконографии он — эмблема умершего и воскресшего Иисуса.

Камень... Иисус... Не в первый раз мы встречаем эту двойную аллегория. Петр — ученик, Петр — скала, на которой Иисус воздвиг свою Церковь. Наконец, камень — это сам Иисус, «камень, который отвергли строители», отброшенный камень, основа Храма, скала Сион... И, будучи «основана на скале», королевская традиция, равная царствующим династиям Европы, появилась на свет с Готфридом Бульонским.

Однако в дальнейшем камень заменяется распятием, затем появляется Магдалина, скрывающаяся за символом голубки:

«Сегодня Страстная Пятница; это день, когда можно увидеть голубку, плавно спускающуюся с неба; она несет маленькую белую просфору и кладет ее на камень. Каждую Страстную Пятницу приносит она священный предмет, который дает камню силу доставлять самые лучшие напитки и яства, аромат которых когда-либо распространялся в этом мире. Кроме того, камень достает для его хранителей различную дичь. Это доход, который благодаря своим тайным силам Грааль доставляет рыцарственному братству»²¹.

Наконец, за этой таинственной и необыкновенной когортой следуют те, кого Грааль призывает к себе на службу:

«Что касается тех, кто призван предстать перед Граалем, я хочу сказать вам, как их узнать. На краю камня появляется таинственная надпись, которая называет имя и род тех, кто, будь то юноша или девушка, предназначены свершить это блаженное путешествие. Счастлива мать, произведшая на свет ребенка, коему судьбой назначено однажды послужить Граалю! Бедные и богатые радуются одинаково, когда им сообщают, что им надлежит послать детей своих в ряды святого воинства; с тех пор и навсегда они защищены от греховных мыслей, которые рождают стыд, и они получают на небесах чудесное вознаграждение»²².

Так как хранителями Грааля являются тамплиеры, соответственно, его владельцы являются членами особенного семейства с многочисленными ветвями, рассеянными по всему миру. Некоторые из них даже не знают, кто они такие на самом деле. Одна из этих ветвей живет в замке Грааля, Мунсальвеше, в будущем — легендарной крепости катаров Монсальва, у которой была та же роковая судьба, что и у замка Монсегюр²³. Этот замок был населен загадочными личностями. Здесь жили Репанс де Шой, хранительница и носительница Грааля, и Анфортас, король-рыбак, как и у Кретьена де Труа — дядя Парцифалья, владелец этих мест, имеющий такую рану, что не может ни родить, ни умереть. И когда в конце поэмы проклятие будет снято, наследником замка Грааля станет Парцифаль.

Служители Грааля также должны быть посвящены в некую тайну; иногда их посылают в мир, чтобы действовать во имя его, а в будущем занять трон, ибо Грааль обладает властью создавать королей:

«Счастливую долю часто дарует рыцарям Грааль: они помогают другим, и им самим помогает судьба. Они принимают в свой замок молодых людей, красивых лицом и происходящих из знатного рода. Иногда какое-нибудь королевство оказывается без хозяина; если народ этого королевства подчиняется Богу и если он желает иметь короля, выбранного из войска Грааля, его желание выполняется. Нужно, чтобы народ почитал таким образом выбранного короля, ибо его защищает благословение Божье»²⁴.

В другом месте, похоже, указывается, что в прошлом семейство Грааль навлекло на себя божественный гнев, и намек на «гнев Божий по отношению к ним» вызывает в памяти множество текстов, написанных в Средние века о евреях. Он также вызывает в памяти таинственную работу, неотделимую от имени Никола Фламеля: «Священная Книга Авраама, Иудея, Принца, Священника, Левита, Астролога и Философа иудейского племени, которое вследствие гнева Божьего было рассеяно среди галлов». Флегетанис, предпо-

лагаемый автор оригинального рассказа о Граале, был, если верить Эшенбаху, потомком Соломона. В таком случае вполне может быть, что семейство Грааль имело еврейское происхождение.

Было ли оно проклято в прошлом или нет, во времена Парцифалья оно открыто наслаждается божественной милостью и очень большой властью. Однако оно не должно открывать свою личность: «Бог отправляет своих избранных тайно»²⁵.

Как правило, женщины могут раскрывать свое происхождение, но мужчинам это абсолютно запрещено, и они даже не должны разрешать ни одного вопроса на этот счет. Это важная деталь, так как Вольфрам фон Эшенбах возвращается к ней в конце своей поэмы:

«На Граале появилась надпись. Она гласила: если когда-либо Бог укажет на одного из тамплиеров, чтобы он стал царем другого народа, то этот рыцарь должен будет потребовать, чтобы никто не пытался узнать ни его имени, ни из какой семьи он происходит. Как только ему зададут подобный вопрос, он уйдет и не вернется»²⁶.

Все это, естественно, приводит нас к Лоэнгрину, сыну Парцифалья, уехавшему от своих подданных на колеснице, запряженной лебедями, когда его жена спросила о его происхождении. Снова вопрос: какова же все-таки причина подобной секретности? Почему такая тайна вокруг семьи Грааль? Потому что она еврейского происхождения? Но разве это объяснение? Действительно, история Лоэнгринна может заставить думать так, ведь у него есть разные имена. В некоторых версиях его называют Гелиосом, но в других — Илией или Эли²⁷, а это несомненно еврейское имя.

В романе Робера де Борона, так же как и в «Перлесваусе», Персеваль принадлежит к священному еврейскому роду Иосифа Аримафейского. В романе Вольфрама фон Эшенбаха эти детали второстепенны. Парцифаль действительно приходится племянником королю-рыбаку и тем самым связан кровными узами с семейством Грааль. И хотя он не взял в жены никого из этого семейства, так как уже женат, он

все-таки наследует замок Грааль и становится его новым лордом. Но для Вольфрама фон Эшенбаха происхождение героя менее важно, чем средства, использованные для того, чтобы показать себя достойным его. Прежде всего, Персеваль должен подчиниться требованиям своего рода — обстоятельство, представляющееся крайне важным для поэта.

Ибо все внимание Вольфрама фон Эшенбаха уделяется этой семье, роду Грааль. Он придает ему особое значение. Грааль становится центральной темой «Парцифалья» и других произведений Вольфрама, захватывая весь его интерес, все его заботы. Причем хранители Грааля и их генеалогия в его глазах имеют большее значение, чем доверенный им таинственный предмет.

Сначала не так уж и трудно набросать генеалогическое древо. Герой — племянник короля-рыбака Анфортаса, владельца замка Грааль, который, в свою очередь, является сыном Фримутеля и внуком Титуреля. Затем род запутывается. Он, возможно, восходит к некоему Лазильезу, быть может, Аазарю из Нового Завета, брату Марфы и Марии. Что касается родителей Лазильеза, предков семьи Грааль, то их зовут Мазадан и Теределашой — немецкий эквивалент французского выражения «*terre choisie*»*. Зато происхождение Мазадана более неясно. Быть может, его имя происходит от зороастрийского Ахурамазды — дуалистического начала света, но его фонетика может также вызвать в памяти Мазаду — бастион еврейского сопротивления римскому завоеванию в 68 году нашей эры.

К сожалению, имена членов семьи Грааль не могут сообщить нам ничего в плане историческом. Нам уже давно известен главный «ориентир» этого рода в лице Готфрида Бульонского, но о его предках, реальных или вымышленных, хранивших свое происхождение в строгом секрете, мы не знаем ничего. Как мы уже сказали, по Вольфраму фон Эшенбаху, Киот Прованский нашел рассказ о Граале в архивах дома герцогов Анжуйских, и в жилах самого Парцифалья текла анжуйская кровь. А Анжуйский дом, как мы

---

* *Terre choisie* — избранная земля (фр.).

помним, был тесно связан с тамплиерами и Святой землей. Фальк Анжуйский станет тамплиером (частично, по крайней мере), затем, в 1131 году, женившись на легендарной Мелузине, племяннице Готфрида Бульонского, он станет королем Иерусалима. Наконец, согласно «документам Приората», владельцы Анжу — Плантагенеты — были связаны с меровингским родом, и их имя, возможно, было отзвуком имени «Плантар».

Конечно, эти связи очень непрочны, но ими тем не менее нельзя пренебрегать, ведь Вольфрам фон Эшенбах переносит действие своей поэмы во Францию, а двор Артура, Камелот, в противовес некоторым будущим летописцам помещает в Нанте, на западной границе старого меровингского королевства в самом цвете его славы²⁸.

В одной из рукописей Кретьена де Труа Персеваль, напротив, заявляет, что родился в «Скаудоне» или «Синадоне», в горной местности. Согласно Вольфраму фон Эшенбаху, герой явился из «Валейса». Очень соблазнительно было бы отождествить (и вскоре это было сделано) Валейс (Waleis) с Уэльсом (Wales), а Синадон со Сноудоном. Но как объяснить тогда, что в различных романах о Граале персонажи курсируют между Валейсом и двором Артура в Нанте и другими областями Франции, не пересекая нигде никакого водного пространства и слыша повсюду один и тот же язык? Это пренебрежение со стороны многих авторов или просто ложный путь, ибо Валейс не соотносится с Уэльсом?

Не имеем ли мы дело с названием «Валуа» (Valois), регионом старой Франции на левом берегу Уазы? Но Валуа имеет в основном плоскую поверхность, несравнимую с описаниями Вольфрама, и поэтому на нем не следует серьезно настаивать. Тогда, после многочисленных поисков на ощупь, Валейс был помещен в горном районе, подходящем под все описания. Это Вале (Valais) в Швейцарии, на берегу Женевского озера, к востоку от Женевы. Что касается Синадона, то это был Сидоненсис, древняя столица Вале, современное название которой звучит не иначе, как... Сьон.

Таким образом, следуя Вольфраму, можно установить, что двор Артура находился в Бретани, в районе Нанта, и

что Парцифаль мог родиться в Швейцарии. Ну а семья Грааль? А замок?

Вольфрам фон Эшенбах ответил на оба вопроса в очень важном своем произведении, не законченном при жизни, — «Младший Титурель», в которое он вносит множество уточнений по поводу генеалогии Грааля и размеров, материалов, конфигурации его замка, например часовни, круглой, как часовня тамплиеров. А замок расположен в Пиренеях.

Наконец, одна из последних поэм Вольфрама, также незаконченная, «Виллехальм» («Willehalm»), посвящена Гиллему де Желлону, меровингскому главе маленького княжества близ Пиренеев. В ней он приобщен к семейству Грааль²⁹ и, единственный из всех персонажей поэмы, может быть идентифицирован в историческом плане. Но даже по отношению к персонажам неисторическим Вольфрам фон Эшенбах показывает себя удивительно точным. В данном случае, похоже, он ссылается на нескольких реальных, а не мифических или вымышленных индивидуумов, на семью, существовавшую в действительности и, что вполне естественно, собравшуюся вокруг Гиллема де Желлона. «Парцифаль» был признанием того, что автор кое-что скрывает. По нашему мнению, мы имеем дело не с простым романом, а с произведением «посвященческим», располагающим некоторыми тайнами, раскрыть которые должен суметь читатель.

ГРААЛЬ И КАББАЛА

Итак, для Вольфрама фон Эшенбаха, еще более, чем для анонимного автора «Перлесвауса», Грааль определяется как символ внутреннего опыта, состояния бытия и сознания, включая в себя поиск и превращение, озарение, мистическую связь. Здесь можно говорить о посвященческом действии и, перенеся его в гностический контекст, который ему, естественно, присущ, увидеть в нем специфическое выражение каббалистической мысли. В ту эпоху, когда появились на свет романы о Граале, она уже была широко распространена. В Толедо, где Киот Прованский услышал историю о Граале, имелся знаменитый центр по изучению Каббалы;

имелись и другие центры в Жероне, Монпелье и в различных других городах юга Франции. Но еще один — и это крайне важная деталь — имелся в Труа в 1070 году, во времена Готфрида Бульонского, и управлял им Раши, самый знаменитый средневековый каббалист.

Так как в пределах этой главы невозможно подробно рассказать содержание Каббалы, удовольствуемся тем, что определим ее связи с романами, посвященными Граалю.

Скажем лишь несколько слов, чтобы коротко напомнить, что Каббала — это специфическое еврейское эзотерическое и символическое толкование библейских текстов. Но на языке оккультизма этот термин стал синонимом метафизического действия, мистического опыта, в ходе которого сознание подвергается циклу испытаний и превращений, действия, которое можно найти также в индийских религиях, буддизме и даоизме, например в некоторых формах йоги и дзен.

Каббалистический опыт включает серию ритуалов, которые поэтапно ведут посвященного к более высокому уровню сознания и знания. Эти этапы могут быть по-разному воспроизведены, но они скрывают одну и ту же единственную реальность. Так, «Тиферет» — степень этого посвященного действия, когда индивидуум, покидая мир форм, проникает в мир абстракций, возвышается над своим «я», выражаясь современным языком. Убивая свое «я», жертвуя им в какой-то степени, он превосходит свою личность, чтобы возродиться в другом мире, в мире совершенных гармонии и единения. Христианская адаптация каббалистической науки ассоциирует этот «Тиферет» с личностью Иисуса.

Во времена Средневековья многие специфические символы были связаны со степенью «Тиферет» каббалистического посвящения. Среди них фигурируют отшельник, проводник или старый мудрец, король, ребенок, принесенный в жертву бог³⁰, к которым позже добавятся усеченная пирамида, куб, красный крест. Бесплезно уточнять явные связи, существующие между этими аллегорическими знаками и романами о Граале. Например, старый и мудрый отшельник, дядя Парцифаля (Персеваля) и его духовный проводник; куб — возможный «камень» фон Эшенбаха; и особенно, как

бы за различными проявлениями Грааля в «Перлесваусе», последовательные этапы посвящения в степень «Тиферет».

Таким образом, можно видеть, что Грааль и Каббала сближаются в одном и том же индивидуальном действии, стремящемся к совершенству. Грааль, вначале являющийся христианским символом, мало-помалу превратился в символ еврейский³¹.

ИГРА СЛОВ

Таким образом, мы могли идентифицировать эмпирическую сторону Грааля и связать его с Каббалой. Это добавляет еще один кажущийся неуместным иудейский элемент к предположительно христианской природе Грааля. Но какими бы ни были эмпирические аспекты Грааля, существовали и другие точки зрения, которые мы не могли игнорировать и которые имели первостепенное значение в нашем повествовании. Это исторические и генеалогические аспекты.

Снова и снова романы о Граале сталкивают нас с картинами земного, а не мистического характера. Снова и снова юный рыцарь после испытаний посвящается в тайну исключительной важности. Эта тайна охраняема неким орденом, очевидно рыцарским. Опять и опять тайна связана с некоей семьей. Снова и снова герой — благодаря брачным узам, или собственной родословной, или тому и другому — становится обладателем Грааля и всего, что связано с ним. По крайней мере на этом уровне мы имели дело с чем-то имеющим конкретный, исторический характер. Можно стать хозяином замка или группы людей. Можно стать наследником определенных земель или даже определенных традиций. Но нельзя стать хозяином или наследником какого-либо события.

Мы не знали, имеет ли значение то, что романы о Граале при пристальном рассмотрении роковым образом основаны на вопросах генеалогии, происхождения, наследства и наследования. Имеет ли отношение к делу то, что генеалогия в определенных ключевых моментах включает те личности, которые выступают на передний план в наших расследова-

ниях, например дом герцогов Анжуйских, Гиллема де Желлона и Готфрида Бульонского? Имеет ли тайна Ренн-ле-Шато и Приората Сиона какое-то отношение к таинственному предмету, называемому Святым Граалем? Может быть, мы шли по следам Парцифалья в современных поисках Грааля?

Имеющиеся свидетельства показывали, что это вполне возможно. Существовало важное доказательство, склонявшее чашу весов в пользу такого вывода. Во многих ранних рукописях Грааль называют Санграаль. В романе Мэлори, написанном позже, это Сангреаль. Вероятно, какая-то из этих форм — Санграаль или Сангреаль — являлась первоначальной. Вполне вероятно, что слово было впоследствии разделено в неправильном месте. То есть Санграаль или Сангреаль можно разделить не на Сан Грааль или Сан Греаль, а на Санг Рааль (Sang Raal) или Санг Реаль (Sang Réal). Или, согласно современному правописанию, Sang Royal — «царская кровь».

Сама по себе эта игра слов наводит на размышления, но едва ли убеждает. Однако если сделать акцент на генеалогию, можно прийти к определенным выводам. Традиционные ассоциации — Чаша, в которую капала кровь Иисуса, — укрепляют это предположение. Очевидно, что Грааль связан каким-то образом с кровью и родословной.

Конечно, это вызывает вполне конкретные вопросы. Чья кровь? И чья родословная?

ПОТЕРЯННЫЕ КОРОЛИ И ГРААЛЬ

В одно время с романами о Граале во Франции и в Германии конца XII — начала XIII века появлялись и другие произведения, ставшие такими же знаменитыми. Таковы «Тристан и Изольда» — шедевр великого эльзасского поэта Готфрида Страсбургского, «Эрек и Энида» Кретьена де Труа, куртуазные романы Хартмана фон Ауэ, которые, не будучи явно посвящены Граалю, развивались в одно и то же историко-мифическое время, ибо в разной степени в них затрагивается тема короля Артура. А Артур, как мы знаем, жил

в конце V — начале VI века, то есть в расцвет меровингской эпохи, и был современником Хлодвига, который находился тогда на вершине славы. Он разделял с королевским родом одинаковое имя «Урсус» — «Медведь», а вместе с ним, быть может, часть тех сил, которые ему приписывались.

Но эпоха Меровингов — фон романтических циклов, посвященных Артуру и Граалю, — послужила также декорацией к литературе, вдохновленной разными другими событиями, например написанной во времена Крестовых походов.

Это случай знаменитого немецкого эпоса «Песнь о нибелунгах», в котором в XIX веке Вагнер черпал вдохновение для своей великой оперной тетралогии «Кольцо нибелунга». Как всегда, мифы и легенды в ней сплетаются с историей. Небезынтересно вспомнить, что слово «нибелунг» обозначало германское племя, жившее в конце эпохи Меровингов, и что некоторые имена «Песни о нибелунгах» — Зигфрид, Брюнхильда, Кримхильда или Зиглинда — подлинно меровингские. Так же, как и многочисленные эпизоды немецкой поэмы относятся к событиям, происходившим во времена Меровингов.

Все наводит на мысль о том, что эта эпоха обладала прямо-таки чарующим воздействием на воображение XII и XIII веков. Во-первых, поэтическая привлекательность бесчисленных великолепных легенд, хлынувших одновременно из всех земель Европы, но также и привлекательность исторических подробностей, содержащихся в них. Таковы «Поиски Святого Грааля», написанные между 1215 и 1230 годом, события которых явно относились к тому, что происходило 454 года спустя после воскресения Иисуса³². Ведь если Иисус умер в 33 году нашей эры, следовательно, сага о Граале должна разворачиваться в 487 году, в самом начале меровингской эпопеи и за девять лет до крещения Хлодвига.

Кроме того, вспомним, что Вольфрам фон Эшенбах и все остальные романы о Граале располагали двор короля Артура в Нанте, а не в Англии, как мы довольно долго думали, и действие его поэмы разворачивается в пределах Галлии. Примем во внимание, наконец, что все средневековые предания рассказывали о том, что Магдалина привезла Грааль

из Иерусалима в Марсель, город, который тоже расположен в Галлии.

Так, без всякого риска ошибиться, мы могли бы поместить события, поведенные романами о Граале, во времена Меровингов и в Галлию, на континенте, а не в Англии, как утверждали многочисленные комментаторы этих романов³³. Быть может, уже тогда сам Грааль, «царская кровь», был связан с королевской кровью меровингской династии, кровью, которую считали священной и наделенной магической и чудодейственной властью.

Быть может также, романы о Граале в символической или аллегорической форме рассказывали об определенных событиях меровингской эпохи, о которых мы узнавали в ходе нашего расследования. Например, очень древняя свадьба, после которой родилась легенда о двойном происхождении Меровея. Или история семьи Грааль, символизирующая тайное выживание меровингского потомства, королей, «потерянных» в горах и пещерах Разеса. Или их изгнание в Англию около конца IX — начала X века. Или эти тайные династические браки, благодаря которым меровингская лоза, как и древо Грааля, расцветет пышным цветом в Готфриде Бульонском или в Лотарингском доме. «Медведь» Артур был случайно нарисован в виде кельтского или галло-римского вождя, на самом же деле он был «Урсусом», а авторы романов о Граале завладели легендарным и героическим Артуром из хроник Гальфрида Монмутского, чтобы сделать его проводником некоего предания, совсем другого по смыслу и очень секретного. Если так, то все могло принять новое значение, объясняющее, например, что тамплиеры, названные Приоратом Сиона хранителями меровингского потомства, были объявлены хранителями Грааля и его семьи. Действительно, если семья Грааль и меровингское потомство совпадали во времени и пространстве, то не было ничего удивительного в том, что тамплиеры охраняли ее в эпоху, когда создавались посвященные Граалю романы, и в их присутствии, следовательно, не было ничего анахронического.

Соблазнительные гипотезы, в которых феерия легенд сплеталась с исторической действительностью, в которых

потомство Грааля сливалось в одну и ту же единственную ветвь с потомством Меровея. Да, но...

Если действие романов о Граале разворачивалось в меровингскую эпоху, то они, как мы уже видели, были связаны с Иисусом, Иосифом Аримафейским и Магдалиной. Даже очень тесно связаны, раз Робер де Борон видел в Галааде сына Иосифа Аримафейского и раз «Поиски Святого Грааля» называли его, как и Иисуса, потомком царя Давида. Впрочем, для многих средневековых писателей имя Галаада было производным от Гилеада, мистического наименования Иисуса³⁴.

Если Грааль должен быть идентифицирован с меровингским родом, то как он связан с Иисусом? Как примирить две связи, отдаленные друг от друга четырьмя долгими столетиями и множеством различий? Какая нить может привязывать Грааль, с одной стороны, к эпохе Меровингов, а с другой — к приезду в Галлию Магдалины, привезшей с собой таинственный сосуд?

Если, как говорит предание, в этом сосуде находилась кровь распятого Христа, то почему и каким образом надо было приобщать ее к Меровингской династии именно в эпоху Крестовых походов, в момент, когда она носила на голове венец королевства Иерусалимского, защищаемая орденом Храма и Приоратом Сиона?

Кровь Иисуса и кровь Меровингов... На каком неизвестном уровне находится их связь? Явно очень удаленные одна от другой во времени, пространстве и историческом контексте, они где-то соединялись, сталкивались или совпадали. Пока мы на этот вопрос ответить не могли. Однако кое-что общее между ними существовало. В этом мы были почти уверены.

НЕОБХОДИМОСТЬ СИНТЕЗА

Почему так случилось, что мы стали первыми, кто произвел синтез этих трудноустановимых связей между личностями, датами и несчетным количеством фактов, принадлежащих то ли мифам, то ли реальности, то ли и тому и другому? Раз-

личные элементы этого огромного целого существовали в течение столетий, они были более или менее хрупкими или явными и всегда рассеянными по разным культурным и географическим областям, однако никто, насколько мы знаем, не догадался собрать их в связное целое. Почему вдруг такой прокол?

Ответ, видимо, нужно искать в нашем с вами времени, в моделях поведения и образе мыслей, характерных для него. Начиная с XVIII века, с эпохи Просвещения, западная культура и сознание отмечены больше аналитическим духом, чем синтетическим. Это и есть причина того, что сегодня мы видим безжалостное расслоение знаний по понятиям «отдельных дисциплин» и «узкой специализации». Это знак нашего времени, проявляющийся во всех областях — культурной или научной, школьной или университетской.

Литературная традиция следует тем же законам. Она разгорожена на строго отдельные сферы, на закрытые области, четко определенные «специалистами», «экспертами», склонными обрабатывать свою собственную территорию, бросая лишь подозрительный или презрительный взгляд на участок своего соседа. Межнаучный поиск для них не существует, эклектика тоже, и они совершенно сознательно отказываются от мысли поискать в другом месте недостающую частичку знания.

Работы, посвященные изучению Грааля, многочисленны, серьезны и замечательны в своем разнообразии, и этот источник, кажется, еще не иссяк. Также многочисленны, серьезны и увлекательны работы, посвященные тамплиерам и Крестовым походам. Однако в первом случае специалисты-неисторики не думали о том, чтобы искать в эпопее крестоносцев возможные литературные последствия; во втором — историки, приверженные больше к событиям, описанным на бумаге, чем к устным преданиям, являющимся источником всех легенд, отбрасывали романы о Граале, мифы, сказки, символические интерпретации, обыкновенные плоды мечты и воображения, а следовательно, бесполезные для точной науки. Искать историческую правду в романах о Граале? Ересь!.. И тем не менее разве каких-нибудь

сто лет назад Шлиман не нашел Трои благодаря старательному изучению текстов Гомера?

Правда, несколько попыток все же было сделано, чтобы придать правдоподобие легендам, приписывающим тамплиерам роль мистических хранителей некоего неопределенного Грааля. Но ни одно серьезное доказательство не привело к серьезным выводам. Тамплиеры были исторической реальностью, Грааль принадлежал к области фантастики, поэтому они были априори и надолго несовместимы.

Подобное отношение XIX и XX веков, вполне вероятно, было таким же, как и во времена Средневековья. Действительно, плохо представляется специалист XII века, черпающий свои доказательства из многочисленных романов о Граале, так же как сегодня не известен ни один летописец меровингской эпохи, упомянувший легенды из «артуровского» цикла, которые наверняка были бы ему чем-нибудь полезны.

Все эти размышления точно так же применимы к изучению Библии. Последующие века исследовали, разобрали, разложили на части, разрушили, а потом восстановили, определили тем или иным образом личность Иисуса в историческом контексте Нового Завета. Но никто никогда не вспомнил по этому поводу Грааль. Один принадлежал к истории религий и находился на Ближнем Востоке; другой, сочиненный в Западной Европе спустя более тысячи лет, вырос на фантастической поэзии. И поэтому не следовало объяснять одно другим.

Но почерпнутые из различных культурных наследий многочисленные примеры засвидетельствуют узость и ограниченность подобного интеллектуального отношения. Действительно, начиная с Гомера, с древних ирландских саг, запечатлевших переход от матриархата к патриархату, и до «Войны и мира» Толстого многочисленные произведения доказывают, что роман, как и легенда, может быть источником точных знаний. Никакой материал не должен быть отброшен априори, и в том, что касается поисков, нужно принимать все открытия, представлять все возможности, стараться хоть как-нибудь, даже если это явно невозможно,

сопоставлять события, даты, личности и реальности всякого рода.

В особом случае, каковым является наше исследование, рамками которого была целая западная цивилизация, а эпохой — тысячелетия, тем более надо было не колеблясь перемануть из III века в XII, а потом в XX век или же искать связь, существующую между такими разными документами, как тексты Нового Завета, романы о Граале, меровингские хроники и сочинения масонов. Таким образом, мы должны были открыть, что вторые проясняли первые, а в особенности — жизнь и личность Иисуса.

Пусть нас простят специалисты, но исторический факт сам по себе не является достаточным. Его корни уходят в глубокое прошлое, его ответвления простираются далеко во времени и в пространстве, причем проявляются иногда в неожиданных формах, например в виде мифа или легенды. Осмелимся сравнить эти факты с камнями, брошенными в огромный океан истории: они исчезают в глубине, и только движущиеся круги, расширяясь на поверхности, отмечают место, куда эти камни упали.

С нашей стороны, мы посмотрели, как образуются и разглаживаются эти многочисленные круги на поверхности истории; теперь надо было найти камень, покоящийся более двух тысячелетий в глубине вод.

ГИПОТЕЗА

Как мы знаем из средневековых легенд, Магдалина приехала в Галлию, привезя вместе с собой Святой Грааль, или «царскую кровь». Тесно связанный с образом Иисуса, этот Грааль, вероятно, был очень близко связан с неким потомством. Он вдохновил авторов многочисленных романов, действие которых было помещено в эпоху Меровингов. Но все они были написаны после Готфрида Бульонского, мнимого «отпрыска» семьи Грааль, но реального — меровингского рода, взошедшего на трон Иерусалима, не имея королевского титула.

Если бы речь шла о любой исторической личности, кроме

Иисуса, то мы, без сомнения, не колеблясь и без обиняков сформулировали бы выводы, спровоцированные этими последовательными размышлениями. Но речь шла об Иисусе, и наше взрывоопасное заключение не преминуло бы накалить страсти. В этих условиях более мудрым было представить его как простую гипотезу. Вот она.

Магдалина, таинственная личность из Евангелия, была в действительности женой Иисуса. У них был ребенок или несколько детей, и после распятия Магдалина тайно добралась до Галлии, где, как ей было известно, она могла найти убежище в одной из еврейских общин, обосновавшихся на юге страны. Таким образом, прямое потомство Иисуса пустило свои корни в Галлии, ибо Магдалина привезла с собой детей или ребенка, и эта в высшей степени «царская кровь» в самой строгой тайне непрерывно воспроизводилась потомством в течение почти четырехсот лет — нормальный промежуток времени для высокого рода. Последовали многочисленные династические браки с другими еврейскими семьями, а также с римлянами и вестготами. В V веке потомство Иисуса, слившись с франками, породило династию Меровингов.

Если все эти предположения, являющиеся, напомним, простыми гипотезами, оказались бы точными, то получили бы свое объяснение многие моменты нашего исследования. Это поклонение, объектом которого во времена Крестовых походов стала личность Магдалины, и исключительный статус, предоставленный меровингским королям. Это рождение легендарного Меровея, сына морского существа «из моря», символом которого, как и у Иисуса, могла быть сакральная рыба. Это пакт между Римской церковью и потомками Хлодвига, в действительности происходящими от Иисуса, — идеальный договор для Церкви, возведенной на Его имени. Это реабилитация Дагоберта II после его убийства, когда Церковь стала сообщницей не только цареубийства, но и некоей формы богоубийства. Это ярость, с которой пытались стереть имя Дагоберта со страниц истории, а потом — ярость, с какой Каролинги пытались узаконить себя как императоров Священной Римской империи, сливаясь с Меровингской династией.

Потомство Иисуса, продолжающееся в Дагоберте, могло также объяснить и существование семьи Грааль с ее загадочным ореолом тайны, короля-рыбака, бессильного и не способного править, и, наконец, Персеваля как наследника замка Грааль. Одновременно это потомство объясняло мистическое происхождение Готфрида Бульонского, сына или внука Лоэнгрина, который, в свою очередь, был внуком или правнуком Персеваля, то есть членом семьи Грааль. А если Готфрид Бульонский происходил от Иисуса, то взятие им Иерусалима в 1099 году было чем-то большим, нежели просто победа над неверными, оно принимало совсем другое значение: вся эта война объяснялась тогда желанием отвоевать священное наследство.

Кроме того, многочисленные намеки на виноградарство, встреченные в ходе нашего исследования, — символ различных династических союзов, — тоже принимали смысл продолжения потомства Иисуса, часто отождествляемого, причем даже им самим, с виноградной лозой. Эту гипотезу подтвердило бы и новое открытие: резная дверь, представляющая Иисуса в виде лозы винограда. А дверь эта находится в Швейцарии, в Сьоне...

Итак, как мы видим, наш сценарий не был лишен ни связности, ни интереса. Но, несмотря ни на что, мы угадывали в нем какую-то хрупкость, слабость в структуре, мешающую ему выразить себя со всей желательной нам силой. Мы чувствовали, что нашим доказательствам, чтобы им быть до конца убедительными, не хватало какого-то неопровержимого аргумента, который помог бы нам разрешить необъяснимые детали, сомнения, вопросы. Только тогда мы смогли бы твердо и определенно остановиться на этой гипотезе и представить ее на всеобщее рассмотрение.

В этой перспективе нам теперь надо открыть и просмотреть Евангелие, тщательно изучить весь исторический контекст Нового Завета и писания отцов Церкви.

КОРОЛЬ-СВЯЩЕННИК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПРАВИЛ

Большинство сегодня говорят о христианстве так, словно оно представляет собой логически последовательное, однородное единое целое. Нет необходимости утверждать, что это не так. Как всем известно, есть разные формы христианства — например, римский католицизм или англиканская церковь, основанная Генрихом VIII. Есть разные названия для протестантизма — от первоначального лютеранства и кальвинизма XVI века до таких сравнительно недавних течений, как унитаризм. Есть множество маргинальных, евангелических конгрегаций, таких, как адвентисты седьмого дня и свидетели Иеговы. И есть современные секты и культы, такие, как Дети Бога и Объединенная Церковь Почитателей Луны. Если рассматривать этот поразительный спектр верований — от строго догматических и консервативных до радикальных и иступленных, — трудно определить, что именно представляет собой христианство.

Едиственный фактор, который позволяет говорить о христианстве как о чем-то едином, фактор, который связывает совершенно разные христианские символы веры, — это Новый Завет и особенно уникальный статус, приписываемый Иисусу Новым Заветом, его распятие и воскресение. Даже если не принимать на веру историческую истину этих событий, принятие их символической значимости обычно достаточно для человека, чтобы его считали христианином.

Если и есть что-то общее в широко распространенном явлении, называемом христианством, то оно заключено в Новом Завете, а точнее, в рассказах об Иисусе, известных как четыре Евангелия. Эти повествования, по всеобщему мнению, являются авторитетнейшими официальными документами, а многие христиане считают их логически последовательными и бесспорными. С детства людей учат верить,

что рассказ об Иисусе, как он представлен в четырех Евангелиях, если не записан со слов Бога, то, по крайней мере, абсолютно правдив. Четверо евангелистов, предполагаемых авторов Евангелий, считаются безусловными свидетелями, которые подкрепляют и подтверждают свидетельства друг друга. Из людей, которые сегодня называют себя христианами, относительно мало кто знает о том факте, что Евангелия не только противоречат друг другу, но временами совершенно не совпадают.

Согласно общепринятой традиции, родители и место рождения Иисуса хорошо известны. Но в действительности сами Евангелия, на которых эта традиция базируется, высказываются по этому вопросу неопределенно. Только в двух Евангелиях — от Матфея и от Луки — вообще говорится хоть что-то о корнях и рождении Иисуса. Но утверждают они абсолютно разные вещи. Согласно евангелисту Матфею, Иисус был благородного происхождения и чуть ли не царской крови, так как был потомком Давида через царя Соломона. С другой стороны, евангелист Лука пишет, что семья Иисуса, хотя и происходила из рода Давидова, занимала не столь уж высокое положение. Предание о том, что Иисус — сын «бедного плотника», известна со слов Марка. Короче говоря, эти две генеалогии настолько диаметрально противоположны, что их можно отнести к двум разным людям.

Несоответствия между Евангелиями не ограничиваются вопросом о происхождении и генеалогии Иисуса. Согласно Луке, новорожденного Иисуса посетили пастухи. А по Матфею — к нему пришли цари. Лука утверждает, что семья Иисуса жила в Назарете. Оттуда они ушли — чтобы участвовать в переписи, которой по истории никогда не было, — в Вифлеем, где Иисус и родился в яслях. А по Матфею, родители Иисуса были вполне состоятельными жителями Вифлеема, и сам Иисус родился в доме. По версии Матфея, гонение Ирода на младенцев заставляет семью бежать в Египет, и только по возвращении они останавливаются в Назарете.

Информация в каждом из этих повествований вполне конкретна и — допуская, что перепись действительно была, — абсолютно правдоподобна. Однако в самой информации

есть разногласия. И эти противоречия нельзя разумно объяснить. Нет способов, с помощью которых можно примирить два противоречивых повествования. Волей-неволей, но нужно признать тот факт, что или одно, или оба Евангелия неверны. При таком поразительном и неизбежном выводе Евангелия нельзя считать неопровержимыми. Они не могут быть бесспорными, если опровергают друг друга.

Чем глубже изучаешь Евангелия, тем явственнее выступают противоречия между ними. Они расходятся даже в дате распятия. Согласно Евангелию от Иоанна, распятие произошло накануне еврейской пасхи. А по версии Марка, Луки и Матфея, это случилось на следующий день. Не сходятся Евангелия и в вопросе о личности и характере Иисуса. Каждый характеризует человека, явно отличавшегося от описываемого другими. У Луки, например, Иисус кроткий, как ягненок, Спаситель. У Матфея это сильный и величественный правитель, который приходит, чтобы «принести не мир, но меч». Есть и несогласованность относительно последних слов Иисуса на кресте. У Матфея и у Марка это слова: «Боже, Боже, почему ты оставил меня?» У Луки это: «Отче, в руки Твои предаю дух свой». А у Иоанна лишь одно слово: «Свершилось».

При таких несоответствиях Евангелия можно считать лишь спорными и, конечно уж, не каноническими текстами. Они не являются истинными словами Бога, а если и являются, то эти слова довольно произвольно отредактированы, исправлены, приукрашены и переписаны людьми. Надо помнить, что Библия — это относится как к Ветхому, так и к Новому Завету — всего лишь сборник произвольно собранных повествований. Фактически их могло быть гораздо больше. И эти повествования не были «утрачены». Наоборот, они были намеренно исключены. Известно, что в 367 году нашей эры Святитель Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, составил список трудов, которые надо включить в Новый Завет. Список был утвержден Церковным собором в Гиппоне в 393 году и на двух Карфагенских соборах в 397 и 419 гг. На этих соборах отбор манускриптов был согласован. Именно эти труды и составили Новый Завет в том виде, каким мы его знаем. Остальные рукописи были бесцеремон-

но проигнорированы. И подобный процесс отбора нам предлагают считать решающим? Как мог собор безошибочно решить, какие рукописи надо включить в Библию, а какие нет? Особенно когда некоторые из исключенных книг по праву претендуют на историческую достоверность?

Библия в том виде, в котором мы знаем ее, сложилась в результате произвольного отбора. Кроме того, ее подвергли радикальному редактированию, цензуре и исправлению. В 1958 году профессор Мортон Смит из Колумбийского университета обнаружил в монастыре близ Иерусалима документ, содержащий пропущенный фрагмент Евангелия от Марка. Этот пропущенный фрагмент не был утерян. Наоборот, его намеренно утаили по наущению, если не по приказу, епископа Климента Александрийского, одного из самых почитаемых отцов ранней Церкви.

Климент получил письмо от некоего Феодора, который жаловался на секту гностиков, карпократов*. Карпократы толковали определенные отрывки из Евангелия от Марка в соответствии с их собственными воззрениями, которые расходились с позицией Климента и Феодора. Феодор резко критиковал их и сообщил о своих действиях Клименту. В письме, найденном профессором Смитом, Климент отвечает своему ученику следующее:

«Ты хорошо поступил, раскритиковав отвратительные доктрины карпократов. Ибо они — «блуждающие звезды», упоминаемые в пророчестве, они блуждают по узкой тропе заповедей и падают в бездонную пропасть плотских и телесных грехов. Ибо, гордясь знанием, как они говорят, «глубины падения Сатаны», они не ведают, что бросаются в преисподнюю темноты и фальши. Хвастаясь, что свободны, они становятся рабами холопских желаний. Таким людям следует противостоять всеми способами и сообща. Ибо даже если они и проповедуют что-то истинное, то в этом случае тот, кто любит истину, не должен соглашаться с ними. Ибо не все правдивое есть истина, и эту истину,

---

* Карпократы считали, что не достигнут спасения, если не пройдут через все виды греха. (Прим. ред.)

которая лишь кажется таковой согласно мнению человека, нельзя предпочесть настоящей истине, соответствующей вере»¹.

Для отца Церкви это экстраординарное утверждение. Фактически Климент говорит следующее: «Если ваш оппонент и говорит правду, вы должны отрицать ее и лгать, чтобы опровергнуть ее». Но это не все. В следующем отрывке письма Климент обсуждает Евангелие от Марка и его «неправильное» толкование карпократами:

«Что касается Марка, то во время пребывания Петра в Риме он описал деяния Бога, не поведав, однако, обо всех и даже не намекая на тайные, но отбирая те, которые, по его мнению, были бы полезны для укрепления веры в тех, кого будут поучать. Когда же Петр умер как мученик, Марк направился в Александрию, взяв с собою свои записи и записи Петра, из которых он перенес в свою книгу некоторые отрывки, способствующие углублению знаний. Таким образом, составил он более духовное Евангелие для тех, кто совершенствует себя. Тем не менее он не обнародовал секретов и не написал о главном учении Бога, просто к уже написанным рассказам он добавил другие и, более того, внес определенные высказывания, толкование которых, как он знал, будучи посвящен в тайны, приведет слушателей в святая святых этой истины, спрятанной за семью печатями. Таким образом, он перетасовал вещи по своему желанию, обдуманно и, умирая, оставил свое сочинение церкви в Александрии, где оно тщательно охраняется до сих пор, и читают его только те, кто посвящены в большие тайны.

Но поскольку подлые демоны всегда изобретают способы, как погубить людей, Карпократ, наученный ими и использующий всяческие лживые уловки, так поработил пресвитера церкви в Александрии, что получил от него экземпляр секретного Евангелия, которое он истолковал согласно своей богохульной, плотской и, более того, грязной доктрине, смешав с чистыми и святыми словами совершенно бесстыдную ложь»².

Таким образом, Климент открыто признает, что существовало оригинальное секретное Евангелие от Марка. Затем он наставляет Феодора, чтобы он отрицал это:

«Поэтому им (карпократам), как я сказал выше, никогда нельзя уступать, и когда они выдвигают свои фальсификации, не следует признавать, что Евангелие написано Марком. Наоборот, надо даже под присягой отрицать это. Ибо «не всю истину следует сообщать людям»³.

Что это за «секретное Евангелие», от которого Климент приказал своему ученику отречься и которое карпократы «неправильно истолковали»? Климент отвечает на этот вопрос, дословно переписав текст Евангелия в письме:

«Поэтому я не колеблясь отвечу на вопрос, который ты задал, и докажу несостоятельность фальсификаций самим текстом Евангелия. Например, после слов: «И они шли по дороге, ведущей в Иерусалим», далее по тексту до слов: «Через три дня он воскреснет» в секретном Евангелии дословно написано: «И они пришли в Вифанию, и одна женщина, чей брат умер, была там. И, подойдя, она простерлась перед Иисусом и говорит ему: «Сын Давидов, смилуйся надо мной». Но ученики стали выговаривать ей. Иисус рассердился на них и пошел с ней в сад, где был склеп, и тут же раздавался громкий крик из склепа. Подойдя ближе, Иисус откатил камень от входа в склеп. И сразу войдя туда, где был юноша, схватил его за руку и поднял его. И юноша, посмотрев на него, полюбил его и стал умолять его взять с собой. И выйдя из склепа, они вошли в дом юноши, ибо он был богат. И после шести дней Иисус сказал ему, что делать, и вечером юноша пришел к нему в накинутаю на голое тело льняной ткани. И он остался с ним той ночью, ибо Иисус учил его таинству Божьего царства. А потом, поднявшись, он вернулся на ту сторону Иордана»⁴.

Это эпизод из апокрифической версии Евангелия от Марка. В общих чертах он уже достаточно знаком. Это, конечно же, воскресение Лазаря, описанное в Евангелии от Иоанна.

Но в процитированной версии есть некоторые важные детали. Во-первых, упоминается «громкий крик» из склепа еще до того, как Иисус откатил камень и приказал юноше выйти. Это наводит на мысль, что человек не был мертв, и тем самым сразу ликвидирует элемент чуда. Во-вторых, ясно, что здесь есть нечто большее, чем то, во что знакомые рассказы о Лазаре заставляют верить. Процитированный отрывок свидетельствует о каких-то особых отношениях между человеком в склепе и человеком, который «воскрешает» его. Современный читатель несомненно увидит здесь намек на гомосексуальность. Возможно, что карпократы — секта, которая стремилась к обострению чувств через пресыщение ощущений, — разглядели именно этот намек. Но как пишет профессор Смит, это более похоже на посвящение в тайную секту — через ритуал символической смерти и воскрешения, весьма распространенный в то время на Среднем Востоке.

В любом случае дело в том, что этот эпизод и процитированный отрывок отсутствуют в современной, общепринятой версии Евангелия от Марка. Единственная ссылка на Лазаря в Новом Завете находится в Евангелии, приписываемом Иоанну. Таким образом, ясно, что совет Климента был принят не только Феодором, но и последующими церковными авторитетами. Поэтому весь эпизод с Лазарем был полностью изъят из Евангелия от Марка.

Помимо того что из Евангелия от Марка были тщательно изъятые нежелательные места, в него внесли еще и поддельные добавления. В оригинале оно заканчивается распятием, положением во гроб и пустым склепом. Нет сцены воскресения, нет воссоединения с учениками. Правда, существуют современные Библии, в которых присутствует привычное окончание Евангелия от Марка, включающее и воскресение. Но фактически все современные специалисты по Библии соглашаются, что это расширенное окончание — позднейшее дополнение к оригинальному тексту, датированное концом второго века⁵.

Таким образом, Евангелие от Марка являет собой пример двух вариантов священного документа: один — предположительно Богом вдохновенный, и второй — тайно измененный, отредактированный, подвергнутый цензуре и ис-

правленный человеком. И это не гипотеза. Наоборот, ученые считают это доказанным фактом. Можно ли предположить, что Евангелие от Марка уникально в том, что оно было изменено? Если Евангелие от Марка так искусно подделали, вполне разумно допустить, что такая же судьба постигла и другие Евангелия.

В нашем исследовании мы не могли принять Евангелия как канонические и неоспоримые тексты, но в то же время мы не могли и отвергнуть их. Определенно они не были полностью сфабрикованы. И они давали несколько ключей к разгадке того, что действительно произошло на Святой земле две тысячи лет назад. Поэтому мы решили тщательно изучить их, «просеять» написанное, отделить факты от вымысла и выделить истину, которая зачастую была замаскирована. Но сначала надо было познакомиться с исторической действительностью на Святой земле в момент появления христианства. Ибо Евангелия не пустые сосуды, плывущие вне времени по океану веков. Это исторические документы, такие же, как рукописи Мертвого моря, поэмы Гомера и Вергилия, романы о Граале. Они — продукт весьма специфического места, весьма специфического времени, весьма специфического народа и весьма специфических исторических факторов.

ПАЛЕСТИНА ВО ВРЕМЕНА ИИСУСА

Уже в I веке ситуация в Палестине отличалась нестабильностью и хаосом. Страна была во власти бесконечных внутренних баталий, перемежающихся с настоящими войнами, и ослаблена непрекращающимися сменами правящих династий, сопровождаемых почти постоянными народными волнениями.

Еврейское государство попыталось объединиться во II веке до нашей эры, но оно оставалось непрочным, а в 63 году до нашей эры Святая земля снова находилась в состоянии все возрастающей анархии, отданная на растерзание вожделям всевозможных захватчиков.

Захватчик появился за пятьдесят лет до рождения Иисуса в лице Помпея, и Палестина стала римской провинцией.

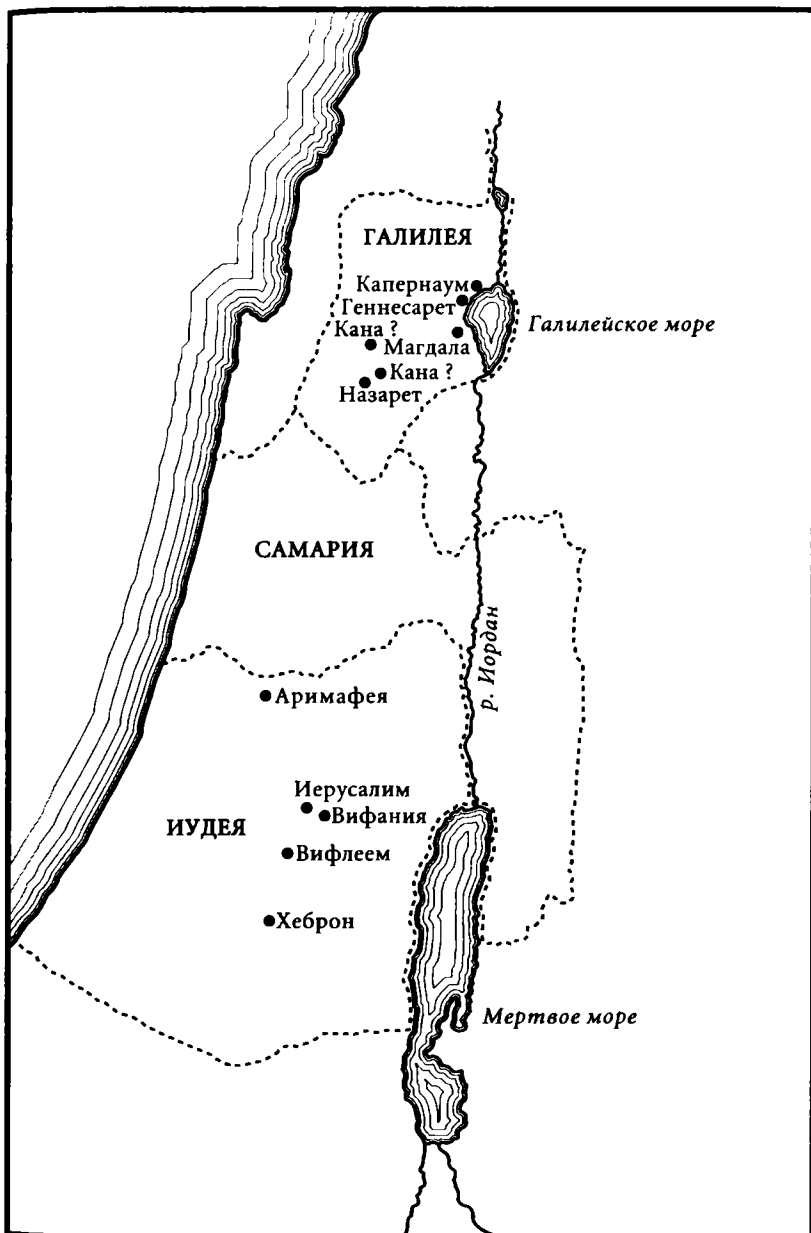

Рис. 11. Палестина во времена Иисуса

Но Рим в то время был слишком занят собственной судьбой, чтобы по-настоящему взять на себя ответственность за судьбу новой и далекой колонии. Он доверил эту заботу потомкам царей, уполномоченным от его имени заставить уважать императорские указы. Эти цари, названные Иродами, были не евреями, а арабами. Первый из них, Антипатр, занимал трон Палестины с 63 года до нашей эры до своей смерти в 37 году до нашей эры, и его сменил его сын Ирод Великий, который процарствовал до 4 года нашей эры. Положение в Святой земле в то время было похоже на положение любой оккупированной страны, угнетенной суровым военным режимом. Жители, сохраняя свои обычаи и верования, должны были склониться перед законом победителя, ибо всемогущая римская власть была представлена армией, организация и действенность которой показала себя во многих странах.

Ситуация внезапно осложнилась в 6 году нашей эры в государстве, организованном из одной провинции и двух тетрархий. Одной из них, Галилеей, управлял Ирод Антипас. Но Иудея, духовный и светский центр Палестины, зависела непосредственно от Рима и управлялась из Кесарии римским прокуратором. Начало нового римского режима в Иудее было отмечено тремя тысячами случаев приговoreния к распятию, налогами и пытками, грабежами и осквернениями Храма, и многие жители предпочитали покончить с собой. Понтий Пилат, бывший прокуратором с 26 по 36 год, еще более ухудшил положение. В противовес тому, что позволяли думать о нем Евангелия, это был жестокий и развращенный человек, который продолжил и усилил злоупотребления властью, начатые его предшественниками. Удивительно, что по этому поводу мы находим лишь слабую критику ига, которое, вероятно, было очень тяжелым, почти невыносимым.

Евреи в Святой земле тогда были разделены на многочисленные секты. Среди главных назовем саддукеев, в основном происходивших из состоятельного духовенства, консерваторов в области политики и религии, прекрасно приспособившихся к присутствию римлян; фарисеев, непримиримых формалистов, находившихся в пассивной оп-

позиции Риму, и, наконец, ессеев, суровых аскетов-мистиков, которые пользовались значительным влиянием. Вместе с ними существовали и другие, менее важные секты, которые очень долго пришлось бы перечислять, например назореи, к которым принадлежал Самсон за много веков до того, или же назорейане — этим словом, кажется, называли Иисуса и его учеников. В самом деле, греческая оригинальная версия Нового Завета намекала на «Иисуса Назорейянина» — напомним, что этот эпитет тогда обозначал определенную еврейскую секту, а не жителя города Назарета.

Наше расследование особенно интересует одна из этих группировок. Речь идет о секте зилотов, основанной раввином-фарисеем Иудой Галилеянином в 6 году, когда Рим взял в свои руки прямой контроль над Иудеей. Эта группа, собственно говоря, была не сектой, а скорее националистической и революционной политической партией, составленной из фарисеев и ессеев, пришедших из самых разных сект. Во времена Иисуса зилоты принимали большое участие в делах страны и являлись одним из ее определяющих политических элементов. Подвижные и активные, они продолжали осуществлять свое влияние еще долго после распятия, и столкновение оказалось неизбежным.

Действительно, в 66 году разразился бунт, и вся Иудея поднялась против самовластия Рима. Отчаянная, мужественная и бесполезная попытка, за которую только один город — Кесария — заплатил уничтожением двадцати тысяч евреев. В течение четырех следующих лет римские легионы заняли Иерусалим, стерли город с лица земли, сожгли и разграбили Храм (в 70 году). Единственный бастион сопротивления, который смог продержаться в течение трех лет, находился в горах, в крепости Масада, которую защищал потомок Иуды Галилеянина.

Бунт в Иудее повлек за собой первое массовое бегство евреев из Святой земли, а второе произошло шестьдесят лет спустя, в 132 году, и последовало оно за новым бесплодным восстанием, которое спровоцировало изгнание всех евреев из Иудеи, декретированное в 135 году императором Адрианом. Таким образом, отныне Иерусалим стал римской колонией под названием Элия Капитолина.

Как мы видим, жизнь Иисуса разворачивалась в особенно беспорядочное время, и эта неразбериха продолжалась сто сорок лет, то есть еще долго после его смерти. Она была отмечена неизбежными психологическими и культурными симптомами, присущими подобным ситуациям, а именно надеждой и ожиданием появления мессии, который вырвет свой народ из рук угнетателей. В этом смысле можно, забегая вперед, сказать, что применение этого определения исключительно к Иисусу было результатом неполного анализа фактов, как на историческом, так и на семантическом уровнях.

Впрочем, в то время с мессией не связывали никакого понятия о божественности, и современники Иисуса не преминули бы удивиться такой ассоциации мыслей. «Мессия» по-гречески будет «христос». Как и в древнееврейском языке, это слово означает всего-навсего «помазанник Божий», и применялось оно чаще всего к монархам. Так, Давид, будучи священным царем, стал «мессией» или «христосом», как и все остальные еврейские ветхозаветные цари. Еще во времена римского владычества в Иудее верховный священник, назначаемый администрацией, также носил титул «священника-мессии» или «священника-христоса».⁶

Для зилотов и для всей оппозиции Риму этот священник, по-видимому, был «лжемессией». Настоящий, ожидаемый Мессия был совсем другим; это был законный «потерянный царь», еще неизвестный потомок Давида, назначенный судьбой спасти свой народ от тирании Рима. Это ожидание достигнет размеров массовой истерии при жизни Иисуса и не исчезнет с его смертью. Бунт 66—70 годов был, конечно, инициирован пропагандой и возбуждением, умышленно поддерживаемыми зилотами во имя будущего пришествия Мессии.

Причем, как мы видим, ждали именно Мессию-человека, являющегося царем и помазанником, а также, по мнению народа, политическим освободителем. Это тоже персонаж в основном чуждый будущей христианской идее «сына Божьего». Короче говоря, по своему происхождению Иисус звался «Иисусом-Мессией», то есть по-гречески «Иисусом Христом», и это название, чисто функциональное обозначение, деформировалось и стало именем собственным Иисуса Христа.

ИСТОРИЯ ЕВАНГЕЛИЙ

Жестокие репрессии, которым подвергся еврейский народ в 66—70 годах вследствие напрасной попытки восстать, положили конец мессианским надеждам. По крайней мере, такова была видимость, ибо они, приняв впоследствии религиозный облик, выкристаллизовались в Евангелиях, откуда почерпнули новые силы.

Известно, что Евангелия писались не во времена жизни самого Иисуса. По большей части они составлялись между 66—74 и 132—135 годами, то есть между двумя периодами, когда Иудея пыталась реагировать на суровость римской власти. Но их источники явно имели более древнее происхождение: написанные, но исчезнувшие во время всеобщего шквала документы и, особенно, устные предания. Эти последние передавались по рассказам вторых, третьих, четвертых лиц, то есть сильно искаженными в том или ином смысле, или же основанными лишь на личных воспоминаниях отдельных людей, знавших Иисуса, встречавших его или присутствовавших при распятии.

Написанное вскоре после 64 года, во время первого восстания Иудеи, Евангелие от Марка считается самым ранним, за исключением последующего добавления, относящегося к воскресению. Уроженец Иерусалима, Марк, кажется, не был учеником Иисуса; зато вполне вероятно, что он был одним из товарищей св. апостола Павла, ибо текст его, несомненно, несет на себе отпечаток идей последнего. Как мы видели из послания Климента Александрийского, этот текст был написан в Риме и в основном для греко-римской публики. Это важная деталь, ведь в тот момент, когда Марк писал свою книгу, Иудея быстро продвигалась к восстанию, и тысячи евреев уже были приговорены к распятию. Так что если Марк хотел найти сторонников среди римлян, было бы неразумным представлять Иисуса политическим агитатором или врагом всемогущей тогда римской власти. Чтобы передать свое послание римлянам, Марк должен был забыть об их ответственности за смерть Иисуса, оправдать местную власть и открыто перенести обвинение на некоторые еврейские круги. И этот подход был перенят затем другими

евангелистами, как и всеми первыми христианами, ибо только при таком условии их сочинения, да и сама Церковь, новая и непрочная, имели шанс выжить.

Евангелие от Луки датируют примерно 80 годом. Произведение греческого врача было предназначено для культурной римской публики Кесарии, административной столицы Палестины, и он тоже следил за тем, чтобы не навлечь на себя враждебность римлян, обвинив их в смерти Иисуса. Что касается Матфея, который написал свой текст около 85 года, то он принял сторону Марка и Луки, предпочтя оправдать римскую власть. Написанное по-гречески и сильно проникнутое эллинистической мыслью, это произведение по большей части вдохновлено Евангелием от Марка. По поводу Матфея заметим, что он был настоящим иудеем, быть может, изгнанным из Палестины, и его не надо путать с учеником Иисуса, носившим то же имя и жившим до него.

Наконец, что касается Евангелий от Марка, Луки и Матфея, напомним, что их называли «синоптическими» в силу характеризующего их сходства, подобия, которое можно заметить сразу, проводя параллельное сравнение колонок текста. Действительно, все три кажутся имеющими бесспорное общее происхождение, устное либо письменное, но исчезнувшее со времен их редактирования.

Евангелие от Иоанна имеет другие источники и во всех пунктах отличается от трех предыдущих. О его авторе неизвестно ничего, и в самом произведении на это ничто не указывает. Только во II веке церковные предания назвали его Иоанном. Это четвертое и последнее Евангелие было написано, вероятно, сразу же после 100 года в окрестностях греческого города Эфеса, и в нем содержатся характеристики, представляющие огромный интерес.

Этот текст гораздо более мистический, чем другие, он окрашен некоторой долей гностицизма. Он не сообщает ничего о рождении Иисуса. Остальные Евангелия концентрируются в основном на его деятельности в Галилее, а не на событиях, происшедших на юге Палестины. Иоанн же мало рассказывает о начале служения Иисуса, зато уделяет больше внимания его присутствию в Иудее, и особенно в Иерусалиме. В противовес Матфею, Марку и Луке его рассказ о рас-

пятии, кажется, основан на свидетельстве из первых рук, и кроме того, он описывает некоторые события, не фигурирующие в первых трех Евангелиях: свадьба в Кане, беседа с Никодимом, появление Иосифа Аримафейского, воскресение Лазаря (изъятое, как мы уже знаем, из текста Марка).

На основе этих констатаций многие комментаторы склонны думать, что Евангелие от Иоанна, несмотря на его более позднее написание, является самым достоверным из четырех. В нем автор не только знает предания об Иисусе, на которые ссылаются остальные евангелисты, но и использует особые, неизвестные другим источники. Во всяком случае, создается впечатление, что он очень точно и лично знаком с ситуацией в Иерусалиме до бунта 66 года. «За последним Евангелием, — признает один из этих комментаторов, — стоят древние предания, независимые от других Евангелий»⁷. А другой пишет: «Евангелие от Иоанна, несмотря на его более позднее написание и отличную от Марка хронологию, кажется основанным на более древних и, вероятно, более достоверных преданиях»⁸.

Мы тоже разделяем это мнение. Текст Иоанна, конечно, подвергся таким же изменениям, что и тексты его предшественников, но при этом он остается самым верным и самым близким к истине. И именно он даст нам доказательства, в которых мы нуждаемся, чтобы подтвердить нашу гипотезу.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИИСУСА

Будучи далеки от желания дискредитировать Евангелия, мы имеем только одно намерение: подвергнуть их строжайшей критике с целью отделить истинное от ложного и постараться найти за оболочкой сказки следы исторической действительности, которая, безусловно, послужила ей основанием. В этом случае нам нужно было сначала поискать элементы, позволяющие сделать выводы о том, что Иисус был женат на женщине, названной Магдалиной. Конечно, эти элементы проявляются не очень четко; мы должны были искать их между строк, за намеками и недоговоренностями, за теми или иными противоречивыми, ничего прямо не говорящими

деталюми; в безликом забвении и неких необъяснимых опущениях. Что же мы тогда откроем? Естественно, не формальные доказательства этого брачного союза, но, может быть, совокупность достаточно обоснованных обстоятельств, способных показать, что такое событие вполне могло бы иметь место.

Существует ли в Евангелиях свидетельство, говорящее в пользу возможной женитьбы Иисуса?

Нет ни одного, и это очевидно, но также нет ни одного, говорящего о противном, и это очень удивительно, как подчеркнул профессор Геза Вермес из Оксфордского университета: «Евангелия хранят полное молчание по поводу семейного положения Иисуса... Речь идет о необычной в древне-еврейском мире ситуации, которая заслуживает особого исследования»⁹.

Из Евангелий известно, что большое число его учеников, например Петр, были женаты и что, со своей стороны, Иисус не восхваляет целибат: «Не читали ли вы, что Сотворивший в начале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью», — объявляет он в Евангелии от Матфея, 19, 4—5. Это, а также древняя еврейская традиция, согласно которой было не только обычным, но и обязательным избрать путь брачного союза, уже заставляет предположить, что Иисус, вероятно, тоже был женат. Впрочем, целибат в те времена сильно осуждался — один еврейский писатель конца I века даже приравнивает его к убийству, — и за исключением некоторых ессейских общин было таким же обязательным для отца семейства найти жену своему сыну, как и обрезать его. Поэтому неженатый Иисус, обособливающийся этим от своих современников и нарушающий закон предков, не преминул бы привлечь к себе внимание, и Евангелия говорили бы об этом как об особенностях, достойной того, чтобы ее отметить. Но нигде нет вопроса о возможном безбрачии Иисуса, и это молчание само по себе составляет достаточно серьезный признак того, что он был женат, коим не стоит пренебрегать. Современный теолог пишет:

«Принимая во внимание культурное окружение той эпохи, совершенно невероятно, чтобы Иисус не был женат задолго до начала своей общественной деятельности. Если бы он высказывался за безбрачие, то его речи наделали бы шуму и оставили бы свои следы в Евангелиях; но их молчание по этому поводу является достойным аргументом в пользу гипотезы о его браке. В еврейском контексте добровольное безбрачие было настолько необычным, что пробуждало всеобщее внимание и обсуждение»¹⁰.

Титул «равви», то есть раввин, часто применяемый к Иисусу в Евангелиях, усиливает это предположение. Взятый в самом широком смысле, этот термин, очевидно, может означать лишь что-то вроде оратора, берущего слово от своего имени и для собственного удовольствия. Но высокий уровень образованности Иисуса, свидетельством чему является его диалог с врачами храма, наводит на мысль о том, что он был чем-то гораздо большим, чем просто оратор. Вероятно, он практиковал высшую форму религиозного обучения, которая действительно давала ему право на официальный титул «равви». Но в таком случае, да еще если Иисус действительно был «равви» в узком смысле слова, брак его становится не только возможным, но безусловным, ибо еврейский закон определенным образом высказывается по этому поводу: «Неженатый человек не может претендовать на обучение других»¹¹.

Впрочем, в четвертом Евангелии мы находим повествование о свадьбе. Оно нам знакомо, ибо это «свадьба в Кане», но тем не менее, поднимает ряд определенных вопросов.

Эта сельская свадьба кажется всего лишь скромной местной церемонией, и новобрачные остаются безымянными. Однако Иисус на нее «приглашен», и это очень любопытно, так как он еще не начал своей общественной деятельности. Но еще более удивительно присутствие рядом с ним его матери, присутствие засвидетельствованное, но явно не имеющее никакого смысла.

Помня рассказ о «свадьбе в Кане», некоторые считают, что знают его настолько хорошо, что даже не стоит ему удивляться. Однако перечитаем его по-новому и посмотрим

на Марию. Она не довольствуется простым напоминанием сыну о том, что надо наполнить кувшины вином, — она просит его об этом так, что сама кажется хозяйкой этих мест: «И как недоставало вина, то Мать Иисуса говорит Ему: вина нет у них. Иисус говорит Ей: что Мне и Тебе, женщина? еще не пришел час Мой». Но этот ответ не смутил Марию, которая обратилась тогда прямо к слугам: «Что скажет Он вам, то сделайте», — просит она их. И слуги тотчас повинуются ей, словно привыкли получать приказания от Иисуса и его матери.

А сам он, кажется, без особой поспешности выполняет желание своей матери. Здесь, в самом начале Евангелия от Иоанна, мы присутствуем при первом чуде — превращении воды в вино. Однако до сих пор он еще ни разу не проявил своей необыкновенной силы, и Мария явно не должна была об этом знать. И даже если бы она о ней подозревала, для чего понадобилось устраивать демонстрацию в первый раз во время достаточно банальной церемонии? Ведь если верить евангелисту, то оба они всего лишь «приглашенные» на свадьбу, и не их забота следить за тем, как подаются кушанья, а их хозяину. Если только... если только в данном случае речь не идет о свадьбе самого Иисуса — тогда его вмешательство становится совершенно обоснованным.

Такое толкование фактов подтверждает последняя деталь. Сразу же после чуда «хозяин стола» — возможно, майордом или церемониймейстер, — попробовав новое вино, «зовет жениха и говорит ему: всякий человек подает сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберег доселе». Но ведь эти слова относятся явно к Иисусу, а у Иоанна, подчеркнем, они обращены к «жениху». Не следует ли из этого логическое заключение, что тот и другой были одним и тем же лицом?

ЖЕНА ИИСУСА

Если Иисус был женат, имеем ли мы средство установить по Евангелию личность его возможной спутницы?

За исключением Марии, его матери, там фигурируют всего две женщины, входящие в ближайшее окружение Иисуса.

Первая — это Магдалина, или, точнее, Мария из Мигдалы, то есть Магдалы Галилейской, прозванная также Магдалеянкой. Ее двусмысленная роль кажется умышленно затемненной. Так, у Марка и Матфея она появляется под своим именем только в момент распятия, среди учеников Иисуса. Лука упоминает о ней гораздо раньше, когда Иисус в начале своей деятельности проповедует еще в Галилее, откуда она вроде бы уезжает, чтобы сопровождать его в Иудею, или, по крайней мере, довольно поспешно отправляется туда вслед за ним. Как же можно вообразить себе, что она не была замужем, если в то время немисливо было для незамужней женщины ездить одной по дорогам Палестины, и еще меньше — находясь в окружении «равви»? Эта смущающая деталь часто давала пищу для различных гипотез, и одна из них состоит в том, что Мария из Магдалы на самом деле была женой одного из учеников Иисуса; но в этом случае ее особенные отношения с учителем и их интимность не преминули бы вызвать подозрения и, быть может, даже обвинения в супружеской неверности.

Несмотря на поверье, навязанное народными преданиями, Мария из Магдалы не фигурирует ни в одном из Евангелий в роли блудницы. Лука говорит о ней лишь в начале своей книги как о женщине, из которой вышли «семь бесов», позволяя таким образом предположить, что она была одержима и что Иисус изгнал из нее бесов. Но эти слова могут также быть намеком на какое-нибудь обращение или обряд посвящения. Известно, например, что культ Иштар, или Астарты, «богини-матери» и «царицы Небес», включал семь степеней посвящения, и не исключено, что до своей встречи с Иисусом Магдалеянка была одной из многочисленных последователей этого культа.

В главе, предшествующей намеку на Магдалеянку и на семь бесов, Лука упоминает еще об одной женщине, которая «помазала миром» Иисуса. Со своей стороны, Марк приводит похожую историю, также не уточняя имени женщины. Ни тот, ни другой не отождествляют ее с Марией из Магдалы, но тем не менее Лука объявляет, что речь идет о «грешнице». Не один раз было высказано мнение, что семь из-

гнанных бесов символизируют грехи Магдалеянки, которая, следовательно, в свою очередь, становилась грешницей; но и в этих условиях она не была той же самой женщиной с благовониями. Впрочем, если бы она участвовала в языческом культе, не стала ли бы она таким образом «грешницей» в глазах Луки и всех последующих поколений?

Но Магдалеянка была чем-то гораздо большим, чем блудницей из народных легенд. У нее на самом деле, как нам сообщает Лука, подругой была жена интенданта Ирода, и обе они вместе с другими подругами «помогали своим богатством» Иисусу и его ученикам. Следовательно, Магдалеянка, вероятно, была богатой, как и другая грешница, и Марк в своем Евангелии упоминает дорогую цену благовоний из нарда, которые она «возлила Ему на голову».

Так почему же этот эпизод из жизни Иисуса имеет для нас такое значение? Видимо, по причине того, что этот жест был не просто спонтанной реакцией импульсивной женщины, а мог принадлежать какому-нибудь специфическому ритуалу. Миропомазание — не будем об этом забывать — было действительно прерогативой царей и «законного мессии», чье имя означает «помазанник Божий». В силу этого помазания Иисус становился настоящим мессией, и женщина, посвящающая его в этот высший сан, облакалась в свою очередь одинаковой с ним значительностью.

И эта значительность будет возрастать до самого окончания деятельности Иисуса, так как согласно трем синоптическим Евангелиям Магдалеянка пойдет во главе группы женщин, шествующих с ней через города и села, как Симон Петр — во главе учеников. Это она первой найдет опустевшую гробницу на следующий день после казни, это ее выберет Иисус, чтобы «в первый день недели» поведать ей о своем воскресении.

Итак, во всех Евангелиях Мария из Магдалы занимает привилегированное положение, и такое благосклонное к ней отношение должно было вызвать ревность друзей или других учеников Иисуса. Возможно, именно по этой причине последующие народные предания пытались очернить этот персонаж. Представляя ее блудницей, ей мстили за первое

место, которое она занимала в жизни Иисуса, и за ее интимность с ним. Признавая эту ее единственную во всех Евангелиях связь с духовным учителем, ее не преминули запачкать в глазах потомков. Так и произошло. Сегодня о ней думают как о проститутке, и во времена Средневековья дома, предназначенные для раскаявшихся грешниц, назывались «Магдалинскими приютами». К счастью, Евангелия свидетельствуют, как мало заслуживала она такой репутации, целиком построенной на зависти и сплетнях.

Каким бы двусмысленным ни был этот образ, Мария из Магдалы — не единственная предполагаемая жена Иисуса. Действительно, есть еще одна женщина, представленная в четвертом Евангелии, зовущаяся Марией из Вифании, сестра Марфы и Лазаря — это трое близких друзей Иисуса, причем богатых, ибо они владели домом в окрестностях Иерусалима, достаточно большим, чтобы принять Иисуса со всеми учениками. Кроме того, известно, что при доме этом имелся склеп и большой сад — доказательство того, что семья Лазаря не нуждалась и, возможно, входила в число местных аристократов.

В четвертом Евангелии, когда Лазарь заболел, Иисус только что покинул Вифанию и вместе с учениками находился на берегу Иордана. Он узнает эту новость, но тем не менее остается у реки еще два дня и только после этого отправляется в Иудею. По его прибытии Лазарь уже лежит в гробу, и Марфа в слезах принимает учителя со словами: «Господи! Если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой».

Этот рассказ интересен для нас, потому что в нем говорится о том, что Марфа принимает Иисуса одна, а ее сестра Мария сидит в доме и выходит оттуда только по просьбе Учителя. А тайное Евангелие от Марка, упоминаемое выше, высказывается на этот счет более определенно: она выходит из дома прежде, чем Иисус приказывает ей это. И ее тут же грубо отталкивают его ученики, и Иисус должен вмешаться, чтобы успокоить их.

То, что Мария остается в доме, в то время как ее сестра поспешно идет навстречу Иисусу, весьма правдоподобно, ибо согласно еврейскому обычаю «Шива» она соблюдает семидневный траур. Но почему она не присоединяется к Мар-

фе в саду? Существует и этому очень простое, на наш взгляд, объяснение: действительно, по еврейским законам женщинам в период «Шивы» запрещалось выходить из дома, и она могла подчиниться лишь приказу мужа. В этом смысле поведение Иисуса и Марии из Вифании полностью совпадает с традиционным поведением еврейской супружеской пары.

Кроме того, Лука описывает следующий эпизод, подтверждающий гипотезу о возможном браке Иисуса с Марией из Вифании:

«В продолжение пути их пришел Он в одно селение; здесь женщина, именем Марфа, приняла его в дом свой;

У ней была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его.

Марфа же заботилась о большом угощении и, подошедши, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многим,

А одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее» (Лука, 10, 38-42).

По просьбе Марфы можно догадаться, что Иисус здесь пользуется определенной властью. Но еще более важным является его ответ, который намекает на супружеские узы, и можно понять также, что Мария из Вифании, как и Мария из Магдалы, является пламенной последовательницей Учителя.

Как мы видели, много есть причин для того, чтобы считать Магдалеянку и женщину, омывшую ноги Иисуса, одним и тем же лицом. Но разве не могла быть ею Мария из Вифании, сестра Марфы и Лазаря? И следовательно, не имеем ли мы дело с одной и той же женщиной, появляющейся в Евангелиях в разных контекстах и в разных лицах? Во всяком случае, таково было мнение средневековой Церкви. Вслед за ней его разделяли многочисленные комментаторы Библии.

Согласно Матфею, Марку и Иоанну при распятии присутствовала Магдалянка, а не Мария из Вифании. Однако если последняя была верной ученицей, каковой она казалась, то не кажется ли ее отсутствие в этот ужасный момент — момент смерти учителя через распятие — непонятным, если не скандализирующим? Или же она присутствовала, но под другим именем — Марии из Магдалы, о которой говорится в Евангелиях? Если одна и та же женщина представляет двух, то Мария из Вифании могла присутствовать при распятии.

Отождествленная с Марией из Вифании, Магдалянка также могла быть женщиной, помазавшей Иисуса. В четвертом Евангелии женщина, помазавшая Иисуса, отождествляется с Марией, сестрой Марфы и Лазаря, причем это подтверждается два раза. Сначала в главе 11:

«Был болен некто Лазарь, из Вифании, из селения, где жили Мария и Марфа, сестра ее.

Мария же, которой брат Лазарь был болен, была та, которая помазала Господа миром и отерла ноги Его волосами своими» (Иоанн, 11, 1—2).

И затем в следующей главе:

«За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых.

Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, а Лазарь был одним из возлежавших с Ним.

Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его; и дом наполнился благоуханием от мира» (Иоанн, 12,1—3).

Из этих двух цитат видно, что Мария из Вифании и та, которая оmyвает его благовониями, бесспорно, являются одним лицом и, очень возможно, той же женщиной, что и Магдалянка. Если Иисус был женат, то он, следуя логике, был женат на женщине, много раз появляющейся в Евангелиях под тремя именами и в трех различных ролях.

ЛЮБИМЫЙ УЧЕНИК

Если Мария из Магдалы и Мария из Вифании являются одной и той же женщиной, женой Иисуса, то Лазарь приходится ему шурином. Имеются ли в Евангелиях следы этой родственной связи?

Ни Лука, ни Матфей, ни Марк не упоминают о воскресении Лазаря, но мы уже знаем, что этот рассказ был изъят из первоначального текста Марка по совету Климента Александрийского. И только благодаря четвертому евангелисту, Иоанну, потомки узнали об этом событии из жизни Иисуса. Кажется, что Лазарь рассматривается как очень дорогой друг учителя, более близкий ему, чем его собственные ученики — независимо от воскресения, — и однако, что любопытно, он не принадлежит к узкому кругу его самых близких друзей.

В противовес ученикам Лазарю тоже будет угрожать опасность, осведомляет нас Иоанн, когда знатные священнослужители решат избавиться от Иисуса и убить того вместе с ним. Помогал ли он учителю в его деятельности больше, чем сами его ученики, и совсем другим способом, не принадлежа к его близкому окружению, где о нем никогда не упоминается? И нужно ли видеть в угрозе ему возможную причину его отсутствия в день распятия, отсутствия, по меньшей мере удивительного, для человека, вернувшегося к жизни благодаря Иисусу?

Почему, наконец, эта смущающая деталь затем навсегда исчезла из Евангелий? Если только... Но сначала попробуем немного прояснить этот момент, восстанавливая факты.

Пробыв три месяца в Вифании, Иисус удаляется вместе с учениками на берег Иордана, куда посланник приносит ему весть о болезни Лазаря. Посланник не называет имени, он говорит только, как будто сообщает о хорошо известном человеке: «Господи, тот, которого Ты любишь, болен». И у Иисуса в этот момент интересная реакция: вместо того чтобы поспешить к человеку, которого он «любит», чтобы помочь ему, он, кажется, принимает эту весть спокойно, если не сказать, с некоторым безразличием. «Эта болезнь не к

смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий» (Иоанн, 11, 4). Что касается его отношения, то оно смущает нас не меньше, ибо «он пробыл два дня на том месте, где находился», явно не беспокоясь о здоровье больного.

Наконец он решает вернуться в Вифанию, объявляя своим ученикам: «Лазарь друг наш уснул, но Я иду разбудить его». В этот момент, уточняет Иоанн, Иисус говорит о смерти, и действительно, через несколько стихов он повторяет: «Лазарь умер; и радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали; но пойдём к нему». На что Фома, называемый Близнец, отвечает, обращаясь к другим ученикам: «Пойдем и мы умрем с ним» (Иоанн, 11, 16). Что означают эти слова? Если Лазарь действительно умер, ученики, разумеется, не имеют желания присоединиться к нему, совершив коллективное самоубийство. Как же объяснить эту неспешность, которую Иисус проявляет, прежде чем отправиться в Вифанию?

Профессор Мортон Смит считает, что перед нами разворачивается действие одного из таинств посвящения, многочисленных в Палестине во времена Иисуса. Эти таинства включали в себя ряд символических ритуалов, среди которых фигурировали «смерть» и «воскресение», недолгое времяпрепровождение в могиле — прелюдия к возрождению; затем следовал обряд, ставший сегодня крещением, — символическое погружение в воду, потом бокал вина — символ крови пророка или мага, возглавляющего церемонию. Ученик делил с ним содержимое бокала в знак совершенного мистического союза, в котором и тот и другой, учитель и посвященный, составляли отныне единое целое. В самом деле, здесь мы находим характерные черты христианского крещения, установленного св. апостолом Павлом, и Тайной вечери Иисуса и его учеников.

Жизнь Иисуса, продолжает профессор Смит, очень близко напоминает жизнь многочисленных магов и знахарей, которые ходили тогда по дорогам и городам Ближнего Востока¹². Для них характерны тайные сборища, тихие беседы с чудом исцеленными, приказ ничего не разглашать и привычка говорить исключительно аллегориями и иносказаниями.

Вполне возможно, что Лазарь во время пребывания Иисуса на берегах Иордана был вовлечен в посвященческий обряд, конечным этапом которого было символическое воскресение после предварительного пребывания в гробу. Желание учеников принять участие в этом обряде, «умирая с ним», теперь понятно, как понятна и безмятежность Иисуса, узнавшего о предполагаемой смерти Лазаря. Правда, Марфа и Мария глубоко смущены: они либо плохо поняли, либо неправильно истолковали это событие. Во время посвящения мог иметь место какой-нибудь инцидент, если только речь не шла о ловкой инсценировке, известной лишь нескольким близким друзьям.

Посвящение, особенная дружба... Лазарь беседует с Иисусом гораздо больше, чем с другими учениками, — это, конечно, исключительные узы; и ученики, быть может равновывавшие, попытались присоединиться к нему во время таинственного обряда. Но почему Лазарь является единственным его участником? Почему никому до сих пор не известный и единственный из его приближенных, он пользуется у учителя такой неслыханной милостью? Почему век спустя еретики придали этому рассказу такое большое значение? Почему Климент Александрийский изъясил его из Евангелия от Марка? Не потому ли, что Иисус «любил» Лазаря больше, чем кого-либо другого? Или из-за тесных родственных уз, которые подразумевались между ними? Или же по обоим причинам одновременно? Все равно, четвертое Евангелие точно высказывается на этот счет, ибо, когда Иисус возвращается в Вифанию и оплакивает или притворяется оплакивающим смерть своего друга, свидетели этой сцены восклицают, подхватив слова посланника: «Смотри, как Он любил его!» (Иоанн, 11, 36).

Вспомним, что автор четвертого Евангелия, единственного, где фигурирует эпизод с воскрешением Лазаря, никогда не называет сам себя. Он говорит не об «Иоанне», но много раз о «любимом ученике», «о том, кого Иисус любил», позволяя таким образом думать, что он был избранным и пользовался ласковым отношением учителя. Это его, един-

ственного, увидим мы выслушивающим откровения Иисуса во время последнего застолья:

«Один же из учеников Его, которого любил Иисус, возлежал у груди Иисуса;

Ему Симон Петр сделал знак, чтобы спросил, кто это, о котором говорит.

Он, припадши к груди Иисуса, сказал Ему: Господи! кто это?

Иисус ответил: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симонову Искариоту» (Иоанн, 13, 23—26).

Итак, кто мог быть этим «любимым учеником», на котором основаны все свидетельства четвертого Евангелия, если не Лазарь собственной персоной, «которого любил Иисус»? Возможно, что двое составляли одного человека, и тогда под именем «Иоанн» скрывался Лазарь? Во всяком случае, к такому выводу пришел Уильям Броунли, сведущий в вопросах изучения Библии и большой специалист по рукописям Мертвого моря. Для него не существует никаких сомнений: «Со всей ясностью из четвертого Евангелия вытекает, что любимый ученик — Лазарь из Вифании»¹³.

Если Лазарь и «любимый ученик» — одно и то же лицо, это объясняет множество несообразностей. Например, странное исчезновение Лазаря из евангелических рассказов и его не менее озадачивающее отсутствие во время распятия. Если он — «любимый ученик», то он присутствует при смерти Иисуса, все тексты об этом упоминают. И это ему, своему шурину, поручает умирающий учитель свою мать:

«Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой.

Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе» (Иоанн, 19, 26-27).

Эти последние слова цитаты кажутся нам особенно разоблачительными. Действительно, другие ученики покинули свои дома в Галилее и, таким образом, не имеют крыши над головой. Но Лазарь — Иоанн, известно, владел большим до-

мом в Вифании, где Иисус имел обыкновение останавливаться.

С того момента, когда верховные священнослужители решили убить Лазаря, он, как мы это видели, уже не упоминается под своим именем. В самом деле, можно проследить за ним до самого конца четвертого Евангелия, скрывающимся под именем «любимого ученика». Доказательством тому — последние стихи, предшествующие заключению, описывающие довольно любопытную ситуацию, которая заслуживает того, чтобы мы на ней остановились. Иисус предсказал только что мученичество Петра, потом попросил его следовать за собой.

«Петр же, обратившись, видит идущего за ним ученика, которого любил Иисус, и который на вечери, приклонившись к груди Его, сказал: Господи! кто предаст тебя?

Его увидев, Петр говорит Иисусу: Господи! а он что?

Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того? ты иди за Мною.

И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрет. Но Иисус не сказал ему, что не умрет, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока прииду, что тебе до того?» (Иоанн, 21, 20 — 23).

Текст прозрачен в своей двусмысленности! Любимый ученик будет ждать возвращения Иисуса, не символического возвращения вроде «второго пришествия», но реального момента, когда двое должны встретиться. Иисус, отправив других своих учеников бродить по свету, вернется к «тому, которого любит».

Итак, если «любимый ученик» — Лазарь, то этот сговор, это сообщничество его с учителем не беспрецедентно. За неделю до распятия Иисус действительно готовится торжественно вступить в Иерусалим; но, согласно пророчествам Ветхого Завета, он должен сесть верхом на осла (Захария, 9, 9—10). Значит, нужно добыть животное, и в Евангелии от Луки Иисус торопит двух учеников отправиться в Вифанию, где их ждет осел; им достаточно лишь сказать его

владельцу: «Он надобен Господу». И события разворачиваются именно так, как предсказывал Иисус: ученики находят и отвязывают осла, и каждый кричит о чуде. А что здесь такого необыкновенного? Нельзя ли скорее заключить из этого, что здесь имел место тщательно разработанный Иисусом и владельцем осла план и этот человек, предоставляющий в нужный момент своего осла, возможно, похож на Лазаря?

Для Хью Шонфилда¹⁴ это почти уверенность: без ведома других учеников Иисус поверил Лазарю детали своего триумфального въезда в Иерусалим. Но такая организация предполагала наличие кружка близких людей и, если можно так выразиться, кумовьев — друзей или членов семьи, пользующихся полным доверием учителя и принятых в его планы. Для Хью Шонфилда Лазарь, по всей очевидности, входил в эту группу. Так же считает и профессор Смит, настаивая на особом статусе, который имел этот последний со времени своего посвящения и символической смерти в Вифании. Поэтому, может быть, Вифания и была предназначена для таинств, возглавляемых Иисусом, и этим объясняется то, что название много раз встречается в ходе нашего расследования. Действительно, вспомним, что Приорат Сиона назвал Вифанией свой «ковчег» в Ренн-ле-Шато, а Соньер, явно по его просьбе, назвал Вифанией построенную им большую виллу*.

Итак, в конце четвертого Евангелия в этих таинственных стихах мы видим *сообщничество* Иисуса с «человеком из Вифании» даже на предмет предоставления осла. Согласно тексту Иисус просит «любимого ученика» остаться на месте и подождать его возвращения. Не должны ли они вместе принять какие-то меры? И не касаются ли эти меры семьи Иисуса? В самом деле, в момент казни он доверил свою мать любимому ученику, и если у него были жена и дети, то надо было бы их тоже ему доверить, особенно если этот ученик является его шурином.

Согласно преданиям, мать Иисуса умерла в изгнании, в Эфесе, где было написано четвертое Евангелие; но никто не

---

* «Вифания» по-французски произносится «Бетани» или «Бетания».

знает, жила ли она до конца своих дней у ученика. Что касается Хью Шонфилда, то он считает, что четвертое Евангелие было не написано в Эфесе, а лишь проверено, окончательно записано и издано греческими учениками Иоанна, возможно по их инициативе¹⁵.

Но если любимый ученик не уехал в Эфес, то что с ним случилось? Если, как мы верим, он и Лазарь были одним и тем же лицом, то на этот вопрос существует ответ, ибо как предания, так и некоторые писатели первых дней существования Церкви вполне определенно высказываются на этот счет. Согласно им Лазарь, Мария из Магдалы, Марфа, Иосиф Аримафейский и некоторые другие люди сели на корабль и доплыли до Марселя¹⁶. Оттуда Иосиф отправился в Англию, где основал Гластонберийскую церковь. Но Лазарь и Магдалянка остались в Галлии. По тем же преданиям, она окончила свою жизнь в Провансе, в гроте Экса, прозывающемся с тех пор Сен-Бом, а он — в Марселе, где основал первое епископство, в то время как один из их спутников, св. Максимиан, учредил епископство в Нарбоне.

Так с полотна истории стерлись Лазарь и «любимый ученик», смешавшись один с другим, доставив в Марсель вместе с Марией из Магдалы Святой Грааль, «царскую кровь». И этот отъезд был подготовлен самим Иисусом и его любимым учеником. По крайней мере, если верить заключительным стихам четвертого Евангелия.

ДИНАСТИЯ ИИСУСА

Если существовал брак Иисуса с Магдалянкой, то какую цель он преследовал? Иными словами, скрывал ли он династическое супружество или политические интересы? Корооче говоря, заслуживает ли потомство, произошедшее от этого союза, титула «царской крови»?

Если верить Матфею, установившему с самого начала в своем Евангелии царское происхождение Иисуса от царя Давида и от Соломона, то он действительно имел законные права на трон Палестины. Быть может даже, он был единственным легальным претендентом, и в этом случае надпись,

помещенная на верхушке креста, теряет свой саркастический аспект и означает по-настоящему «Царь Иудейский». Но тогда Иисус представлял серьезную опасность для Ирода и римлян, ибо он был священником-царем, способным объединить страну и весь еврейский народ.

Очень многие сегодня думают, что знаменитого «избиения младенцев», устроенного Иродом, никогда не было, а если оно и имело место, то не достигало размеров, о коих повествуют Евангелия и более поздние народные предания. Однако этот трагический эпизод не был полностью выдуман: Ирод и правда опасался, что его свергнут с трона, его положение было непрочным и целиком зависело от воли римлян. Оно основывалось лишь на грубой власти его когорты, и подданные его ненавидели.

Но в свете этого малоуспокаивающего психологического контекста и слухов о духовном спасителе, ходивших по всей Палестине, были ли события настолько тревожными, чтобы оправдать подобный акт? Если Ирод был настолько напуган, то не следует ли скорее заключить, что угроза действительно носила конкретный политический характер и исходила от законного претендента на трон, уже, может быть, пользующегося значительной народной поддержкой? Следовательно, если «избиение младенцев» на самом деле не имело места, примем, что предания имели веские причины поддерживать его кажущуюся достоверность, ибо они опирались на оправданные страхи Ирода и, таким образом, на правдоподобную попытку его избавиться от опасного соперника.

Предположение, что Иисус был серьезным претендентом на царскую корону, заставляет отказаться от определения «бедный плотник из Назарета». Не будем забывать о том, что имеются и другие подтверждения этого факта. Действительно, с одной стороны, он вовсе не «из Назарета», а, как мы видели раньше, скорее «назорей», «назорейнин» или даже «из Генисарета»; с другой — еще никто не доказал, что во времена Иисуса существовал город под названием Назарет. Он не фигурирует ни на одной карте и ни в одном документе римлян; он не упоминается в Талмуде и

еще меньше того применяется к Иисусу в Посланиях св. Павла, составленных еще до Евангелий. Наконец, и это особенно важно, он не появляется совсем в перечне городов Галилеи, составленном Иосифом Флавием, самым знаменитым историком того времени, который командовал римскими войсками в этой провинции. Он не появляется нигде по очень простой причине: этот город был, по-видимому, основан только после восстания 68—74 годов. Таким образом, это название будет позже связано с именем Иисуса из-за семантической ошибки, случайной или умышленной, каких, к сожалению, много встречается в Новом Завете.

Как бы то ни было, но название «Назарет» вызывает меньше сомнений, чем определение «бедный плотник»¹⁷, ибо ни одно из Евангелий не представляет Иисуса таковым. Напротив, он явно очень образован и даже занимался изучением религиозных вопросов, что позволяло ему проповедовать как «равви». Конечно, у него есть друзья-бедняки, но есть и очень богатые, например Иосиф Аримафейский или Никодим. Впрочем, «брак в Кане» недвусмысленно выявляет уровень его социального положения.

Если вернуться к этой свадьбе, то она определенно была очень важным событием, не таким уж обыкновенным собранием, как мы сначала вообразили. Насчитывались сотни гостей, множество расторопных слуг. Распорядитель (что-то вроде церемониймейстера) руководил всем пиршеством и, быть может, занимал в местном обществе не низкое положение. Наконец, в изобилии лилось вино, к пустым кувшинам прибавились еще шестьсот литров, превращенных Иисусом из воды. То есть это был блестящий прием, где собралось избранное общество, и само присутствие Иисуса на нем, даже если предположить, что речь не идет о его собственной свадьбе, ясно указывало на его принадлежность к этой касте, чему доказательством хотя бы расторопность, проявленная по отношению к нему слугами.

Итак, если Иисус принадлежал к этому обществу и если он был женат на Магдалеянке, возможно, что эта последняя занимала в нем подобное же положение, и ее связи при дво-

ре Ирода подтверждают нашу догадку. Но по нашему мнению, эта догадка может пойти еще дальше.

Действительно, в самом начале Иерусалим, святой город и столица Иудеи, принадлежал, как мы уже видели, потомкам колена Вениамина. Этот последний, враждуя с другими коленами Израиля, должен был отправиться в изгнание, оставив на месте, как уточняют «документы Приората», некоторых своих членов, решивших не покидать свою родину. Позже св. Павел в главе 9 «Послания к римлянам» заявит, что он сам — потомок колена Вениаминова.

Но, несмотря на конфликты с Израилем и жестокие потери, понесенные в ходе сражений, племя — и это мы тоже видели — дало ему первого царя, Саула, помазанного пророком Самуилом, и первую царскую династию. Затем Саул был низложен Давидом из колена Иуды, и Давид, устроив свою столицу в Иерусалиме, лишил потомков Вениамина их прав на трон и на законное наследство.

Иисус, согласно Новому Завету принадлежавший к потомству Давида, был, таким образом, сыном колена Иудина, то есть в глазах потомков Вениамина он мог бы предстать как узурпатор. Но все бы изменилось, если бы он женился на женщине из колена Вениаминова. Этот союз двух вражеских династий имел бы серьезные политические последствия: Израиль получил бы царя-священника, Иерусалим возвратился бы к своим законным владельцам, народное единство было бы укреплено и права Иисуса на трон получили бы новое подтверждение.

Возвращаясь к Магдалянке, то есть к Марии из Магдалы, скажем, что если ничто в Новом Завете не указывает на то, к какому племени она принадлежала, то согласно некоторым легендам она происходила из царской династии, и именно из колена Вениаминова.

Эта совокупность фактов, как видно, сходится в одной точке, и каждое новое уточнение логически присоединяется к предыдущему. Поэтому теперь возможно стало подсмотреть намеченный заговор: так как законные права на трон имеет священник-царь из колена Давидова, Иисус заключил династический брак, представляющий бесспорный интерес

для его политического будущего. Благодаря ему он будет в состоянии объединить свою страну, мобилизовать массы, прогнать угнетателей и восстановить во всей славе прежнюю монархию, как при Соломоне. Не этим ли оправдывается неоспоримое прозвание этого человека — «Царь Иудейский»?

РАСПЯТИЕ

Духовный вождь, поддерживаемый народом, без сомнения, может представлять угрозу правительству. Но женатый человек, имеющий законные права на трон и детей, продолжающих династию, еще более опасен. Сознали ли евангельские римляне эту опасность в лице Иисуса?

Известно, что Пилат, допрашивая Иисуса, много раз называет его «Царем Иудейским», и во время распятия на кресте была прибита деревянная табличка, на которой были написаны эти слова. Как утверждает профессор С. Дж. Ф. Брэндон из Манчестерского университета, эту надпись надо рассматривать самым серьезным образом, ибо она не могла быть прибита в насмешку, как это часто думают. Во-первых, о ней упоминают все четыре Евангелия, и, во-вторых, в силу того, что она подразумевает в этот решающий момент в жизни Иисуса, она не могла быть придумана впоследствии.

В Евангелии от Марка, допросив Иисуса, Пилат спрашивает у верховных священников: «Что же хотите, чтобы я сделал с Тем, Которого вы называете Царем Иудейским?» (Марк, 15, 12). Итак, некоторые евреи говорят об Иисусе как о своем царе, и Пилат в Евангелиях вроде бы не противится этому. В его отношении не видно ни малейшего следа иронии или сарказма, как раз наоборот. По Иоанну, мы видим, что он допрашивает и выслушивает Иисуса самым серьезным образом, несмотря на протесты его окружения. Что же касается ответа Иисуса на вопрос: «Ты Царь Иудейский?», то он одинаков во всех четырех текстах: «Ты говоришь...», то есть: ты сам это сказал. Это подразумевает, что Пилат признал его и его права на царский титул.

Важно отметить еще раз, что Евангелия были написаны во время после бунта 68—74 годов — в период, когда Иудея перестала существовать как политическая и общественная реальность. Они были предназначены для греко-римской публики и в этой связи должны были соответствовать определенным требованиям, как мы это видели выше. Рим вел против евреев дорогостоящую войну, она увенчалась победой, и для авторов четырех книг было более разумным подогнать рассказ под требования момента. Так же было и для Иисуса; долгое время бывшее скрытым возбуждение в Иудее переросло в настоящее восстание, и лучше было бы стереть с этого образа черты политического бунтаря, неспособного благосклонно принимать существующую власть. Таким образом, элементарной осторожностью было свети до минимума ответственность римлян за суд и казнь Иисуса и представить их как можно более чуждыми этим событиям. Так, Пилат представлен терпимым, примирительным и не очень склонным высказаться за поспешную казнь¹⁸. Но вопреки этим вольностям, допущенным авторами Евангелий, можно определить истинную позицию Рима в этом деле.

Согласно Евангелиям, Иисус сначала был приговорен синедрионом, или советом старейшин, который затем привел его к Пилату, заставляя прокуратора выступить против него. Действительно, в трех синоптических Евангелиях Иисус был арестован и приговорен синедрионом в ночь накануне Пасхи, тогда как по еврейским законам синедриону было категорически запрещено собираться во время Пасхи¹⁹. В Евангелиях арест и суд над Иисусом происходит ночью, в синедрионе, но еврейский закон равно запрещал собираться синедриону после наступления дня в частных домах или других местах за стенами Храма. Наконец, в Евангелиях синедрион не кажется облеченным властью выносить смертные приговоры, и именно по этой причине Иисуса отвели к Пилату. Однако синедрион имел право приговорить к смерти побитию камнями. Если бы совет старейшин действительно хотел лишить Иисуса жизни, то он сам приговорил

бы его именно к этой казни, не имея нужды испрашивать разрешения Пилата.

Много раз различные авторы толкований на Евангелия пытались переложить ответственность за эти события с римлян на евреев. Таков эпизод с Пилатом, предлагающим толпе освободить одного узника на ее выбор, как это часто делалось по обычаю во время праздника Пасхи, говорят нам Марк и Матфей. Но на самом деле эта версия совершенно ошибочна²⁰. Многие ученые сегодня пришли к согласию и признали, что римляне никогда не проводили такую политику. Предложение римского прокуратора — Иисус или Варавва? — есть чистая фикция, как чистой фикцией является его нежелание выносить смертный приговор Иисусу и его вынужденное подчинение пожеланию толпы.

В действительности было совершенно немыслимым для представителя римских законов, а в особенности для такого жестокого человека, как Понтий Пилат, склониться перед капризом народа, и еще менее того — спрашивать его мнение. Мы повторяем, что цель этой басни состояла в том, чтобы освободить римлян от ответственности, переложить ее на евреев и сделать из Иисуса персонаж, способный понравиться будущим читателям четырех Евангелий.

Вполне возможно, что не все евреи были абсолютно невиновны в этом. Даже если римская администрация боялась угрозы царя-священника, претендующего на трон своих предков, то она не могла открыто применить репрессивные меры, способные вызвать огромное по своим масштабам восстание евреев. Следовательно, для нее гораздо более разумным было сделать так, чтобы этот человек был открыто предан своими же соотечественниками, и в этих целях она, возможно, использовала услуги саддукеев. Тем не менее остается очевидным одно: Иисус был жертвой римской администрации, римского правосудия, римского приговора, грубости римских солдат и казни, приготовленной исключительно римлянами для врагов Рима. Иисус был распят не за «преступления» по отношению к евреям, а за его деятельность, которая угрожала Римской империи²¹.

КЕМ БЫЛ ВАРАВВА?

Есть ли в Евангелиях свидетельства, что у Иисуса были дети?

Об этом там не написано ничего определенного. Но раввины могли иметь детей. И если Иисус был раввином, он, наверное, не остался бы бездетным. Допустим, сам по себе этот аргумент не является неопровержимым свидетельством. Но есть свидетельство более конкретное, более специфичное. Оно состоит в странном человеке, которого в Евангелии называют Варавва или, точнее, Иисус Варавва — ибо под этим именем он фигурирует в ранней рукописи Евангелия от Матфея. Даже если это ничего не значит, то лишь одно совпадение поражает.

Современные ученые не уверены, откуда произошло и что означает слово «Варавва». По нашему мнению, словосочетание Иисус Варавва может оказаться искаженным Иисус Верабби. «Верабби» — это звание самых почитаемых рабби (учителей), и ставилось оно после имени²². Иисус Верабби могло относиться и к самому Иисусу. Или Иисус Варавва мог изначально быть Иисус бар Рабби — Иисус, сын Рабби. Нигде нет записи о том, что отец Иисуса был рабби, учителем. Но если Иисус имел сына, названного тоже Иисусом, то этот Иисус мог быть Иисусом, сыном Рабби. Есть еще один вариант. Иисус Варавва может происходить от Иисус бар Авва, и поскольку «Авва» на иврите означает «отец», Варавва тогда будет означать «сын отца» — совсем бессмысленное определение, если «отец» не обозначает кого-то особенного. Если бы «отец» являлся Отцом Небесным, тогда слово «Варавва» могло бы опять же относиться к самому Иисусу. С другой стороны, если сам Иисус есть отец, то Варавва будет относиться к его сыну.

Какое бы смысловое значение и происхождение ни имело это имя, сама фигура Вараввы весьма любопытна. И чем больше размышляешь об эпизоде, в котором он фигурирует, тем отчетливее становится видно, что происходит нечто странное и от нас пытаются что-то скрыть. Во-первых, имя Варавва, как и имя Магдалина, подвергалось намеренному и

систематическому очернению. Общепринято считать Магдалину проституткой, а Варавву вором. Но если Варавва был одним из тех, кого подразумевает это имя, едва ли он был обычным вором. Зачем тогда чернить его имя? Разве что он являлся кем-то еще в реальной жизни, и редакторы Нового Завета не хотели, чтобы последующие поколения знали об этом.

Строго говоря, Евангелия не описывают Варавву как вора. Согласно Марку и Луке, он политический узник, мятежник, обвиненный в убийстве и подстрекательстве к восстанию. В Евангелии от Матфея, однако, Варавва описан как «знатный узник». А в четвертом Евангелии Варавва назван по-гречески *lestai* (Иоанн, 18:40). Это слово можно перевести как «грабитель» или «бандит». Но в историческом контексте оно значило нечто иное. Так обычно римляне называли зилотов²³, воинственных, националистически настроенных революционеров, подстрекавших к социальному перевороту. Поскольку Марк и Лука соглашаются, что Варавва виновен в подстрекательстве к мятежу и поскольку Матфей не возражает против этого утверждения, можно сделать вывод, что Варавва был зилотом.

Но это не единственная информация о Варавве. Согласно Луке, он принимает участие в «беспорядках» и в подстрекательстве к бунту в городе. История не упоминает о каких-либо беспорядках в Иерусалиме того времени. Однако в Евангелиях написано об этом. Согласно Евангелиям, в Иерусалиме за несколько дней до распятия Иисус и его последователи перевернули столы менял в Храме. Кажется вполне вероятным, что это именно те беспорядки, в которых принимал участие Варавва и за которые его посадили в тюрьму. В таком случае напрашивается вывод: Варавва входил в окружение Иисуса.

Современные ученые считают, что обычая отпустить узника в еврейскую Пасху не было. Но даже если этот обычай и существовал, выбор Вараввы, а не Иисуса не имеет смысла. Если бы Варавва был обычным преступником, к тому же виновным в убийстве, почему народ выбрал его, сохранив ему жизнь? А если он был действительно зилотом, революционером, маловероятно, что Пилат выпустил бы такого по-

тенциально опасного человека, а не безобидного духовидца, который собирался воздать «кесарю кесарево». Из всех несоответствий, несообразностей и невероятностей в Евангелиях выбор Вараввы — один из самых поразительных и необъяснимых. Что-то явно скрывается за такой неуклюжей и приводящей в замешательство фальсификацией.

Один из современных исследователей предложил интригующее и правдоподобное объяснение. По его версии, Варавва сын Иисуса, а Иисус законный царь²⁴. Если это так, то выбор Вараввы приобретает смысл. Представим угнетенный простой народ, столкнувшийся с неминуемой смертью их духовного и политического руководителя — Мессии, чье пришествие обещало так много. В таких обстоятельствах разве не будет важнее династия, чем один человек? Разве не важнее всего сохранить родословную? Разве народ, поставленный перед ужасным выбором, не предпочтет увидеть своего царя распятым, только чтобы сохранить его потомка? Если его сын выживет, по крайней мере, будет надежда на будущее.

Нет ничего невозможного в том, что Варавва был сыном Иисуса. Считается, что Иисус родился около 6 года до нашей эры. Распятие произошло не позднее 36 года нашей эры. В это время Иисусу исполнилось, самое большее, 42 года. Но даже если бы ему было и 33 года, когда он умер, он все равно мог иметь сына. В соответствии с обычаями того времени он мог жениться в 16 или 17 лет. И даже если бы он женился в 20 лет, то мог иметь 13-летнего сына, который по иудейским обычаям уже считался мужчиной. И конечно, у Иисуса могли быть и другие дети. Этих детей он мог зачать в любое время, вплоть до кануна распятия.

ПОДРОБНОСТИ РАСПЯТИЯ

До того как быть казненным, Иисус смог родить ребенка, а если ему удалось выжить, то еще одного или нескольких. Но имеется ли серьезное доказательство того, что он избежал смерти, или того, что распятие было всего-навсего обманом?

Личность Иисуса, такая, какой она появляется в Евангелиях, делает распятие в некотором роде необъяснимой вещью. Действительно, нам говорят, что его главными врагами были влиятельные евреи из Иерусалима; но эти враги, которые не нуждались ни в какой согласии Рима, чтобы побить его камнями, прекрасно могли между собой решить уничтожить этого надоевшего им человека. Кроме того, не вступив в конфликт с римской властью, не нарушив ее законов, Иисус был тем не менее приговорен римлянами согласно их эдиктам и процедурам. Еще более удивительно то, что назначенной ему карой было распятие — смерть, уготованная, как мы уже видели, тем, кто был виновен в преступлениях против империи. Следовательно, Иисус не был таким уж невинным в плане политическом. Напротив, он тем или иным образом спровоцировал гнев римлян (а вовсе не евреев).

Каковы бы ни были обстоятельства, по которым Иисуса приговорили к распятию, его смерть на кресте окружена противоречиями. Мы можем, забегаая вперед, сказать, что это распятие, как его описывают Евангелия, вовсе не должно было стать для Иисуса роковым.

В самом деле, римская практика распятия технически происходила точно разработанным способом²⁵. После приговора человека бичевали, он терял много крови и очень скоро сильно ослабевал. Потом его руки привязывали ремнями либо — чаще — прибивали гвоздями к тяжелой горизонтальной балке, которую клали ему на шею и плечи. С этой ношей приговоренный направлялся к месту казни, где эту балку вместе с жертвой поднимали и прибывали к вертикальному столбу или колу.

Подвешенный таким образом за руки, распятый больше не мог дышать, если только его ноги не были также прибиты к кресту: тогда он мог на него опереться, чтобы приподнять грудь, освободить легкие и совершать слабые дыхательные движения. В таких условиях, и особенно если казненный отличался хорошим здоровьем, у него был какой-то шанс прожить еще один или два дня, находясь, правда, в состоянии, близком к агонии. Так, некоторые казненные, у которых ноги имели хоть какую-то опору, продолжали жить на кре-

сте в течение некоторого времени, прежде чем умереть от истощения, от жажды или, если гвозди были ржавыми, от заражения крови. Чтобы прекратить страдания и ускорить смерть, жертве иногда перебивали ноги или колени, как поспешили это сделать, согласно Евангелиям, палачи Иисуса. Это было продиктовано не садизмом, но, наоборот, актом милосердия, позволявшим ускорить смерть. Не имея возможностей поддерживать давление в груди, жертва быстро задышалась.

Современные ученые согласны в том, что только автор четвертого Евангелия был очевидцем распятия. Как он утверждает, ступни Иисуса были прибиты к кресту, что позволяло ему кое-как дышать, и ноги не были перебиты. Теоретически он мог прожить еще два-три дня. Однако он пробыл на кресте всего несколько часов, прежде чем был объявлен мертвым. Сам Пилат (Марк, 15, 44) удивляется, что Христос так быстро умер.

Отчего же умер Иисус? Не от удара копьем, так как четвертое Евангелие уточняет (Иоанн, 19, 33), что к этому моменту он уже был мертв. Тогда от истощения, от грубого обращения, которые он перенес? Возможно, но не обязательно, ибо все эти условия, вместе взятые, не влекли за собой неизбежную смерть, по крайней мере так быстро. Кое-что еще кажется подозрительным. Согласно четвертому Евангелию, палачи Иисуса готовы перебить ему голени, чтобы ускорить смерть. Но зачем им беспокоиться на этот счет, если он и так уже умирал? Короче говоря, не было смысла ломать Иисусу ноги, если только его кончина не была неотвратима.

В случае Иисуса эта последняя появляется, так сказать, в очень подходящий момент, как раз вовремя, чтобы помешать солдатам сломать ему кости. И вовремя, чтобы одно из пророчеств Ветхого Завета оказалось выполнено. Кстати, многие комментаторы считают, что Иисус «запрограммировал» свою жизнь в соответствии с пророчествами Ветхого Завета, относящимися как раз к пришествию Мессии. Именно по этой причине, например, ему пришлось раздобыть себе осла в Вифании, чтобы торжественно вступить в Иерусалим. Этими же причинами, которые должны совпасть

с древними преданиями, объясняются и отдельные подробности распятия²⁶.

Короче, эта предполагаемая «смерть» Иисуса, которая в последний момент спасает его от непереносимой кончины и позволяет таким образом выполнить предсказания Ветхого Завета, по меньшей мере подозрительна. Неправдоподобная и слишком совершенная, она очень хорошо совпадает с приходом солдата, готового вмешаться, чтобы ускорить конец. В этих условиях не исключена позднейшая вставка в текст или исполнение плана, тщательно выработанного заранее, и все возможные предположения тяготеют больше ко второму выводу.

В четвертом Евангелии Иисус, поднятый на крест, жалуется на жажду, и кто-то тут же протягивает ему губку, смоченную в уксусе. Этот жест, переданный одинаково в других Евангелиях, в противовес прочно укоренившемуся мнению не имел никакого злого умысла. Уксус, или «кислое вино», был кислотатым на вкус напитком, который считался возбуждающим. Его часто использовали раненые римские солдаты или рабы на галерах, слишком измученные, чтобы продолжать свою работу.

Но что любопытно, в случае с Иисусом уксус производит совершенно обратный эффект. Едва Иисус его вдыхает либо пробует на вкус, как произносит свои последние слова и «испускает дух». Такая реакция является физиологически необъяснимой, если только губка была пропитана не уксусом, а каким-нибудь наркотическим или снотворным составом, например смесью опиума и белладонны, которую приготавливали тогда повсеместно на Ближнем Востоке. Но зачем Иисусу дали такой наркотик, если не для того, чтобы подчиниться требованию искусной военной хитрости и создать видимость смерти? Таким образом Иисусу не только спасали жизнь, но и выполняли пророчество Ветхого Завета.

Есть и другие необычные аспекты распятия, работающие на ту же стратегию. Так, само место казни располагается на Голгофе, то есть в местности, название которой переводится как «череп». По традиции ее представляют голым холмом на северо-западе Иерусалима, напоминающим по

форме череп. Но место распятия вовсе не похоже на такое, ибо в четвертом Евангелии мы находим следующее описание: «На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен» (Иоанн, 19, 41). То есть Иисус был казнен в саду, где имелся готовый гроб или склеп, либо поблизости от этого места, а не в одном из публичных мест, предназначенных для казней, не на вершине голого холма. Согласно Матфею (27, 60), могила и сад являлись собственностью Иосифа Аримафейского, богатого человека и тайного ученика Иисуса.

Кроме того, народные предания описывают распятие как важное событие, на котором присутствовала целая толпа зрителей. Однако Евангелия дают различные версии происходящего. Согласно Матфею, Марку и Луке при казни присутствовали многочисленные друзья Иисуса, среди которых было много женщин, и держались они «вдалеке» (Лука, 23, 49). Это еще раз подтверждает, что казнь совершалась, если можно так выразиться, в интимной обстановке, на частной территории, возможно в Гефсиманском саду. Если этот сад принадлежал одному из «тайных» учеников Иисуса, то его использование учителем для распятия становится вполне правдоподобным²⁷.

Не стоит говорить, что казнь, совершаемая в таких приватных условиях, могла быть просто мистификацией — поддельным распятием, искусно срежиссированным ритуалом. Рядом присутствовало лишь несколько свидетелей. Все происходило достаточно далеко от посторонних глаз, и у большинства зрителей на самом деле не было возможности проверить личность казненного и еще менее того — был ли он действительно мертв.

Конечно, подобная мистификация должна была совершаться с согласия Понтия Пилата или влиятельного члена римской администрации. А такое сообщничество вполне могло иметь место, ибо Пилат был жестоким, коррумпированным тираном, безусловно склонным к подкупу. Почему же он колебался в выборе: обменять жизнь Иисуса на деньги или на его обещание не вмешиваться больше в государственную политику? Даже если не заходить так далеко, то все

равно бесспорно то, что он был сильно замешан в это дело, что он прекрасно знал о стремлении Иисуса к титулу Царя Иудейского и что он удивился — или притворился удивленным — столь быстрой смерти его, прежде чем согласиться (главная деталь!) выдать тело Иисуса Иосифу Аримафейскому.

Согласно римским законам тело распятого не имело права на погребение²⁸, и обычно вокруг крестов ставилась стража, чтобы помешать родственникам или друзьям похоронить его. Жертву оставляли на кресте на милость стихии и на съедение хищным птицам. Но Пилат, сознательно нарушая закон, позволяет Иосифу Аримафейскому снять тело. Не есть ли это явное доказательство его сообщничества, свидетельствующее еще и о многом другом?

Действительно, в Евангелии от Марка Иосиф Аримафейский просит у Пилата тело Иисуса. Тот, удивленный такой быстрой смертью, посылает центуриона проверить и, удовлетворенный, отдает тело Иосифу. Внешне все просто. В греческом же переводе этого Евангелия контекст гораздо более сложен, ибо, когда Иосиф просит тело, он употребляет слово «*soma*», которое применяется исключительно к живому телу, тогда как Пилат, согласившись на его просьбу, употребляет слово «*ptoma*», означающее труп²⁹. Отсюда явно следует, что в данном случае просьба Иосифа касается живого тела, а разрешение Пилата относится к мертвому, хотя он, возможно, лишь притворяется, считая его таковым.

Римские законы, как мы уже говорили, отказывают в погребении распятым, и в этих условиях удивительно, что Иосиф получает разрешение располагать телом Иисуса. Но для чего он просил это разрешение? Имел ли он на него право? Если он действовал как «тайный» ученик приговоренного, он не мог подавать такую просьбу, не выдавая тем самым своего тайного ученичества. Разве что Пилат уже знал о его убеждениях или какой-то другой фактор оправдывал просьбу Иосифа Аримафейского.

Об Иосифе Аримафейском известно немного, только то, что он был членом синедриона, совета старейшин, управляющего еврейским сообществом Иерусалима под эгидой

римлян, и обладал весьма значительным состоянием, в которое входил сад со склепом у городских ворот. Зато определено известно, что он пользовался достаточно большим влиянием, чтобы поддерживать прямые отношения с Пилатом.

Средневековые легенды идут еще дальше, ибо они приписывают Иосифу Аримафейскому охрану Святого Грааля и видят в Персевале одного из его потомков. Согласно более свежим источникам кровные узы связывали его с Иисусом и его семьей. В таком случае он имел полное право по закону требовать тело своего родственника, и это позволяло Пилату, которого легко было подкупить, отдать ему тело.

Одним словом, Иосиф Аримафейский, богатый и влиятельный член синедриона, на самом деле был родственником Иисуса, и в этом мы видим доказательство аристократического происхождения последнего. Во всяком случае, это родство объясняет его связь со Святым Граалем и «царской кровью».

СЦЕНАРИЙ

Мы уже пытались построить гипотезу относительно существования потомства Иисуса. Теперь мы придадим ей новые размеры и большую связность благодаря объяснению, хотя бы и преждевременному, некоторых решающих деталей.

Иисус, явный царь-священник, аристократ и законный претендент на трон Палестины, попытался вернуть себе свое законное наследство. Родом из Галилеи, глубоко враждебный навязанному римлянами режиму, он рассчитывал на то, что по всей стране, а особенно в Иерусалиме, он найдет богатых и влиятельных сторонников. Среди них фигурировал могущественный член синедриона, возможно, один из его родственников. Благодаря своей жене или ее семье царь-священник располагал также большим домом в Вифании, в окрестностях Иерусалима, где он находился накануне триумфального въезда в столицу. Именно в этот дом он приглашал учеников на обряды посвящения, как это было с его шурином.

Делая это, он мог только вызвать сильное оппозиционное движение со стороны римской администрации и некоторых традиционалистских еврейских кругов, например саддукеев, которым удалось открыто противодействовать его планам, хотя они и не смогли его полностью нейтрализовать по причине поддержки, которой он пользовался в высоких сферах. По соглашению с коррумпированным римским прокуратором они решили устроить и провести в частном саду инсценировку распятия, на которой присутствовали бы лишь самые близкие люди, а толпа стояла бы на достаточно большом расстоянии. Таким вот образом произошла предполагаемая казнь, в результате которой был распят неизвестный, заняв на кресте место царя-священника и сделав вид, что он быстро умер. Затем под покровом сумерек тело унесли и положили в могилу, вырытую рядом, откуда оно «чудесным» образом исчезло спустя день или два.

Если наш сценарий точен, куда потом направился Иисус? В соответствии с нашей гипотезой о его потомках ответ на этот вопрос не имеет значения. По некоторым мусульманским и индийским легендам, он умер в преклонном возрасте где-то на Востоке — скорее всего в Кашмире. С другой стороны, некий австралийский журналист выдвинул вполне обоснованное предположение, что Иисус умер в Масаде, когда крепость была взята римлянами в 74 году нашей эры. К этому времени его возраст приближался к 80 годам³⁰.

Наконец, согласно письму, которое получили мы сами, документы, найденные Беранже Соньером в Ренн-ле-Шато, содержали «неопровержимое» доказательство того, что Иисус еще жил в 45 году. Но где? Быть может, в Египте, в Александрии, где в то же самое время Ормус основал орден Розы и Креста, пытаясь примирить принципы христианства с древними дохристианскими таинствами? Или в окрестностях Ренн-ле-Шато, где, как говорили, было спрятано мумифицированное тело Иисуса, — такая гипотеза объясняла бы зашифрованное послание из пергаментов Соньера: «ОН УМЕР ЗДЕСЬ».

По нашему мнению, шансов на то, что он сопровождал свою семью до Марселя, мало. Во-первых, из-за его плохого

физического состояния; во-вторых, потому что его присутствие представляло бы ненужную опасность для его близких. Следовательно, ему было лучше остаться в Святой земле и со своим братом, святым Иаковом Праведным, продолжить продвижение к цели.

Итак, мы вынуждены признать, что не в состоянии сформулировать удовлетворительную гипотезу о том, что случилось с Иисусом после распятия, но, повторяем, в пределах нашего расследования эта деталь не кажется нам главной. Зато большой интерес, на наш взгляд, представляет судьба его шурина, жены и детей. Если наш сценарий верен, они вместе покинули Святую землю на корабле и высадились в Марселе. Обладательница бесценного сокровища, Мария из Магдалы, Магдалянка, взяла с собой во Францию «Санграаль», «царскую кровь», священное будущее дома Давидова.

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ЦЕРКВИ

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что этот сценарий очень далек от традиционного христианского учения. Но чем дальше шли мы по этому пути, тем больше это учение, уходящее в глубь веков, казалось нам результатом отбора, изымания и переделок гораздо более обширных и разрозненных материалов. Иными словами, Новый Завет предлагал образ Иисуса и его эпохи измененным согласно требованиям и интересам различных обществ и отдельных личностей, имевших на разных уровнях определенную цель, которую надо было охранять. Поэтому они стерли смущающие или затрудняющие детали, например «тайное» Евангелие от Марка, и оставили тем самым пространство для всевозможных догадок.

Если Иисус был законным претендентом на трон, то, вероятно, в самом начале он добился поддержки высокопоставленных представителей народа — собственной семьи, членов местной аристократии и отдельных личностей из Иудеи и Иерусалима. Но этого, очевидно, было недостаточно, чтобы помочь осуществлению его планов, главным из которых было овладение троном. Он был вынужден искать более существенную поддержку в других слоях общества и для этого применил самое надежное средство привлечения сторонников — исполнение миссии. Не одной из этих современных, циничных и разрушительных миссий, а миссии благородной и великодушной, праведной и идеалистической, которая, несмотря на ее большую оригинальность в плане религиозного содержания, имела своей основной целью принести как можно больше согласия. Иисус обратился к угнетенным, страждущим и преследуемым, к огромной толпе униженных и несчастных, которые были особенно расположены воспринять слова успокоения и надежды.

Если современный читатель захотел бы на несколько мгновений пренебречь многочисленными предрассудками и идеями, в своей совокупности затемняющими наше суждение, то он нашел бы здесь механизм, необыкновенно похожий на тот, который сегодня мы встречаем повсюду, — механизм, предназначенный для того, чтобы объединить отдельных индивидуумов во имя общего дела, чтобы сделать их инструментом, побеждающим господствующий деспотический режим. Этическая и политическая миссия Иисуса была, таким образом, прежде всего направлена на страждущих и преследуемых, угнетенных и несчастных, которые могли дать ему необходимую поддержку, а не на саддукеев, сотрудничающих с римлянами и не склонных поделиться своими богатствами или скомпрометировать свою благонадежность.

Миссия Иисуса, такая, какой ее передают Евангелия, не несла в себе ничего нового или исключительного, ибо в ней можно найти элементы фарисейской доктрины и, как это доказывают рукописи Мертвого моря, явные следы ессейской мысли. Но если его учение действительно не было оригинальным, то способ его передачи был таковым: Иисус на самом деле в высшей степени обладал даром исцелять и творить чудеса, говорить с толпой при помощи образных проповедей и заклинаний, доступных всем. Кроме того, в противовес его предвестникам ессеям, он не ограничивался заявлениями о пришествии мессии; он сам представлялся мессией, и доверие к нему, как и его авторитет, сильно возросли.

Несомненно то, что, въезжая в Иерусалим, Иисус уже собрал вокруг себя значительное количество последователей. Но они делились на две разные категории, интересы которых совершенно отличались друг от друга. С одной стороны, маленькое ядро «посвященных» — его собственная семья, члены местной знати и влиятельные лица, желавшие увидеть своего кандидата на троне. С другой — толпа, маленькие люди, спешившие увидеть выполненными обещания, содержащиеся в его миссии. Исключительно важно видеть разницу между этими двумя группами, политические

цели которых были одинаковыми, но мотивировки — абсолютно разными.

Поэтому союз, и так непростой для них, совсем перестал существовать после провала их общих планов. Объятое страхом маленькое ядро его близких первым делом бросилось спасать, хотя бы и ценой изгнания, единственное сокровище, по-настоящему ценное для них, как и для любой знатной или королевской семьи, — потомство. Что касается адептов миссии, равнодушных к судьбе рода, они лишь постарались передать и распространить его Слово.

Эта миссия, которой мы им обязаны, — христианство, такое, каким оно прошло через века, прежде чем дойти до нас. Развитию и распространению его посвящено столько учений и трактатов, что не стоит затрагивать здесь эту тему. Скажем только, что со св. Павлом эта миссия выкристаллизовалась в свою окончательную форму и что на этой основе поднялось все теологическое здание христианской веры. Можно сказать, что в эпоху, когда были составлены Евангелия, основные принципы новой религии, возможно, уже были определены.

Новая религия, как мы уже видели, была предназначена главным образом для римской или романизированной аудитории и должна была представлять все события в выгодном для римлян свете в ущерб евреям. Но это не единственный элемент, свободно истолкованный нарождающимся христианством по отношению к исторической действительности. Действительно, римляне привыкли обожествлять своих лидеров, например Цезаря, и нужно было сделать Иисуса богом, чтобы соперничать с ними на равных. Это и сделал св. апостол Павел.

Но для того, чтобы обосноваться в Палестине, завоевать Сирию и Малую Азию, Грецию, Египет, Рим и Западную Европу, новая религия должна была повсюду быть принята народами и соразмеряться с их верованиями. Иными словами, власть, величие и чудеса нового бога должны были обладать способностью к конкуренции с теми богами, которых он хотел вытеснить. Короче, если Иисус желал внедриться в романизованном мире его эпохи, то ему нужно было представляться не мессией в старом смысле этого слова, не

царем-священником, а настоящим Богом во плоти. Как и ему подобные сириец, финикиец, египтянин и другие, он хотел пройти по подземному миру и через мрачную тьму ада, чтобы выйти оттуда с весной, помолодевшим и торжествующим. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что понятие воскресения приобрело такое значение и что Иисуса начали сравнивать с Таммузом, Адонисом, Аттисом, Осирисом и бесчисленной когортой умирающих и воскресающих богов, которые населяли в то время страны и сознания. По той же причине была провозглашена доктрина о его рождении от девственницы. А праздник Пасхи, праздник смерти и воскресения, совпадал с ритуальными праздниками весны и вечного обновления из других современных ему культов и таинств.

Но с учетом того, что надо было продвигать миф о «боге», его земная семья, его политические и династические амбиции оказывались лишними, ибо, привязанные к эпохе и специфической личности, они стесняли его притязания на универсальность. Поэтому-то их систематически исключали из биографии Иисуса, так же как и все намеки на зилотов и ессеев: было бы очень затруднительно смешивать бога с грязными подробностями заговора, к тому же обреченного на провал. Таким образом, в Евангелиях остались те тексты, которые нам известны сегодня, рассказы суровой, магической простоты, описывающие события, лишь по воле случая происшедшие в Палестине I века, занятой римлянами, но в общем-то принадлежащие вечности, как и свойственно любому мифу.

В то время как «миссия» шла своим путем, семья и ученики Иисуса шли своим. Как писал в III веке Юлий Африкан, оставшиеся в живых родственники Иисуса обвинили Иродов в том, что те уничтожили генеалогические документы знатных еврейских семей, тем самым устранив все свидетельства незаконности прав Иродов на трон. Затем эти родственники «эмигрировали по всему миру» и увезли с собой несколько документов, избежавших уничтожения в 66—74 годах¹.

Но эта семья могла быстро стать неудобной, даже опасной для мифа. Действительно, будучи свидетельницей исто-

рической картины, которая служила ей основой, она рисковала подвергнуть этот миф сомнению, бросить на него тень недоверия и, таким образом, серьезно скомпрометировать его будущее распространение. Поэтому очень скоро христианство постаралось стереть из своего прошлого все следы этой семьи, этого потомства и их честолюбивых намерений. Оно также постаралось уничтожить по мере возможности саму семью. Этим объясняется молчание членов этой семьи и ее существование в подполье, нетерпимость первых отцов Церкви к малейшему отклонению от ортодоксального пути, который они пытались навязать, и, быть может, один из корней антисемитизма. Признавая римлян невиновными, а евреев — виновными, «адепты миссии» и распространители мифа достигали двух целей: они приспособляли миссию к римской публике и скомпрометировали семью Иисуса. Спровоцированный таким образом антисемитизм послужил бы их интересам еще лучше. Если бы семья нашла убежище в еврейской общине где-нибудь в пределах империи, то гонения против этого народа могли бы навсегда утихомирить неудобных свидетелей.

Потворствуя римской аудитории, обожествляя Иисуса и используя евреев в качестве козлов отпущения, зародыши христианской ортодоксии имели все шансы распространиться и укрепиться в течение II века. Многие помогли этой эволюции, и среди них на первом месте находится Иринеи, епископ Лионский около 180 года.

Иринеи внес даже больший, чем ранние отцы Церкви, вклад в то, чтобы придать молодой христианской религии стабильную форму. Его объемистый пятитомный труд «*Libros quinque adversus haereses*»* с жаром осуждает и обвиняет все отклонения от ортодоксии, известные издавна еретические течения. Их различию, их преступлениям и их заблуждениям он противопоставляет единство, истинность и превосходство христианской церкви, единственной «достойной преданности», единственной способной даровать

---

* «Пять книг против ересей» (лат.).

спасение, вне которой существуют только еретики, достойные самой худшей кары.

Теория гностиков была в глазах Ириней одной из самых злостных форм отклонения, облаченных в христианскую доктрину. Основывающаяся на личном опыте и на личной связи с Богом, она сводила к минимуму роль священников и епископов и мешала образованию настоящего единения. Епископ Лионский стремился разрушить гностицизм, отвергая личное общение с Богом в пользу коллективной веры, ставшей бесспорной благодаря установлению определенных и окончательных догм. Так родилась теологическая система и совокупность основных принципов, составленных таким образом, что они не оставляли места личной инициативе. Ириней противопоставлял ей единственную католическую, то есть универсальную, церковь, основанную, с одной стороны, на апостольских преданиях, а с другой — на Писании. Но раньше ему нужно было определить и раз и навсегда зафиксировать содержание написанного послания, которое впредь должно было послужить орудием. И, пройдя через видение Ириней, Новый Завет стал таким, каким мы его знаем сегодня.

Тем не менее ереси не исчезли, как раз наоборот, они цвели пышным цветом. Но благодаря Иринейю христианство стало прочной доктриной с четкой структурой — условие, необходимое для того, чтобы оно выжило и имело успех. Поэтому было бы разумным считать, что епископ Лионский подготовил дорогу тому, что произошло сразу после царствования Константина, — христианизации Римской империи.

Роль Константина в истории и развитии христианства была предметом многочисленных и ошибочных толкований. Особенное затруднение вызывает эпизод с его предполагаемой дарственной. Однако именно его влиянию приписывают, и не без основания, решительную победу «адептов миссии» Иисуса. Но чтобы определить действительные обстоятельства, главенствовавшие в тот важнейший момент, нам надо отделить историю от вымысла.

Согласно церковной традиции Константин унаследовал от своего отца явную предрасположенность к христианству.

В действительности эта предрасположенность была прежде всего вопросом целесообразности, ибо тогда христиан было много, а Константин нуждался в любой поддержке против Максенция, своего соперника, претендующего на императорский трон. В 312 году, одержав победу над Максенцием при переходе Мульвинского моста, Константин остался единственным хозяином империи. Но еще раньше произошел случай, который легенда оспаривает у истории. Во время молитвы, как говорят, Константин увидел на небе сияющий крест, окруженный девизом: «In hoc signo vinces» — «Сим победишь». Затем некий-то голос приказал ему поместить щиты и знамена солдат под защиту креста. И тут же все украсили себя монограммой Христа, составленной из двух первых букв — греческих «X» и «S» — имени «Xristos». Вот таким чудесным образом была одержана победа на Мульвинском мосту, представляемая в дальнейшем как триумф христианства над язычеством.

Такова, согласно народной легенде, роль Константина в обращении Римской империи к новой религии. Но если в легенде это произошло исключительно благодаря ему, то историческая действительность — не стоит и уточнять — представляется совершенно иным образом и заслуживает того, чтобы ее тщательно проанализировали.

Прежде всего, «обращение» Константина, раз уж укрепился этот термин, ни в коем случае не было христианским, но, бесспорно, языческим. Будущему императору, возможно, действительно было видение около языческого храма, посвященного Аполлону Галльскому, то ли в Вогезах, то ли в окрестностях Отена. Как сообщает свидетель, сопровождавший Константина и его армию, видение представляло собой бога солнца, каковому в некоторых культах поклонялись под именем Sol Invictus (Непобедимое Солнце). Очень вероятно, что Константин как раз перед этим появлением был посвящен в одно из этих таинств, ибо, когда римский сенат возвел недалеко от Колизея триумфальную арку в честь победы у Мульвинского моста, он снабдил памятник надписью: «Instinctu divinitatis» — очень неопределенные слова, но явно показывающие, что победа была результатом «божественного вдохновения». А в проникнутом язычеством

Риме ни Иисуса, ни кого-либо другого, кроме Sol Invictus, бога Солнца, просто не могло быть².

Вопреки тому, во что слишком часто верят, Константин вовсе не признал христианство официальной религией Римской империи. Действительно, во время его царствования никто не перестал поклоняться солнцу, да и он сам всю свою жизнь был верховным жрецом этого культа. Непобедимое Солнце было повсюду: и на императорских знаменах, и на всех монетах, отчеканенных в империи. Образ Константина как ревностного христианина, таким образом, противоречит истине, особенно если вспомнить, что крестился он лишь в 337 году, находясь на смертном одре, и был слишком слаб, чтобы оказать хоть малейшее сопротивление. Что касается монограммы, составленной из греческих букв «X» и «S», то невозможно постичь их точное значение, так как похожая надпись была найдена на одном из надгробий в Помпеях, и сделана она была на два с половиной века раньше³.

Культе Sol Invictus, пришедший из Сирии, был навязан римскими императорами своим подданным за сто лет до царствования Константина. Несмотря на некоторое сходство с культами Ваала и Астарты, это был главным образом монотеистический культ, ибо он отдавал солнцу все атрибуты других богов, признавая приоритет единственного божества универсального влияния. Кроме того, он сочетался с культом Митры, также бога Солнца и олицетворения светила, почитаемого тогда во всей Римской империи. Итак, для Константина, в высшей степени озабоченного политическим, религиозным или территориальным объединением, культ солнца, вечного победителя мрака, прекрасно подходил и замечательно служил его целям в той мере, в какой он превосходил все другие культы.

Таким образом, он довольно спокойно позволил христианскому монотеизму сначала проскользнуть, а потом вырасти и развиваться в терпимую тень обожествленного светила. Это последнее сильно облегчало его внедрение, ибо христианство взамен принимало некоторые его отношения к культу солнца, давно укоренившемуся на Римской земле. Так, в 321 году эдикт Константина приказал закрывать судебные палаты в день «поклонения Солнцу», объявленный затем

выходным днем. До этих пор днем, посвященным божественному культу, был иудейский «шаббат», то есть суббота. Теперь его заменило воскресенье, и новая религия, гармонично соединенная с древней, еще немного отошла от своих иудейских корней. Также до IV века Рождество Иисуса отмечалось 6 января. В культе Непобедимого Солнца самым главным днем в году, праздником солнца, было 25 декабря, день, когда светило начинает свой восходящий путь к новому году после зимнего солнцестояния, а день начинает увеличиваться. Символизирующий рождение или возрождение, этот день впоследствии станет для христиан праздником Рождества.

Наконец, так как существовало много общих точек соприкосновения обоих культов — Митры и Непобедимого Солнца⁴ — один и тот же бог, один и тот же день отдыха, один и тот же день рождения, 25 декабря, — такие же точки, естественно, должны были быть у христианства и культа Митры, ибо оба они акцентировали внимание на бессмертии души, Страшном суде и воскресении мертвых.

Верный своим мечтам об объединении, Константин максимально уменьшил разницу между тремя религиями и сознательно предпочел не видеть между ними никаких противоречий. Так, он терпимо относился к обожественному Иисусу, земному проявлению Непобедимого Солнца. Затем он одарил Рим монументальной христианской базиликой, приказав заодно возвести такую же монументальную статую богини-матери Кибелы и выгравировать гигантские изображения бога Солнца. В подобном эклектичном жесте императора следует видеть его озабоченность поддержанием гармоничного единства и мира в его государстве. Вера у него была неотделима от политики, и в той мере, в какой она рождала сплоченность, любая вера для него заслуживала терпимости.

Собственно говоря, не будучи большим христианином-традиционалистом, Константин много сделал для объединения и единообразия христианской ортодоксии. В 325 году он собрал в Никее Первый Вселенский собор, который установил день празднования Пасхи в литургическом календаре, определил власть епископов — зародыш будущего церков-

ного всемогущества — и путем голосования постановил⁵, что Иисус был Богом, а не смертным пророком, утвердив тем самым Символ Веры. Но, повторим, не набожность и не религиозные убеждения продиктовали такое его отношение. Если бы Иисус был Богом, то он прекрасно мог бы жить в согласии с Солнцем, тоже богом, но если бы он был только смертным пророком, это согласие стало бы гораздо более труднодостижимым. Так христианская ортодоксия без колебаний поддалась слиянию с государственной религией в обмен на мудрую и полную поддержку римского императора.

В следующем после собора в Никее году Константин решил уничтожить и конфисковать все произведения, языческие либо «еретические», опасные для новой религии. Затем он назначил Церкви твердый доход и поселил епископа Римского в Латранском дворце⁶. Наконец, организуя и финансируя в 331 году изготовление новых экземпляров Библии, он оказывал христианской религии неоценимую услугу, единственную за всю его историю.

Действительно, в 303 году, за четверть века до вышеописанных событий, языческий император Диоклетиан приказал уничтожить как можно больше христианских сочинений. Доверив своим редакторам исправить это зло, Константин предоставлял стражам догмы удобный случай пересмотреть и исправить тексты согласно их убеждениям или требованиям текущего момента, чем они благополучно и воспользовались. Очень возможно, что именно в это время и были произведены самые значительные изменения в Новом Завете. Тогда же были уточнены и окончательно установились определения, касающиеся Иисуса, к которым в дальнейшем уже невозможно будет вернуться.

Нельзя недооценивать бесспорно важную роль Константина. Из пяти тысяч экземпляров сохранившихся первых версий Нового Завета ни одна не датируется эпохой до IV века⁷. Такой, каким мы знаем его сегодня, Новый Завет по большей части появился в течение этого века или позже. Следовательно, его можно считать произведением стражей ортодоксии, «адептов миссии», преисполненных сознанием высшего долга — охраны интересов.

ЗИЛОТЫ

После правления императора Константина история развития ортодоксального христианства хорошо знакома и подробно задокументирована. Известно, что своей кульминации оно достигло в триумфе «адептов миссии». Но даже если «миссия» и сделалась направляющим и руководящим принципом западной цивилизации, она все же продолжала вызывать нападки. Даже из своей ссылки «в небытие» эта семья своими претензиями на трон и самим своим существованием представляла явный вызов, вызов неприятный и угрожающий ортодоксальному Риму.

Римская ортодоксия основана в основном на книгах Нового Завета. Но сам Новый Завет — это всего лишь подборка ранних христианских документов, датируемых начиная с IV века. Есть множество более древних работ, чем Новый Завет в его теперешнем виде, и среди них есть и такие, которые проливают новый свет на общепринятые официальные повествования.

Например, есть тексты, исключенные из Библии, известные теперь как апокрифы. Некоторые апокрифы датируются VI веком. Но есть уже известные во II веке, которые могут претендовать на такую же достоверность, как и оригинальные Евангелия.

Одна из таких работ — Евангелие от Петра, копию которого нашли впервые в долине Верхнего Нила в 1886 году, хотя ее упоминает уже епископ Антиохийский в 180 году нашей эры. Согласно этому апокрифическому Евангелию Иосиф Аримафейский был близким другом Понтия Пилата. Если это правда, вероятность инсценировки распятия увеличивается. Евангелие от Петра сообщает, что склеп, в котором Иисус был похоронен, находился в месте, называемом «сад Иосифа». Последние слова Иисуса на кресте особенно поражают: «Власть моя, власть моя, отчего ты оставила меня?»⁸

Другой интересный апокриф — Евангелие детства Иисуса (Евангелие от Фомы), датируемое не позднее II века, а может быть, и раньше. В этой рукописи Иисус предстает как истинно человеческое дитя, однако с чудесными способ-

ностями. Он неуправляем и резок, подвержен гневу и довольно безответственно демонстрирует свои силы. Однажды он даже наносит смертельный удар ребенку, оскорбившему его. Такая же судьба постигла и его слишком требовательного воспитателя. Подобные эпизоды, несомненно, являлись случайными, но они противоречили тому, как надо изображать Иисуса, если он должен впоследствии получить статус богоподобного среди своих учеников.

В дополнение к скандальному поведению Иисуса-ребенка есть еще один любопытный и важный фрагмент в Евангелии о его детстве. После того как Иисусу сделали обрезание, его крайнюю плоть забрала некая пожилая женщина и сохранила ее в алебастровой шкатулке, обычно используемой для хранения нарда. «И именно эту алебастровую шкатулку принесла Мария-грешница и помазала ее содержимым голову и ноги Господа нашего Иисуса Христа»⁹. Здесь, как и в официальных Евангелиях, где упоминается помазание, оно явно важнее, чем кажется, и равносильно некоему важному ритуалу. Но в данном случае ясно, что помазание было предусмотрено и подготовлено заранее. Весь этот эпизод подразумевает связь — хотя неясную и запутанную — между Магдалиной и семьей Иисуса уже задолго до того, как Иисус начал свою миссию в возрасте тридцати лет. Вполне разумно допустить, что родители Иисуса не отдали бы его крайнюю плоть первой же женщине, которая попросит об этом, — даже если бы в столь странной просьбе не было ничего необычного. Поэтому старица либо была важной особой в этих краях, либо была близка к семье Иисуса. То, что Магдалина обладала столь странной реликвией — или, во всяком случае, ковчезцем от нее, — предполагает связь между нею и той старицей. И снова мы столкнулись с чем-то, что было гораздо важнее, чем считают сегодня.

Определенные отрывки в апокрифах — например, невоздержанность Иисуса в детстве, — несомненно, приводили в замешательство ранних христиан. Да и сегодня это неприятно удивило бы верующих. Правда, следует помнить, что апокрифы, как и официальные книги Нового Завета, составлялись «адептами миссии», склонными обожествлять Иисуса. Поэтому не следует ожидать, что апокрифы содер-

жат что-то, что могло бы серьезно скомпрометировать Послание, например любое упоминание о политической активности и еще больше о возможных династических амбициях Иисуса. Свидетельства об этом мы должны искать где-то в другом месте.

На Святой земле времен Иисуса было поразительное количество различных еврейских групп, фракций, сект и группировок. В Евангелиях упоминаются только две — фарисеи и саддукеи, и обе представлены как секты злодеев. Однако на роль злодеев подходят только саддукеи, сотрудничающие с римской администрацией. Фарисеи находились в непримиримой оппозиции к Риму. Сам Иисус если и не был фарисеем, то действовал, по существу, в традициях фарисеев¹⁰.

Чтобы привлечь внимание к романизированной аудитории, Евангелия обязаны были обелить Рим и очернить иудеев. Это объясняет, почему фарисеи были представлены в ложном свете и намеренно заклеены позором вместе с настоящими виновными соотечественниками Христа — саддукеями. Но почему в Евангелиях ничего не говорится о зилотах — воинственных, националистически настроенных «борцах за свободу», революционерах, которых римляне с удовольствием посчитали бы за негодяев? Есть ли правдоподобное объяснение тому, что упоминание о зилотах изъято из Евангелий? Возможно, Иисус был так тесно связан с ними, что эту связь нельзя было отрицать, а потому ее следовало скрыть. Как считает профессор Брендон, «молчание Евангелий о зилотах... указывает на отношения между Иисусом и этими патриотами, которые евангелисты предпочли не раскрывать»¹¹.

Каковы бы ни были возможные связи Иисуса с зилотами, нет сомнения, что распяли его как одного из них. И действительно, два человека, якобы распятые рядом, названы *Iestai* — так римляне обозначали зилотов. Сомнительно, что сам Иисус являлся зилотом. Тем не менее в разных отрывках из Евангелий он демонстрирует воинственность, которую можно сравнить с агрессивностью зилотов. В одном случае он объявляет, что пришел «принести не мир, но меч». А в Евангелии от Луки велит своим ученикам, которые не имеют меча, обзавестись им (Лука, 22, 36). Иисус лично по-

сле пасхальной трапезы проверяет, как они вооружены (Лука, 22, 38). В четвертом Евангелии Симон-Петр держит в руках меч в момент ареста Иисуса. Трудно примирить такие факты с общепринятым образом кроткого пацифиста Спасителя. Разве разрешил бы такой Спаситель ношение оружия одному из его любимых учеников, тому, кто предположительно первым услышал его проповедь?

Если Иисус и не был зилотом, Евангелия — вопреки себе — выдают и подтверждают его связь с этим воинственным движением. Есть убедительное свидетельство в пользу связи Вараввы с Иисусом. Варавва же описан как *Iesai*. И Иаков, и Иоанн, и Симон Петр — всех можно подозревать в симпатиях к зилотам, если не в участии в самом движении. Согласно современным авторитетам, Иуда Искариот — это «Иуда из сикариев», а *sicarii* — еще одно название зилотов. Очевидно, сикарии являлись элитой зилотов, первоклассными профессиональными убийцами. Наконец, у Иисуса есть ученик по имени Симон. В греческом переводе Евангелия от Марка Симона называют *Καπαπαῖος* — греческая транслитерация арамейского слова «зилот». В Библии короля Якова греческое слово переведено неправильно, и Симон появляется как «Симон из Ханаана». Но Евангелие от Луки не оставляет места для сомнения. Симон четко определен как зилот, и даже Библия короля Якова представляет его как «Симона-зилота». Таким образом, нет сомнения, что среди учеников Иисуса находился по меньшей мере один зилот.

Если отсутствие — или, точнее, видимое отсутствие — зилотов в Евангелиях поражает, то поражает и отсутствие ессеев. На Святой земле во времена Иисуса ессеи являлись сектой столь же уважаемой, как фарисеи и саддукеи, и непонятно, почему Иисус не контактировал с ними. Из того, что говорится об Иоанне Крестителе, можно сделать вывод, что он принадлежал к ессеям. Отсутствие ссылок на ессеев, очевидно, продиктовано теми же соображениями, что и изъятие всех упоминаний о зилотах. Короче, связь Иисуса с ессеями, как и его отношения с зилотами, вероятно, были слишком тесными и слишком хорошо известными, чтобы их отрицать. Поэтому их просто исключили.

От историков и хроникеров, работающих в то время, известно, что ессеи имели общины по всей Святой земле, а вполне возможно, что и в других местах. Они появились около 150 года до нашей эры, они исповедовали Ветхий Завет, но толковали его скорее как аллегорию, а не как буквальную историческую истину. Они отрицали традиционный иудаизм в пользу гностического дуализма — почитания солнца и философии Пифагора. Они были целителями, и их высоко ценили за терапевтические методы лечения. Этих суровых аскетов отличали по простому белому одеянию.

Большинство современных ученых считают, что знаменитые рукописи Мертвого моря, найденные в Кумране, принадлежат ессеям. Безусловно, учение секты аскетов-мистиков, живших в Кумране, имело много общего с философией ессеев. Как и учение ессеев, рукописи Мертвого моря отражают дуалистическую теологию. В то же время они усиленно проповедовали идею прихода Мессии — «помазанника» — из рода Давидова¹². Сектанты также соблюдали особый календарь, согласно которому пасхальная служба проводилась не в пятницу, а в среду, что согласуется с пасхальной службой в четвертом Евангелии. И в нескольких важных отрывках рукописи почти слово в слово совпадают с некоторыми проповедями Иисуса. По крайней мере, может показаться, что Иисус знал о Кумранской общине и в какой-то степени согласовал свои проповеди с их учением. Один из экспертов по рукописям Мертвого моря считает, что они «дают дополнительное основание верить, что многое из описанного в Новом Завете — это проекция того, что ожидается от Мессии, в жизнеописании самого Иисуса»¹³.

Была ли секта в Кумране сектой ессеев или нет, не столь важно. Ясно то, что Иисус — даже если он формально и не изучал учения ессеев — весьма сведущ в вопросах их философии. Ведь многие из его проповедей отражают учение, приписываемое ессеям. А его способность исцелять также предполагает некоторое знакомство с ними. Тщательное изучение Евангелий показывает, что ессеи могли оказать даже большее влияние на служение Иисуса.

Ессеев легко узнать по белым одеждам, которые реже встречались в то время на Святой земле, чем можно судить

по картинам и кинофильмам. В гностическом Евангелии от Марка белая льняная одежда играет важную ритуальную роль. Это подчеркивается и в официальной версии Евангелий. Когда Иисус проводил посвящение в тайную школу в Вифании или где-либо еще, его белое льняное одеяние подразумевало, что эти посвящения являлись по сути своей ессейскими. Более того, мотив белых льняных одежд появляется во всех четырех Евангелиях. После распятия тело Иисуса «чудесным образом» исчезает из гробницы, рядом с которой появляется как минимум один человек, одетый в белое. По Матфею, это ангел, «и одежда его бела как снег» (28, 3). У Марка это юноша, «облаченный в белую одежду» (16, 5). У Луки — «два мужа в одеждах блистающих» (24, 4), а четвертое Евангелие говорит о двух ангелах «в белых одеяниях» (20, 12). В двух из этих Евангелий фигура или фигуры в гробнице и рядом с ней даже не наделены сверхъестественным статусом. Предположительно это мертвые, но эти люди неизвестны ученикам. Логично предположить, что это ессеи. И с учетом способности ессеев исцелять такое предположение становится весьма логичным. Если Иисус после снятия с креста был еще жив, услуги лекаря явно пришлись бы кстати, и даже если бы он оказался мертв, врачеватель, вполне вероятно, присутствовал бы на всякий случай. А в то время на Святой земле не было более высоко ценимых целителей, чем ессеи.

Согласно нашей версии последователи Иисуса по тайному сговору с Пилатом организовали «якобы» распятие на частной земле. Вероятнее всего, это было устроено не лично «адептами миссии», а сторонниками его потомства. Другими словами, его семьей и/или другими аристократами, и/или членами его ближнего окружения. Эти люди могли иметь связи с ессеями или сами быть ими. Однако для «адептов миссии» — рядовых последователей Иисуса, представленных Симоном Петром, — эта уловка осталась неизвестна.

В гробнице Иосифа Аримафейского, куда унесли Иисуса, ему потребовалась бы медицинская помощь, для чего и присутствовал ессей-целитель. А после, когда гробницу на-

шли опустевшей, опять же потребовался человек, неизвестный рядовым последователям Иисуса. Он должен был бы успокоить ничего не подозревающих «адептов миссии» и действовать как посредник между Иисусом и его учениками, а также опередить обвинения римлян в ограблении или осквернении гробницы, что могло спровоцировать опасные гражданские волнения.

Точен наш сценарий или нет, ясно, что Иисус был тесно связан и с ессеями, и с зилотами. Поначалу это может показаться странным, ибо считается, что нельзя совместить зилотов и ессеев. Зилоты агрессивны, несдержанны, воинственны, склонны к убийству и террору. Ессеи же, наоборот, часто описывают людьми, далекими от политики, мирными и мягкими по натуре. Но на самом деле в рядах зилотов находилось много ессеев, ибо зилоты являлись не сектой, а политической партией. Как политическая фракция они получали поддержку не только от фарисеев, настроенных против римлян, но и от ессеев, которые были такими же агрессивными националистами.

Связь зилотов и ессеев особенно очевидна из трудов Иосифа, у которого можно почерпнуть много сведений о Палестине того времени. Иосиф Бен Меттафий родился в семье знатного иудея в 37 году нашей эры. Когда разразился мятеж в 66 году, его назначили губернатором Галилеи, где он принял командование силами, направленными против римлян. Но как военный командир он оказался несостоятельным, и его взял в плен римский император Веспасиан. После этого он предал свой народ. Приняв римское гражданство под именем Иосифа Флавия, он развелся с супругой и женился на богатой римлянке. Он получил богатые дары от римского императора, в том числе личные апартаменты в императорском дворце, а также земли, конфискованные у евреев на Святой земле. После его смерти примерно в 100 году стали появляться его многочисленные хроники.

В «Иудейской войне» Иосиф дает подробное описание восстания 66—74 годов. Именно от Иосифа последующие историки узнали многое о том гибельном бунте, о разграблении Иерусалима и о разрушении Храма. Книга Иосифа

25. Массонское захоронение XVII в. Череп и скрещенные кости указывают, что здесь похоронен магистр. Многие подобные могилы датируются ранее основания Великой Английской ложи в 1717 г.

26. Серебряный реликварий с трепанированным черепом Дагоберта II, убитого близ г. Стене 23 декабря 679 г. Череп хранится в монастыре в Монсе.

27. Пьер Плантар де Сен-Клер. 1979 г.

28. Пьер Плантар де Сен-Клер с сыном Томасом. 1979 г.

29. Золотая рукоять меча и ножны, украшенные гранатами. Найдены в могиле Хильдерика I, отца Хлодвига I.

30. Хрустальный шар, найденный в могиле Хильдерика. Множество таких шаров найдено в захоронениях Меровингов. Их назначение неизвестно.

31. Две золотые пчелы — все, что осталось от трехсот штук, найденных в могиле Хильдерика.

32. Церковь тамплиеров в Гарвее, Херефордшир. Первоначальное здание было круглым, но его разобрали и перестроили.

33. Рисунки над умывальником в южной ризнице церкви в Гарвее, изображающие крылатую пирамиду, эмблему солнца, рыбу и змею.

34. Иудейская монета времен Антиоха VII, 138—29 гг. до н. э. Стилизованная лилия, возможно предшественница французской геральдической лилии, была символом Иудеи.

35. Окно в форме звезды Давида

36. «Легенда о лилии». Иллюстрация XV в. к легенде о божественном происхождении геральдической лилии, символа французских королей. Хлодвиг I получает знамя с изображением лилии из рук своей жены, королевы Клотильды.

37. Клод Виньон. Картина без названия, изображающая Готфрида Бульонского в терновом венце. Картина написана в 1623 г. для Клода Лотарингского, чей герб изображен справа. Клод и его брат Карл де Гиз были учениками Роберта Фладда, великого магистра Приората Сиона.

Флавия содержит уникальные сведения о падении в 74 году крепости Масада, расположенной на юго-западном изгибе Мертвого моря.

Как и замок Монсегюр спустя каких-то тысячу двести лет, Масада осталась в истории как символ упорства, героизма и мученичества при защите проигранной битвы. Как и Монсегюр, она продолжала сражаться с врагами еще долго после того, как все другие организованные очаги сопротивления были подавлены. В то время как вся остальная Палестина пала под натиском римлян, Масада оставалась неприступной. Наконец в 74 году положение крепости стало отчаянным. После постоянной бомбардировки города с помощью тяжелых осадных машин римляне пробили брешь, которая дала им возможность прорвать оборону. В ночь на 15 апреля они приготовились к общему штурму. В ту же ночь 960 человек, в том числе женщины и дети, находящиеся в крепости, совершили самоубийство. Когда римляне ворвались в Масаду на следующее утро, они нашли лишь трупы и объятый пламенем город.

Иосиф сопровождал римские войска, вошедшие в то, что осталось от Масады, утром 16 апреля. Он пишет, что лично видел окровавленные тела горожан и разговаривал с тремя выжившими — женщиной и двумя детьми, которые прятались в подземных ходах под крепостью, пока гарнизон убивал себя. От них Иосиф услышал подробное описание того, что произошло ночью. Согласно этому рассказу, командира гарнизона звали Элезар (интересно, что это вариант имени Лазарь). Употребив всю силу своего красноречия, Элезар убедил защитников принять такое страшное решение — умереть вместе. В своих хрониках Иосиф повторяет увещевания Элезара такими, как он услышал их в пересказе выжившей женщины. И эти увещевания чрезвычайно интересны. Из них становится ясно, что Масаду защищали воинствующие зилоты. Сам Иосиф использует термины «зилоты» и «сикарии». И все же обращения Элезара нельзя даже условно назвать проникнутыми традиционной иудейской философией. Наоборот, Элезар говорил как ессей, гностик и дуалист:

«С тех пор как человек стал думать, слова наших предков и богов, поддержанные действиями и духом наших праотцов, постоянно внушали нам, что жизнь, а не смерть есть несчастье человека. Смерть дает свободу нашим душам и позволяет им вернуться в их собственный дом, где они не будут знать никаких бед. Но пока они заключены в смертном теле и делят с ним его несчастья, воистину они мертвы. Ибо связь божественного со смертным неправильна. Определенно душа может многое сотворить, даже когда она заключена в теле: она делает тело своим органом чувств, невидимо двигая им и заставляя его совершать действия, на которые смертная природа его неспособна. Но когда, освобожденная от груза, который тянет ее вниз, к земле, висит на ней тяжким бременем, душа возвращается к себе домой, тогда воистину она приобретает благословенную энергию и совершенно неограниченную силу, оставаясь такой же невидимой для глаз человека, как и сам Бог. И ее нельзя узреть не только пока она в теле. Она входит незаметно и уходит невидимо, имея бессмертную природу, но вызывая изменения в теле. Ибо чего бы душа ни коснулась, все живет и расцветает, а что она покидает — увядает и умирает. Она вечна»¹⁴.

И далее:

«Настоящие храбрецы — это те, которые, считая жизнь всего лишь службой природе, выполняют ее неохотно и торопятся освободить души от тел своих. И хотя никакое несчастье не может изгнать душу из тела, желание жить бессмертно заставляет их объявить всем вокруг о своем неизбежном уходе»¹⁵.

Удивительно, что ни один исследователь до сих пор не прокомментировал эти увещевания, хотя они вызывают множество провокационных вопросов. Например, ортодоксальный иудаизм никогда не говорит о «душе» и еще меньше о ее «бессмертной» или «нетленной» природе. Сама концепция души и бессмертия чужда иудейской традиции. Чуждо также и верховенство духа над материей, союз с Богом после смерти человека и объявление жизни злом, делом рук

дьявола. Эти темы явно гностические и дуалистические, характерные для ессеев.

Конечно, некоторые из данных постулатов можно считать «христианскими». Не обязательно в том смысле, в каком это слово определяют теперь, а в том, в каком его применяли к первым ученикам Иисуса — тем, кто хотел в смерти соединиться с Лазарем (четвертое Евангелие). Во время восстания 66—74 годов многочисленные «христиане» сражались против римлян так же яростно, как и евреи. Многие зилоты были теми, кого сейчас назвали бы «ранними христианами», и вполне возможно, что некоторые из них находились в Масаде.

Конечно, Иосиф Флавий не пишет ни о чем подобном — если только часть текста не была изъята последующими редакторами. В то же время от Иосифа Флавия, пишущего историю Палестины I века, можно было бы ожидать упоминаний об Иисусе. Многие поздние издания работ Иосифа содержат такие ссылки. Но они описывают того Иисуса, образ которого утверждён ортодоксальной Церковью, и большинство современных ученых считают их фальшивыми вставками, датированными эпохой Константина.

В XIX веке один экземпляр «Иудейской войны» Иосифа Флавия, отличающийся от всех других, был обнаружен в России. Сам текст, переведенный на церковнославянский язык, датирован примерно 1261 годом. Переводчик явно не был ортодоксальным иудеем, потому что сохранил в рукописи много «прохристианских» высказываний. Иисус в этом переводе описан как человек, революционер и «царь, который не правил»¹⁶. Об Иисусе также было сказано, что у него «прямой пророб в волосах, как у всех назореев»¹⁷.

Ученые истратили много бумаги и энергии, опровергая подлинность рукописи, которую теперь называют «славянским Иосифом». Мы же склонны считать текст подлинным — переведенным с копии или копий труда Иосифа, переживших уничтожение христианских документов Диоклетианом и избежавших редактирования ортодоксальной церковью при Константине. Есть несколько убедительных причин для такого вывода. Если церковнославянский вариант труда Иосифа Флавия является подделкой, чьим интере-

сам он служил? Описание в нем Иисуса как царя едва ли было бы принято евреями в XIII веке. А его изображение как простого человека едва ли понравилось бы христианам в XIII веке. Более того, мыслитель Ориген, писавший в начале III века, ссылается на труд Иосифа, который отвергает Иисуса как Мессию¹⁸. Этот труд вполне мог послужить текстом, который переводился на церковнославянский язык.

ГНОСТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Второе восстание против власти Рима, как мы уже знаем, произошло через 60 лет после первого, между 132 и 135 годами. По окончании его все евреи были изгнаны из Иерусалима, который стал римским городом. Но в дальнейшем история не интересовалась более Святой землей, и мы ничего не знаем о событиях, которые происходили там в течение последующих двух веков. Без сомнения, они не слишком отличались от «мрачного Средневековья», в которое была погружена вся Европа. Тем не менее известно, что большое число верующих евреев и христиан осталось в Палестине, хотя и за пределами Иерусалима. Так же поступили и многие христиане. В частности, там имелась еврейская секта эбионитов, которые, продолжая исповедовать свою веру, одновременно почитала Иисуса как пророка, хотя и смертного.

Однако настоящий дух иудаизма и христианства покинул Святую землю. Еврейское население рассеялось по всему миру, как это уже было за семь веков до описываемых событий: тогда евреи бежали из Иерусалима, попавшего в руки вавилонян. Что касается христианства, то оно тоже вышло на широкие дороги, которые должны были привести его в Малую Азию, в Грецию, в Рим, в Галлию, Англию и Северную Африку. К сожалению, в каком бы уголке цивилизованного мира ни появлялась община, там тут же пускала корни своя версия событий, происшедших около 33 года. Бесчисленные, обязательно отличающиеся друг от друга, эти рассказы, официально объявленные ересями, могли только множиться и развиваться повсюду, несмотря на со-

вместные усилия Климента Александрийского, Иринея Лионского и других отцов Церкви.

Некоторые из этих «ересей», исходящие от очевидцев, заботливо поддерживались набожными и обращенными в ту или иную форму христианства евреями. Другие основывались на легендах и слухах или же на различных верованиях того времени: египетских, греческих или относящихся к культу Митры. Но в любом случае все они представляли серьезную опасность для «адептов миссии» и для еще очень неустойчивой ортодоксии.

О них, однако, мало что известно, кроме более или менее ошибочных сведений, которые распространялись их врагами. Как сообщают последние, эти ереси тогда делились на два основных течения: тех, кто считал Иисуса Богом без каких-либо человеческих качеств или почти без таковых, и тех, для кого он был всего лишь смертным пророком, немного похожим на такого, каким был Будда или каким будет через полтысячелетия Магомет.

Среди самых первых ересиархов* фигурирует Валентин, уроженец Александрии, который провел большую часть своей жизни (136 — 165) в Риме и считал Птолемя одним из своих сторонников. Претендуя на владение кое-какими «секретными сведениями» об Иисусе, он отказывался подчиняться римской власти и иерархии, предпочитая им непосредственную связь с Богом, источник личного знания, доктрину, которая противоречила уже действующей догме и которая будет объектом самых яростных обвинений Иринея Лионского.

Назовем также Марциона, автора не менее пагубной ереси. Богатый судовладелец, ставший епископом, он прибыл в Рим около 140 года, но его учение навлекло на него отлучение от Церкви, последовавшее четыре года спустя. Марцион осмелился установить радикальное различие между «законом» и «любовью», с которыми у него ассоциировались Ветхий и Новый Заветы. (Подобные мысли частично обнаружатся спустя более чем тысячелетие в таком произ-

---

* Ересиарх — глава еретической секты.

ведении, как «Перлесваус».) Марцион также был первым писателем, который составил канонический список книг Библии, откуда он полностью исключил Ветхий Завет, считая его не соответствующим своему идеалу. В ответ на это Ириней немедленно предложил другой список, основу той Библии, которую мы читаем сегодня.

Третьим известным ересиархом той эпохи был Василид, философ Александрийской школы, который выражал свои убеждения между 120 и 130 годами. Зная Священное Писание и Евангелия так же хорошо, как и египетскую и эллинистическую литературу, он составил не менее двадцати четырех комментариев к Евангелиям и, согласно Иринею, утверждал самую отвратительную из всех ересей, а именно: распятие было обманом и Иисус не умер на кресте, ибо его место там занял Симон Кириянин из Кирены¹⁹.

Ясно, что подобные заявления могли удивлять людей, однако они оказались весьма стойкими. В VII веке в Коране были выдвинуты такие же доводы и Симон Кириянин тоже был назван святым человеком, распятым вместо Иисуса²⁰. А ведь эту же самую точку зрения мы узнали, напомним, из таинственного письма англиканского священника, того, который заявлял, что имеет «неопровержимое доказательство» этой подмены.

И именно в Египте, а особенно в Александрии, втором городе Римской империи, месте встречи всех цивилизаций, горниле бесконечного разнообразия верований и учений, куда пришли верующие иудеи и христиане после двух восстаний в Иудее, появились на свет эти первые ереси. Также именно в Египте, следуя логике, мы должны были найти окончательное доказательство нашей гипотезы, в «Гностических Евангелиях», известных под названием «Рукописи Наг-Хаммади».

В декабре 1945 года один египетский крестьянин, копая землю неподалеку от деревни Наг-Хаммади, что в Верхнем Египте, наткнулся на кувшин из красной глины, в котором лежали тринадцать пергаментных свитков, завернутых в кожу. Не подозревая о важности своего открытия, он сам и его семья использовали большую часть документов на домашние нужды, и это продолжалось до тех пор, пока благо-

даря счастливому случаю об их существовании не прослышали эксперты. Один из найденных текстов был продан за пределами Египта, противозаконно и в чисто меркантильных целях; часть из них была приобретена фирмой «С. Дж. Юнд Фундейшн», и среди них находилось знаменитое Евангелие от Фомы.

В 1952 году египетское правительство национализировало остаток коллекции Наг-Хаммади, и девять лет спустя, в 1961 году, под эгидой собрания международных экспертов были осуществлены перепись и перевод всех рукописей. В 1972 году было закончено первое фотографическое издание первого тома, а в 1977 году наконец появился первый английский перевод всей коллекции документов.

Состоит она из небольшого количества библейских текстов. Каждый «кодекс» включает в себе множество трактатов ярко выраженного гностического характера, датирующихся примерно концом IV или началом V века. Это копии, оригиналы которых восходят к очень древней эпохе, ибо некоторые из них — Евангелие от Фомы, Евангелие Истины и Евангелие Египтян — упоминались еще ранними отцами Церкви — Климентом Александрийским, Иринеем Лионским, а также Оригеном. Может быть даже, как считает кое-кто, большая их часть была составлена до 150 года. По крайней мере один из текстов кажется более древним, чем четыре Евангелия Нового Завета²¹.

Рукописи Наг-Хаммади являются очень представительным собранием первой христианской литературы, и в этом смысле они находятся в более выгодном положении, чем Евангелия. Написанные для египетской публики, они не были объектом переделок и не подвергались никаким изменениям. Прежде всего, они основываются на свидетельствах из первых рук, на рассказах, собранных евреями, бежавшими из Святой земли и вследствие этого, возможно, имевшими счастье знать Иисуса лично. Таким образом гарантируется верность изложения конкретных исторических фактов, которую не могли предложить Евангелия.

Нет ничего удивительного в том, что эти рукописи содержат множество пассажей, выражающих враждебное отношение к ортодоксальной религии и «адептам миссии».

Например, в «Парафразе Сета» («Paraphrase de Seth»), не помеченном никакой датой, приводятся те самые доводы, которые использовал еретик Василид, заявлявший, что Иисус избежал смерти на кресте благодаря ловкой подмене.

«Я умер только с виду, — говорит в этом тексте здравствующий Иисус, — это другой был на моем месте и выпил желчь и уксус. Они побили меня тростником, но крест на своих плечах нес другой, Симон. На другого надели терновый венец... А я лишь улыбался их неведению»²².

В текстах Наг-Хаммади в ярком свете предстают и другие уточняющие детали, не существующие в официальных Евангелиях. Таковы некоторые признаки разногласия между Петром и Магдалеянкой, будущее проявление раскола между «адептами миссии» и защитниками потомства Иисуса: «Сестра моя, — действительно читаем мы в Евангелии от Марии, — мы знаем, что Спаситель любил тебя больше, чем других женщин. Передай нам его слова, которые ты помнишь, которые ты слышала и которых мы не знаем»²³. Но дальше ученик вопрошает, не скрывая на этот раз своего возмущения: «Должны ли мы все слушать ее? Действительно ли он предпочитал ее нам? Может ли быть, чтобы в наше отсутствие он говорил с женщиной, вместо того чтобы открыто поговорить с нами?»²⁴. «Я верю этому, — отвечает тогда Петру другой ученик, — ибо Спаситель знал ее лучше, чем кого-либо, и поэтому он любил ее больше, чем нас»²⁵.

Впрочем, многочисленные отрывки из Евангелия от Филиппа, кажется, проясняют нам причину этого несогласия между Петром и Марией из Магдалы, которое удивительно похоже на ревность. Прежде всего, это намек на свадебную комнату²⁶, в котором любой не преминет увидеть символический образ. Но еще определеннее такие строки: «Их было трое, идущих всегда вместе с Иисусом: его мать Мария, его сестра и Магдалеянка, та, которую называли его спутницей»²⁷. Спутница? Или же это слово надо перевести как «супруга»?²⁸ В самом деле, Филипп не оставляет на этот счет никаких сомнений, когда он недвусмысленно передает поведение Иисуса по отношению к ней:

«Спутницей Спасителя была Мария из Магдалы. Христос любил ее больше, чем всех своих учеников, и часто целовал ее в губы. Другие ученики обижались на это, не пытаясь даже скрыть свое неодобрение, и спрашивали Иисуса: Почему ты любишь ее больше, чем лютого из нас? А Спаситель отвечал в свою очередь: Почему бы мне не любить ее больше, чем вас?»²⁹

Не лишены интереса и различные комментарии по этому поводу в Евангелии от Филиппа: «Нельзя отрицать плоть и любовь. Если вы боитесь их, вы станете их рабом, но если вы ими злоупотребляете, они поглотят вас и парализуют целиком»³⁰. И еще: «Велико таинство брака, ибо без него мир не существовал бы. Существование мира зависит от человека, а существование человека — от брака»³¹. Наконец, далее: «Есть Сын человека и есть сын Сына человека. Господь есть Сын человеческий, а сын Сына человеческого есть тот, кто создан через Сына человеческого»³².

ДИНАСТИЯ ГРААЛЬ

Благодаря рукописям Наг-Хаммади возможность существования прямого потомства от Иисуса становилась правдоподобной. Действительно, с какой стати сомневаться в свидетельстве, «гностическом», конечно, но не менее достоверном и не менее достойном веры в него, чем тексты Нового Завета? По какой причине нужно отбросить сразу такую версию, даже спорную, как подмена на кресте, несогласие между Петром и Магдаляянкой, свадьба Иисуса и рождение «сына Сына человеческого»? Тем не менее пусть все нас хорошо поймут. Еще раз повторим, что мы имеем дело с историей, а вовсе не с богословием. Ибо история во времена Иисуса была такой же сложной, каковой она является и сегодня, и потому подвергается самым различным толкованиям.

Как мы предположили ранее, конфликт между Петром и Марией из Магдалы, упомянутый в рукописях Наг-Хаммади, мог быть отражением конфликта между «адептами миссии» и потомством Иисуса. Первые, а не вторые вышли из него победителями, и ход западной цивилизации оказался из-за этого измененным. Получив монополию на чтение, обучение письму, документацию, они не оставят почти никаких свидетельств того, что семья Иисуса действительно существовала, и еще меньше — что между ней и Мерovingской династией имелась хоть малейшая связь.

Победа не была легкой для защитников миссии Иисуса, потому что ереси продолжали быстро распространяться и после II века, несмотря на все усилия, принимаемые Иринеем в богословской области и Константином в области политической для упрочения молодой ортодоксии.

Если все эти ереси немного отличались друг от друга в плане богословия, то у них было много общих главных факторов. Будучи гностическими или отмеченными гностицизмом, они отрицали иерархическую структуру Рима и пропо-

ведовали личный опыт вместо слепой веры. Будучи дуалистическими, они рассматривали добро и зло скорее как элементы бесконечного космического целого, а не под углом чисто земных этических понятий. Наконец, Иисус для них был смертным, родившимся по-человечески от человеческих родителей. Возможно, он был пророком, вдохновленным свыше, но не имеющим ничего божественного, который умер на кресте или избежал этой смерти. Ставя акцент на человеческой сущности Иисуса, они ссылались прежде всего на авторитет св. Павла, писавшего в Послании к римлянам об Иисусе Христе, который «родился от семени Давидова по плоти» (1, 3).

Но самой серьезной ересью той эпохи, вероятно, было манихейство, смесь гностического христианства и элементов, заимствованных из зороастрийского культа и культа Митры. Она была делом рук Мани (или, по-гречески, Манеса), родившегося в Багдаде в 214 году и введенного в очень молодом возрасте в секту персидских мистиков в белых одеждах, практикующих аскетизм, целибат и крещение. Свою собственную доктрину Мани начал проповедовать в 240 году и по примеру Иисуса быстро стал знаменитым благодаря искусству целителя и заклинателя злых духов. Говорили, что он родился от девственницы — необходимое тогда условие для получения признания божественности. Его называли также «новым Иисусом», Спасителем, Апостолом, Озарителем, Хозяином смерти, Лоцманом и Рулевым — два последних термина, как мы уже видели, означают также «навигатора», то есть великого магистра Приората Сиона.

По мнению многочисленных арабских историков, Мани написал некоторое количество работ, предназначенных прежде всего для того, чтобы раскрыть все то, на что Иисус лишь двусмысленно намекнул. Предшественниками последнего были Заратустра и Будда; все они получили одинаковое образование, идущее из одного источника и имеющее основой гностический дуализм, связанный с великими законами всемирной космологии. Фундамент его доктрины стоял также на существовании двух противоположных принципов добра и зла, света и тьмы — вечный конфликт, смыслом которого, очевидно, являлась человеческая душа.

Как позже катары, Мани верил в перевоплощение и в класс посвященных, избранных ввиду их привилегированного положения. Для него Иисус был «сыном вдовы» (термин, как мы помним, используемый масонами), существом по сути своей смертным, божественный облик которого был лишь символическим и который не умер на кресте, потому что его заменил другой¹.

Посаженный в тюрьму по королевскому приказу в 276 году, Мани окончил свою жизнь трагически. Забитый до смерти, с содранной кожей и отрубленной головой, с искалеченным телом (вероятно, чтобы помешать возможному воскресению), он был представлен публике. Тем не менее влияние Мани пережило это мученичество, и его доктрина, манихейство, как бы получила второе дыхание. Оно распространилось по всему христианизированному миру с невообразимой быстротой. Напрасно его пытались уничтожить: оно противостояло всем атакам, а его влияние через св. Августина проникло довольно далеко в Средние века. Центры манихеев, особенно хорошо укоренившихся в Испании и на юге Франции, установили в эпоху крестовых походов тесные связи с итальянскими и болгарскими манихеями, и сегодня известно, что катары произошли вовсе не от болгарских богомилов, как долго считалось, а имели своими предками первых французских манихеев. Таким образом, война с альбигойцами была войной с манихейством, и, несмотря на усилия Рима, слово выжило и через века дошло до нас.

Такой же была и судьба арианства, которое серьезно угрожало христианской ортодоксии в течение всего ее первого тысячелетия. Появившийся на свет в Александрии около 256 года и умерший в 335 году, Арий отрицал божественную природу Иисуса и его бессмертие, признавая его лишь смертным пророком. Признавая единого всемогущего и верховного Бога — Бога, который не мог войти в плоть, страдать и тем более подвергаться смерти и унижениям, Арий успешно вмещал христианство в существующие рамки иудаизма. Эта теория имела кое-что общее с теориями некоторых иудаистских сект, многочисленных в Александрии и способных сильно повлиять на Ария. Добавим, что этот об-

раз Бога, который не связан с земным миром, имел тогда большой успех на Западе, потому, вероятно, что он казался более соответствующим идеальному представлению о высшей божественности.

Собор в Никее осудил арианство в 325 году, однако Константин, особенно на склоне своих дней, не скрывал симпатий к этой еретической доктрине. Так же было и с его сыном Констанцием, инициатором многочисленных соборов, результатом которых было изгнание многих архиереев христианской церкви. В 360 году арианство было близко к тому, чтобы окончательно сместить римское христианство, но в 381 году оно снова было официально осуждено. Однако влияние его не прекращало распространяться, и когда в V веке Меровинги пришли к власти, епископства христианского мира были либо вакантными, либо арианскими.

Готы, язычники, обращенные в арианство в IV веке, считали себя его самыми яркими сторонниками. Свевы, аланы, лангобарды, вандалы, бургунды и остготы тоже были арианами, как, впрочем, и вестготы, которые в 480 году разграбили Рим и разрушили все христианские храмы. Если накануне пришествия Хлодвига первые Меровинги были готовы принять какую-нибудь религию, то это, конечно, было христианство Ария, исповедуемое их ближайшими соседями — вестготами и бургундами.

Впоследствии христианство стало полновластным хозяином в Испании, в Пиренеях и на юге Галлии, где нашла себе убежище семья Иисуса. Следовательно, вполне уместно думать, что благодаря законам вестготов-ариан ей нечего было бояться никаких преследований, и, наоборот, она смогла породниться с местной знатью, прежде чем слиться с франками, чтобы породить Меровингов. Этому, впрочем, существует доказательство — семитские имена в вестготской королевской семье, например Бера, отец второй жены Дагоберта II. Это имя много раз встречается в вестготско-меровингской генеалогии, пошедшей от Дагоберта II и Сигиберта IV. Со своей стороны, Церковь также считала, что сын Дагоберта был обращен в арианство², — гипотеза вполне правдоподобная, ибо, несмотря на пакт, подписан-

ный Римом и Хлодвигом, все Меровинги благосклонно относились к этой религии, а внук Хлодвига Хильперик никогда не пытался скрыть своего к ней отношения.

Если арианство не было враждебно иудаизму, то оно не было враждебно и исламу, который в VII веке перенес настоящий взрыв. Как для арианства, так и для ислама Иисус, упоминаемый в Коране более тридцати раз, был не кем иным, как пророком, таким же, как Магомет — глашатай и посланник высшего Бога, но совершенно человеческое существо. Наконец, вслед за Василидом и Мани Коран открыто заявляет, что Иисус не умер на кресте: «...Они не убили его и не распяли, но на их глазах его заменили двойником»³. Некоторые мусульманские комментаторы исламского текста добавляют, что Симон Киринеянин занял его место на кресте. Другие упоминают событие, пережитое Иисусом, который присутствовал в качестве зрителя при распятии, спрятавшись за выступом стены, — версия, совпадающая с той, что изложена в рукописях Наг-Хаммади.

ИУДАИЗМ И МЕРОВИНГИ

Не нужно уточнять, с какой силой и с каким убеждением, даже перед лицом кровавых расправ, все вышеназванные ереси утверждали человеческую и смертную природу личности Иисуса. Но ни те ни другие никогда не были в состоянии формально доказать свои утверждения. Кроме намеков, встречающихся в рукописях Наг-Хаммади, не было бесспорных свидетельств о наличии прямого потомства Иисуса. Конечно, можно предположить, что некоторые очень древние документы, архивы или генеалогии систематически уничтожались в ходе многочисленных расправ, учиняемых над теми, кто пренебрегал авторитетом Рима. Даже насилие и ярость Церкви по отношению к ним подчеркивали ее страх перед подобными свидетельствами и нежелание, чтобы они когда-либо увидели свет.

Что касается нас, то в ересях мы не нашли подтверждений прямой связи Иисуса в I веке и Меровингами в IV

веке — время, когда они появились в истории. Следовательно, надо было снова искать в самом зачатке этой династии.

На первый взгляд жатва не обещала быть обильной. Конечно, имело место рождение легендарного Меровея, двойное происхождение которого, безусловно, символизировало союз двух династий. Но это «заморское чудовище», эта рыба, была ли она заключительным доказательством? Имеется еще пакт, подписанный Хлодвигом и Римской церковью, но где именно найти конкретные следы? Что же касается предполагаемой священной и божественной крови Меровингов, можно ли действительно отождествлять ее с кровью Иисуса? Какая особенная, признанная связь существовала между этими двумя потомствами? Было известно только то, что иудеи тем или иным способом повлияли на ход истории Меровингов, и не в этом ли направлении мы должны были в первую очередь вести поиски?

Меровингские короли определенно не были антисемитами. Несмотря на протесты Рима, они оказывали покровительство евреям и не колеблясь роднились с ними. Более того, их сотрудничество с ними, их благожелательное к ним отношение не нужно доказывать, ибо евреи обладали большими земельными владениями, особенно на юге Галлии, где они держали рабов и слуг-христиан и занимали высокое положение в королевском окружении, что прекрасно доказывает широту их внедрения. Впрочем, это согласие было единственным примером во всей Западной Европе до лютеранской реформы. Но, как мы увидим далее, евреи и Меровинги имели определенное количество других общих особенностей, достаточных самих по себе, чтобы объяснить их связи.

Мы помним, что Меровинги не имели права стричь волосы из-за приписываемой им чудодейственной силы. То же самое было и с назореями из Ветхого Завета. Самсон был назореем, и Иисус, возможно, тоже, как и его сводный брат Иаков.

В королевской семье Меровингов и среди ее родни также встречается определенное количество чисто еврейских имен. В 577 году брат короля Хлотаря II был назван Самсоном.

Миرون «Левит» был графом Безалу и епископом Жеронским. Одного из графов Руссильонских звали Соломоном, а еще один Соломон становится королем Бретани. Что же касается имени меровингского аббата Элизахара, то не является ли оно искаженным именем Елеазар или Лазарь? Даже имя Меровея имеет ближневосточное происхождение⁴.

Благодаря многочисленным бракам Меровингов с вестготами еврейские имена все больше распространяются. Подобные имена появлялись и в знатных семьях, так что можно предположить, что многие так называемые вестготские семейства были на самом деле еврейскими. Замечено, что историки той эпохи равно используют названия «гот» и «еврей», особенно на юге Франции и на испанской границе, где располагались главные еврейские общины. Этот регион, официально называемый Септиманией, часто назывался также Готией, и эта путаница, поддерживаемая сознательно, для многих делала невозможным отличие между собственно евреями и готами, называемыми евреями. К счастью, некоторые из них открыто носили семитские имена, которые позволяли их идентифицировать, например Бера, свекр Дагоберта. А сестра Беры вышла замуж за человека по имени Леви⁵.

Но ни еврейских имен, носимых Меровингами и вестготами, ни их общей веры в магическую силу их волос недостаточно, чтобы по-настоящему убедительно доказать реальную и бесспорную связь между ними.

Зато некая деталь показалась нам в данных обстоятельствах очень интересной, и эта деталь касалась Салического закона. Королевская династия Меровингов, вышедшая, как мы видели, из племени франков, сначала подчинялась тевтонским законам. Приспособив затем эти законы к своим новым нуждам, она узаконила и кодифицировала их по примеру римлян таким образом, что в конце V века это право под названием Салического закона стало памятником франкского законодательства. Тем не менее Салический закон в своей основе был племенным тевтонским законом, то есть предшествующим появлению римского христианства в Западной Европе. В течение следующих веков он продолжал

оставаться официальным правом Священной Римской империи, противостоящим церковным законам Рима, и вплоть до лютеранской реформы был причиной яростных нападков со стороны рыцарей и германского крестьянства на Католическую церковь, которая открыто его игнорировала.

Целая статья Салического закона — сорок пятая, названная «De Migrantibus»^{*} — долго интриговала и интригует до сих пор специалистов по франкским текстам.

Как указывает название, эта статья содержит статьи и условия, разрешающие «кочевникам» оседать и получать гражданские права. Но по единодушному мнению, она имела совсем другое, не тевтонское происхождение. Но какое же? Были выдвинуты различные гипотезы, и недавно открыли, что этот текст заимствован из иудейского права⁶, а что самое важное — из одной из глав Талмуда. Итак, Салический закон, по крайней мере частично, происходил из самой сердцевины традиционных иудейских законов, показывая этим, что Меровингам, авторам Салического закона, были известны иудейские тексты и они имели к ним доступ.

СЕПТИМАНИЯ

Тем не менее мы вынуждены были признать, что и этого открытия, каким бы интересным оно ни было, все равно недостаточно для доказательства того, что на юге Галлии существовало потомство Иисуса, которое затем породнилось с Меровингами. А так как эта эпоха не принесла нам никаких определенных доказательств, то нам нужно было снова искать в другом месте, быть может, в истории той династии, которая пришла на смену Меровингам.

Мы помним, что меровингский род, замещенный на троне Каролингами, не исчез окончательно, а выжил на юге Галлии, в независимом княжестве Разес, которое существовало уже сто пятьдесят лет под управлением знаменитого Гиллема де Желлона. И если, как мы уже видели, он был великим героем своего времени, а также героем эпопеи

---

* «De Migrantibus» — «О переселенцах» (лат.).

Вольфрама фон Эшенбаха «Виллехальм», то он был прежде всего членом семейства Грааль. Именно в его окружении мы должны были найти наконец новые и определяющие элементы, отсутствующие в нашем повествовании.

На вершине славы Гиллем де Желлон включил в число своих владений Пиренеи на северо-востоке Испании и древний регион Южной Франции, известный как Септимания. В VI и VII веках здесь находились многочисленные еврейские колонии, которые поддерживали самые сердечные отношения со своими вестготскими правителями, а те были тесно связаны с арианскими христианами, так что их равно называли «готами» и «евреями».

Однако с 711 года положение евреев в Септимании начало серьезно ухудшаться. Дагоберт II был убит, а его потомки были вынуждены скрываться в районе Разеса, вокруг Ренн-ле-Шато. Быть может, франкский трон был занят еще представителями боковых ветвей Меровингской династии, но настоящая власть отныне была в руках майордомов, будущих Каролингов, которые мало-помалу создавали при поддержке Рима собственную династию. Некоторые вестготы, обращенные в католичество, начали преследовать евреев, которые тут же среагировали, открыв объятия маврам, новым хозяевам Испании.

Испанским евреям неплохо жилось при мусульманских законах, они занимали важные административные должности в таких городах, как Гренада, Толедо и особенно Кордова. Европейская торговля, получавшая живейшее одобрение, снова начала процветать, и живущие в гармоничном единстве иудейская и исламская мысль расцветали в атмосфере взаимного уважения и согласия.

В начале VIII века мавры перешли через Пиренеи и проникли в Септиманию, где они были хозяевами приблизительно с 720 по 759 год, в то время как внук и правнук Дагоберта II вели свое тайное существование в Разесе. Разес, ставший в то время самостоятельным мавританским княжеством, со своей собственной столицей Нарбоном, зависимый от Кордовского эмирата, мог, таким образом, стать ос-

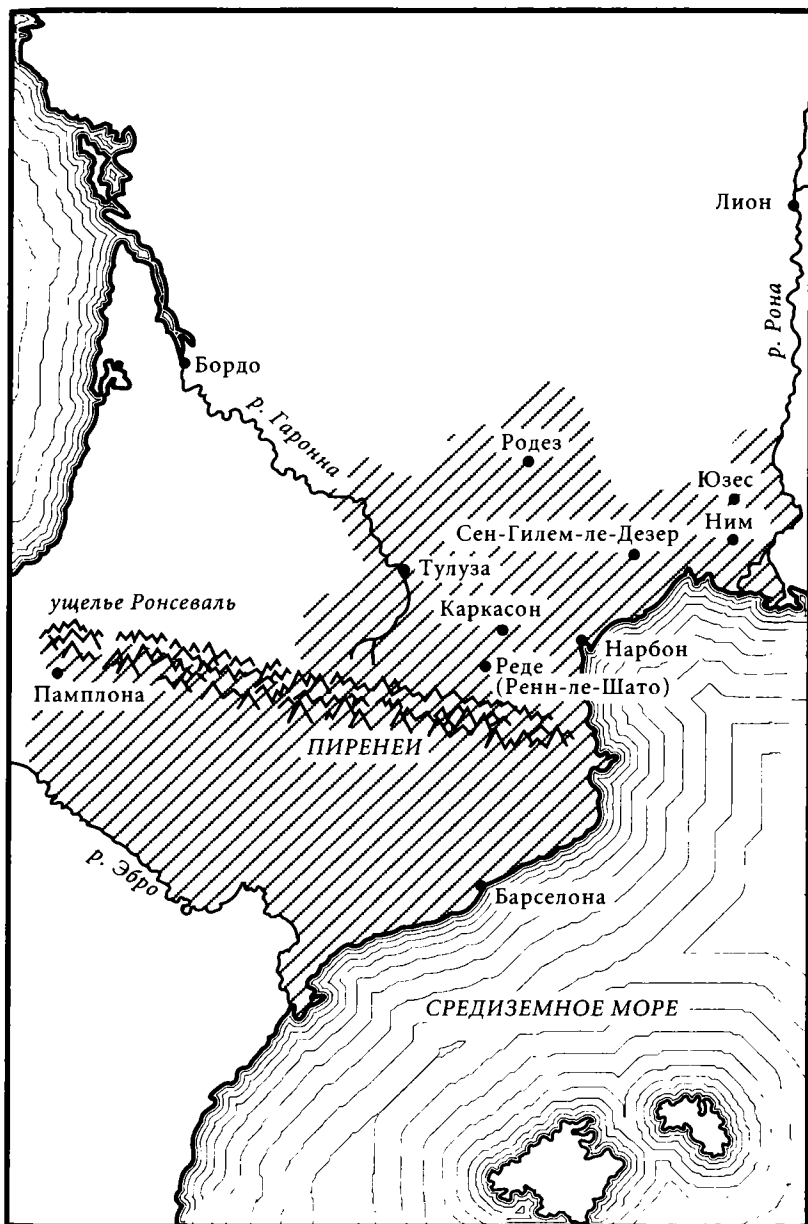

Рис. 12. Иудейское княжество в Септимиани

новным пунктом начала нашествия на север, а затем на франкские территории, простирающиеся до Лиона.

Но Карлу Мартеллу, майордому и деду Карла Великого, остановившему продвижение врага, к 738 году удалось заставить мавров отступить до Нарбона. Потом, напрасно попытавшись осадить город, прекрасно защищаемый маврами и евреями, он выместил злобу за неудачу на окрестностях столицы, полностью опустошив их.

Однако в 752 году его сын Пипин Короткий заключил множество союзов с местными сеньорами, и франки стали хозяевами Восточного и Северного Разеса. Только Нарбон еще семь долгих лет сопротивлялся их осаде — настоящий клин, вбитый в грудь каролингской власти, который необходимо было срочно выбить. Пипин и его последователи, сознающие эту слабость, попытались всеми доступными средствами оправдать и узаконить свои действия. Они вступили в союз с выжившими членами свергнутой королевской династии, затем, как мы видели, придали новое значение церемонии коронования благодаря обряду помазания, прерогатива на совершение которого принадлежала Церкви, делающей королей. Но, как считают некоторые историки, у этого обряда имелся и другой аспект: франкская монархия была лишь ответом, если не продолжением иудейской монархии Ветхого Завета. Действительно, почему Пипин, узурпировавший меровингский трон, захотел оправдать себя и свою династию с помощью символа, заимствованного из библейских времен? Не потому ли, что до него смещенная династия использовала тот же символ?

Итак, Пипин Короткий оказался перед лицом двух основных проблем: с одной стороны, упорное сопротивление Нарбона, а с другой — необходимость устраивать свое новое положение согласно с его библейскими предшественниками. По сообщению профессора Артура Цуккермана из Колумбийского университета, Пипин Короткий разрешил обе проблемы, подписав в 759 году договор с еврейским населением Нарбона. Город признал его в какой-то мере последователем ветхозаветных царей и поддержал в борьбе с

сарацинами. Взамен франкский монарх даровал евреям Септимании землю и царя, отвечавшего их надеждам⁷.

И в этом же самом году еврейское население Нарбона резко повернулось против своих мусульманских союзников, уничтожило их и открыло ворота цитадели осаждавшим ее франкам. Спустя некоторое время евреи признали Пипина своим сюзереном, а он, как и обещал, основал в Септимании иудейское княжество, подчиняющееся его власти, но практически самостоятельное. Правитель княжества получил титул «иудейский царь». В романах его называли Эмери. Согласно некоторым документам, его имя было Теодорих или Тьерри (по крайней мере, с тех пор, как он занял свое место среди франкской знати). А Тьерри, или Теодорих, младший сын Сигиберта V и отец Гиллема де Желлона, был формально признан Пипином и халифом Багдадским как «принадлежащий к царскому роду Давида»⁸.

О Теодорихе известно немного, и мнения на его счет очень расходятся. Большинство считает его потомком Меровингов⁹, а профессор Цуккерман видит в нем уроженца Багдада, одного из багдадских «беженцев», потомков евреев, осевших в Вавилоне со времен плена. Возможно, конечно, что этот «беженец» из Багдада не имел ничего общего с Теодорихом и прибыл оттуда единственно, чтобы посвятить нового царя, а потом их перепутали, ведь, как говорит все тот же профессор Цуккерман, «западные беженцы» имели кровь более чистую, чем восточные¹⁰.

Кто же были эти «западные беженцы», если не Меровинги? И почему потомок меровингского рода был признан иудейским царем, главой еврейской общины и членом царского дома Давида, как это было в случае с Теодорихом, если Меровинги, хотя бы частично, не были евреями? Разочарованные двойным предательством Церкви, освятившей убийство Дагоберта II и пришествие новой династии, не решили ли они сознательно отвернуться от Рима и связать себя вновь со своей древней верой, как это уже сделал Дагоберт II, женившись на Гизеле, дочери вестготского принца, носившего семитское имя Бера?

Как бы то ни было, Теодорих, или Тьерри, доказал свою

мудрость, женившись на Альде, сестре самого Пипина, тетке Карла Великого. В течение последующих лет он занимался только благосостоянием своей страны, увеличившейся за счет земель, дарованных Каролингами, и других, пожалованных ему Церковью несмотря на протесты Папы Стефана III и его последователей.

Сыном Теодориха, ставшим, в свою очередь, иудейским царем Септимании, был Гиллем де Желлон, граф Барселонский, Тулузский, Овернский и Нарбонский. Как и его отец, он был Меровингом, а также евреем, и к тому же царской крови, ибо его принадлежность к дому Давида была признана не только Каролингами и халифом, но и, несмотря на некоторую неуверенность, самим Папой.

Еврейское происхождение Гиллема сегодня не оставляет никаких сомнений, несмотря на многочисленные попытки истории заставить об этом забыть. Ему был посвящен цикл романсов, где он фигурирует под именем Вильгельма, принца Оранского: он бегло говорит на древнееврейском и арабском языках, а его эмблема, идентичная эмблеме «беженцев» с востока, — лев племени Иуды, который сам был предком дома Давида и, следовательно, Иисуса. Наконец, Гиллем, прозванный Кривоносым или Крючконосым, даже во время военных действий всегда устраивался так, чтобы соблюдать субботу и иудейский праздник Святых Даров. По этому поводу Артур Цуккерман справедливо замечает, что летописец, которому мы обязаны отчетом об осаде и падении Барселоны, по всем пунктам придерживается еврейского календаря: «Герцог Вильгельм Нарбонский и Тулузский командовал экспедицией, строго соблюдая основные законы иудейской религии. В этом ему была помощь и понимание короля Людовика»¹¹.

Наконец, вспомним, что Гиллем де Желлон, как и Роланд, был одним из знаменитых пэров окружения Карла Великого. А когда в 813 году последний короновал своего сына Людовика I Благочестивого, то именно Гиллему выпала честь возложить венец на голову нового короля, который сказал ему тогда: «Сеньор Вильгельм, мой род существует лишь благодаря твоему»¹². Странные слова, обращенные к человеку, чье происхождение оставалось таким темным!

Но Гиллем был не только воином. Вскоре после 792 года он основал в Желлоне академию, где собрал эрудитов, и создал знаменитую библиотеку, вскоре ставшую важным центром иудаистского учения. Говорят, что именно из этой академии вышел «язычник» Флегетанис, иудейский ученый, происходящий от Соломона, который, согласно Вольфраму фон Эшенбаху, доверил Киоту Прованскому тайну Святого Грааля.

В 806 году Гиллем оставил активную жизнь и удалился в свою академию, где и умер около 812 года. После этого академия была преобразована в ставший позже знаменитым монастырь Сен-Гильельм-ле-Дезер¹³. Желлон, известный центр иудейских учений, задолго до смерти своего основателя был одним из первых святых мест в Европе культа Магдалеянки¹⁴.

Так, один за другим, все факты становились на свои места: Иисус принадлежал к племени и к царскому дому Давида. Магдалеянка, как говорят, привезла в Галлию Грааль — Санграаль, или «царскую кровь». И в VIII веке на юге Франции имелся правитель из племени Иуды и из дома Давида, признанный иудейским царем. Этот царь также был Меровингом. Согласно поэме Вольфрама фон Эшенбаха, он и его семья были связаны со Святым Граалем.

КОЛЕНО ДАВИДОВО

Впоследствии годы постараются стереть из истории все следы еврейского королевства Разес, и в этом смысле постоянная путаница, поддерживаемая более или менее сознательно между терминами «гот» и «еврей», очень знаменательна. Некоторые намеки, некоторые рассказы тем не менее выжили, как то письмо 1143 года, в котором преподобный Петр, аббат Клунийский, жалуется Людовику VII Французскому о заявлении евреев Нарбона, что среди них якобы живет король. В 1144 году Теобальд, монах из Кембриджа, в свою очередь, упоминает о «еврейских принцах и раввинах, кото-

---

* Святого Вильгельма Пустынника (фр.).

рые живут в Испании [и] собираются в Нарбоне, где находится царский род»¹⁵. Наконец, в 1165—1166 годах знаменитый путешественник и летописец Вениамин де Тулледа сообщает, что в Нарбоне живут «мудрецы, властители и принцы, во главе которых стоит... потомок дома Давида, как он назван в своем генеалогическом древе»¹⁶.

Но эта ветвь, обосновавшаяся в Нарбоне около XII века, не была единственной, представляющей потомков Давида. Действительно, генеалогические деревья растут, ширятся, подразделяются, листва и ветви умножаются, и в один прекрасный день дерево оказывается лесом. Некоторые потомки Теодориха и Гиллема де Желлона остались в Нарбоне, но другие уехали, чтобы обосноваться в других местах и умножаться там. Иногда среди них были великие государства христианства, например Лотарингский дом и Франкское королевство в Иерусалиме.

Потомков Гиллема де Желлона мы находим среди первых герцогов Аквитанских, затем в герцогском доме Бретани. В X веке некто Гуго де Плантар, прозванный Длинноносый, потомок Дагоберта II и прямой ветви от Сигиберта IV, является отцом Эсташа, первого графа Булонского. Внуком Эсташа будет Готфрид Бульонский, герцог Лотарингский и завоеватель Иерусалима, а Готфрид, в свою очередь, даст

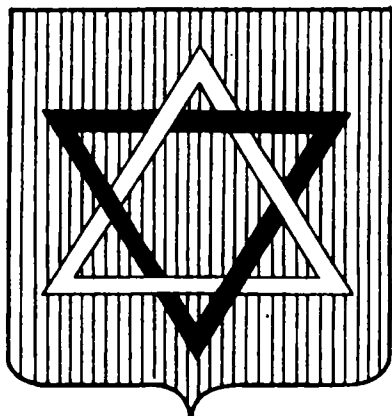

Рис. 13. Герб Ренн-ле-Шато

Рис. 14. Эмблема Приората Сиона

жизнь династии «королевской традиции», основанной на «скале Сион» и равной династиям, царствующим в ту эпоху во Франции, Германии и Англии. Если Меровинги действительно происходили от Иисуса, то Готфрид, принадлежащий к меровингскому роду, вырвав Иерусалим из рук неверных, всёго лишь отвоевал свое законное наследство.

В центре христианизированного мира Готфрид и Лотарингский дом, очевидно, тоже должны были стать католиками. Это нужно было для того, чтобы выжить и чтобы их происхождение было признано. В самом деле, рассказывают, что в XVI веке, когда Генрих Лотарингский, герцог де Гиз, вошел в город Жуанвиль в Шампани, его ждал там восторженный прием, и среди выкриков толпы можно было слышать пение «Hosannah filio David»^{*17}.

Вероятно, это всего лишь ничего не значащий анекдот, но он тем не менее присутствует в современной истории Лотарингии, вышедшей в 1966 году. Предисловие к ней принадлежит Отто Габсбургскому, имеющему и сегодня титул герцога Лотарингского и короля Иерусалимского.

---

* «Осанна сыну Давидову» (лат.).

ВЫВОДЫ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ НА БУДУЩЕЕ

«Если утверждение, что Христос восстал из мертвых, нужно понимать не буквально, а символически, тогда возможны толкования, которые не противоречат нашему знанию и не умаляют значение этого утверждения. Возражение, что символическое понимание воскресения кладет конец надежде христиан на бессмертие, несостоятельно, потому что задолго до прихода христианства человечество верило в жизнь после смерти и оно не нуждается в гарантии бессмертия, подобной пасхальным событиям. Опасность того, что мифология, понятая слишком буквально и согласно учению Церкви, будет целиком отвергнута, сегодня сильнее, чем когда-либо. Может быть, настало время понимать символически христианскую мифологию, вместо того чтобы ее отвергать?»

Карл Юнг. Непознанное «Я»

Начиная эту работу, мы не собирались что-либо доказывать или опровергать, а уж тем более выводы, к которым мы неизбежно должны были прийти. К тому же в наши намерения не входило подвергать сомнению основные принципы христианства. Нашей единственной целью было прояснить захватывающую тайну, дать ответы на вопросы, которые она поднимала, и, пользуясь этим же случаем, попытаться объяснить некоторые исторические загадки, увлекавшие многих до нас. На этом мы хотели закончить.

Но нас удивил размах, принятый нашим исследованием, и неожиданно открывшиеся перспективы, внешне абсолютно чуждые начальной теме. Что касается заключения, к которому мы пришли почти помимо нашей воли, то оно представлялось удивительным, на первый взгляд неприемле-

мым, наконец, просто скандальным и, в силу совокупности этих причин, подверженным самой яростной критике.

И теперь, в конце нашей работы, мы снова должны вернуться к жизни Иисуса и к корням религии, которую он основал. Еще раз повторим, что делаем мы это не с целью разрушить ее основы, а с целью проверить, прочно ли стоит на ногах результат нашего расследования. Последнее углубленное изучение всех комментариев Библии утвердило нас в нашем убеждении. Мы уверены, что наши выводы не только логичны, но и чрезвычайно вероятны.

Конечно, мы не могли и все еще не можем формально доказать их точность, и поэтому они остаются гипотезами. Но гипотезами вполне достоверными и осмысленными. Они отвечают на множество вопросов, предлагая в то же время очень правдоподобное толкование событий и людей, которые две тысячи лет назад оставили свой след в западном сознании, прежде чем в течение веков сформировать наши культуры и цивилизации.

Если мы сами не в силах доказать справедливость наших выводов, то, по крайней мере, у нас имеются свидетельства, что Приорат Сиона мог бы их доказать. На основе полученных от него документов и личных разговоров его членов с нами мы готовы поверить, что Приорат Сиона имеет в своем распоряжении неопровержимые доказательства выдвинутых нами гипотез. Мы не знаем точно, что это за доказательства, но тем не менее мы в состоянии выдвинуть следующее предположение.

Согласно нашей гипотезе, жена и дети Иисуса (родившиеся между 16—17 годами нашей эры и датой его смерти) покинули Святую землю и нашли убежище на юге Франции, в еврейской общине, где они обрели относительный покой. В течение V века их потомство породнилось с королевским родом франков и произвело на свет династию Меровингов. В 496 году Церковь подписала договор с новой династией, об истинном происхождении которой она, возможно, была осведомлена. Так Хлодвиг добился титула императора Священной Римской империи и «нового Константина»; в действительности же он не был «сделан» королем, а просто признан таковым.

Церковь, став впоследствии соучастницей в убийстве Дагоберта II, во второй раз предала Меровингскую династию, оказав поддержку Каролингам. Так как она была виновна в этом непростительном преступлении, то единственным выходом для нее было все скрыть, ибо, выдав настоящее происхождение Меровингов, она серьезно скомпрометировала бы себя.

Были испробованы все возможные попытки истребить потомство Иисуса, но тщетно. Вопреки всему оно выжило, пройдя через века. С одной стороны, через Каролингов, которые в какой-то мере постарались узаконить свою узурпаторскую роль, женись на меровингских принцессах, а с другой стороны, через сына Дагоберта II, Сигиберта, среди потомков которого были Гиллем де Желлон, хозяин иудейского княжества в Септимании, и Готфрид Бульонский. Со взятием Иерусалима в 1099 году потомство Иисуса возвратило себе свое законное наследство, то, которое принадлежало им еще в Ветхом Завете.

В эпоху крестовых походов истинное лицо Готфрида Бульонского, несомненно, ни для кого не было тайной, как того желала бы Церковь. Конечно, ничто не вышло наружу напрямую, но слухи ходили везде. Появились легенды, среди которых была и легенда о Лознгрине, мифическом предке Готфрида, и романы о Граале, которые во всех уголках Европы стали являть собой высшее выражение этих преданий.

Если наша гипотеза верна, Святой Грааль имел двойное значение. С одной стороны, это была кровь потомков Иисуса, «sang raal», «sang real» или «sang royal» — «царская кровь», верными хранителями которой были тамплиеры, прямо происходившие от Приората Сиона. С другой стороны, это была в буквальном смысле слова Чаша, сосуд, принявший и сохранивший кровь Иисуса. Иными словами, в широком смысле Святой Грааль — это грудь Магдалеянки, затем сама Магдалеянка, культ которой, родившийся в начале Средних веков, мало-помалу смешался с культом Девы Марии. Известно, например, что большое число знаменитых «черных девственниц», появившихся в первых веках христианской эры, представлявших мать и ее дитя, были образом не Марии, а Магдалеянки. К тому же готические соборы,

просторные и величественные каменные символы, посвященные Богоматери, в действительности были, как написано в «Красной змее», даром скорее супруге Иисуса, чем его матери.

Являясь кровью, Чашей и грудью, Святой Грааль имел еще одно значение. В 70 году, во время великого восстания Иудеи, римские легионы Тита разграбили Иерусалимский храм. Его сокровище отправилось в Пиренеи, и сегодня оно вполне может быть спрятано в каком-нибудь подземелье, охраняемом Приоратом Сиона. Но, вероятно, Храм укрывал нечто совсем другое, нежели золото и серебро. Действительно, известно, что в древнееврейском мире политика и религия были тесно связаны, и Мессия, царь-священник, обладал одновременно духовной и светской властью. Можно быть почти уверенными в том, что в Иерусалимском храме был спрятан официальный архив израильского царского рода, свидетельства о рождениях или браках, различные бумаги, которые имеет любая большая семья. Документы, касающиеся Иисуса, «Царя Иудейского», по всей видимости, находились там, как, возможно, и его тело или его могила.

Впрочем, ничто не указывает на то, что Тит, предавшись грабежу, завладел чем-либо относящимся лично к Иисусу. Подобные предметы или документы вполне могли быть уничтожены. Но с другой стороны, они могли быть спрятаны, а римские солдаты, имеющие в голове одну мысль — схватить кусок пожирнее, не позаботились разыскать их. Совершенно естественно, что священники, видя, как вражеские легионы дефилируют меж священных стен, без сопротивления отдали им золото, серебро и драгоценности, предварительно укрыв, быть может под самим Храмом, единственное бесценное для них сокровище — архивы, касающиеся законного царя Израиля, Мессии и его семьи.

Приблизительно в 1100 году потомки Иисуса занимают важное положение в Европе и, благодаря Готфриду Бульонскому, в Палестине. Вероятно, они знали о своем происхождении, но все документы исчезли, и они не имели никакой возможности доказать свою принадлежность к царскому дому Израиля. Так как для их планов эти архивы были необходимы, они попытались добыть их любыми средствами.

Это объясняет роль рыцарей Храма, которые под покровом секретности предпринимали раскопки у стен Храма, в древних конюшнях Соломона. То есть вполне вероятно, что тамплиеры были посланы в Святую землю с целью найти или заполучить что-либо. Когда их миссия была выполнена, они вернулись в Европу.

Что же случилось с открытием, сделанным ими в Иерусалиме? Это неизвестно, но зато нет никаких сомнений, что во времена Бертрана де Бланшфора, четвертого великого магистра ордена Храма, «что-то» было спрятано в окрестностях Ренн-ле-Шато. В 1664 году из Германии была выписана команда шахтеров, чтобы произвести там поиски и найти что-то весьма важное.

По этому поводу можно бесконечно выдвигать гипотезы. Шла ли речь о мумифицированном теле Иисуса? О документах, относящихся к его браку или рождению его детей? Или же еще о чем-то очень значительном для истории человечества? Этот документ или эти документы, касались ли они Святого Грааля? Умышленно или случайно он или они попали затем в руки еретиков-катаров и стали частью загадочного сокровища замка Монсегюр?

Много раз мы вспоминали о «королевской традиции», переданной Готфридом Бульонским и Балдуином Бульонским, — традиции, «основанной на Скале Сион» и поэтому стоящей на одном уровне с самыми древними династиями Европы. И если, как утверждает Новый Завет, а за ним и масоны, «Скала Сион» является синонимом Иисуса, то это утверждение династического порядка обретает смысл и даже оказывается полностью подтверждено.

Обосновавшись на иерусалимском троне, Меровингская династия больше не имела причин не одобрять намеков на ее происхождение. Наоборот, она их даже поощряла. Этим объясняется появление цикла романов о Граале и глубокие его связи с рыцарями Храма. Со временем, упрочив свое положение в Палестине, «королевская традиция», переданная Готфридом Бульонским, могла бы заставить всех признать свое настоящее восхождение, царь Иерусалимский получил бы первенство среди самых старинных монархий Европы, а патриарх Святого города вытеснил бы Папу. Тогда вместо

Рима единственной столицей всего христианского мира, да и не только его, стал бы Иерусалим. Потому что, если Иисус был всего лишь смертным пророком, царем-священником и законным главой потомков Давида, верующие мусульмане и евреи, в свою очередь, признали бы его, а король Иерусалима, его потомок, был бы в состоянии осуществить один из основных принципов политики ордена Храма: примирение католического христианства с исламом и иудаизмом.

Но известно, что исторические обстоятельства не позволили событиям осуществиться в этом направлении, и королевству франков в Иерусалиме не удалось упрочить свое положение. Находясь постоянно в состоянии войны с мусульманскими армиями, ослабленное нестабильным правительством и управлением, оно не смогло получить силу и внутреннюю безопасность, необходимые для его выживания, и еще менее — для утверждения его превосходства над другими тронами Европы и над Римской церковью. Грандиозная судьба, которая должна была быть ему уготована, не состоялась. В один прекрасный момент его слава начала рассыпаться, а затем окончательно растаяла с потерей Святой земли в 1291 году. Меровинги оказались без короны, а рыцари Храма — без надобности.

Много раз в течение последующих веков Меровинги с помощью или под защитой Приората Сиона пытаются вернуть себе свое наследство, но в Европе они используют лишь три стратегические программы.

Первая состояла в том, чтобы создать психологический климат, способный тайно ослабить духовное главенство Рима. Например, посредством герметических и эзотерических манифестов, некоторых ритуалов масонства, розенкрейцерских писаний и, естественно, широкого проникновения символов Аркадии и «подземной реки». Вторая программа — это политические махинации, интриги и попытки захвата власти семьями де Гизов и Лотарингскими в XVI веке и зачинателями Фронды в XVII веке. Наконец, третья программа заключалась в новом обретении наследства Меровингов посредством междинастических браков.

Но если Меровинги действительно происходили от Иисуса, для чего они использовали подобные методы? Почему не

удовольствоваться тем, чтобы открыть и доказать происхождение их рода? Перед ними склонился бы весь мир.

Все не так просто. Сам Иисус был отвергнут римлянами. Церковь, явно без угрызений совести, одобрила убийство Дагоберта II, а затем и исчезновение его потомства. Ничто не свидетельствует о том, что Меровинги, открыто провозгласившие себя потомками Иисуса, были бы приняты и призваны таковыми. Быть может, они вызвали бы неожиданную реакцию, драмы и кризисы мировоззрений среди верующих, королей и могущественных «князей церкви». Быть может, их отвергли бы и даже стали бы ненавидеть, и тайна их личности, их козырная карта, была бы навсегда потеряна. Итак, лучшим выходом для них было подчиниться исторической и политической действительности, попытаться захватить власть и только тогда открыть карты, раскрыв свое происхождение.

Таким образом, чтобы вернуть свои права, Меровингам пришлось прибегнуть к различным маневрам в зависимости от обстоятельств. По крайней мере четыре раза, уже почти побеждая, они проигрывали из-за совершенно случайных причин: в XVI веке, когда дом де Гизов почти завладел французским тронem; в XVII веке, когда фронтеры почти преуспели, пытаясь свергнуть Людовика XIV и отдать его корону одному из членов Лотарингского дома; в конце XIX века, когда была сделана попытка воссоздать «Священную Лигу», которая смогла бы объединить католическую Европу — Австрию, Францию, Италию и Испанию — вокруг Габсбургов. Эти планы тоже рухнули из-за агрессивности Германии и России, и в результате разразилась война, ослабившая позиции всех королевских династий континента.

Но ближе всего к осуществлению своих надежд меровингский род был в XVIII веке. Через родство с Габсбургами Лотарингский дом царствовал в Австрии, и когда Мария Антуанетта, дочь Франциска Лотарингского, взошла на трон вместе с Людовиком XVI, она имела все основания думать, что Франция очень скоро присоединится к Священной Римской империи. Если бы не произошла революция, вполне можно представить себе, что Габсбург-Лотаринг-

ский дом около 1800 года получил бы господство над всей Европой.

Французская революция нанесла жестокий удар мечте Меровингов. Внезапно все их проекты и надежды, заботливо поддерживаемые более пятисот пятидесяти лет, рухнули. Из «документов Приората» становится ясно, что эти годы смятения и беспорядка были особенно тяжелыми для Сиона, который потерял тогда большую часть своих документов. Этим объясняется то, что в период, последовавший за революцией, в качестве великих магистров Приората выбирали интеллектуалов вроде Шарля Нодье, способных благодаря доступу в самые секретные архивы Франции и Европы восстановить утраченное достояние. Этим и объясняется роль Соньера. Накануне революции его предшественник Антуан Бигу, возможно, действительно спрятал пергаменты, составленные в 1753 году каноником Жан-Полем де Негром де Фондаржаном, потом сбежал в Испанию, где вскоре умер. И возможно, что Сион, по крайней мере в течение некоторого времени, не знал точно, в каком месте спрятаны документы, подозревая, что они захоронены в церкви Ренн-ле-Шато. Имея намерение снова заполучить их, Сион назначил в эту деревню честного и неболтливого священника, готового повиноваться, не задавая вопросов, и мало озабоченного тем, чтобы вмешиваться в деятельность и в интересы ордена. К тому же если эти пергаменты сообщали еще о чем-то, спрятанном в окрестностях Ренн-ле-Шато, то этот человек представлял неоценимый интерес.

Соньер умер, не разгласив своей миссии, как вскоре и его служанка, Мари Денарно, и в течение последующих лет вокруг Ренн-ле-Шато были предприняты раскопки, не принесшие, однако, никакого результата. Если бы там действительно были спрятаны важные документы, то, несомненно, они попали бы в руки одного из многочисленных охотников за сокровищами, привлеченных в эти места. Если только... если только они не были помещены в недоступное для массового посещения место, например в подземный склеп или же в пруд, вырытый специально для этой цели в каком-нибудь частном владении. Очевидно, что это единственный эффективный способ спрятать документы подальше

от нескромных и беспорядочных раскопок, ведь для того, чтобы достигнуть склепа, сначала нужно осушить пруд — задача совершенно невозможная для тайного осуществления. А такой пруд имеется неподалеку от Ренн-ле-Шато, рядом с местечком, названным, как нарочно, Авальдьё («La vallée de Dieu»)*. Возможно, под этим прудом устроен склеп, через который по подземному ходу легко можно попасть к бесчисленным пещерам, вырытым в глубине окружающих гор.

Что касается пергаментов, найденных Соньером, два из них или, по крайней мере, их факсимиле много раз были воспроизведены, опубликованы и распространены. Зато два других заботливо хранились в тайне, в депозитном сейфе Ллойд Банк Юроп Лимитед в Лондоне. То есть вне досягаемости для нас.

А деньги Соньера? Часть из них, как мы видели, была получена в результате финансовых сделок с эрцгерцогом Габсбургским. Однако мы знаем, что значительные суммы были переданы не только Соньеру, но также и епископу Каркасона через аббата Анри Буде, кюре из Ренн-ле-Бен. Все дает основания думать, что большая часть доходов Соньера шла от Буде через посредство Мари Денарно. Но, в свою очередь, откуда у Буде, бедного кюре маленького прихода в горах, такие огромные деньги? На этот вопрос до сего дня еще никто не дал ответа. Вероятно, он работал на Приорат Сиона, но был ли Приорат источником тех денег, которыми располагал кюре из Ренн-ле-Шато? У нас нет никаких доказательств. Были ли они сокровищем Габсбургов? Или же Ватикана, который, быть может, подвергся серьезному политическому шантажу со стороны Сиона и Габсбургов?

Как бы то ни было, этот денежный вопрос, хотя и очень странный, в конечном счете является второстепенным по отношению к нашим последующим открытиям, и его основной интерес для нас заключался в том, что он привлек наше внимание и заставил начать это расследование.

---

* «La vallée de Dieu» — «Божественная долина» (фр.).

Может ли гипотеза о потомстве Иисуса, дошедшая до нас, считаться точной до малейших деталей? Да, отказываясь занять в этом деле категорическую позицию и допуская даже, что некоторые пункты могут показаться спорными, мы абсолютно уверены, что в общих чертах она соответствует истине. Конечно, продвигаясь вперед, мы могли неверно истолковать тот или иной элемент этого расследования на уровне изученных документов или отдельного исторического факта. Но главное, по нашему мнению, состоит в нашей собственной оценке, теперь окончательной, тайны Реннле-Шато. Эта незначительная, как мы говорили в начале нашей работы, тайна в действительности является выражением попытки восстановить династию Меровингов на французском троне, а может быть даже, на тронах Европы. И попытка такого масштаба оправдывается происхождением династии, ведущей свой род прямо от Иисуса.

В этих обстоятельствах большое число аномалий и загадок, появившихся в ходе наших поисков, находит логичный ответ. Таким образом, например, объясняется название работы Никола Фламеля «Священная Книга Авраама, Иудея, Принца, Священника, Левита, Астролога и Философа иудейского племени, которое вследствие гнева Божьего было рассеяно среди галлов»; символическая Чаша Грааля Рене Анжуйского, обещающая тому, кто выпьет из нее вино залпом, увидеть одновременно Бога и Магдалину; «Химическая свадьба» Андреа, где рассказывается о таинственном ребенке королевской крови, лишенном всего состояния мусульманами, который находился в лодке, севшей на мель у пустынного берега; тайна, которой владел Никола Пуссен, или еще одна тайна, принадлежавшая Обществу Святого Причастия...

Таким же образом нам открываются многочисленные аспекты истории, остававшиеся до сих пор в тени. По их поводу мы остерегались высказываться определенно, такими маловероятными они нам казались, а теперь мы в состоянии правильно их истолковать. Вот некоторые из них, наиболее значительные: Людовик XI, видящий в Магдалянке начало французского королевского рода, — верование явно абсурдное даже в XV веке¹; венец Карла Великого, кусочек ко-

торого, носящий надпись «Rex Salomon»², находится сегодня среди сокровищ Габсбургов; «Протоколы Сионских мудрецов», предсказывающие появление нового царя «из рода Давидова»³...

Наконец, что касается Лотарингского креста: в силу каких причин, не очень определенных, он становится во время Второй мировой войны символом «Свободной Франции», возглавляемой генералом де Голлем? Почему этот крест, герб Рене Анжуйского, был до такой степени ассимилирован Францией? Ведь Лотарингия, бывшая долгое время независимым герцогством и частью Священной Римской империи, никогда не являлась центром страны.

Ответ, как мы считаем, написан между строк: безусловно, в силу значительной роли, которую сыграл Приорат Сиона в Соппротивлении, и в силу тесных отношений генерала де Голля с некоторыми членами Приората, например с Пьером Плантаром. Надо еще отметить, что за тридцать лет до этого Шарль Пегю, близкий друг Мориса Барреса, автора «Вдохновенного холма», незадолго до своей смерти в 1914 году в битве на Марне посвятил следующие строки этому кресту:

«Армия Иисуса — это крест Лотарингии, И кровь, текущая в жилах, И благодатный источник, и светлый родник; Армия Сатаны — это крест Лотарингии, И это те же самые жилы, И та же кровь, и мутный родник⁴...»

В заключение напомним, что в конце XVII века отец Винсент, философ из Нанси, опубликовал работу, посвященную Сиону в Лотарингии. За ней последовала еще одна: «Правдивая история святого Сигиберта», рассказ из жизни Дагоберта II⁵. На ее титульном листе был помещен эпиграф, фраза из четвертого Евангелия: «Он среди вас, а вы не узнаете Его».

Сами мы, авторы настоящей работы, задолго до начала нашего расследования были агностиками, то есть — ни за Христа, ни против Христа. Естественно, мы менее интересовались богословским или догматическим содержанием религий, нежели силой их сияния и некоторой долей достоверно-

сти, присущей многим из них. В этом смысле всякая вера для нас была достойна уважения, но ни одна не обладала монополией на истинность.

Поэтому к личности Иисуса мы приблизились со всей возможной осторожностью, не имея никакого желания доказать или опровергнуть что-либо, и никакие предрассудки не повлияли на такой подход. Историческая объективность стала нашим единственным правилом, единственно достойной нашего интереса. В наших выводах мы не поставили под вопрос никакие из наших личных убеждений, не изменили в чем бы то ни было нашу систему ценностей. Короче говоря, мы ничего не выиграли и не потеряли ни в какой области.

Но что стало бы с другими? С миллионами людей в этом мире, для которых Иисус всегда был сыном Божьим, Спасителем и Искупителем вины человечества? Какую угрозу представил бы для их веры этот исторический Иисус, этот царь-священник, рожденный нашими поисками? В какой степени мы нарушим, перевернем те понятия, которые для стольких верующих представляют основу, бесценный фундамент их прикосновения к святыне?

Ведь наши выводы, и мы прекрасно это сознаем, противоречат некоторым главным догмам современного христианства. Эти выводы в какой-то мере еретические, если не святотатственные.

Однако мы не считаем, что каким-либо образом нарушили святость Иисуса или принизили его в глазах многочисленных верующих, его почитающих. Если мы сами не признаем его божественность, то ни один из наших выводов не создает препятствий этому убеждению. Просто мы думаем, что в случае с Иисусом понятие божественности не является несовместимым с тем, что он имел жену и детей и что нет никаких причин для того, чтобы считать его бесполом существом. Действительно, даже если он и мог быть сыном Божьим, ничто не запрещало ему жениться и создать семью.

Вся христианская теология основана на принципе воплощения Иисусом Бога на земле. Бога, полного сострадания к людям, к своим же созданиям, принявшего человеческий облик и ставшего человеком среди людей; Бога, проводящего личный эксперимент в человеческих условиях и

познающего, как и его создания, страдание, одиночество, горечь и отчаяние; Бога, противостоящего, как и тот, кого он создал, земным порокам, а потом и смерти; Бога, покидающего свое далекое царство, чтобы стать человеком в самом глубоком, самом полном смысле этого слова, разделяющего каждодневную судьбу человека и познающего его, как никогда еще в Ветхом Завете; наконец, Бога, искупающего и оправдывающего человеческую природу, пострадав через нее и придя к смерти.

Опять же, как принять, что Иисус познал все это своим человеческим опытом, если он не знал двух главных аспектов — физической любви и отцовства? Можно ли по-настоящему в этих условиях считать, что он был человеком? В наших глазах это невозможно, и Воплощение для нас, повторяем, не может считаться истинным, если Иисус не был помимо всего прочего супругом и отцом. Иисус из Евангелий, то есть из официального христианства, не полон, ибо Бог, воплощенный в нем, лишь частично принял облик человека. Тот же, о котором говорили мы, напротив, человек до конца, и видится он нам, безусловно, более правдивым, более доступным современному человеку, поскольку такой Иисус действительно похож на него. Это основная причина, из-за которой мы искренне считаем, что ничего не убавили в его бесподобном ореоле.

Сейчас невозможно определить, кто был прямой потомок Иисуса. Как мы видели, генеалогические древа увеличиваются ввысь и вширь, от одного поколения к другому, и образуют настоящие леса. Сегодня в Англии и в Европе существует по крайней мере двадцать семей, принадлежащих к роду Мервингов, а каждая из них насчитывает огромное количество боковых ветвей. Прежде всего, это имена Габсбургов-Лотарингских, Плантаров, Люксембургов, Монтезью, Монтеза и, конечно, многих других. Согласно «документам Приората», семья Синклеров в Англии тоже входит в этот список, так же как и различные ветви Стюартов или Девонширов. То есть большинство из этих семей может претендовать на свое восхождение прямо к Иисусу, но никто не знает точ-

но, кто из их членов предстанет в один прекрасный день перед нами как новый царь-священник. Нелишне будет по этому поводу дать несколько уточнений.

Мы думаем, что потомок Иисуса ни в чем не будет отличаться от остального человечества, и если сегодня мир узнает, что некто или некая группа людей имели Иисуса своим предком, по всей видимости, он не проявит никакой особенной реакции — во всяком случае, гораздо более слабую, чем это было бы один или два века назад. Даже самое неопровержимое доказательство, на наш взгляд, не сможет преодолеть всеобщего безразличия. В этом смысле проекты Приората Сиона не имеют никаких шансов на успех, если только они не основаны на политике, ибо, кроме серьезных отзвуков теологического плана, наши выводы повлекут за собой глубокие перемены в образе мыслей, в ценностях и установках мира, в котором мы живем.

Определенно то, что в прошлом различные семьи из рода Меровингов были глубоко вовлечены в политику и что среди их главных целей власть занимала первое место. Это было верно для Приората Сиона и некоторых его великих магистров, и это остается верным и сегодня для Сиона и меровингского потомства. По всей видимости, Сион мечтает объединить церковь и государство, собрать воедино духовное и светское, священное и нежественное, религию и политику. В соответствии с традицией Меровингов, согласно Приорату Сиона, новый царь будет «царствовать, но не править»; он будет действительно монархом, имеющим в основном символические и представительские функции, а политическое управление в узком смысле будет доверено другим.

В XIX веке Приорат, действуя через «Святыни Золотой Долины», попытался создать новую Священную Римскую империю, нечто вроде Соединенных Штатов Европы, теократическое государство, управляемое одновременно Габсбургами и радикально реформированной Церковью. Первая мировая война и крах великих европейских династий провалили этот план, но вполне резонно думать, что сегодняшние цели Сиона, по крайней мере в общих чертах, — это цели «Святыни Золотой Долины».

Нет необходимости говорить, что наше понимание этих целей может быть лишь умозрительным. Но как бы то ни было, они включают создание теократических Соединенных Штатов Европы — своего рода транс- или паневропейской конфедерации, объединенной в современную империю, управляемую династией, берущей свое начало от Иисуса. Эта династия будет не только обладать политической и духовной властью, но, вполне понятно, и занимать престол Святого Петра. При такой верховной власти могла бы существовать и взаимосвязанная сеть царств или княжеств, связанных династическими браками, — своего рода феодальная система XX века, но без злоупотреблений, обычно связанных с этой системой. Процессом фактического правления будет руководить Приорат Сиона, который мог бы принять форму, скажем, Европейского парламента, наделенного исполнительной, а возможно, и законодательной властью.

Такая Европа явилась бы новой объединенной политической силой в международных делах — субъектом, чей статус можно сравнить со статусом России или Соединенных Штатов. Она смогла бы стать сильнее, чем любое из этих двух государств, потому что покоилась бы на духовных и эмоциональных началах, имеющих глубокие корни, а не на абстрактной теории или идеологии. Человек принял бы такую империю не только умом, но и сердцем. Вызывая глубокий религиозный порыв, она черпала бы силы из коллективной души Западной Европы.

Подобные цели могут показаться донкихотскими. Но история научила нас, что нельзя недооценивать потенциал коллективной души и силы, которую она дарует. Несколько лет назад казалось непостижимым, что религиозный фанатик зилот — без армии и политической партии, поддерживающей его, опирающийся лишь на свою харизму и духовные силы народа, — мог свергнуть современный, великолепно выстроенный режим шаха Ирана. И все же именно это удалось совершить аятолле Хомейни.

Мы не собираемся бить тревогу. Мы не сравниваем — явно или неявно — лидеров Приората Сиона с аятоллой. У нас нет причины считать руководителей Сиона зловещими диктаторами, каким можно было считать нового прави-

теля Ирана. Но его действия красноречиво свидетельствовали о характере, энергии, потенциальной силе религиозного порыва человека и способах использования этого порыва в политических целях. Такие цели не обязательно ставят перед собой задачу свержения власти. Религиозный порыв можно направить в любое русло. Это источник огромной потенциальной силы. И его слишком часто игнорируют или не замечают современные правительства, основанные только на разуме и часто ограниченные им. Религиозный порыв отражает глубокую психологическую и эмоциональную потребность. Психологические и эмоциональные потребности так же реальны, как потребность в хлебе, жилище и материальной безопасности.

Мы знаем, что Приорат Сиона не является объединением фанатиков. Мы знаем, что он хорошо финансируется и включает — или, во всяком случае, пользуется симпатией — людей, занимающих ответственные и влиятельные посты в политике, экономике, СМИ и искусстве. Мы знаем, что с 1956 года его состав увеличился больше чем в четыре раза, — он словно мобилизует свои силы и готовится к решающим действиям. М. Плантар рассказал нам, что он и его орден пока действуют в соответствии с намеченным расписанием. Мы также знаем, что с 1956 года Сион начал публиковать информацию, правда, по частям, словно дразня. Он выдавал ее выверенными порциями, полными притягательных намеков. Вот эти-то намеки и спровоцировали появление нашей книги.

Итак, для Приората Сиона настало время открыть свои цели. Политические и идеологические системы, которые с начала XX века обещали так много, фактически обанкротились. Коммунизм, социализм, фашизм, капитализм, западный вариант демократии — все так или иначе не сдержали обещаний, вызвали недовольство своих последователей и не смогли осуществить мечты, которые они сами же и породили. Из-за недалководидных действий, неумения перспективно мыслить и злоупотребления положением политики внушают лишь недоверие. Запад погряз в цинизме, неудовлетворенности и разочаровании. Возрастает душевный стресс, беспокойство и отчаяние. Но усиливаются и поиски смысла,

эмоционального, духовного наполнения жизни, чего-то, во что можно искренне верить. Жажда познать смысл духовности фактически возрастает до полномасштабного религиозного возрождения, — о чем свидетельствуют многочисленные секты и культы, буквально «цунами» фундаментализма в Соединенных Штатах. Наблюдается также всевозрастающее желание иметь истинного лидера — не диктатора, а умного, милосердного, духовного человека, «царя-священника», которому человечество может безбоязненно доверять. Наша цивилизация пресытилась материализмом и ощутила сильнейший духовный голод. В настоящее время люди ищут пути, чтобы удовлетворить эмоциональные, психологические и духовные потребности.

Такая атмосфера в высшей степени благоприятна для достижения целей Приората Сиона. Сион способен предложить альтернативу существующим социальным и политическим системам. Эту альтернативу вряд ли можно назвать Утопией или Новым Иерусалимом. Но в той степени, в какой она сможет удовлетворить потребности, не признаваемые существующими политическими системами, она делается весьма притягательной.

Многие верующие, не сомневаясь, толкуют Апокалипсис как ядерную катастрофу. Тогда как можно истолковать появление потомка Иисуса по прямой линии? Для восприимчивой аудитории это может стать Вторым Пришествием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ ПРИОРАТА СИОНА

ЖАН (ИОАНН) ДЕ ЖИЗОР (1133—1220). Согласно «документам Приората», он был первым независимым великим магистром Сиона после «рубки вяза» и отделения от ордена рыцарей Храма в 1188 году. Был сеньором крепости Жизор, традиционного места встречи королей Франции и Англии, где произошла ссора, вызвавшая «рубку вяза». До 1193 года был вассалом английских королей: Генриха II, потом Ричарда I; владел землями в Сассексе и поместьем Тичфилд в Хэмпшире. Согласно «документам Приората», в 1169 году встречался с Томасом Беккетом; этому нет никаких письменных доказательств, но это возможно, ибо в этом году Беккет действительно приезжал в Жизор.

МАРИ ДЕ СЕН-КЛЕР (ок. 1192—?). О ней известно немного. Ведет происхождение от Генриха де Сен-Клера, барона Рослина в Шотландии, который сопровождал Готфрида Бульонского в Первом крестовом походе. Рослин был расположен недалеко от самого главного командорства ордена Храма в Шотландии, а его часовня, построенная в XV веке, была, согласно легенде, святым местом ордена Розы и Креста и масонов. Бабушка Мари де Сен-Клер через брак вошла в семью Шомон во Франции, как это сделал и Жан де Жизор, и три родословные оказались тесно переплетенными. Можно думать, хотя и без точных доказательств, что Мари де Сен-Клер была второй женой Жана де Жизора. Согласно генеалогиям «документов Приората», ее матерью была некая Изабелла Левис; это имя, еврейское по происхождению, часто встречается в Лангедоке, где с начала христианской эры жило много евреев.

ВИЛЬГЕЛЬМ ДЕ ЖИЗОР (1219—?). Внук де Жизора, его имя связано с таинственной головой, найденной в командорстве тамплиеров в Париже после их ареста в 1307 году. Это единственное письменное упоминание о нем, если

не считать акта, датированного 1244 годом, в котором его признают рыцарем. Согласно «документам Приората», его сестра вышла замуж за некоего Жана де Плантара, и Вильгельм в 1269 году сам вошел в орден Корабля и Двойного Полумесяца, основанный святым Людовиком по инициативе знати, участвовавшей в гибельном Шестом крестовом походе. Если Вильгельм де Жизор действительно принадлежал к этому ордену, то он должен был также сопровождать короля во время Египетской кампании.

ЭДУАР ДЕ БАР (1302—1336). Внук Эдуарда I Английского и племянник Эдуарда II. Происходил из знатной семьи, жившей в Арденнах со времен Меровингов и, конечно, связанной с этой династией. Дочь Эдуара через брак вошла в Лотарингский дом, который таким образом породнился с семьей де Бар.

В 1308 году, в возрасте шести лет (!), Эдуар, сопровождавший герцога Лотарингского во время кампании, был похищен и выкуплен только в 1314 году. Достигнув совершеннолетия, он получил от своего дяди, Жана де Бара, сеньорию Стене и в 1324 году стал военным союзником Ферри Лотарингского и Жана Люксембургского; последний, вероятно, также принадлежал к Меровингской династии. Эдуар де Бар погиб во время кораблекрушения близ берегов Кипра.

Ни один официальный источник не устанавливает связи между Эдуаром де Баром и Вильгельмом де Жизором, но генеалогии «документов Приората» представляют Эдуара внучатым племянником жены Вильгельма, Иоланды де Бар. Ничто не подтверждает и не оспаривает этого родства.

Если, согласно «документам Приората», он был великим магистром Сиона в 1307 году, то ему было тогда пять лет. Это нас не удивляет, если вспомнить о том, что на поле боя он был схвачен в возрасте шести лет. Графством Бар до его совершеннолетия управлял его дядя, Жан де Бар, который, возможно, был также великим магистром-регентом в течение этого же периода. Трудно представить, что такой маленький ребенок мог быть назначен на пост великого магистра Сиона, если только на это не было серьезных причин наследственного или семейного порядка.

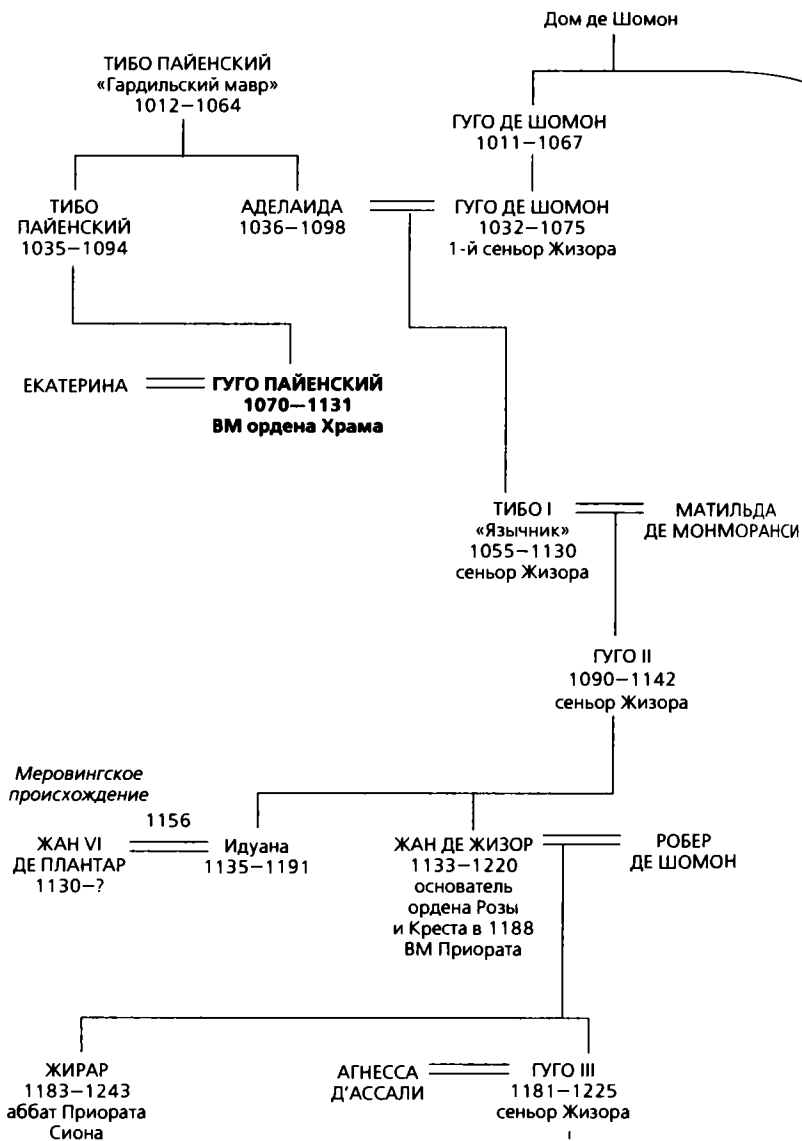
ЖАННА ДЕ БАР (1295—1361). Старшая сестра Эдуара и, так же как и он, внучка Эдуарда I и Эдуарда II Английских. В 1310 году, в возрасте пятнадцати лет, вышла замуж за графа Уоррена, Сюррея, Сассекса и Стразерна, с которым развелась спустя пять лет, после того как он был отлучен от Церкви из-за супружеской неверности. Жанна осталась в Англии, но о ее деятельности в этой стране ничего не известно; кажется, она поддерживала очень сердечные отношения с королем Франции, который в 1345 году пригласил ее вернуться на континент, где она стала регентшей графства Бар. В 1353 году она вернулась в Англию, несмотря на Столетнюю войну и вражду между двумя странами. Когда в 1356 году король Франции был взят в плен во время битвы при Пуатье и заключен в темницу в Лондоне, Жанне было разрешено оказывать ему помощь и утешение; говорят даже, что, несмотря на их почтенный возраст, она была в то время его любовницей.

Согласно «документам Приората», Жанна де Бар вершила судьбами Сиона до 1351 года — за десять лет до смерти. И она единственная из всего списка великих магистров, кто был либо смещен, либо сам отстранился от занимаемого поста.

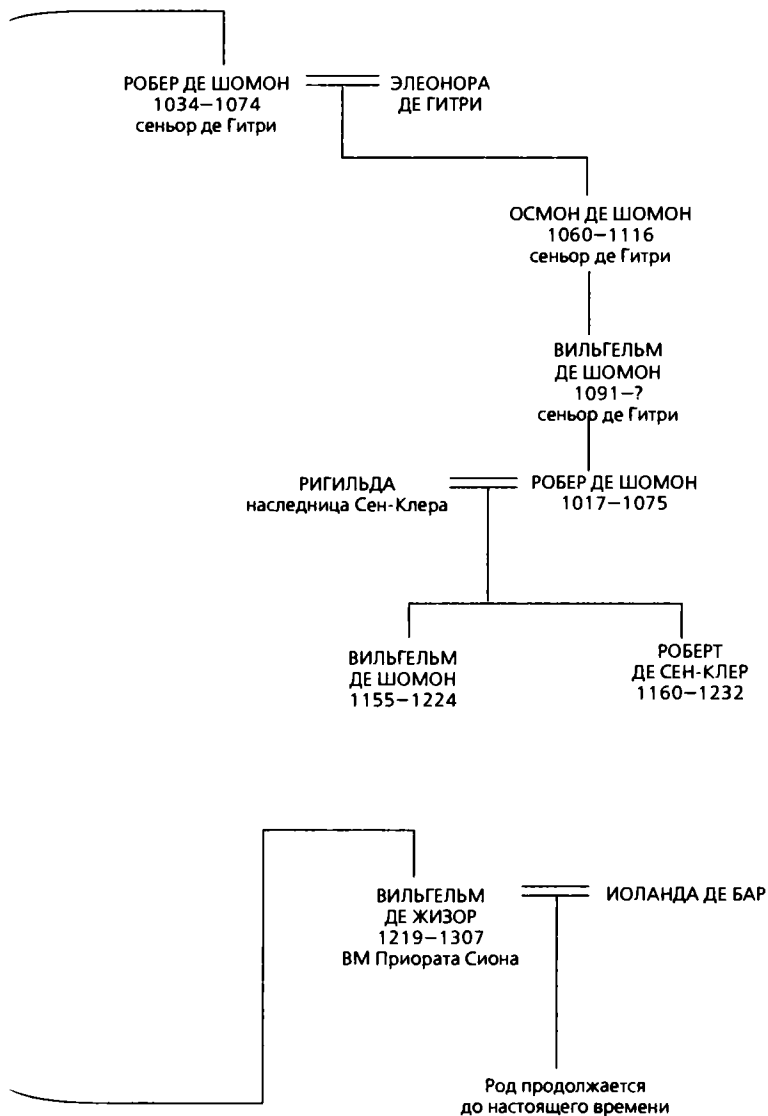
ЖАН ДЕ СЕН-КЛЕР (1329—?). О нем мы не нашли никаких сведений, и, кажется, он был просто незначительным человеком. Происходил из французских семей Шомон, Жизор и Сен-Клер, и, согласно генеалогиям «документов Приората», его дед женился на тетке Жанны де Бар. Это дальнейшее родство хорошо показывает, что титул великого магистра Сиона в то время передавался еще исключительно в границах нескольких семей, связанных между собой.

БЛАНШ Д'ЭВРЁ (1332—1398). Настоящее имя Бланка Наваррская, дочь короля Наваррского, унаследовавшая от него графства Лонгвиль и Эврё близ Жизора. Стала графиней де Жизор в 1359 году, спустя десять лет после свадьбы с королем Филиппом VI Французским, который, возможно, познакомил ее с Жанной де Бар. Большую часть своей жизни она провела в Нофльском замке близ Жизора.

Семьи Жизор, Пайен и Сен-Клер

фрагмент из труда Анри Лобино (Анри де Ленонкура)

Согласно многочисленным легендам, Бланш занималась алхимией, и в некоторых ее замках были лаборатории. Говорят, что у нее имелся бесценный трактат по алхимии, появившийся в Лангедоке в XIV веке, в основе которого лежал манускрипт, датирующийся последними днями существования Меровингской династии, т. е. семисотлетней давности. Говорят также, что она могла быть покровительницей Никола Фламеля.

НИКОЛА ФЛАМЕЛЬ (ок. 1330—1418). Это первый из великих магистров Сиона, не принадлежащих ни к одной из генеалогий «документов Приората», и вместе с ним этот титул перестает быть исключительно семейной привилегией. В течение некоторого времени работал переписчиком в Париже. Таким образом он получил доступ ко многим редким рукописям и благодаря им приобрел большие познания в живописи, поэзии, математике и архитектуре. Он также интересовался алхимией, каббалистической и герметической мыслью.

По собственному его рассказу, в 1361 году Фламель открыл алхимический трактат, который круто изменил всю его жизнь. Речь идет о «Священной книге еврея Авраама, Принца, Священника, Левита, Астролога и Философа из племени Иудейского, которое вследствие гнева Божьего было рассеяно среди галлов», ставшей одним из самых знаменитых произведений западной эзотерической традиции. Оригинал предположительно находился в библиотеке Арсенала в Париже. Целые поколения юных алхимиков упорно, с религиозным пылом изучали многочисленные копии, но, по-видимому, тщетно.

Фламель был погружен в изучение трактата в течение двадцати одного года, но безуспешно. Наконец во время путешествия по Испании в 1382 году он встретил в графстве Леон обращенного еврея, который растолковал ему этот трактат. С момента возвращения в Париж Фламель применил свои знания на практике и успешно осуществил свое первое алхимическое превращение в полдень 17 января — вещая дата в истории Соньера и Ренн-ле-Шато.

Неизвестно, правдив ли этот рассказ, но Фламель становится сказочно богатым человеком. В конце своей жизни он

имел более тридцати домов и земельных участков только в одном Париже. Однако он всегда оставался скромным человеком, которого не опьяняли ни деньги, ни власть, и большую часть своего богатства истратил на добрые дела. Около 1413 года он основал и финансировал четырнадцать больниц, семь церквей и три часовни в Париже и столько же в Булони, бывшем графстве отца Готфрида Бульонского. Этот альтруизм еще более, чем его громкий успех, сделал его любимым потомками. Еще в XVIII веке Исаак Ньютон очень почитал его, изучал все его произведения, делая многочисленные пометки, и даже переписал одну из книг полностью.

РЕНЕ АНЖУЙСКИЙ (1408—1480). Мы не нашли никаких следов связи между ним и Фламельом, но даже одна только его личность является обширным материалом для размышлений. Рене был одним из самых важных лиц времени, непосредственно предшествующего эпохе Возрождения, и среди прочих титулов имел титулы графа де Бара, Провансальского, Пьемонтского и де Гиза, короля Венгрии, Неаполя и Сицилии, Арагона, Валенсы, Майорки и Сардинии; наконец, самый главный — это титул короля Иерусалима, чисто номинальный, естественно, но восходящий к Готфриду Бульонскому и признанный всеми правителями Европы. Одна из дочерей Рене Анжуйского вышла замуж за Генриха VI Английского в 1445 году и стала одной из самых знаменитых фигур в войне Алой и Белой Розы.

Согласно «документам Приората», Рене стал великим магистром Сиона в 1418 году, в возрасте десяти лет, но его дядя Луи, кардинал де Бар, осуществлял регентство до 1428 года. Из наших поисков мы узнали также, что в 1418 году Рене стал членом ордена Белой Борзой, о котором мы не знаем ничего, но который, возможно, был одним из обозначений ордена Сиона.

Между 1420 и 1422 годами кардинал Лотарингский основал орден Верности, и Рене фигурирует среди его первых членов. Затем в 1448 году он основал свой собственный орден — орден Полумесяца, описанный как новая версия ордена Корабля, к которому принадлежал Вильгельм де Жизор за полтора века до этого. Первыми рыцарями Полуме-

сяца помимо других были Франческо Сфорца, герцог Миланский и отец покровителя Леонардо да Винчи, граф де Ленонкур, потомок которого, как сообщают «документы Приората», составит генеалогии для «Секретных досье», и Ферри, сеньор важной вотчины Сион-Водемон в Лотарингии, датирующейся временами Меровингов. Орден Полумесяца считал себя отголоском ордена Подвязки в Англии и Золотого Руна в Бургундии, но по неясным причинам он навлек на себя гнев Церкви и был ликвидирован Папой.

Именно от Рене Анжуйского пришел к нам современный лотарингский крест с двумя горизонтальными планками, который был символом «Свободной Франции» во время Второй мировой войны. Рене сделал его своим личным гербом, став герцогом Лотарингским.

ИОЛАНДА ДЕ БАР (ок. 1428—1483). Дочь Рене Анжуйского. В 1445 году вышла замуж за Ферри, сеньора Сион-Водемонского, одного из первых рыцарей ордена Полумесяца, основанного Рене. После смерти мужа провела большую часть жизни в Сион-Водемоне, который из скромного местечка регионального паломничества под ее эгидой превратился в одно из великих святых мест Лотарингии. Но таковым оно было и для язычников, что доказывает статуя Роземерты, древней галло-тевтонской богини-матери, найденная в этих местах. Таковым оно было и в начале христианской эры, несмотря на еврейское звучание имени, которое Сион носил тогда: гора Семита. Известно, что статуя Девы Марии была возведена в Сион-Водемоне в эпоху Меровингов и что в 1070 году граф де Водемон публично объявил себя «вассалом Царицы Небесной». В свою очередь, Дева Мария Сионская была провозглашена «повелительницей графства Водемон», защитницей Лотарингии, и в мае в ее честь устраивались пышные празднества. В ходе наших поисков мы обнаружили грамоту 1396 года, касающуюся обосновавшегося на горе братства рыцарей Сиона, которое якобы восходило к древнему аббатству на горе Сион близ Иерусалима¹. Однако к XV веку о Сион-Водемоне забыли, и Иоланда де Бар частично вернула ему прежнюю славу.

Сын Иоланды, Рене II, выросший во Флоренции, увлекался оккультными науками, которые преподавались тогда

во всех академиях. Учителем Рене II Анжуйского был Джорджо Антонио Веспуччи, один из главных покровителей Боттичелли.

САНДРО ФИДИПЕПИ (1445—1510). Более известен под именем Боттичелли. Как и Никола Фламель, не принадлежал ни к одной из семей, фигурирующих в генеалогиях «документов Приората». Однако он поддерживал тесные отношения с некоторыми из них: Медичи, д'Эсте, Гонзагами и Веспуччи, из которых последний был наставником сына Иоланды де Бар, будущего герцога Лотарингского. Эти семьи поставили ему многочисленных покровителей. Боттичелли был учеником Филиппо Липпи и Мантеньи, которые оба были протееже Рене Анжуйского, а также алхимика и герметика Верроккьо, учителя Леонардо да Винчи.

Поначалу нам трудно было вообразить себе Боттичелли в таком оккультном окружении. Чтобы прийти к этому, нам понадобилась вся сила убеждения специалистов по эпохе Возрождения, таких, как Эдгар Винд или же Фрэнсис Йейтс. Они считают, что Боттичелли действительно имел заметную склонность к эзотерической традиции, следы которой, бесспорно, находят отражение в большинстве его произведений. Боттичелли или же его мэтру Мантенье приписывают самую раннюю из известных колод карт Таро, а в его знаменитом полотне «Весна» можно видеть иллюстрацию к эзотерическим темам Аркадии и «подземной реки».

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ (1452—1519). Был близко связан с Боттичелли, частично благодаря их общему ученичеству у Верроккьо, и имел тех же покровителей, к которым добавился Лодовико Сфорца, сын Франческо Сфорцы, близкого друга Рене Анжуйского и одного из первых членов ордена Полумесяца.

Как и у Боттичелли, у Леонардо да Винчи его склонность к оккультным наукам не оставляет никаких сомнений, и Фрэнсис Йейтс видит в нем «розенкрейцера первых дней». Безусловно, он рано вступил на этот путь, ибо, как пишет его биограф и современник Вазари, у него был «еретический образ мыслей». Неизвестно, что скрывается за этими словами, но сегодня Леонардо да Винчи приписывают древнее еретическое верование, согласно которому у Иисуса был

брат-близнец. Это возможное значение эскиза, названного «Богоматерь со святым Иоанном Крестителем и святой Анной», где действительно присутствуют два совершенно одинаковых Христа; но неясно, рассматривается ли эта теория о близнеце буквально или же в символическом плане.

Между 1515 и 1517 годами Леонардо да Винчи, военный инженер, был приписан к армии Шарля де Монпансье и Бурбонского, коннетабля Франции, вице-короля Лангедока и Милана. В 1518 году он обосновался в замке Клу, недалеко от коннетабля, который тогда жил в Амбуазе.

КОННЕТАБЛЬ БУРБОНСКИЙ (1490—1527). Шарль де Монпансье и Бурбонский, герцог Шательро, коннетабль Франции, возможно, был самым могущественным сеньором XVI века. Он был сыном Клер де Гонзага, а его сестра вышла замуж за герцога Лотарингского, внука Иоланды де Бар и правнука Рене Анжуйского. В его окружении фигурирует Жан де Жуайез, который через брак становится сеньором Куизы, Ренн-ле-Шато и Арка, где находится могила, идентичная той, что изображена на картине Пуссена.

Как вице-король Милана, Шарль имел контакты с Леонардо да Винчи; они снова встретились в Амбуазе. Но в 1521 году по приказу Франциска I он должен был покинуть страну, причем инкогнито. Он нашел убежище у императора Карла V и стал командующим императорской армией. В 1525 году он побеждает и захватывает в плен короля Франции во время битвы при Павии. Спустя два года он умирает при осаде Рима.

ФЕРДИНАНД ДЕ ГОНЗАГ (1507—1557?). Более известен под именем Ферранте Гонзага. Сын герцога Мантуанского и Изабеллы д'Эсте, покровителей Леонардо да Винчи. Имел сначала титул графа Гуасталлы. В 1527 году он присутствовал при военных действиях своего кузена Шарля де Монпансье и несколько лет спустя вступил в тайный союз с Франциском Лотарингским, герцогом де Гизом, который едва не овладел французским тронном. Как все мантуанские Гонзаги, Ферранте был ревностным сторонником эзотерической мысли.

По поводу этой личности мы нашли единственную правильную информацию в «документах Приората». Со-

гласно списку великих магистров Сиона, фигурирующему в «Секретных досье», Ферранте вершил судьбу ордена до самой своей смерти в 1575 году. Однако другие источники сообщают, что он умер в 1557 году близ Брюсселя, правда, при не совсем ясных обстоятельствах, так что можно подумать, что его просто сочли мертвым. Кроме того, более отдаленная дата его смерти в «Секретных досье» также может быть ошибкой: у Ферранте был сын Сезар, умерший в 1575 году, и, по-видимому, сознательно или нет, отца перепутали с сыном. Это единственная явная неточность во всех «документах Приората», даже среди тех случаев, когда им не хватает сведений или когда в них идет речь об особенно темных событиях и персонажах. Невозможно поверить, что подобная ошибка была следствием простой небрежности. Напротив, очень похоже, что это скорее способ скрыть что-то важное.

ЛУИ ДЕ НЕВЕР (1539—1595). Луи де Гонзага, герцог Неверский, племянник Ферранте де Гонзаги, его предшественника в списке великих магистров Сиона. Его брат через брак вошел в семейство Габсбургов, а сестра вышла замуж за герцога де Лонгвиля (этот титул принадлежал раньше Бланш д'Эврё). Его внучатая племянница вышла замуж за герцога Лотарингского и проявляла большой интерес к старинному местечку Сион-Водемон, где в 1622 году приказала поставить крест и спустя пять лет основала молитвенный дом и школу.

Во время религиозных войн Луи де Невер был союзником Лотарингского дома и его младшей ветви, дома де Гизов, которые положили конец французской династии Валуа и, в свою очередь, почти завладели французским тронном. В 1584 году Луи де Невер вместе с герцогом де Гизом и кардиналом Лотарингским подписали договор против Генриха III Французского, что не помешало им примириться с Генрихом IV. Став суперинтендантом финансов нового короля, Луи тесно сотрудничал с отцом Роберта Фладда, казначея военного контингента, посланного Елизаветой I Английской в поддержку французскому монарху.

Как и все Гонзаги, Луи де Невер был очень предан эзотерической традиции; он, кажется, даже был связан с Джордано Бруно, который, как утверждает Фрэнсис Йейтс, сам

был членом некоторых тайных обществ, предшествующих розенкрейцерам. В 1582 году Ауи отправился в Англию, где встречался с сэром Филипом Сидни, автором «Аркадии», и знаменитым английским эзотеристом Джоном Ди. Год спустя Бруно приехал в Оксфорд и встретился с этими же самыми людьми, в обществе которых включился в специфическую деятельность их подпольной организации.

РОБЕРТ ФЛАДД (1574—1637). После Джона Ди был главным представителем английской эзотерической мысли. На эту тему он написал и опубликовал большое количество работ и развил одну из самых понятных формулировок герметической философии. Как считается, его творчество сравнимо с «секретной печатью или кодом герметической секты». Фладд никогда не признавался официально в своей принадлежности к розенкрейцерам, бывшим в то время предметом скандала на континенте, но он никогда не скрывал своих симпатий по отношению к ним.

Член Лондонского медицинского колледжа, Фладд имел среди своих друзей Уильяма Харви (Гарвея), который открыл законы кровообращения. Яков I и Карл I подарили ему земли в Суффолке; он также принимал участие в переводе так называемой «Библии короля Якова». Совсем молодым человеком он вошел в эзотерические круги Оксфорда, где проходил обучение. Между 1596 и 1602 годами Фладд путешествовал по Европе вместе с будущими сторонниками розенкрейцерского движения, среди которых был Янус Грутер, близкий друг Валентина Андреа.

В 1602 году его вызвали в Марсель для выполнения функций наставника самого младшего сына герцога де Гиза, Шарля, с которым Фладд, кажется, оставался до 1620 года. В 1610 году Шарль женился на Генриетте Катерине де Жуайез, которая принесла ему в приданое Куизу, что рядом с Ренн-ле-Шато, и Арк, где находится знаменитая могила. После заговора против французского короля герцог де Гиз в 1631 году бежал в Италию, где к нему вскоре присоединилась его жена. Но когда, овдовев, она попросила разрешения вернуться во Францию, король потребовал взамен удовлетворения ее просьбы Куизу и Арк².

ИОГАНН ВАЛЕНТИН АНДРЕА (1586—1654). Сын лютеранского пастора и теолога, родился в Вюртемберге, который прилегал к Лотарингии и княжеству Пфальц. С 1610 года путешествовал по Европе и быстро вошел в общество посвященных в эзотерическую мысль. Назначенный в 1614 году дьяконом, он прожил свою жизнь в маленьком городке близ Штутгарта, избежав волнений Тридцатилетней войны (1618—1648).

РОБЕРТ БОЙЛЬ (1627—1691). Последний сын графа Корка. Воспитывался в Итоне, где быстро вошел в розенкрейцерское окружение Фридриха Пфальцского. Высадившись в 1639 году на европейский берег, он провел некоторое время во Флоренции, где, несмотря на предписание Папы, Медичи продолжали поддерживать эзотеристов и ученых, например Галилея. Затем Роберт Бойль провел двадцать один месяц в Женеве, где изучал демонологию и достал себе «Дьявола из Маскона», переводчик которого, Пьер дю Мулен, станет одним из его самых верных друзей. Отец Пьера дю Мулена был личным исповедником Катерины де Бар, жены Генриха Лотарингского, герцога де Бара, и протезе Анри де Ла Тур д'Овернь, виконта Тюреннского и герцога Бульонского.

По возвращении в Англию в 1645 году Роберт Бойль вошел в контакт с Самюэлем Хартлибом, близким другом Андреа. В его письмах 1646—1647 годов часто говорится о «невидимой коллегии», или «философской коллегии», «краеугольные камни» которой время от времени оказывали ему честь, «принимая в свое общество».

В 1654 году он отправился в Оксфорд, где встретил Джона Уилкина, бывшего исповедника Фридриха Пфальцского. В 1660 году одним из первых он стал сторонником возвращения Стюартов на английский трон и в 1668 году поселился в Лондоне у своей сестры, которая через свой брак была родственницей друга Андреа, Джона Дьюри. Он принимал у себя важных посетителей, таких, как Косма III Медичи, будущий великий герцог Тосканский.

Большими друзьями Бойля были Исаак Ньютон и Джон Локк; он посвятил их в тайны алхимии. Затем Локк отправился на юг Франции, где посетил могилы Нострадамуса и

Рене Анжуйского, а также Каркасон, Нарбон и, вполне вероятно, Ренн-ле-Шато. Кажется, он хорошо знал герцогиню де Гиз и изучал все протоколы инквизиции, касающиеся катаров, а также легенды о Святом Граале, привезенном в Марсель Магдаляенкой. В 1676 году он посетил Сент-Бом.

Бойль занимался обширной перепиской с континентом на протяжении всего путешествия Локка во Францию, особенно с таинственным Жоржем Пьером (псевдоним?), которого он посвятил в свои алхимические опыты и в свою принадлежность к тайному обществу, в которое также входили герцог Савойский и Пьер дю Мулен. Между 1675 и 1677 годами он опубликовал два амбициозных трактата о превращении металлов, затем в 1689 году прекратил принимать у себя посетителей в определенные дни недели, отведя их для своих работ. Его намерением, признавался он, было оставить после себя нечто вроде завещания для учеников герметизма и открыть им некоторые химические и медицинские процессы, разработанные лучше, чем те, которые были опубликованы ранее³. Он желал высказаться по этому поводу как можно яснее, однако не выдавая всех своих секретов, ибо, несмотря на всю свою филантропию, был достаточно скромн⁴.

Ни один из документов, о коих объявил Роберт Бойль, не был найден. Возможно, он передал их Локку или же, что более вероятно, Ньютону. Действительно, перед смертью в 1691 году он отдал им все свои бумаги, а также образцы таинственного «красного порошка», о котором он много говорил в своей переписке и которым пользовался во время алхимических опытов.

ИСААК НЬЮТОН (1643—1727). Выходец из Линкольншира, претендовал на происхождение из самой старинной шотландской знати, но, кажется, никто не принимал его заявлений всерьез. Обучался в Кембридже. В 1672 году был избран в Королевское общество; в первый раз встретился с Бойлем в следующем году. В 1689—1690 годах он сошелся с Джоном Локком и с очень загадочным человеком — Никола Фасио де Дюйе, женевским аристократом, который тогда разъезжал по Европе. Он считался шпионом Людовика XIV и был связан со всеми деятелями науки его времени. Фасио

де Дюйе стал близким другом Ньютона с самого своего приезда в Англию и оставался им в течение всего следующего десятилетия.

Назначенный в 1696 году директором Королевского монетного двора, Ньютон установил золотой стандарт. В 1703 году он был избран председателем Королевского общества. Он завел дружбу с молодым французским изгнанником-протестантом Жаном Дезагюлье, который стал одной из главных фигур молодого и пылкого европейского масонства вместе с Джеймсом Андерсоном, шевалье Рамсеем и Чарлзом Радклиффом. Магистр масонской ложи в Хаге, он в 1731 году председательствовал при посвящении первого европейского принца в «корпорацию»; это был Франциск, герцог Лотарингский, который после женитьбы на Марии Терезии Австрийской станет императором Священной Римской империи.

Неизвестно, был ли Ньютон масоном, но он был членом полумасонского учреждения «Gentleman's Club of Spalding», который объединил таких личностей, как Александр Поуп, Радклифф, Рамсей и Дезагюлье. Кроме того, Ньютон разделял некоторые идеи, свойственные масонству, например, видел в Ное больше, чем в Моисее, источник всякой эзотерической мудрости. В 1689 году он начал работу над произведением, которое считается одним из самых значительных: хронологическое изучение древних монархий, где он хотел установить происхождение королевства и превосходство Израиля над различными культурами античности. Согласно Ньютону, древний иудаизм был обладателем божественного знания, которое позже было выхолощено, искажено и утрачено. Тем не менее что-то из него смогло просочиться до времен Пифагора, «музыка сфер» которого была метафорой закона о гравитации. Желая сформулировать точную научную методологию в целях датирования событий Писания и классических мифов, Ньютон, как и другие масонские и эзотерические писатели, видел в путешествии Ясона за золотым руном основную алхимическую аллегория. Согласно герметической традиции, он пытался установить «соотношения» между музыкой и архитектурой и придавал большое

значение форме и размерам Храма Соломона. Для Ньютона, как и для всех масонов, они действительно скрывали некую алхимическую формулу, а старинные храмовые церемонии содержали в себе алхимические ритуалы.

Этот аспект личности Ньютона был для нас настоящим открытием. Конечно, в нем видели человека науки, который установил различие между теологией и физическими законами, но, кроме всего прочего, он предстал перед нами как ревностный сторонник оккультной традиции, религиозный человек в поисках божественного единства и сети соотношений, покрывающей природу. Так, через священную геометрию и нумерологию он исследовал свойства, присущие форме и числу. Он также был упорным алхимиком, придающим большое значение своей работе⁵. Кроме уже упомянутых экземпляров розенкрейцерских манифестов он обладал более чем ста докладами по алхимии, один из которых был точной копией работы Никола Фламелья. Всю свою жизнь он занимался алхимией и в письмах обменивался мнениями на этот счет с Бойлем, Локком, Фасио де Дюйе и другими.

Если научный аспект личности Ньютона был менее ортодоксален, чем мы могли подумать вначале, то его религиозные взгляды также мало были таковыми. Он отрицал идею Троицы и деизм, бывший тогда в моде и имевший тенденцию к сведению космоса к большой машине, построенной небесным инженером. Он подвергал сомнению божественность Иисуса и собирал все документы, могущие это обосновать; он также подвергал сомнению подлинность Нового Завета, некоторые отрывки из которого считал вставками V века. Наконец, глубоко заинтересованный первыми гностическими ересями, он посвятил исследование одной из них⁶.

Под влиянием Фасио де Дюйе Ньютон испытывал живую симпатию к камизарам, или «северным пророкам», прибывшим в Лондон вскоре после 1705 года. Названные так из-за своих белых туник, они появились, как и катары, на юге Франции и, как и их предшественники, провозгласили приоритет «гнозиса», или прямого познания, над верой, которую требовал Рим. Как и катары, они сомневались в божественности Иисуса и стали в XVIII веке объектом жесточайших репрессий, подобных Альбигойскому крестовому походу

ду XII века. Изгнанные из Лангедока, они нашли убежище в Женеве и в Лондоне.

За несколько недель до смерти Ньютон сжег большую часть своих бумаг и рукописей. Его современники с удивлением отмечали, что он умер, не приняв последнего причастия.

ЧАРЛЗ РАДКЛИФФ (1693—1746). Родился в большой семье из Нортумберленда, члены которой стали в 1688 году графами Дервентуотерскими по указу короля Якова II незадолго до его свержения. Его мать была незаконной дочерью Карла II и его любовницы Молль Дэвис; Чарлз имел в своих жилах королевскую кровь. Таким образом, он был кузеном Карла Эдуарда Стюарта, прозванного «Красавчиком принцем Чарли», и Джорджа Ли, графа Личфилда, другого незаконного внука Карла II. Свою жизнь он посвятил делу Стюартов.

КАРЛ ЛОТАРИНСКИЙ (1712—1780). Младший брат Франциска Лотарингского. Вероятно, оба с самой юности испытывали влияние якобитов, так как их отец оказывал изгнанным Стюартам покровительство и предоставил им убежище в Бар-ле-Дюке. В 1736 году Франциск женился на Марии Терезии, императрице Австрии, а восемь лет спустя, в 1744 году, Карл женился на сестре последней, Марии Анне. Он сразу же был назначен генерал-губернатором Австрийских Нидерландов (ныне Бельгия) и главнокомандующим австрийской армии.

Благодаря своему браку Франциск отказался от прав на Лотарингию в обмен на эрцгерцогство Тосканское, но Карл не признал этого соглашения, хотя отречение брата давало ему титул герцога Лотарингского. В 1742 году он встал во главе 70-тысячной армии, чтобы вернуться в свою страну, и, несомненно, преуспел бы в этом, если бы ему не пришлось отправиться в Богемию, чтобы предупредить французское вторжение.

В ходе последующих событий Карл Лотарингский показал себя прекрасным воином. К несчастью, он столкнулся с Фридрихом Великим, который одержал над ним одну из самых своих блестящих побед — под Лойтеном в 1757 году.

Однако Фридрих продолжал говорить о нем в самых восхищенных словах как об опасном противнике.

Снятый с командования армией после этого поражения, Карл удалился в свою столицу — Брюссель, где окружил себя элегантным и утонченным двором, увлекающимся литературой, музыкой, искусством и театром и очень похожим на двор его предка, Рене Анжуйского.

В 1761 году Карл Лотарингский стал великим магистром Тевтонского ордена, остатками от прежних немецких рыцарей, которым покровительствовали тамплиеры и которые оставались очень сильными в военном плане до XVI века. В 1770 году был назначен коадьютор ордена; им стал Максимилиан Лотарингский, любимый племянник Карла, который был тесно связан с ним в последующие годы. В 1775 году Максимилиан присутствовал при возведении конной статуи своего дяди в Брюсселе; открытие ее состоялось 17 января — дата первого алхимического превращения Никола Фламелья, дата, фигурирующая на надгробной плите Мари де Бланшфор, и наконец, дата сердечного приступа, случившегося с аббатом Соньером.

МАКСИМИЛИАН ЛОТАРИНГСКИЙ (1756—1801). Максимилиан Лотарингский (или Габсбургский) был последним сыном императрицы Марии Терезии. Злополучное падение с лошади заставило его оставить военную карьеру, он обратился к Церкви и в 1784 году стал епископом Мюнстерским, а затем архиепископом и курфюрстом Кельна; наконец, после смерти своего дяди Карла Лотарингского в 1780 году, — великим магистром Тевтонского ордена.

Как и его дядя, он любил искусство и покровительствовал Гайдну, Моцарту и молодому Бетховену, который мечтал посвятить ему «Первую симфонию». Но когда она была закончена и представлена на суд публики, Максимилиан уже умер.

Максимилиан Лотарингский был человеком ученым и терпимым, одним из самых образованных людей своей эпохи. Его любили подданные и уважали равные ему — совершенный пример идеального монарха этого просвещенного XVIII века. Дальновидный политик, он сделал все возможное, чтобы предупредить свою сестру Марию Антуанетту о

буре, поднимающейся во Франции. Когда же она грянула, он не выказал ни малейшего удивления. Сторонник основных целей революции, он, однако, открыл двери для бежавших французских аристократов.

Максимилиан отрицал свою принадлежность к масонству; тем не менее, несмотря на его положение в лоне Церкви и на строгость Рима, вполне вероятно, что он все же состоял в каком-либо тайном обществе того времени. Впрочем, он не скрывал своей дружбы с некоторыми членами «корпорации», среди которых был и Моцарт.

Как Бойль, Радклифф, Карл Лотарингский и другие великие магистры Сиона, Максимилиан был последним сыном в семье. Как и они, он очень скрытно выполнял функции великого магистра, работая за спиной самых важных личностей, например, Марии Каролины, королевы Неаполя и Сицилии, которая внесла большой вклад в распространение масонства в своем государстве. Вспомним, что Радклифф действовал через посредство шевалье Рамсея, затем Хунда, а Карл Лотарингский — через посредство своего брата Франциска.

ШАРЛЬ НОДЬЕ (1780—1844). Он открывает ряд великих магистров Сиона непосредственно сразу после Французской революции, не принадлежавших ни к родовитой знати, ни к одной из генеалогий «документов Приората», ни к какой-либо форме политической власти.

Матерью Нодье была некая Сюзанна Пари, которая никогда не знала своих родителей. Его отец, стряпчий из Бизансона, активный и уважаемый масон, был членом местного якобинского клуба до революции; затем он стал мэром и председателем революционного трибунала города.

Еще совсем юным — в десять лет! — Шарль Нодье заинтересовался культурой и политикой. Начиная с восемнадцати лет он опубликовал много работ: сборник воспоминаний о путешествиях, эссе об искусстве и литературе, различные этюды — от роли усиков у насекомых до теории самоубийства, археологические, лингвистические, юридические и эзотерические исследования, не забывая писать сказки и романы. Сегодня его уже никто не считает писателем первого плана.

Будучи вначале сторонником революции, Нодье быстро начал испытывать к ней враждебное чувство, как и к Наполеону начиная с 1802 года. В Лондоне он опубликовал сатирическую поэму «Наполеон», которая стоила ему месяца тюрьмы. Тем не менее позже он признался, что участвовал в двух заговорах против императора — в 1804 и 1812 годах, что, возможно, является правдой, ибо он знал инициаторов этих заговоров с самого своего детства, проведенного в Безансоне.

ВИКТОР ГЮГО (1802—1885). Семья Гюго происходит из Лотарингии, но сам он родился в Безансоне, бывшем в то время настоящим очагом подрывной деятельности. Его отец, наполеоновский генерал, поддерживал прекрасные отношения с врагами императора, один из которых, активный заговорщик, любовник его жены и крестный отец его сына, сыграл большую роль в жизни юного Виктора.

В семнадцать лет Гюго уже являлся пылким учеником Нодье, который приобщил его к готической архитектуре — настоящему сюжету его романа «Собор Парижской Богоматери» (его собственное выражение). В 1819 году они вдвоем основали издательство, где выпускали иллюстрированный журнал под руководством Нодье. В 1822 году Виктор Гюго обвенчался в Сен-Сюльпис, причем церемония была какая-то особенная, и спустя три года оба друга уехали в Швейцарию в сопровождении своих жен. 2 мая 1825 года Нодье принимал Виктора Гюго в члены Приората Сиона в Блуа. В 1825 году они также присутствовали на коронации Карла X, а в следующем году Виктор Гюго открыл свой собственный салон по примеру Нодье, который посещали те же знаменитости. Когда в 1845 году Нодье умер, Виктор Гюго был среди тех, кто нес покров.

На празднике св. Баболена в июне 1829 года Виктор Гюго принял в члены ордена Теофиля Готье, который был представлен ему Жераром де Нервалем и Петрюсом Барелем. 21—22 августа 1834 года он присутствовал на конвенте в Блуа и выступил против судебного ведомства и за отмену смертной казни. 22 июля 1844 года, в день св. Магдалины, он был избран великим магистром ордена на четвертый день выборов большинством в один голос. Оппозиция пыталась

путем скандала в 1845 году сместить его (тайным зачинщиком скандала был Теофиль Готье, который после провала своих планов уехал в Алжир).

Как и Ньютон, Гюго был глубоко религиозным человеком, но совсем не ортодоксальным. Как и Ньютон, он выступал против идеи Святой Троицы и божественности Иисуса. Под влиянием Нодье всю свою жизнь он увлекался эзотерической, гностической и каббалистической науками и поддерживал отношения с так называемым орденом Розы и Креста, в который входили Элифас Леви и молодой Морис Баррес.

Его политические убеждения были весьма противоречивыми. Виктор Гюго восхищался Наполеоном, оставаясь убежденным роялистом; сторонник реставрации Бурбонов на троне Франции, он, по-видимому, считал их лишь временным выходом из положения, ибо презирал и глубоко осуждал Людовика XIV. Но он поддерживал Луи-Филиппа, «короля-гражданина» народной монархии, жена которого, племянница Максимилиана Лотарингского, принадлежала к Габсбург-Лотарингскому дому.

КЛОД ДЕБЮССИ (1862—1918). Выходец из бедной семьи, он быстро добился богатства и известности благодаря своему великому таланту. Совсем юным он играл на фортепиано любовнице президента Республики, затем был принят русским аристократом, покровителем Чайковского, который увез его с собой в Швейцарию, Италию и Россию. В 1884 году он уехал учиться в Рим и до 1906 года чередовал путешествия с визитами в Париж, встречаясь с многочисленными личностями, на первый взгляд совершенно чуждыми генеалогиям «документов Приората» и трудноустановимыми. Действительно, многие его письма были уничтожены, а в тех, которые были опубликованы, можно заметить изъятие большого числа тех или иных фраз.

Возможно, Дебюсси познакомился с Виктором Гюго через посредство Поля Верлена. Он был членом всех символистских кружков, заправлявших тогда культурной жизнью Парижа. Там можно было встретить молодого священника Эмиля Оффе — через него Дебюсси познакомился с Беранже Соньером, — Эмму Кальве, Стефана Малларме (чей

«Послеполуденный отдых фавна» он положил на музыку), Мориса Метерлинка (чью драму «Пеллеас и Мелизанда» он превратил в оперу), Вилье де Лиль-Адана, автора розенкрейцерской драмы «Аксель». Дебюсси хотел и ее переделать в оперу, но умер до ее постановки. Оскар Уайльд, Йейтс, Поль Валери, Андре Жид и Марсель Пруст посещали одни и те же кружки, а также знаменитые «вторники» Малларме. Все они с головой окунались в эзотеризм и все вместе с Дебюсси участвовали в возрождении французского оккультизма.

ЖАН КОКТО (1889—1963). Ничего в жизни Жана Кокто не могло бы заставить нас предположить, что он был великим магистром важного тайного общества, и если в конце концов нам удалось найти несколько убедительных доказательств для других личностей, чьи имена фигурировали в списке, то с ним было совсем не так.

Заметим, однако, что он принадлежал к влиятельной семье, занимавшейся политикой (его дядя был дипломатом), и что, несмотря на богемную и часто беспорядочную жизнь, он всегда поддерживал отношения с аристократическими, политическими и правительственными кругами своей страны. Как многие другие великие маги Сиона — Бойль, Ньютон или Дебюсси, — он, собственно, держался в стороне от политики. Он не принимал никакого участия в Сопротивлении во время немецкой оккупации и удовольствовался лишь тем, что высказал свое неодобрение по отношению к Петену. Позже он будет поддерживать генерала де Голля, брат которого поручит ему составить доклад о положении во Франции.

Для нас самое убедительное доказательство его принадлежности к Приорату Сиона находится в его творчестве: фильм «Орфей», пьеса «Двуглавый орел», посвященная императрице Елизавете Австрийской, члену семьи Габсбургов, или же роспись церкви Богоматери Французской в Лондоне. Наконец, вспомним его подпись под уставом Приората Сиона — весьма категоричное доказательство.

ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ

---

1. ТАИНСТВЕННАЯ ДЕРЕВНЯ

1. De Séde Gérard. L'or de Rennes; Charroux Robert. Trésors du monde. Paris, 1962. P. 247ff.
2. Annuaire ecclésiastique. P. 282.
3. De Séde. L'or de Rennes. P. 28. Возможно, речь идет о картине «Святой Антуан Отшельник». Для Ж. де Седа это было «Искушение святого Антония» без дальнейших уточнений; наши поиски открыли нам, что этой картиной была «Святой Антоний и святой Иероним в пустыне».
4. Fédié. Le comté de Razés. P. 3ff. Цифра 30 000 жителей сообщается Ж. де Седом в «Золоте Ренна», с. 17, но он не называет источника.
5. Procopius. Histoire des guerres. Vol. 5, xii.
6. Речь идет об Иоганне Сальваторе Габсбургском, известном под псевдонимом Жан Орт. Он отказался от всех своих титулов и прав в 1883 г. и через два месяца был изгнан с территории империи. Вскоре он в первый раз появился в Ренн-ле-Шато и, по официальным данным, умер там в 1890 г. Но в действительности он умер в 1910 или 1911 г. в Аргентине. См.: Dugast-Rouille. Les maisons souveraines de l'Autriche. Paris, 1967. P. 191.
7. Дважды мы изучали архивы Ватикана, касающиеся этого дела, и оба раза не нашли никаких ссылок на Соньера. О его существовании даже не упоминается — любопытный пробел в обычно весьма детализированных записях! Это наводит на мысль, что вся документация об этом священнике была сознательно уничтожена.
8. Lépinos. Lettrés de Louis Fouquet. P. 269ff. Письмо сохранилось в архивах семьи Коссе-Бриссак, тесно связанной с масонством с XVIII в.
9. Delaude. Le cercle d'Ulisse. P. 3. Согласно автору, о могиле говорится в неких «мемуарах» аббатства Дельмас, датирующихся XVII в.; без сомнений, это те самые, что датированы 1709 г. Рукопись была отдана в Кельтскую академию, откуда она вскоре исчезла, но вновь появилась в начале века и была частично

опубликована в: *Courrent. Notice Historique*. P. 9—17. Никаких упоминаний о могиле в этих отрывках нет, но, возможно, намек на нее содержится в неопубликованной части рукописи Дельмаса, которая находится сейчас в Лиму и принадлежит частной коллекции. Во время наших поисков мы не имели к ней доступа.

2. ВЕЛИКАЯ ЕРЕСЬ КАТАРОВ

1. Работая в 1888 г. в муниципальной библиотеке Орлеана, Дуанель нашел рукопись 1022 г., составленную неким гностиком, которого сожгли в конце того же года. Так Дуанель стал ярлым гностиком. См.: *Lauth. Tableau de l'au-delà*. P. 212ff.
2. Манихеи подозревались в практиковании контроля за рождаемостью, а также абортот, и, возможно, катары позаимствовали их знания в этой области. Как считает Ноонэн, Церковь, осуждая катаров, возобновила осуждение контрацепции. См.: *Noonan. Contraception*. P. 281; *Chadwick. Priscillian*. P. 37.
3. *Rouquemont D. de. L'amour et l'Occident*. P. 65.
4. В 800 г. н. э. манихеи все еще были объектом осуждения во всей Западной Европе. В 991 г. Герберт Орильякский, будущий Папа Сильвестр II, продолжал формулировать манихейские верования. См.: *Runciman. The Medieval Manichee*. P. 117; *Niel. Les Cathares de Montségur*. P. 267ff.
5. *Joinville Jean de. Histoire de Saint Louis*.
6. *Niel. Les Cathares de Montségur*. P. 291ff.
7. У манихеев был священный праздник Бема, отмечавшийся в марте. Ньель считает, что именно этот самый праздник имел место в Монсегиуре 14 марта, поскольку в 1244 г. весеннее равноденствие пришлось как раз на этот день. См.: *Niel. Les Cathares de Montségur*. P. 276ff. По-видимому, манихеи использовали иллюстрированную книгу, показывающую, возможно символически, учение Мани и дуализм между Детьми Света и Детьми Мрака. Эта книга использовалась во время праздника Бема, и возможно, подобный сборник символов сохранился среди сокровищ катаров. См.: *Orth. Mani*. P. 168ff, 180, 253ff.
8. См.: *Waite. Holy Graal*. P. 524ff.
9. *Nelli. Dictionnaire des hérésies*. P. 216ff. Отто Раан, автор «Крестового похода против Грааля» и «Двора Люцифера», особенно углубленно занимался этой проблемой. Для него замком Грааль и «Мунсальвешем» В. фон Эшенбаха являлся Монсегиур. Работы Раана появились в Германии в 1930 г., затем он

вступил в ряды СС и стал полковником. Его исследования, посвященные Граалю и катарам, опирались на философа Альфреда Розенберга, глашатая нацистской партии и друга Гитлера. Раан исчез в 1939 г.; говорили, что он покончил с собой на вершине горы Куфштайн. Однако один французский исследователь обнаружил документы, касающиеся Раана, и последние из них были датированы 1945 г. См.: Bernadac. *Le mystere Otto Raan*. Если эти документы действительно относятся к тому самому Отто Раану, то встает вопрос: не был ли он на таинственных раскопках, предпринятых немцами в Монсеюре и в других катарских местностях во время Второй мировой войны?

3. ВОИНСТВУЮЩИЕ МОНАХИ

1. Runciman. *History of the Crusades*. Vol. 2. P. 477.
2. Согласно источникам (см.: Esquieu. *Les Templiers de Cahor*. P. 147), Гуго Пайенский родился не в Шампани, а в замке Маэн близ Анноне, в Ардеше. Акт о его рождении был найден, и на нем стоит дата 9 февраля 1070 г. Возможно, позже он переехал в Шампань.
3. Guillaume de Tyr. *Historia rerum transmarinum*. Vol. 1.
4. Addison. *History of the Knights Templars*. P. 19. См. также подробности оригинального устава в: Curzon. *La regle du Temple*.
5. Addison. *History of the Knights Templars*. P. 19.
6. Эта дата оспаривается, ибо булла, как было доказано, не могла быть датирована ранее 1152 г.
7. Король Ричард I, например, был близким другом ордена и жил вместе с тамплиерами во время своего пребывания в Акре. Он покинул Святую землю в 1192 г., переодетый тамплиером, на корабле ордена в сопровождении четырех рыцарей. См.: Addison. *History of the Knights Templars*. P. 148.
8. Daraul. *History of Secret Societies*. P. 46ff. Но автор не упоминает источник.
9. См.: Piquet. *Des banquiers au Moyen Age*. Начальной целью этой деятельности было облегчить паломничество в Святую землю. См. также: Melville. *Vie des Templiers*. P. 87ff. Первая ссуда была зарегистрирована в 1135 г. Как считает Seward (*The Monks of War*. P. 213), «самым постоянным занятием тамплиеров, их вкладом в разрушение монополии Церкви на ростовщичество было занятие экономикой. Ни одно средневековое учреждение не сделало большего для развития капитализма».
10. Melville. *Vie des Templiers*. P. 220.
11. См.: Mazières. *La venue et le séjour des Templiers*. P. 235.

12. Бланшфор был разрушен во время Альбигойского крестового похода; замок пал незадолго до 1215 г., когда эти земли были отданы Симону де Монфору и Пьеру де Вуазену. Сеньор де Бланшфор сражался на стороне знаменитого катара Раймона Роже де Транкавеля. См.: Fédié. *Le comte de Razés*. P. 151. Одновременно с молодым Транкавелем Бертран де Бланшфор подарил тамплиерам деньги и земли. Записи об этом фигурируют в актах, составленных до его принятия в орден, когда он еще был женат на Фабризе. См.: *Albon. Cartulaire général*. P. 41 (*Charte XVI, 1133—4*), где можно найти ссылки на жену Бертрана и на его двух братьев — Арно и Раймона (P. 112, *Charte CLX, 1138*).
13. Mazières. *La venue et le séjour des Templiers*. P. 243ff. См. также: Mazières. *Recherches historiques*. P. 276. Документ, найденный в архивах семьи де Брюйер и Молеон, показывает, что тамплиеры Шампани и Альбедюна (Безю) открыли убежище для «совершенных». Этот документ, как и другие, исчез во время Второй мировой войны в ноябре 1942 г.
14. См.: Leonard. *Introduction au cartulaire*. P. 76. Командор ордена Храма в Тулузе в начале Альбигойского крестового похода был членом катарской семьи Транкавель.
15. Вероятно, о грозящей опасности предупредил тамплиеров Жан де Жуанвиль, который, будучи сенешалем Шампани, должен был получить от Филиппа Красивого секретные приказы об их аресте. Его симпатия к тамплиерам была известна, и его дядя Андре был членом ордена и командором Пайена в 1260-х гг. См.: Leonard. *Introduction au cartulaire*. P. 145. Жан упомянул о том, что тамплиеров обвиняли в принесении какой-то таинственной клятвы, по ходу которой они плевали на крест. Кроме того, он весьма прозрачно намекнул, что Святой Людовик знал об этом за пятьдесят лет до того, но отказывался выносить свой приговор. См.: Joinville Jean de. *Histoire de Saint Louis*. Жан основал нечто вроде лиги знати, для того чтобы противостоять напору французского короля против ордена Храма, но со смертью короля лига потеряла свое значение.
16. Когда офицеры, производившие аресты, в сопровождении короля проникли в парижский Тампль в 1307 г., они не нашли ни денег ордена, ни каких-либо документов. Казначеем тогда был Гуго де Перо, а наставником — Жерар де Вилье. В 1308 г. семьдесят два тамплиера из Пуатье должны были давать свидетельские показания самому Папе (цифра приведена в булле *Faciens misericordiam*). Не все свидетельские показания дошли до нас. Большое их число исчезло, вероятно, в то время, когда секретные архивы Ватикана, включающие полное собрание до-

- кументов, относящихся к ордену Храма, прибыли в Париж по приказу Наполеона. Сумятица тогда была такая, что можно было увидеть торговцев, использующих самые ценные документы для упаковки товаров. Тридцать три свидетельских показания рыцарей из Пуатье были опубликованы немецким историком Конрадом Шоттмюллером в 1887 г., а шесть других — Генрихом Финке в 1907 г. Среди последних фигурирует любопытное заявление Жана де Шалона, согласно которому Жерар де Вилье, узнав о приказе об арестах, сбежал из Тампля в сопровождении пятидесяти рыцарей, затем вышел в море на восемнадцати галерах, принадлежавших ордену. Гуго де Шалон, добавлялось в заявлении, уехал, прихватив все ценности Гуго де Перо: «cum toto thesauro fratris Hugonis de Peraudo». Когда его допрашивали, Жан де Шалон ответил, что никто не говорил об этом, так как тамплиеры хранили свою тайну из страха быть убитыми. См.: Finke. Papsttum und Untergang des Templersordens. Vol. 2. P. 339. Эти факты кажутся правдоподобными. В самом деле, когда рано утром 13 октября тамплиеры были арестованы, кое-кто из них отсутствовал и был посажен в тюрьму лишь несколько дней спустя. Среди них находились Жерар де Вилье и Гуго де Шалон. См.: Barber M. Trial of the Templars. P. 46.
17. Эта история приведена в: Waite. New Encyclopaedia of Freemasonry. Vol. 2. P. 223.
  18. Wolfram von Eschenbach. Parzival.
  19. Shah. The Sufis. P. 225. См. также введение к данной работе Роберта Грейвза, который объясняет п. XIX игрой слов, существующей в арабском языке между словами «мудрый» и «черный». Таким образом, уточняет автор, три черные головы на гербе Гуго Пайенского могли иметь двойное значение.
  20. Oursel. Le proces des Templiers. P. 208.
  21. См.: Lobineau Henri. Dossiers secrets. № 4. Ordre de Sion. Там цитируется с. 292 «Книги учреждения» (Приората Сиона), где голова названа «Caput LVIII М» (Голова 58 Дева).
  22. См. эту версию в: Ward. Freemasonry and the ancient Gods. P. 305.
  23. См.: Roger de Hoveden. Annals. Vol. 2. P. 248ff. Что касается истории «Изы», см.: Barber M. Trial of the Templars. P. 185ff. Как считает автор, эта история абсолютно чужда тамплиерам; она является частью очень древнего фольклора и была использована в качестве оружия против ордена.
  24. Barber M. Trial of the Templars. P. 249. Список обрывается.

25. Michelet M. *Proces des Templiers*. Vol. 2. P. 384, свидетельские показания Жана де Шома.
26. Schottmüller. *Der Untergang des Templer-Ordens*. Vol. 3. P. 67, свидетельские показания Деодата Йефета.
27. Michelet M. *Procès des Templiers*. P. 383ff, свидетельские показания Фалька из Труа.
28. Joinville Jean de. *Histoire de Saint Louis*. P. 254. См. также главу 3, пункт 15.
29. См.: Albon. *Cartulaire général*. P. 2, где упоминается о тамплиере по имени Роберти — вероятно, это Роберт, который стал великим магистром после смерти Гуго Пайенского. Далее также имеется намек на тамплиеров Хенрико и Роберто — еще два имени, которые мы можем прибавить к именам Фалька Анжуйского и Гуго Шампанского. Таким образом, среди новых членов ордена уже четыре человека.
30. Bouquet. *Recueil des Historiens*. Vol. 15 (*Epistolae Ivonis Carnotensis Episcopi*). P. 162, № 245.
31. «Воинство Христово, евангелическое воинство, о котором идет речь в этом письме, есть не что иное, как орден Храма, militia Templi. Но в 1114 г. орден Храма был еще не учрежден...» Arbois de Jubainville. *Histoire... de Champagne*. Vol. 2. P. 113—114, № 1.
32. Эта школа была создана знаменитым средневековым раввином Равви Раши (1040—1105).
33. Allegro. *Treasure of the Copper Scroll*. P. 107ff.
34. Arbois de Jubainville. *Histoire... de Champagne*. Vol. 2. P. 87.
35. Ibid. P. 98ff. № 1.
36. Личное сообщение аббата Мазьера Генри Линкольну.
37. Arcons. *Du flux et reflux*. P. 355ff. См. также: Catel. *Memoires... du Languedoc*. Vol. 1. P. 51.
38. Mazières. *La venue et le séjour des Templiers*. P. 234ff.
39. Личное сообщение аббата Мазьера Генри Линкольну.

4. СЕКРЕТНЫЕ ДОСЬЕ

1. Descadeillas. *Rennes et ses demiers seigneurs*.
2. Descadeillas. *Mithologie du trésor de Rennes*.
3. Paoli. *Les dessous d'une ambition politique*. P. 86.
4. *Le Monde*. 1967. Feb. 21. P. 11; *Le Monde*. 1967. Feb. 22. P. 11; *Paris-Jour*. 1967. Feb. 21. № 2315. P. 4.
5. Feugère, Saint-Maxent, Koker. *Le serpent rouge*. P. 4.

5. ТЕ, КТО ДЕЙСТВУЕТ В ТЕНИ

1. Grousset. *Histoire des croisades*. Vol. 3. P. xiv.
2. Vogüé. *Les Églises*. P. 326.
3. Vincent. *Histoire de l'ancienne image*. P. 92ff.
4. Röhricht. *Regesta*. P. 19. № 83.
5. *Ibid.* P. 25. № 105.
6. Tillière. *Histoire... d'Orval*. P. 3ff.
7. Jeantin. *Les chroniques*. Vol. 1. P. 398. Хагенмейер в своей книге «Истина и ложь о Петре Отшельнике» сообщает нам, что до того, как стать монахом Петром, мелкий землевладелец из Ашера близ Амьена был вассалом Эсташа Булонского, отца Готфрида. Однако Хагенмейер не считает, что Петр был наставником Готфрида. Петр пользовался значительным влиянием, ибо после взятия Иерусалима, когда крестоносцы отправились в следующий военный поход, город был оставлен в его полное распоряжение.
8. Guillaume de Tyr. *Historia rerum transmarinarum*. Vol. 1. P. 380. См. также: Runciman. *History of the Crusades*. Vol. 1. P. 292. Этот же самый епископ из Калабрии был другом некоего Арнульфа, мелкого церковнослужителя, который с помощью епископа стал первым латинским патриархом Иерусалима! После Первого крестового похода появилась группа странных личностей, которых называли тафурами; они приобрели большую известность, когда эмир Антиохии обвинил их в каннибализме. Внутри этой группы существовало нечто вроде коллегии, которой руководил «король Тафур». К этому человеку, как сообщают хроники того времени, даже сами принцы-крестоносцы подходили, униженно кланяясь. Он присутствовал при коронации Готфрида Бульонского и был знаком с Петром Отшельником. Эти люди и их король, были ли они как-то связаны с монахами из Калабрии? Не очень сложно изменить имя «Тафур», чтобы оно звучало как «Артус», каковое имя было ритуальным. О влиянии тафуров см.: Cohn N. *Pursuit of the Millennium*. P. 66ff.
9. Lobineau H. *Dossiers secrets*. № 4.
10. *Ibid.*
11. Архивы Луаре, серия 357. См. также: Rey E. G. *Chartes... du Mont-Sion*. P. 31ff; Le Maire. *Histoire et Antiquitez*. Part 2. Ch. 26. P. 96ff.
12. Yates. *Rosicrucian Enlightenment*.
13. См., например: Yates. *Giordano Bruno*. P. 312ff; Yates. *Occult Philosophy*. P. 38. В этих двух работах автор рассматривает пе-

редачу герметической мысли и развитие тайных обществ вокруг неких центральных персонажей.

14. Эти сведения мы имеем из самих источников Приората. Рукопись находится в библиотеке Руана; речь идет об «Истории политики Жизора и страны Вудканов» Робера Деньо, датирующейся 1629 г. (коллекция Монбре, 2219, V 14a). Но проверить эту информацию сложно, так как из 575 страниц рукописного текста не все можно прочесть, некоторые отсутствуют, некоторые вырваны, некоторые главы изъяты или вычеркнуты. Только *Calendarium Martyrology* можно расшифровать.
15. Röhricht. *Regesta*. P. 375. № 1440.
16. Bruel. *Chartes d'Adam*. P. 1ff.
17. Lobineau H. *Dossiers secrets*. № 4.
18. Oursel. *Le proces des Templiers*. P. 208.
19. Rey T. G. *Chartes... du Mont-Sion*. P. 34ff.
20. Возможно, стоит сравнить различные списки великих магистров ордена Храма, а также список, официально приведенный Приоратом Сиона в 1957 г.

Список из «Секретных досье» Анри Аобино:

Гуго де Пайен, 1118—1131
 Роберт Бургундский, 1131—1150
 Бернар де Трембле, 1150—1153
 Бертран де Бланкафор, 1153—1170
 Жанфедер Фульшерин, 1170—1171 (= Гауфридус
 Фульхериус/Жоффруа Фуше)
 Франсуа Отон де Сент-Аман, 1171—1179
 Теодор де Глез, 1179—1184 (=Теодорикус/Террикус)
 Франсуа Жерар де Ридфор, 1184—1190

Список, фигурирующий в современном источнике (Seward. *Monks of War*. P. 306):

Гуго де Пайен, 1118—1136
 Роберт де Краон, 1136—1146
 Эверар де Барр, 1146—1152
 Бернар де Тремеле, 1152—1153
 Андре де Монбар, 1153—1156
 Бертран де Бланшфор, 1156—1169
 Филипп де Мили, 1169—1170
 Эвд де Сент-Аман, 1170—1179
 Арнольд де Торрож, 1179—1185
 Жерар де Ридфор, 1185—1191

Список великих магистров, данный Приоратом Сиона:

Основатель: Готфрид Бульонский

1-й Гуго Пайенский, с 1118 по 24 мая 1131 г.

2-й Роберт де Краон, с июня 1131 г. по февраль 1147 г.

3-й Эверар де Барр, с марта 1147 г. по май 1150 г.

4-й Гуго де Бланшфор, с мая 1150 г. по май 1151 г.

5-й Бернар де Трамбле, с июня 1151 г. по 16 августа 1153 г.

6-й Гийом де Шамалей, с 18 августа 1153 г. по март 1154 г.

7-й Эверар де... с 3 апреля 1154 г. по декабрь 1154 г.

8-й Андре де Монбар, с 15 января 1155 г. по 17 октября 1156 г.

9-й Бертран де Бланшфор, с 22 октября 1156 г. по 2 января 1169 г.

10-й Филипп де Милли, с 17 января 1169 г. по 3 апреля 1170 г.

11-й Эвд де Сент-Аман, с 16 апреля 1170 г. по 19 октября 1180 г.

12-й Арно де Торож, с 3 января 1181 г. по 30 сентября 1184 г.

13-й Жерар де Ридфор, с октября 1184 г., смещен в 1188 г.

14-й Жан де Жизор, с 15 августа 1188 г. по 1220 г.

На единственном примере — примере первого великого магистра — достаточно будет показать, какие трудности присущи составлению подобного списка.

Дата смерти Гуго Пайенского варьируется. Приорат устанавливает ее в 1131 г., в современном же списке значится 1136 г. Последняя дата не может быть доказана и поэтому, вероятно, является ложной. 1136 г. приведен в книге «L'art de vérifier les dates» (Vol. 5. Paris, 1918), а день смерти, 24 мая, в «L'Obituaire de la commanderie... de Reims» (см.: Barthélemy), датирующемся XIII в., но этот документ не приводит года смерти. Также надо просмотреть все сохранившиеся до сих пор грамоты, подписанные рукой Гуго Пайенского. Они указывают, что он умер в 1131 г. или немного спустя. «Всеобщий картулярий» Альбона цитирует множество грамот, в конце текстов которых фигурирует подпись Гуго Пайенского, подпись полным именем, чаще всего в виде «Hugo de Pagano». Последняя подписанная таким образом грамота датируется 1130 г. (Albon. Cartulaire général. P. 23ff), и все позволяет нам думать, что он умер некоторое время спустя, но до 1133 г., которым датирована грамота, упоминающая «Hugoni, magistro militum... Templi» (Albon. Cartulaire général. P. 42), но не подписанная его рукой. Эта грамота, обычно приписываемая Гуго Пайенскому, скорее относится к Гуго Риго, имя которого можно найти в большом количестве других грамот, воспроизведенных Альбоном. Риго был общим магистром Гроба Господня и Хра-

ма, или Храма в Иерусалиме, с 1130 г. по 1133 г. См.: Gerard et Magnou. Cartulaire. P. XXXVIII. Так что список Приората Сиона, возможно, более правдив в историческом плане.

Заметим также, что Вильгельм Тирский нигде не упоминает имен ни Эверара де Барра, ни Андре де Монбара как великих магистров Рыцарей Храма, в противовес другим историкам, жившим после него и основывавшимся на более чем сомнительных сведениях.

6. ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ И ПОДЗЕМНАЯ РЕКА

1. Lobineau H. Dossiers secrets. № 4. Orde de Sion.
2. Loyd. Origins of Anglo-Norman Families. P. 45ff.
3. Roger de Hoveden. Annals. Vol. 1. P. 322. «Томас, архиепископ Кентерберийский, и некоторые из его спутников-изгнанников отправились на встречу с легатами, во время восьмидневника Святого Мартина в местечко между Жизором и Три...» На этом месте встречи между двумя замками находился знаменитый вяз, который позже был срублен. Шарль Нодье в своих «Живописных путешествиях по Нормандии», т. II, с. 138, говорит нам весьма таинственно, что «Святой Томас Кентерберийский приготовился там к своему мученичеству [под вязом Жизора]».
4. Lescoy de la Marche. Le roi Rene. Vol. 1. P. 69. Герцог Лотарингский не имел сыновей, и Жанна называет его сыном Рене, его зятя, в соответствии с условностями эпохи.
5. См.: Staley. King Rene d'Anjou. P. 153ff.
6. Staley. King Rene d'Anjou. P. 29. Рене собственноручно выгравировал эту надпись.
7. Сэр Филип Сидни был другом Джона Ди и приверженцем герметической мысли. Как считает Йейтс, Джон Ди стоял у истоков создания розенкрейцерских манифестов; см.: Yates. Occult Philisophy. По поводу более обширных сведений о Сидни и Ди см.: French. John Dee. Сидни хорошо знал о «подземной реке», протекающей через западноевропейские культуры.
8. Все манифесты воспроизведены в кн.: Waite. Real History of the Rosicrucians.
9. Yates. Rosicrucian Enlightenment. P. 125.
10. Ibid. P. 192.
11. Королевское общество имеет некоторое количество писем, адресованных Роберту Бойлю, исходящих из «каббалистического и священного общества философов», членом которого он

- был; по-видимому, местопребыванием этого общества была Франция. См.: Maddison. *Life of... Robert Boyle*. P. 166ff.
12. См.: Yates. *Rosicrucian Enlightenment*. P. 223ff, где автор излагает связи, существующие между розенкрейцерским движением и Королевским обществом.
  13. О Рамсее см. также: Walker. *The Ancient Theology*. P. 231ff; Henderson. *Chevalier Ramsay*.
  14. Текст этих «Речей» воспроизведен в кн.: Gould. *History of Freemasonry*. Vol. 5. P. 84.
  15. Waite. *New Encyclopaedia of Freemasonry*. Vol. 2. P. 353; Le Forestier. *La franc-maconnerie*. P. 126ff.
  16. Этот список воспроизведен в: Thory. *Ada Latomorum*. Vol. 2. P. 282. Он продолжает список Сиона до разрыва в 1188 г; в то время великим магистром был Жерар де Ридфор.
  17. Nodier. *Voyges pittoresques. Normandy*. Vol. 2. P. 137ff.
  18. Pingaud. *La jeunesse de Charles Nodier*. P. 39.
  19. Ibid. P. 231ff, где можно найти устав общества. Некоторые правила весьма любопытны, как, например, правило 18-е, которое постановляет: «Братья общества филадельфийцев питают особую любовь к небесно-голубому цвету, к фигуре пентаграммы и к числу 5».
  20. Ibid. P. 47.
  21. Nodier. *Contes*. P. 4ff.
  22. Nodier. *Histoire des societes secretes*. P. 105.
  23. Ibid. P. 116.
  24. Самой представительной личностью тайных обществ той эпохи был Филиппо Микеле Буонарроти, потомок одного из братьев Микеланджело, который начал свою карьеру в качестве пажа эрцгерцога Тосканского, сына Франциска Лотарингского, а затем вошел в масонство. Когда разразилась революция, он уехал на Корсику, где оставался до 1794 г. и познакомился с Наполеоном. Начиная с 1800 г. он создал целый ряд тайных обществ, их было так много, что историки не знают точной цифры. «Буонарроти был настоящим божеством, если не всемогущим, то, по крайней мере, вездесущим», — говорит Эйзенштейн, цитируя Ленинга в книге «*The First Professional Revolutionnist... Buonarroti*» (p. 48). У него было много общих друзей с Нодье и Гюго, например Петрюс-Борель, Луи Блан, Селестен Нантей, Жеан Дюсеньер, Жан Жиру, через посредство которых он с ними и познакомился. Отсутствие всяких документов, касающихся их встречи, более чем подозрительно, если исходить из личности Буонарроти и его роли в парижской жизни в течение последующих лет. См. также: Roberts.

- Mythology of the Secret Societies. P. 233: «В течение тридцати лет, не останавливаясь, как паук, который прядет свою паутину, он протянул нити заговора, который разрушали по очереди все правительства и который он не уставал составлять снова» (Eisenstein. *The First Professional Revolutionist... Buonarroti*. P. 51). Вероятнее всего, что оба они, Буонарроти и Нодье, были членами Приората Сиона; к тому же одна из организаций, созданная Буонарроти, называлась «Филадельфийцы», так же, как и организация Нодье.
25. См. главу 7, примечание 33.
  26. Lucie-Smith. *Symbolist Art*. P. 110. О жизни Пелладана и его кружка см.: Pincus-Witten. *Occult Sybolism in France*.
  27. Lucie-Smith. *Symbolist Art*. P. 111.
  28. Приблизительно таким был его собственный комментарий, когда его попросили участвовать в реставрации церкви Богоматери Французской в Лондоне.
  29. См.: Bander. *Prophecies of St. Malachy*. P. 93. Латинские термины — «Pastor et Nauta», слово «nauta» могло обозначать «моряк» или «лоцман», то есть «навигатор».
  30. *Inde a primis*, опубликованное в *L'Osservatore Romano* 2 июля 1960 г.

7. ЗАГОВОР ЧЕРЕЗ ВЕКА

1. Lobineau H. *Dossiers secrets*. Pl. № 4, *Ordre de Sion*.
2. De Séde. *Les Templiers*. P. 220ff. Сведения о Ломуа см. с. 20 и сл., с. 231 и сл. См. также: Chaumey. *Le triangle d'or*. P. 19ff.
3. Le Maire. *Histoire et Antiquitez*. Part 2. P. 96ff.
4. Кардинал Лотарингский был инициатором амнистии в пользу гугенотов, подписанной в Амбуазе 7 марта 1560 г.; он также в большой тайне снабжал деньгами протестантов.
5. Именно Рене Анжуйский сделал эмблемой Лотарингии крест с двойной горизонтальной планкой. Эта эмблема фигурировала на его печатях и монетах. Особенно знаменитой она стала при Рене II, герцоге Лотарингском, после битвы при Нанси в 1477 г. См.: Marot. *Le Symbolisme*. P. 1ff.
6. Нострадамус вращался в кругах, связанных с Лотарингским домом. Некоторое время он прожил в Ажане, когда епископом там был Жан Лотарингский, в то время значительная персона во французской инквизиции. Возможно, именно он предупредил Нострадамуса об интересе, который питала по отношению к нему эта сомнительная организация. Кроме того, Скалиже, друг пророка в Ажане, также был человеком и другом кардина-

- ла Лотарингского и знаменитого герметиста, создателя «театра памяти» Джулио Камилло (см.: Yates. *Art of Memory*. Ch. 6), тоже связанного с Жаном Лотарингским. Наконец, этот последний покровительствовал двум «придворным поэтам» — Пьеру Ронсару и Жану Дора. Оба они были друзьями Нострадамуса; первый написал множество стихотворений, удостоенных его похвалы. Наконец, Жан Дора прислал к Нострадамусу Жана Эме де Шавиньи, чтобы тот служил у него секретарем. Если нужны еще большие подробности об этих связях, см.: Liz Grenne. *The Dreamer of the Vine*. London, 1979.
7. Катрен V, 74, например, возможно, намекает на Карла Марте-ла, побивающего сарацин при Пуатье в 732 г. Катрен III, 83 вызывает в памяти меровингских королей с длинными волосами, овладевших королевством Аквитанским, как они это сделали вскоре после 507 г. Большое число катренов и пророчеств упоминают «Rases», то есть либо об области «Разес» («Razés»), либо об изгнанных графах, «rasés» («остриженных»), потомках Меровингов.
  8. См.: G. de Sede. *La race fabuleuse*. P. 106ff, где автор немного теряет достоверность своих утверждений, считая, что Меровинги были внеземными существами! Мы спросили у него, откуда он взял, что Нострадамус провел некоторое время в Орвале, и он ответил нам, что сам прочитал это в одной рукописи, которая находится у некоего Эрика Мюреза.
  9. Allier. *Une Cabale*. P. 99ff, где автор устанавливает, что именно Общество внушит Олье основать Сен-Сюльпис.
  10. Allier. *Une Cabale*. P. 33.
  11. Auguste. *La Compagnie... à Toulouse*. P. 20ff.
  12. Allier. *Une Cabale*. P. 3.
  13. Lobineau H. *Dossiers secrets*. Pl. № 1, 1100—1600; pl. № 19, 1800—1900.
  14. Sainte-Marie. *Recherches historiques*. P. 243.
  15. Soulltrait. *Dictionnaire topographique... de la Nievre*. P. 8ff. Деревушка Плантары находилась близ Семеле, места рождения Жана XXII де Плантара.
  16. См.: *Le Bulletin de la société nivernaise des lettres, sciences et arts*. 2e série. Vol. 7 (1876). P. 110, 139, 140—41, 307. См. также: Chaumeil. *Le triangle d'or*. P. 80ff, а также монеты, найденные на этом месте.
  17. Эти детали заставили некоторых авторов видеть в Фуке настоящего Человека в Железной Маске. Но более убедительные доказательства свидетельствуют против данной гипотезы.

18. Blunt. Poussin. Vol. 1. P. 170.
19. Картина воспроизведена в: Ward. *Freemasonry and the Ancient Gods*. P. 134. Является собственностью «Supreme Grand Royal chapter of Scotland» в Эдинбурге.
20. Delaude. *La cercle d'Ulisse*. P. 3.
21. Gout. *Mont Saint-Michel*. P. 141ff. Робер де Ториньи, аббат с 1154 г. до самой своей смерти в 1186 г., был автором ста сорока рукописей на пергаменте. Девяносто восемь томов, законченных до его смерти, а остальное — его монахами к 1212 г., представляют собой весьма значительное произведение, большое их число (шестьдесят) было посвящено истории региона, а остальные (восемьдесят) — семейным гербам и девизам. При его жизни количество монахов в аббатстве удвоилось, и оно стало настоящим «святилищем науки». Робер де Ториньи был близким другом Генриха II и Беккета, а учитывая тесные связи, существующие между последними, Приоратом Сиона, тамплиерами и Жизором, очень возможно, что аббат также поддерживал с ними отношения. Если семья действительно имела такой девиз, то Робер не преминул бы отметить его, ибо, с одной стороны, семья Плантар жила в то время в Бретани, а с другой стороны, как считает А. Лобино, Жан VI де Плантар в 1156 г. женился на Идуане де Жизор, сестре Жана де Жизора, девятого великого магистра Сиона и основателя ордена Розы и Креста. История упоминает об Идуане, но не о ее муже, и мы не смогли установить, какой титул носила семья Плантар XII в. Вандалы в 1946 г. уничтожили целые манускрипты, но списки с них сохранились. Однако в них нет сведений о семье Плантар и нет генеалогических материалов. Позже мы узнали, что интересующая нас рукопись находится в «частных» архивах Сен-Сюльпис, и на этом данная линия расследования оборвалась.
22. Myriam. *Les bergers d'Arcadie // Le Charivarie*. № 18. P. 49ff.
23. Thory. *Acta Latomorum*. Vol. 2. P. 15ff; Gould. *History of Freemasonry*. Vol. 2. P. 383.
24. Erdeswick. *A Survey of Staffordshire*. P. 189.
25. Peyrefitte. *La lettre scretre*. P. 197ff. Это письмо было изъято из буллы об отлучении от Церкви, опубликованной Папой 28 апреля 1738 г.
26. Восточный Обряд Мемфиса появился в 1838 г., когда Жак Этьен Маркони де Негр учредил Великую Ложу Осириса в Брюсселе. Как говорит легенда, этот ритуал происходит из дионисийских и египетских мистерий, которые великий Ормус соединил с христианскими таинствами, из чего и родился орден

- Розы и Креста. Восточный Обряд Мемфиса включал девяносто семь степеней и весьма высокие титулы, как то: Командор Лучезарного Треугольника, Блистательный Принц Королевской Тайны, Блистательный Пастор Хютца, Доктор Планисфер и т. д. См.: Wait. New Encyclopaedia of Freemasonry. Vol. 2. P. 241ff. Затем обряд был сведен к тридцати трем степеням и стал называться «Старинным и примитивным обрядом». Около 1854—1856 гг. он был введен в Соединенных Штатах Х. Дж. Сеймуром и в 1872 г. в Англии Джоном Яркером. Позже он присоединился к Восточному Ордену Храма. В «History of the Ancient and Primitive Rite of Masonry» (London, 1875) Ритуал Мемфиса считается происходящим от ритуала нарбонских «филадельфийцев», установленного в 1779 г.
27. См. также: Бытие, 28, 18, где Иаков льет елей на каменную стелу.
  28. Питуа, библиотекарь в министерстве народного образования, должен был разобрать все работы, присланные в Париж из различных провинциальных монастырей и библиотек. Вместе с Шарлем Нодье они занялись этой работой и вскоре объявили, что каждый день приносит им удивительные открытия.
  29. Жан-Батист Хоган.
  30. Вполне возможно, что доктрина о непогрешимости Папы, объявленная 18 июля 1870 г., была, по крайней мере частично, чем-то вроде реакции Католической церкви на модернистские тенденции, на идеи Дарвина и на все возрастающую власть лютеранской Пруссии.
  31. Fremonger. William Temple. P. 490.
  32. Краткая биография Оффе приведена у Дескадейя в «Мифологии», с. 8 и сл. Оффе родился в Шильтигеме (Эльзас) 11 мая 1873 г. Он начал учебу в Париже в 1884 г. в церковной хоровой капелле Монмартра и продолжил ее в маленькой семинарии Богоматери Сионской, где готовился к церковной карьере. Свою стажировку он начал в Сен-Герлахе, в Голландии, и в 1892 г. вступил в орден Святой Марии. В 1898 г. он был назначен священником в Льеже и стал миссионером на Корсике; затем вернулся во Францию. Он прожил в Риме с 1903 по 1904 г.; в конце концов в 1914 г. вернулся в Париж; в марте 1946 г. он умер. Он бегло говорил на греческом, древнееврейском и санскрите и опубликовал множество статей об истории религий. В «Истинном досье» Ж. де Сед говорит, что Дескадейя, открыто презирая идею о «тайне» Ренн-ле-Шато, в 1966 г. написал руководству ордена Св. Марии просьбу представить ему доказательство того, что Оффе действительно проповедовал в Ренн-ле-Шато. Архивариус ордена ответил ему: «Оффе — автор очень интересных работ о масонстве, которое он особенно

- усердно изучал. Эти рукописи мне удалось раздобыть. Я попросил положить их в надежное место, особенно самые интересные». См. также: Chaumeil. *Le triangle d'or*. P. 106ff.
33. Папюс родился в Испании 13 июля 1865 г. В 1887 г. он вошел в Теософическую ассоциацию, которую покинул спустя год, чтобы создать свою собственную организацию, основанную на мартинистских принципах. В том же году он принял участие в создании кабалистического ордена Розы и Креста вместе с Пеладаном и Станисласом де Гуаитой. С ними же и с Вилье де Лиль-Аданом они основали в 1889 г. журнал «Посвящение». В 1891 г. «Верховный Совет» ордена мартинистов был сформирован в Париже; Папюс стал его великим магистром. В это же самое время он помогал Дуанелю в создании Гностической католической церкви, затем взял на себя управление ею, когда Дуанель возвратился в Каркасон. В 1895 г. Папюс стал членом ордена Золотой Зари, его парижской ложи Ахатоор; в это время он уже был знаком с Эммой Кальве. В 1899 г. его друг Филипп из Лиона отправился в Россию, где при дворе императора основал ложу мартинистов. Через год Папюс присоединился к нему и быстро стал другом и доверенным лицом царя и царицы. Он предпринял много путешествий по России, последнее — в 1906 г., и, таким образом, имел случай познакомиться с Распутиным. Позже Папюс стал великим магистром Восточного ордена Храма и Ложы Мемфис-Мисраим во Франции. Умер он 25 октября 1916 г.
34. Сергей Нилус. Протоколы Сионских мудрецов. До 1960 г. это произведение выдержало восемьдесят три переиздания, доказав, что в Великобритании еще очень жив антисемитизм. Так, в Britons Publishing, который принадлежит группировке католической традиционалистской прессы Augustine Publishing, выходят книги с такими названиями: «Jews Ritual Slaughter» («Еврейские ритуальные жертвоприношения»), «Jews and the White Slave Traffic» («Евреи и торговля белыми рабами»).
35. Об истории «Протоколов» см.: Cohn. *Warrant for Genocide*; Bernstein. *Truth about the «Protocols»*, где даны переводы всевозможных источников этой работы. Антисемитское содержание книги подробно разобрано в: Fry. *Waters Flowing Eastward*. Это весьма спорный документ, пытающийся, кроме всего прочего, «доказать» при помощи фотографий, что царь Николай II был убит согласно ритуалу неким евреем-каббалистом.
36. Сергей Нилус. Протоколы Сионских Мудрецов. № 13.
37. Ложа Мемфис-Мисраим. См. примечание 33.

38. Сергей Нилус. Протоколы. № 24. Этого заявления не было в некоторых первых изданиях работы.
39. Сергей Нилус. Протоколы. № 24.
40. Blancassal. Les descendants... P. 6.
41. См.: Boudet. La vraie langue celtique. Belfond, 1978. Предисловие Пьера Плантара де Сен-Клера.
42. Chaumeil. Le triangle d'or. P. 136.
43. Rosnay. Le Hieron du Val d'or.
44. Chaumeil. Le triangle d'or. P. 139ff.

8. ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ

1. Филипп де Шеризе, бывший университетский товарищ П. Плантара де Сен-Клера, является автором аллегорического «романа» под названием «Circuit», действие которого разворачивается между Атлантисом и Наполеоном. Он состоит из двадцати двух глав, название каждой из которых воспроизводит названия основных козырей игры в таро, и имеется только в одном экземпляре в библиотеке Версаля. Часть этой работы представляет историю двух символических персонажей, Шарло и Мадлены, которые находят сокровища в Ренн-ле-Шато. См.: Chaumeil. Le triangle d'or. P. 141ff.
2. Сионская община: устав, статьи XI и XII, супрефектурой Сен-Жюльен-ан-Женева 7 мая 1956 г. Досье КМ 94550.
3. Midi Libre. 1973. Feb. 13. P. 5.
4. Myriam. Les bergers d'Arcadie // Le Charivarie. № 18. P. 49ff.
5. См.: Lobineau H. Dossiers secrets. P. 1.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Roux S. L'affaire de Rennes-le-Chateau. На странице «Секретных досье», подписанной неким Эдмоном Альбом, С. Ру отождествляется с аббатом Жоржем из Нанта, как и в работе М. Паоли «Les Dessous» (P. 82). Жорж из Нанта является главой «Католической контрреформы XX века» и автором яростной атаки против Папы Павла VI, «Liber Accusations in Paulum Sextum», где он обвиняет Святого Отца в ереси и, кажется, встает на сторону монсеньора Лефевра. Мы написали аббату в Нант, цитируя отрывок из работы Паоли, отождествляющей его с С. Ру, и попросили его подтвердить или же опровергнуть эту идентификацию. Он ответил нам, что его уже много раз спрашивали об этом, но он не имеет ничего общего с С. Ру.

- «Этот текст, — добавил он, — настоящая мешанина абсурда. Как вы можете принимать его всерьез?»
9. Roux. *L'affaire de Rennes-le-Chateau*. P. 1.
  10. Ibid. P. 2.
  11. Ibid.
  12. Delaude. *Le cercle d'Ulisse*. P. 6 (V).
  13. *The Guardian* (London). 1976. Sept. 11. P. 13.
  14. Как сообщает монсеньор Брюнон, заменивший монсеньора Лефевра в епископстве Тюлля, последним манипулировали. См.: *The Guardian* (London). 1976. Sept. 1. P. 4. Жанфранко Свидеркоши, объявленный газетой «Таймс» как опытный, хорошо информированный журналист из Ватикана, заявил, что Папе прекрасно было известно, что монсеньор Лефевр был тайно управляем другими людьми. См.: *The Times* (London). 1976. Aug. 31. P. 12.
  15. *The Guardian* (London). 1976. Aug. 30. P. 16. Заинтригованные, мы написали по этому поводу Петеру Моргану, главе «интегристского» английского движения. Он нам не ответил.
  16. Эта информация прошла в ежедневных газетах с 19 по 20 января 1981 г.; процитированная статья перепечатана из журнала.
  17. По последним данным, они были перевезены в Париж 13 октября 1979 г.
  18. *Le Charivarie*. № 18. P. 56ff.
  19. Старый устав был зарегистрирован в супрефектуре 7 мая 1956 г. Как напечатано в № 2 «Circuit» от 3 июня 1956 г., на той неделе имело место собрание по обсуждению этого устава. Устав, подписанный Жаном Кокто, датирован 5 июня 1956 г.
  20. *Bonne Soiree*. № 3053. 1980. Aug. 14. P. 14.
  21. В ходе наших поисков мы просмотрели большое количество работ, касающихся генеалогий знатных семей, как старинных, так и современных, но не нашли никаких ссылок на титул «Плантар де Сен-Клер», кроме как в гербовнике Лангедока — Руссильона 1862 г. Петрюса Дельмаса. Но имя «Плантар» обнаруживается в многочисленных актах гражданского законодательства, где упоминается о «Плантаре, графе де Сен-Клер и графе де Реде». Надо также учесть их сокрытие в течение веков; их отсутствие в работах (откуда были исключены потомки Меровингов) совершенно неубедительно.
  22. *Gisors et son secret // Le Charivarie*. № 18. P. 60.
  23. В главной работе Ж. де Седа «Тамплиеры среди нас» имеется глава, названная «Точка зрения герметиста». Содержание ее — долгая беседа с П. Плантаром де Сен-Клером, где автор

ставит своему собеседнику, почитаемому за непререкаемый авторитет, множество вопросов. Кажется, П. Плантар упоминается и в работе Ж. де Седа о Ренн-ле-Шато. Во время съемок нашего фильма «Потерянное сокровище Иерусалима?» мы действительно получили от издателей Ж. де Седа большое количество фотографических документов, использованных в работе; на обороте их стояло имя «Плантар». Возможно, это была собственность П. Плантара, который одолжил ее Ж. де Седу для написания его книги.

24. *Le Charivarie*. № 18. P. 55.

25. *Ibid.*

26. *Ibid.* P. 53.

27. Мы действительно получили от П. Плантара фотокопию должным образом оформленного свидетельского показания одного члена ордена Почетного легиона, офицера французского Сопротивления. Он подтверждает, что П. Плантар подпольно публиковал газету Сопротивления «Победить!» начиная с 1941 г. и что он был схвачен гестапо во Френе и содержался там с октября 1943 г. по февраль 1944 г. Это свидетельство было напечатано на гербовой бумаге и датировано 11 мая 1953 г. Проверить его достоверность было делом простым. Многие газеты, издававшиеся во время войны группами Сопротивления, носили такое же название — «Победить». Однако, по-видимому, здесь имелся в виду журнал «Победить», издаваемый местным комитетом Народного фронта борьбы за независимость Франции, от которого в Национальной библиотеке остался всего один экземпляр, № 27 от апреля 1943 г., изданный в Сен-Клу. Мы обратились в историческую службу французской армии, чтобы получить более точные сведения о деятельности П. Плантара во время Сопротивления. Нам ответил сам министр обороны Франции, что это личная и конфиденциальная информация.

28. См.: *Vazart. Abrégé de l'histoire des France*. P. 271, 272. N. 1, 2. Последнее примечание содержит письмо генерала де Голля.

29. Эту информацию мы получили в ходе беседы с Ж. Л. Шомеем. Зная, что М. Паоли работал на швейцарское телевидение в то время, когда писал свою книгу, мы попытались раздобыть сведения об этом таким околным путем. Главным администратором радио и телевидения Французской Швейцарии ответил нам, что М. Паоли оставил эту работу в 1971 г. Он считал, что тот уехал в Израиль, чтобы работать на израильском телевидении. К сожалению, здесь обрывался наш путь.

30. *Paoli. Les dessous*. P. 86.

31. Несколько экземпляров «Circuit» имеются в библиотеке Версаля. В своей совокупности различные номера журнала окутаны тайной. Первая серия начинается 27 мая 1956 г. и выходит, так как это еженедельник, до специального издания, следующего за номером 11, датированным 2 сентября 1956 г. Журналы ксерокопированы и, как правило, состоят из двух или четырех страниц; напечатаны они в Су-Кассане, в Анмаса, и во всех номерах имеются предисловия П. Плантара. Во многих опубликованы протоколы заседаний, на которых обсуждались разработка и регистрация устава Приората Сиона в супрефектуре Анмаса, хотя ни один раз имя Приората там не названо. В самом деле, организация, официально отвечающая за журнал, называлась не Приоратом Сиона, а Организацией по защите прав и свобод жилищ с умеренной квартирной платой! (Подобное чувство юмора характерно для многих документов Приората.) В то же время некоторые имена, встречающиеся в уставе Сиона, появляются и в этих экземплярах «Circuit», например имя г-на Дефаго, автора статьи об астрологии, опубликованной в № 8 от 22 июля 1956 г., которое уже встречалось нам как имя казначея в фиктивном уставе Сиона. В этой статье Арман Дефаго объявляет фальшивой астрологическую систему, использующую двенадцать знаков Зодиака, а не тринадцать; тринадцатый называется Змееносец и располагается между Скорпионом и Стрельцом. Вторая серия номеров «Circuit», появившаяся в 1959 г., называлась «Периодическое культурное издание Федерации Французских Сил». Многие экземпляры исчезли, и мы нашли только № 2 от августа 1959 г., № 3 от сентября, № 5 от ноября и № 6 от декабря. Со своей стороны, М. Паоли упоминает № 1 от июля 1959 г. и № 4, а в журнале «Le Charivari» упоминалось о № 8. Где же отсутствующие экземпляры? Все они содержат статьи на разные темы, начиная с «Атлантида» и кончая «астрономическими циклами Нострадамуса», а также политические предсказания на ближайшие годы, разработанные П. Плантаром. На всех стоит пометка организации и имя «Плантар».
32. Vazart. Abrégé de l'histoire des Francs. P. 271.
33. Paoli. Les dessous. P. 94.
34. Ibid.
35. Ibid. P. 94ff.
36. Ibid. P. 102.
37. Ibid. P. 103.
38. Ibid. P. 112.

9. КОРОЛИ С ДЛИННЫМИ ВОЛОСАМИ

1. Cochet. Le tombeau de Childéric Ier; Dumas. Le tombeau de Childéric.
2. Как считает Коше в «Могиле Хильдерика I», Леопольд Вильгельм, который был тогда великим магистром тевтонских рыцарей, оставил и сохранил для себя двадцать семь таких пчелок. Не задерживаясь на этой детали, отметим лишь, что Приорат Сиона имел в то время двадцать семь командорств.
3. Только благодаря многочисленным ссылкам генеалогий из «Секретных досье», называющих одним из своих источников работу аббата Пишона, мы обнаружили, что Наполеон был связан с этой историей. Действительно, между 1805 и 1814 гг. Пишон предпринял изучение меровингского потомства от Дагоберта II до 20 ноября 1809 г., когда в Семеле, в Ньевре, родился Жан XXII де Плантар. Пишон утверждал, что его изыскания основываются на документах, обнаруженных после Французской революции. Кроме того, из публикации «Alpina» Мадлен Бланкассаль (с. 1) мы узнали, что аббат Пишон имел поручение выполнить эту работу от Сьейеса (члена Директории 1795—1799) и от Наполеона. «Золото Ренн для Наполеона» Ф. де Шеризе, имеющееся сегодня на микропленке в Национальной библиотеке, содержит на этот счет важные сведения. Согласно ему, аббат Сьейес из поисков Пишона в королевских архивах узнал о том, что меровингский род выжил. Он тут же переговорил с Наполеоном, убеждая его жениться на Жозефине де Богарне, бывшей жене одного из меровингских потомков. Именно по этой причине Наполеон усыновил позже двух детей, в жилах которых текла «королевская кровь».

Впоследствии Наполеон спросил у аббата Пишона (настоящее имя которого было Франсуа Дрон), не смог бы тот составить окончательный вариант генеалогии. Это ему нужно было, кроме всего прочего, чтобы доказать, что династия Бурбонов не легитимна. Коронация его как императора французов, а не Франции проходила как церемония меровингского характера, заботливо разработанная Пишоном и Сьейесом. Из этого можно заключить, что Наполеон предусматривал рождение новой меровингской империи. После развода с Жозефиной, не имея детей, он женился на Марии-Луизе, дочери австрийского императора, то есть на женщине из меровингского рода. Их сын, Наполеон II, имел в своих жилах ту же «королевскую кровь», но он умер, не имея детей. Наполеон III, сын Луи Бонапарта и Гортензии де Богарне, тоже принадлежал к меровингскому роду.

Шеризе прямо говорит о том, что эрцгерцога Карла, брата жены Наполеона, попросили проиграть битву при Ваграме в 1809 г. в обмен на часть меровингских сокровищ, найденных Наполеоном в Разесе. Другая часть этих сокровищ была действительно найдена в 1837 г. в Петроассе, принадлежавшей тогда Габсбургам. Их меровингское происхождение объясняет, почему эти последние так дорожили этими сокровищами.

4. Carpenter. *Folktale, Fiction and Saga*. P. 112ff.
5. Римским именем Артемиды было имя Диана, и культ Ардуины часто называли культом Дианы Арденнской. Существовала ее огромная статуя, в VI в. разрушенная св. Вульфилау. Ее культ был лунным культом, где богиня появлялась с полумесяцем в руке; ее считали божеством фонтанов и источников. Создание аббатства Орваль, приписываемое легендой к появлению мистического источника, могло быть продолжением культа Дианы-Ардуины. См.: Calmet. *Des Divinites*. P. 25ff.
6. См., например: Святитель Григорий Турский. *История франков*. Кн. 5. Гл. 14.
7. Wallace-Hadrill. *The Long-haired Kings*. P. 203ff.
8. *Ibid.* P. 158.
9. Dill. *Roman Society in Gaul*. P. 88.
10. Wallace-Hadrill. *The Long-haired Kings*. P. 171.
11. Основные источники, использованные для жизнеописания Дагоберта II: Digot. *Histoire du royaume d'Austrasie*. Vol. 3. P. 220ff, p. 249ff (ch. 15), p. 364ff.; Folz. *Tradition hagiographique*; Vincent. *Histoire fidelle de saint Sigisbert*.
12. Lanigan. *An Ecclesiastical History*. Vol. 3. P. 101.
13. Lobineau H. *Dossiers secrets*. Pl. № 1, 600—900; Blancassal. *Les descendants...* P. 8.
14. Св. Аматус навлек на себя враждебное отношение со стороны Эброина, майордома короля Тьерри III, одного из авторов сценария смерти Дагоберта. Он должен был покинуть свое епископство примерно в то время, когда Дагоберт вновь вступал в свои права, и совпадение дат позволяет предположить, что Аматус сыграл роль в этом возвращении. Чтобы достигнуть своего королевства, Дагоберт предпочел, вероятно, пересечь территорию епископства, возвращаясь из Разеса, нежели земли Тьерри.
15. Lobineau H. *Dossiers secrets*. Pl. № 2, 1500—1650; Blancassal. *Les descendants...* P. 8. Это сокровище пополняет список тех, что находились или все еще находятся в окрестностях Ренн-ле-Шато.
16. Wallace-Hadrill. *The Long-haired Kings*. P. 238.

17. В латинских грамотах он назывался *Satanicum* из-за ранее находившегося там храма, посвященного Сатурну.
18. См. примечание 16.
19. О культе Дагоберта см.: Folz. *Tradition hagiographique*.
20. Digot A. *Histoire du royaume d'Austrasie*. Vol. 3. P. 370ff.
21. Жюль Дуанель, основатель Гностической католической церкви и библиотечарь из Каркасона, опубликовал в 1899 г. любопытную брошюрку, где он оплакивал смещение Меровингов Каролингами.
22. Wallace-Hadrill. *The Long-haired Kings*. P. 246.
23. *Ibid.* P. 248.
24. Einhard. *Life of Charlemagne*. P. 81.
25. Paoli. *Les dessous*. P. 111.
26. Дагоберт был вновь «открыт» в 1646 г. Адриеном де Валуа и восстановлен в меровингских генеалогиях иезуитом-болландистом Хеншениусом в «*Diatriba de tribus Dagobertus*». См.: Folz. *Tradition hagiographique*. P. 33. Интересно отметить, что в эпоху, когда никто не знал о Дагоберте, Робер Деньо упомянул о нем в своем «*Calendarium Martyrology*» 1629 г. А еще до него Гаспар Брускио в 1549 г. — в «*Magni Operis de Omnibus Germanie*» (Vol. 1. P. 55ff).
27. Delaude. *Le cercle d'Ulisse*. P. 4. Эта грамота, происходящая, кажется, из *Villas Capitanarias*, названной позже *Trapas*, рассказывает об основании монастыря Сен-Мартен-д'Альбьер. Мы попытались отыскать ее, но безуспешно. Некоторая часть архивов *Capitanarias* составляет теперь архивы департамента Од, серия Н, но этой грамоты там нет. С интересом мы отметили адресованное Жану Делоду письмо от члена Лилльского университета, который спрашивает об источниках информации относительно этого документа. Вот ответ Делода: «...этот акт существует только в Национальных архивах. Впрочем, специалисту понадобилось два месяца, чтобы обнаружить его следы. К тому же 8/10 этих архивов до сих пор еще не описаны. Старинные документы не предоставляются публике и могут быть переведены только специалистами». См.: Chérisey. *L'enigme de Rennes*. 1977. Письма № 4, 5.
28. Ponsich. *Le Conflent*. P. 244.
29. *Ibid.* Fig. 1. См. также: Vaissete. *Histoire générale de Languedoc*. Vol. 2. P. 276.
30. Vaissete. *Histoire générale de Languedoc*. Vol. 3. P. 4ff.
31. Эта легенда появилась в 1686 г., к которому относит ее доктор

Плоут в ходе исследования масонства. См.: Plot. *Natural History of Staffordshire*. P. 316ff.

32. Название герцогства Готфрида Бульонского — Нижняя Лотарингия — исчезло в 1190 г. Его правители приняли титул герцогов Брабантских. Таким образом, герцогиня Бульонская и герцогиня Брабантская — одно и то же лицо.
33. Ансельм в своем фундаментальном труде «Генеалогическая и хронологическая история» предлагает нам подробный очерк о Булонском доме (Vol. 6, p. 247ff). Но с графом Эсташем I Булонским, дедом Готфрида, происходит небольшая путаница. Действительно, не упоминается его отец, а только мать, Аделина, и ее второй муж Эрникул, граф Булонский. Этот последний усыновил юного Эсташа и сделал его своим наследником; но имя его настоящего отца истории до сих пор неизвестно. «Секретные досье» (pl. 2, 900—1200) считают отцом Эсташа Гуго де Плантара по прозвищу Длинноносый, убитого, как пишет аббат Пишон, в 1015 г.

10. ИЗГНАННОЕ ПЛЕМЯ

1. Graves. *White Goddess*. P. 271.
2. Полный текст таков:

«Когда потомки Вениамина покинули свою страну, некоторые остались. Две тысячи лет спустя Готфрид VI стал королем Иерусалима и основал орден Сиона». В этой чудесной легенде, которая украшает историю так же, как и архитектура какого-нибудь храма, вершина которого теряется в бесконечности пространства и времени, каковую идею Пуссен хотел выразить в своих двух картинах «Аркадские пастухи», безусловно имеет секрет сокровища, перед которым крестьяне и пастухи, потомки гордого Сикамбра размышляют об «et in Arcadia ego», ☆ короля Мидаса. Еще раньше 1200 года до нашей эры важное событие случилось с евреями в Земле обетованной: их приход и их медленное расселение в Ханаане. В Библии, во Второзаконии, 33, сказано о Вениамине: «Возлюбленный Господом обитает у него безопасно. Бог покровительствует ему всякий день, и он покоится между раменами его». Сказано еще в книге Иисуса Навина, 18, что судьба дала в наследство сынам Вениаминовым среди четырнадцати городов и сел Иевус — Иерусалим наших дней, с тремя вершинами треугольника: Голгофа, Сион и Вифания. ☞ И наконец, в книге Судей, 20, написано: «Никто из нас не отдаст дочери своей сынам Вениамина в замужество. ...Господи, Боже Израилев! для чего случилось это в Израиле, что не стало теперь у Израиля одного колена! ☞/☞Над

великой загадкой Аркадии Вергилий, который был посвящен в тайну богов, приподнимает покров в Буколиках, X, 46/50: «Tu procul a patria (nec sit mihi credere tantum). Alpinas, ah, dura, nives et frigora Rheni me sine sola vides. Ah, te ne frigora laedant! a tibi ne teneras glacies secet aspera plantas».

Шесть дверей или печать со звездой — вот тайны пергаментов аббата Соньера, юре Ренн-ле-Шато, а до него великий посвященный Пуссен знал это, когда писал свою картину по заказу Папы, надпись на надгробии одна и та же». Lobineau. *Dossiers secrets*. Pl. 1, 400—600.

3. Graves. *Greek Myths*. Vol. 1. P. 203. № 1.
4. Mitchell. *Sparta*. P. 173. Спартанцы поклонялись Артемиде и Афродите, богиням войны. Последняя, вероятно, есть облаченная в другое одеяние Иштар или Астарта, и эта ассимиляция выдает возможное семитское влияние.
5. 2-я книга Маккавеев, 5, 9.
6. 1-я книга Маккавеев, 12, 21.
7. Термин «семитский» был в первый раз использован немецким ученым Шлёцером в 1781 г., чтобы обозначить группу языков, относительно близких друг другу. Затем этот термин распространился на тех, кто говорил на этих языках; они стали «семитами». Слово происходит от имени Сема (Сима), сына Ноя. Если эта гора была заселена еврейской колонией, она, конечно, называлась «горой Сема». Нужно также рассматривать и другую возможность: латинское слово «*semita*» означало путь, тропу.

11. СВЯТОЙ ГРААЛЬ

1. Возможно, они были связаны с Отто Рааном. См. гл. 2, примечание 9.
2. Филипп Фландрский часто приезжал в Шампань, и в 1182 г. он совершил тщетную попытку жениться на Марии Шампанской, дочери Элеоноры Аквитанской, ставшей вдовой за год до этого. «Повесть о Граале» датируется, вероятно, этой эпохой. Существует связь между Эльзасским и Лотарингским домами. Жерар Эльзасский после смерти своего брата в 1048 г. стал первым наследным герцогом Верхней Лотарингии, сегодня называемой просто Лотарингией. Все следующие герцоги были его потомками.

3. Кажется, существовали подлинные сведения, касающиеся Грааля, к которым Филипп Фландрский имел доступ и которые стали общей основой романов Кретьена де Труа и Робера де Борона. Как считает профессор Лоумис, Робер де Борон как раз говорил о работе, касающейся тайн Грааля, которая дала ему большую часть сведений. См.: Loomis. *The Grail*. P 233ff.
4. См.: Barber R. *Knight and Chivalry*. P 126.
- 5—13. «Perlesvaus». P. 359, 2, 214, 360, 199ff, 82, 89, 268, 12.
14. Wolfram von Eschenbach. *Parzival*. Vol. 2. P. 23—24.
15. *Ibid.* Vol. 2. P. 35.
16. *Ibid.* Vol. 2. P. 38.
17. *Ibid.* Vol. 1. P. 206.
18. *Ibid.* Vol. 1. P. 208.
19. *Ibid.* Vol. 2. P. 36—37.
20. *Ibid.* Vol. 2. P. 36.
21. *Ibid.* Vol. 2. P. 37.
22. *Ibid.* Vol. 2. P. 37—38.
23. Rahn. *Croisade contre le Graal*. P. 77ff; *La cour de Lucifer*. P. 69.
24. Wolfram von Eschenbach. *Parzival*. Vol. 2. P. 57.
25. *Ibid.* Vol. 2. P. 57.
26. *Ibid.* Vol. 2. P. 334.
27. Barral. *Legendes capetiennes*. P. 64.
28. Интересно отметить по этому поводу, что город Аваллон датируется меровингской эпохой. Он был столицей региона, затем графства, которое входило в королевство Аквитанское, и дало свое имя целой области: Аваллонне.
29. Greub. *The Pre-Christian Grail Tradition*. P. 68.
30. Halevi. *Adam and the Kabbalistic Tree*. P. 194, 201; *Fortune. Musical Qabalan*. P. 188.
31. Иногда говорят, что каббалистические и христианские традиции были соединены лишь в XV в. в руках таких писателей, как Пико делла Мирандола. Однако «Перлесваус», кажется, доказывает, что они проникли друг в друга еще в начале XIII в., но этот вопрос требует более углубленного изучения.
32. *Queste del Saint Graal*. P. 34.
33. Эта путаница, возможно, обязана своим появлением тому факту, что король Дагоберт провел большую часть своей юности в Англии.
34. Введение к «*Queste del Saint Graal*».

12. КОРОЛЬ-СВЯЩЕННИК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ЦАРСТВОВАЛ

1. Smith. *Secret Gospels*. P. 14ff.
2. *Ibid.* P. 15ff
3. *Ibid.* P. 16.
4. *Ibid.* P. 16ff. Молодой человек, одетый в белое, позже появляется у Марка, 14, 51—52: действительно, когда Иисус был предан (в Гефсиманском саду), «один юноша, завернувшись по нагому телу в покрывало, следовал за Ним; и воины схватили его. Но он, оставив покрывало, нагой убежал от них».
5. Самые древние рукописи Писания, как «*Codex Vaticanus*» и «*Codex Sinaiticus*», не приписывают Евангелию от Марка конец, который в обоих случаях мы сегодня знаем, оно кончается на XVI, 8. Эти два документа датируются IV в., когда все тексты Библии были в первый раз объединены.
6. Maccoby. *Revolution in Judaea*. P. 99.
7. Dodd. *Historical Tradition in the Fourth Gospel*. P. 423.
8. Brandon. *Jesus and the Zealots*. P. 16.
9. Vermes. *Jesus the Jew*. P. 99.
10. Charles Davis // *Observer*. London 1971. March 27.
11. Phipps. *Sexuality of Jesus*. P. 44.
12. Smith. *Jesus the Magician*. P. 81ff.
13. Brownlee. *Whence the Gospel according to John*. P. 192.
14. Schonfield. *Passover Plot*. P. 119ff.
15. *Ibid.* P. 256.
16. Жак де Воражен облакает в плоть эту традицию в своей «Золотой легенде», в «Житии святой Марии Магдалины» в 1270 г. Но ее следы можно найти уже в «Житии Марии Магдалины» Рабануса (776—856), архиепископа Майнца. В «*The Antiquities of Glastonbury*» Вильгельма Малмесбери легенда обретает наиболее широкие размеры с прибытием Иосифа Аримафейского в Англию; часто считается, что это последнее является позднейшим добавлением к рассказу Малмесбери.
17. См.: Vermes. *Jesus the Jew*. P. 21, где упоминается, что в Талмуде арамейское слово «плотник» или «ремесленник» (*paggar*) обозначает «образованного человека», «эрудита».
18. См.: Maccoby. *Revolution in Judaea*. P. 57ff, где цитируется Филон Александрийский, описывающий Пилата как «жесточкого по природе».
19. Cohn H. *Trial and Death of Jesus*. P. 97ff.
20. По единодушному мнению, такой привилегии вообще не суще-

- ствовало и она была целиком выдумана, чтобы спровоцировать виновность евреев. См.: Brandon. *Jesus and the Zealots*. P. 259; Cohn. *Trial and Death of Jesus*. P. 166ff; Winter P. *On the Trial of Jesus*. P. 94.
21. Профессор Брэндон настаивает на том факте, что все исследования, касающиеся реального исторического Иисуса, должны иметь отправной точкой казнь его римлянами за мятеж. Он добавляет, что титул «Царя Иудейского» должен считаться подлинным, ибо первые христиане не могли придумать такой, в конечном счете, двусмысленной детали. См.: Brandon. *Jesus and the Zealots*. P. 328.
  22. Maccoby. *Revolution in Judaea*. P. 216.
  23. Brandon. *Trial of Jesus*. P. 34.
  24. Joyce. *Jesus Scroll*. P. 106.
  25. О подробностях распятия см.: Winter. *On the Trial of Jesus*. P. 62; Cohn H. *Trial and Death of Jesus*. P. 230ff.
  26. См.: Schonfield. *Passover Plot*. P. 154ff.
  27. По этому поводу см.: Allegro. *Treasure of the Copper Scroll*. P. 100ff.
  28. Cohn H. *Trial and Death of Jesus*. P. 238.
  29. См.: *The Interlinear Greek-English New Testament*. P. 214. (Марк, 15, 43—45).
  30. Joyce. *Jesus Scroll*. Автор рассказывает, что в ходе путешествия по Израилю его попросили помочь вывезти из страны рукопись, украденную с раскопок в Масаде. Он отказался, но мельком просмотрел документ. Он был подписан неким «Иешуа бен Яакоб бен Геннесарет», 80 лет от роду, который претендовал на то, чтобы называться последним из законных царей Израиля (с. 22). Переведенное, это имя звучит как «Иисус из Геннисарета, сын Иакова». Джойс идентифицирует этого автора рукописи с самим Иисусом из Назарета.

13. ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ЦЕРКВИ

1. Eisler. *Messiah Jesus*. P. 606ff.
2. Chadwick. *The Early Church*. P. 125.
3. Goodenough. *Jewish Symbols*. Vol. 7. P. 178ff.
4. См.: Halsberghe. *The Cult of Sol Invictus*, где автор объясняет, что этот культ был введен в Риме в III в. н. э. императором Элагабалом. Религиозная реформа Аврелиана состояла в том, чтобы установить культ Непобедимого Солнца в таком виде, в каком он существовал раньше.

5. В соотношении 218 голосов «за», 2 — «против» Сын был определен имеющим ту же природу, что и Отец.
6. Только в 384 г. епископ Римский в первый раз сам себя назвал Папой.
7. Однако кое-кто сегодня на это и рассчитывает. Действительно, в 1976 г. в монастыре Св. Катерины на горе Синай было найдено большое число древних рукописей. Эту новость держали в секрете в течение двух лет, затем опубликовали в немецкой газете. Речь шла о тысячах фрагментов, некоторые из них датировались эпохой до 300 г. н. э. и включали в себя, кроме всего прочего, восемь недостающих страниц Codex Sinaiticus, находящихся сейчас в Британском музее. Монахи, в чьей собственности находятся эти документы, позволили приблизиться к ним только одному или двум греческим ученым. См.: *International Herald Tribune*. 1978. April 27.
8. Евангелие от Петра, 5, 5.
9. Евангелие детства Иисуса Христа, 2, 4.
10. Massobu. *Revolution in Judaea*. P. 129. Автор добавляет, что изображение Иисуса как антифарисея было, вероятно, попыткой показать, что он враг иудейской религии даже больший, чем враг Рима.
11. Brandon. *Jesus and the Zealots*. P. 327; См. также: Vermes. *Jesus the Jew*. P. 50: «Зилот или нет, Иисус, конечно же, был обвинен, осужден и приговорен к казни как таковой».
12. Allegro. *Dead Sea Scroll*. P. 167.
13. *Ibid.* P. 175.
14. Иосиф Флавий. *Иудейская война*.
15. *Ibid.*
16. *Ibid.* Приложение.
17. Eisler. *Messiah Jesus*. P. 427.
18. *Ibid.* P. 167.
19. Иринеи Лионский. «Против ересей».
20. Коран, IV, 157. См. также: Parrinder. *Jesus in the Qur'an*. P. 108ff.
21. Pagels. *Gnostic Gospels*. P. XVff.
22. *The Second Treatise of The Great Seth*. In: Robinson J. *Nag Hammadi Library in English*. P. 332.
23. *Gospel of Mary*. In: Robinson J. *Nag Hammadu Library in English*. P. 472.
24. *Ibid.* P. 473.
25. *Ibid.*

26. Gospel of Philip. In: Robinson J. Nag Hammadi Library in English. P. 140.
27. Ibid. P. 135ff.
28. Phipps. Was Jesus married? P. 136ff.
29. Gospel of Philip. In: Robinson J. Nag Hammadi Library in English. P. 138.
30. Ibid. P. 139.
31. Ibid.
32. Ibid. P. 148.

14. ДИНАСТИЯ ГРААЛЬ

1. Parrinder. Jesus in the Qur'an. P. 110ff.
2. Blancassal. Les descendants... P. 9.
3. Коран, IV, 157.
4. Вспомним священного быка Мероэ в Гелиополисе. Известно, что быки очень почитались сикамбрами: голова быка из золота была найдена в могиле Хильдерика, отца Хлодвига.
5. Lobineau H. Dossiers secrets. Pl. 1. 950—1400. № 1.
6. Rabinowitz. De Migrantibus.
7. Zuckerman. Jewish Princedom. P. 36ff.
8. Ibid. P. 59.
9. Ponsich. Le Conflent. P. 244, № 10; Levillain. Nibelungen. Год 50 (1938), генеалогия с. 46.
10. Zuckerman. Jewish Princedom. P. 81.
11. Ibid. P. 197.
12. William, Count of Orange. The Crowning of Louis. P. 4.
13. Часть находится в «Cloisters» в Нью-Йорке.
14. Saxer. Marie Madeleine. Vol. 2. P. 412. Культ 19 января восходит по меньшей мере к 792—795 гг.
15. Zuckerman. Jewish Princedom. P. 64.
16. Ibid. P. 58.
17. Pange. La maison de Lorraine. P. 60.

15. ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

1. Lacordaire. Sainte Marie-Madeleine.
2. Encyclopaedia Britannica, 1972. Crown and Regalia.
3. Нилус. Протоколы. № 24.

4. Péguy Charles. *La tapisserie de Sainte Genevieve: Oeuvres complètes*. Paris, 1957. P. 849.
5. Святой Сигиберт был отцом Дагоберта II.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ
ПРИОРАТА СИОНА

1. См.: Digol P. *Notre-Dame de Sion*. P. 8. Мы раздобыли копию оригинальной грамоты ордена, архивы которого находятся в муниципальной библиотеке Нанси.
2. Fédié. *Le comté de Razes*. P. 119.
3. Birch. *Life of Robert Boyle*. P. 274.
4. Ibid.
5. См.: Manuel. *Portrait of Isaac Newton*; Dobbs. *Foundation of Newton's Alchemy*.
6. Ньютон также был адептом социнианцев, для которых божественность Иисуса происходила скорее от его функций, чем от его природы. Они были приверженцами арианства, да и сам Ньютон считался арианом.
7. Perey. *Charles de Lorraine*. P. 287.

БИБЛИОГРАФИЯ

«ДОКУМЕНТЫ ПРИОРАТА»

- ANTOINE L'ERMITE. Un trésor mérovingien à Rennes-le-Château. Anvers, 1961.
- BEAUCÉAN Nicolas. Au pays de la Reine Blanche. Paris, 1967.
- BLANCASSAL Madeleine. Les descendants merovingiens ou l'énigme du Razés wisigoth. Geneve, 1965.
- BOUDET Henri. La vraie langue celtique. Carcassonne, 1886.
- BOUDET Henri. La vraie langue celtique, édition fac-similé avec une préface par Pierre Plantard de Saint-Clair. Paris, 1978.
- CHÉRISEY Philippe de. Circuit. Liege, 1968.
- CHÉRISEY Philippe de. L'énigme de Rennes. Paris, 1978.
- CHÉRISEY Philippe de. L'or de Rennes pour un Napoléon. Liège, 1975.
- DELAUDE Jean. Le cercle d'Ulysse. Toulouse, 1977.
- FEUGÉRE Pierre, SAINT-MAXENT Louis, KOKER Gaston de. Le serpent rouge. Pontoise, 1967.
- HISLER Anne Lea. Trésor au pays de la Reine Blanche. 1969.
- HISLER Anne Lea. Rois et gouvernants de la France. Paris, 1964.
- LOBINEAU Henri. Généalogie des rois merovingiens et origine des diverses familles francaises et étrangères de souche mérovingienne. Genève, 1956.
- MYRIAM D. Les bergers d'Arcadie // Le Charivari. № 18. 1973.
- ROUX S. L'affaire de Rennes-le-Château. Levallois-Perret, 1966.
- STUBLEIN Eugene. Pierres gravées du Languedoc. Limoux, 1884. Reproductions des planches XVI à XXIII par l'abbé Joseph Courtaully, Villarzel-du-Razés, 1962.
- TOSCAN du PLANTIER, Rphilippe, Dossiers secrets d'Henri Lobineau, Paris, 1967. Référence BN 4 Lm¹ 249.

ДРУГИЕ ИСТОЧНИКИ

- ADDISON C. G. The History of the Knights Templars. Londres, 1842.
- ALART M. Suppression de l'ordre du Temple en oussillon. Bulletin de la société agricole, scientifique et littéraire es Pyrénées Orientales. Vol. 15. Perpignan, 1867.

- ALBON M. de. Cartulaire général de l'ordre du Temple. Paris, 913.
- ALLEGRO J. M. The Dead Sea Scrolls. 2e éd. Harmondsworth, 1975.
- ALLEGRO J. M. The Treasure of the Copper Scroll. Londres, 1960.
- ALLIER R. La cabale des dévots, 1627—1666. Paris, 1902.
- ALLIER R. Une société secrète au XVIIe siècle. La Compagnie du Très-Saint Sacrement. Paris, 1909.
- ANDERSON J. The Constitutions of the Free Masons. Paris, 1723.
- ANDRESSOHN J. C. The Ancestry and Life of Godfrey of Bouillon. Bloomington, 1947.
- Annuaire ecclésiastique. Paris, 1896.
- ANSELME le P. Histoire généalogique et chronologique de la maison royale de France. Vol. 9. Paris, 1726 — 1733.
- ARBOIS DE JUBAINVILLE M. H. d'. Histoire des ducs et des comtes de Champagne, Vol. 7. Paris, 1859—1869.
- ARCONS C. d'. Du flux et reflux de la mer des longitudes avec des observations sur les mines métalliques de France. Paris, 1667.
- AUBERT DE LA CHENAYE DES BOIS F. A. Dictionnaire de la noblesse. Vol. 19. 3e éd. Paris, 1863—1876.
- AUGUSTE A. La Compagnie du Saint-Sacrement a Toulouse. Paris, 1913.
- BANDER P. The prophecies of St. Malachy and St. Columbkille. 4e éd. Gerards Cross, 1979.
- BARBER M. The Trial of the Templars. Cambridge, 1978.
- BARBER R. King Arthur in Legend and History. Ipswich, 1973.
- BARBER R. The Knight and Chivalry. 2e éd. Ipswich, 1974.
- BARING-GOULD S. Curious Myths of the Middle Ages. Londres, 1881.
- BARRAL A. de. Légendes capétiennes. Tours, 1884.
- BARTHÉLEMY E. de. Obituaire de la commanderie du Temple de Reims. Paris, 1882.
- BEGOUEN comte de. Une société emule de la Compagnie du Saint-Sacrement: l'AA de Toulouse. Paris, 1913.
- BERNADAC C. Le Mystère Otto Rahn. Paris, 1978.
- BERNSTEIN. H. The Truth about «The Protocols». New York, 1935.
- BIRCH T. The Life of Robert Boyle. Londres, 1744.
- BLUNT A. Nicolas Poussin. Vol. 2. Londres, 1967.
- BOUQUET M. Recueil des historiens des Gaules et de la France. Vol. 15. Paris, 1738.
- BRANDON S. G. P. Jesus and the Zealots. Manchester, 1967.

- BRANDON S. G. F. *The Trial of Jesus of Nazareth*. Londres, 1968.
- BROWNLEE W. H. «Whence the Gospel According to John». In: James H. Charlesworth. *John and Qumran*. Londres, 1972.
- BRUEL A. «Chartes d'Adam, abbé de N. — D. du Mont-Sion et le prieuré de Saint-Samson d'Orléans». *Revue de l'Orient latin*. Vol. 10. Paris, 1905.
- BULL N. J. *The Rise of the Church*. Londres, 1967.
- CALMET dom. «Des divinités payennes», *Oeuvres inédites de dom A. Calmet*. 1re série. Saint-Dié, 1876.
- CARPENTER R. *Folk-tale, Fiction and Saga in the Homeric Epic*. Los Angeles, 1946.
- CARRIÈRE V. *Histoire et cartulaire des Templiers de Provins*. Paris, 1919.
- CATEL G. de. *Mémoires de l'histoire du Languedoc*. Toulouse, 1633.
- CHADWICK H. *The Early Church*. Harmondsworth, 1978.
- CHADWICK H. *Priscillan of Avila*. Oxford, 1976.
- Le Charivari. № 18. Paris, oct-déc. 1973.
- CHASSANT A., TAUSIN H. *Dictionnaire des devises historiques et héraldiques*. Paris, 1878.
- CHATELAIN U. V. *Le surintendant Nicolas Fouquet*. Paris, 1905.
- CHAUMEIL J. L. *Le trésor du triangle d'or*. Paris, 1979.
- CHRÉTIEN DE TROYES. *Le conte du Graal*.
- COCHET Abbé. *Le tombeau de Childeric Ier*. Paris, 1859.
- COHN H. *The Trial and Death of Jesus*. New York, 1971.
- COHN H. *The Pursuit of the Millennium*. St. Albans, 1978.
- COHN H. *Warrant for Genocide*. Harmondsworth, 1970.
- COLLIN H. «Après Azincourt. Bar, capitale ducale, et la compagnie du Lévrier Blanc», *Bulletin des sociétés d'histoire et d'archéologie de la Meuse*. № 12. Bar-le-Duc, 1975.
- COURRENT P. *Notice historique sur les bains de Rennes*. Carcassonne, 1934.
- CURZON H. de. *La règle du Temple*. Paris, 1886.
- CUTTS E. L. *The Sepulchral Slabs and Crosses of the Middle Ages*. Londres, 1849.
- DARAUL A. *A History of Secret Societies*. New York, 1969.
- DELABORDE H. F. *Jean de Joinville et les seigneurs de Joinville*. Paris, 1894.
- DEMAY G. *Inventaire des sceaux de la Normandie*. Paris, 1881.
- DENYAU R. *Histoire polytique de Gisors et du pays de Vulcsain*. Gisors, 1629. Manuscrit à la bibliothèque de Rouen, coll. Montbret 2219, V 14a.

- DESCADEILLAS R. «Mythologie du trésor de Rennes», Mémoires de la société des arts et des sciences de Carcassonne, 4e série. Vol. 7, partie 2. Carcassonne, 1974.
- DESCADEILLAS R. Rennes et ses derniers seigneurs. Toulouse, 1964.
- DIDRIT abbé Th. «La montagne de Sion-Vaudemont et son sanctuaire», Mémoires de la société d'archéologie lorraine, 3e série. Vol. 27. Nancy, 1899.
- DIGOT A. Histoire de Lorraine. Vol. 3. Nancy, 1856.
- DIGOT A. Histoire du royaume d'Austrasie. Vol. 4. Nancy, 1863.
- DIGOT A. «Mémoire sur les établissements de l'ordre du Temple en Lorraine», 2e série, Mémoires de la société d'archéologie lorraine. Vol. 10. Nancy, 1868.
- DIGOT P. Notice historique sur Notre-Dame-de-Sion. Nancy, 1856.
- DILL S. Roman Society in Gaul in the Merovingian Age. Londres, 1926.
- DOBBS B. J. T. The Foundations of Newton's Alchemy. Cambridge, 1975.
- DODD C. H. Historical Tradition in the Fourth Gospel. Cambridge, 1963.
- DODU G. Histoire des institutions dans le royaume latin de Jérusalem. Paris, 1894.
- DOINEL J. S. Note sur le roi Hilderik III. Carcassonne, 1899.
- DRUMMOND J. S. The Twentieth Century Hoax. Londres, 1961.
- DUMAS F. Le tombeau de Childeric. Paris, n. d.
- EINHARD. «The Life of Charlemagne». Two Lives of Charlemagne. Harmondsworth, 1979.
- EISENSTEIN E. L. The First Professional Revolutionist: Filippo Michele Buonarroti. Harvard, 1959.
- EISLER R. The Messiah Jesus and John the Baptist, trad. A. H. Krappe. Londres, 1931.
- ERDESWICK S. A survey of Staffordshire, nouv. éd. Londres, 1844.
- ESCHENBACH Wolfram von. Parzival, trad. E. Tonnelet. Paris, 1977.
- ESQUIEU L. Les Templiers de Cahors. Bulletin de la Société des études littéraires, scientifiques et artistiques du Lot. Vol. 22. Cahors, 1897.
- EVISON V. I. The Fifth-century Invasions South of the Thames. Londres, 1965.
- FÉDIE L. Le comté de Razés et le diocèse d'Alet. Carcassonne, 1880; réimpression Bruxelles, 1979.

- FINKE H. Papsttum und Untergang des Templerordens. Vol. 2. Münster, 1907.
- FOLZ R. Tradition hagiographique et culte de Saint Dagobert, roi des Francs. Le Moyen Age, 4e série. Vol. 18. Bruxelles, 1963.
- FORTUNE D. The Mystical Qabalah. 9e éd. Londres, 1970.
- FRAPPIER J. Chrétien de Troyes. Paris, 1968.
- FRENCH P. J. John Dee: The World of an Elizabethan Magus. Londres, 1972.
- FRY L. Waters Flowing Eastward, the war against the Kingship of Christ. Londres, 1965.
- Genealogy of Genevill of Trime, manuscrit 22a255 la British Library. Harley 1425, f. 127.
- GERARD P., MAGNOU E. Cartulaire des Templiers de Douzens. Paris, 1965.
- GILLES M. Histoire de Sablé. Paris, 1683.
- GOODENOUGH E. R. Jewish Symbols in the Greco-Roman Period. Vol. 12. New York, 1953.
- «Cospel of the Infancy of Jesus Christ». The Lost Books of the Bible. Ed. Rutherford H. Platt. New York, 1974.
- «Cospel of Peter». The Lost Books of the Bible. Ed. Rutherford H. Platt. New York, 1974.
- GOULD R. F. The History of Freemasonry. Vol. 6. Londres, n. d.
- GOUT P. Le Mont-Saint-Michel. Vol. 2. Paris, 1910.
- GRAVES R. The Greek Myths. Vol. 2. Harmondsworth, 1978.
- GRAVES R. King Jesus. 4e éd. Londres, 1960.
- GRAVES R. The White Goddess. Londres, 1977.
- GRÉGOIRE DE TOURS. Histoire des Francs.
- GREUB W. The Pre-Christian Grail Tradition of the Three Kings. Mercury Star Journal. Vol. 5. № 2. 1979. Extrait de Wolfram von Eschenbach und die Wirklichkeit des Grals.
- GROUSSET R. Histoire des Croisades et du royaume franc de Jérusalem. Vol. 3. Paris, 1934—1936.
- GUILLAUME DE TYR. Historia rerum transmarinarum.
- HAGENMEYER. H. Le vrai et le faux sur Pierre l'Ermitte, trad. Furcy Raynaud. Paris, 1883.
- HALEVI Z. Adam and the Kabbalistic Tree. Londres, 1974.
- HALSBERGHE G. H. The Cult of Sol Invictus. Leyde, 1972.
- HAY R. A. Genealogies of the Sainteclaires of Rosslyn. Edimbourg, 1835.
- HENDERSON G. D. Chevalier Ramsay. Londres, 1952.

- The Interlinear Greek-English New Testament, trad. Alfred Marshall. 2e éd. Londres, 1967.
- IREMONGER F. A. William Temple, Archbishop of Canterbury, His Life and Letters. Londres, 1948.
- IRÉNÉE DE LYON. Cinq livres contre les Hérésies.
- JACQUES DE VORAGINE. Légende dorée.
- JAFFUS F. La cite de Carcassonne et les trésors des Wisigoths. Carcassonne, 1867.
- JEANTIN J. F. L. Les chroniques de l'Ardenne et des Woepvres. Vol. 2. Paris, 1851.
- JOHANN VON WÜRZBURG. Description of the Holy Land, by John of Würzburg AD 1160—1170, trad. Aubrey Stewart, Palestine Pilgrims Text Society. Vol. 5. Londres, 1897.
- JOINVILLE Jean, Sire de. Histoire de Saint Louis. Paris, 1874.
- JOSÉPHE Flavius. De la guerre juive.
- JOHRDANNE G. Folk-Lore de l'Aude. 2e éd. Paris, 1973.
- JOYCE D. The Jesus Scroll. Londres, 1975.
- KING F. The Secret Rituals of the O. T. O. Londres, 1973.
- KLAUSNER J. G. Jesus of Nazareth. Londres, 1925.
- LABOUISSÉ-ROCHEFORT A. de. Les Amours, a Éléonore. 2e éd. Paris, 1818.
- LABOUISSÉ-ROCHEFORT A. de. Voyage à Rennes-les-Bains. Paris, 1832.
- LACORDAIRE J. B. H. Sainte Marie-Magdaleine.
- LALANNE L. Dictionnaire historique de la France. Paris, 1877.
- LANIGAN J. An Ecclesiastical History of Ireland. Vol. 4. 2e éd. Dublin, 1829.
- LAUTH F. Tableau de l'au-dela. Mémoires de la société des arts et des sciences de Carcassonne, 3e série. Vol. 5. Carcassonne, 1937 — 1940.
- LECOY DE LA MARCHE R. A. Le roi René. Vol. 2. Paris, 1875.
- LEES B. A. Records of the Templars in England in the Twelfth Century. Londres, 1935.
- LE FORESTIER R. La franc-maçonnerie occultiste. Paris, 1928.
- LE FORESTIER R. La franc-maçonnerie templière et occultiste aux XVIIIe et XIXe siècles. Paris, 1970.
- LE MAIRE F. Histoire et Antiquitez de la ville et duché d'Orléans. Vol. 2. 2e éd. Orléans, 1648.
- LEONARD E-G. Introduction au cartulaire manuscrit du Temple. Paris, 1930.

- LÉPINOIS E. de. Lettres de Louis Fouquet a son frère Nicolas Fouquet. Archives de l'art français, 2e série. Vol. 2. Paris, 1861 — 1866.
- LEVILLAIN L. Les Nibelungen historiques. Annales du Midi, année 49. Toulouse, 1937; année 50. Toulouse, 1938.
- LILLEY A. L. Modernism: A Record and Review. Londres, 1908.
- LIZERAND G. Dossier de l'affaire des Templiers. Paris, 1923.
- LOBINEAU, G. A., Histoire de Bretagne, 2 vol., Paris, 1707.
- LOOMIS R. S. Arthurian Tradition and Chrétien de Troyes. New York, 1949.
- LOOMIS R. S. The Grail. Cardiff, 1963.
- LOYD L. C. The Origins of some Anglo-Norman Families, éd. C. T. Clay and D. C. Douglas. Leeds, 1951.
- LUCIE-SMITH E. Symbolist Art. Londres, 1977. The Mabinogion. Harmondsworth, 1977.
- MACCOBY H. Revolution in Judaea. Londres, 1973.
- MADDISON R. E. W. The Life of the Honourable Robert Boyle, F. R. S. Londres, 1969.
- MANUEL F. E. A Portrait of Isaac Newton. Cambridge, Mass., 1968.
- MARIE F. Rennes-le-Château, étude critique. Bagneux, 1978.
- MAROT P. Le symbolisme de la Croix de Lorraine. Paris.
- MAZIÈRES abbé M. R. Une curieuse affaire du XIIe siècle, celle du «Puig des Lépreux» a Perpignan. Mémoires de la société des arts et des sciences de Carcassonne, 4e série. Vol. 4. Carcassonne, 1960—1962.
- MAZIÈRES abbé M. R. Un épisode curieux, en terre d'Aude, du procès des Templiers. Mémoires de la société des arts et des sciences de Carcassonne, 4e série. Vol. 5. Carcassonne, 1963—1967.
- MAZIÈRES abbé M. R. Pecherches historiques à Campagne-sur-Aude. Mémoires de la société des arts et des sciences de Carcassonne, 4e série. Vol. 4. Carcassonne, 1960 — 1962.
- MAZIÈRES abbé M. R. La venue et le séjour des Templiers du Roussillon a la fin du XIIIe siècle et au début du XIVe dans la vallée du Bézu (Aude). Mémoires de la société des arts et des sciences de Carcassonne, 4e série. Vol. 3. Carcassonne, 1957—1959.
- MELVILLE M. La vie des Templiers. 2e éd. Paris, 1974.
- MICHELET M. Procés des Templiers. Paris, 1851.
- MICHELL H. Sparta. Cambridge, 1964. The Nag Hammadi Library in English, trad. par la Coptic Gnostic Library Project of the Institute for Antiquity and Christianity, dir. James M. Robinson. Leyde, 1977.

- NANTES G. de. *Liber Accusationis in Paulum Sextum.* Saint-Parres-les-Vaudes, 1973.
- NELLI R. *Les Cathares.* Toulouse, 1965.
- NELLI R. *Dictionnaire des hérésies méridionales.* Toulouse, 1968.
- NELLI R. *La philosophie du catharisme.* Paris, 1978.
- NIEL F. *Les Cathares de Montsegur.* Paris, 1973.
- NILUS S. *Les Protocoles des Sages de Sion.*
- NODIER C. *Contes,* éd. Pierre-Georges Castex. Paris, 1961.
- NODIER C. *Histoire des sociétés secrètes de l'armée.* Paris.
- NODIER C. *Voyages pittoresques et romantiques dans l'ancienne France, Normandy.* Paris, 1820—1878.
- NOONAN J. T. *Contraception.* New York, 1967.
- OLDENBOURG Z. *Le bücher de Montségur.* Paris, 1959.
- OLRY M. E. *Topographie de la montagne de Sion-Vaudémont. Mémoires de la société d'archéologie lorraine, 2e série. Vol. 10.* Nancy, 1968.
- ORR J. *Les Oeuvres de Guiot de Provins.* Manchester, 1915.
- ORT L. J. R.. *Mani: A Religio-historical Description of his Personality.* Leyde, 1967.
- OURSSEL R. *Le procès des Templiers.* Paris, 1959.
- PAGELS E. *The Gnostic Gospels.* Londres, 1980.
- PANGE J. de. *L'auguste maison de Lorraine.* Lyon, 1966.
- PAOLI M. *Les dessous d'une ambition politique.* Nyon, 1973.
- PARRINDER G. *Jesus in the Qur'an.* Londres, 1965.
- PEREY L. *Charles de Lorraine et la cour de Bruxelles.* Paris, 1903.
- Perlesvaus-Perceval le Gallois ou le conte du Graal. Bruxelles, 1866.
- PEYREFITTE R. *La lettre secrète: Le Symbolisme.* № 356. Paris, avr. —juin 1962.
- PHIPPS W. E. *The Sexuality of Jesus.* New York, 1973.
- PHIPPS W. E. *Was Jesus married?* New York, 1970.
- PINCUS-WITTEN R. *Occult Symbolism in France: Joséphin Péladan and the Salons de la Rose-Croix.* Londres, 1976.
- PINGAUD L. *La jeunesse de Charles Nodier.* Besancon, 1914.
- PIQUET J. *Des banquiers au Moyen Age: les Templiers.* Paris, 1939.
- PLOT R. *The Natural History of Staffordshire.* Oxford, 1686.
- PONSICH P. *Le Conflent et ses comtes du IXe au XIIe siècle. Études roussillonnaises, 1re année. № 3—4.* Perpignan, juil. — déc. 1951.
- POULL G. *La maison ducale de Bar. Vol. 1. Rupt-sur-Moselle,* 1977.
- POUSSEREAU. *Le chateau de Barbarie.* Nevers, 1876.

- POWICKE F. M. *The Loss of Normandy*. 2e éd. Manchester, 1961.
- PROCOPIUS DE CÉSARÉE. *Histoire des guerres*.
- PRUTZ H. G. *Entwicklung und Untergang des Tempelherrenordens*. Berlin, 1888.
- QUATREBARBES T. de. *Oeuvres complètes du roi René*. Vol. 4. Angers, 1845.
- Queste del Saint Graal.
- RABINOWITZ J. J. *The Title De Migrantibus of the Lex Salica and the Jewish Herem Hayishub*. *Speculum*. Vol. 22. Cambridge, Mass., janv. 1947.
- RAHN O. *Croisade contre le Graal*, trad. Robert Pitrou. Paris, 1974.
- RAHN. O. *La cour de Lucifer*, trad. René Nelli. Paris, 1974.
- RENÉ D'ANJOU. *Le livre du cueur d'amours esprits*, manuscrit à la bibliotheque nationale de Vienne. Cod. Vind. 2597.
- REY E. -G. *Chartes de l'abbaye du Mont-Sion*. *Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France*, 5e série. Vol. 8. Paris, 1887.
- REY E.-G. *Les familles d'outre-mer*. Paris, 1869.
- RICHEY M. F. *Studies of Wolfram von Eschenbach*. Londres, 1957.
- ROBERT DE BORON. *Roman de l'Estoire dou Saint Graal*.
- ROBERTS J. M. *The Mythology of the Secret Societies*. St. Albans, 1974.
- ROCHE D. *La capitulation et le bucher de Montségur*. *Mémoires de la société des arts et des sciences de Carcassonne*, 3e série. Vol. 7. Carcassonne, 1944—1946.
- ROETHLISBERGER B. *Die Architektur des Graltempels im Jungen Titurel*. Nendein, 1970.
- ROGER DE HOVEDEN. *Les annales de Roger de Hoveden*.
- RÖHRICHT R. *Regesta Regni Hierosolymitani*. Innsbrück, 1893.
- ROSNAY F. de. *Le Hiéron du Val d'Or*. Paray-le-Monial, 1900.
- ROUGEMONT D. de. *L'amour et l'Occident*. Paris, 1939.
- RUNCIMAN S. *The Medieval Manichee*. Cambridge, 1969.
- RUNCIMAN S. *A history of the Crusades*. Vol. 3. Harmondsworth, 1978.
- SABARTHÉS A. *Dictionnaire topographique du département de l'Aube*. Paris, 1912.
- SAINT-CLAIR L. A. de. *Histoire généalogique de la famille de Saint-Clair*. Paris, 1905.
- SAINTE-MARIE L. de. *Recherches historiques sur Nevers*. Nevers, 1810.

- SAINT-VENANT. Les fouilles du vieux chateau de Barbarie. Paris, 1906.
- SAXER V. Le culte de Marie-Madeleine en Occident. Vol. 2. Paris, 1959.
- SCHONFIELD H. J. The Passover Plot. Londres, 1977.
- SCHOTTMÜLLER K. Der Untergang des Templers-Ordens. Vol. 2. Berlin, 1887.
- SÉDE G. de. L'or de Rennes. Paris, 1967.
- SÉDE G. de. Le trésor maudit.
- SÉDE G. de. La race fabuleuse. Paris, 1973. SÉDE G. de. Signé: Rose+Croix. Paris, 1977.
- SÉDE G. de. Les Templiers sont parmi nous. Paris, 1962.
- SÉDE G. de. Le vrai dossier de l'énigme de Rennes. Vestric, 1975.
- SEWARD D. The Monks of War. St. Albans, 1974.
- SHAN I. The Sufis. Londres, 1969.
- SIMON E. The Piebald Standard. Londres, 1959.
- SMITH M. The Secret Gospel. Londres, 1974.
- SMITH M. Jesus the Magician. Londres, 1978.
- SOULTRAIT G. de. Dictionnaire topographique du département de la Nièvre. Paris, 1865.
- STALEY E. King René d'Anjou and his Seven Queens. Londres, 1912.
- STEEGMULLER F. Cocteau: a Biography. Londres, 1970.
- SUMPTION J. The Albigensian Crusade. Londres, 1978.
- TAYLOR A. J. P. The War Plans of the Great Powers, 1880—1914. Londres, 1979.
- THOMAS K. Religion and the Decline of Magic. Harmondsworth, 1980.
- THORY C. A. Acta Latomorum ou chronologie de l'histoire de la franche-maçonnerie française et étrangère. Vol. 2. Paris, 1815.
- TILLIÈRE N. Histoire de l'abbaye d'Orval. Orval, 1967.
- TOPENCHARON V. Boulgres et Cathares. Paris, 1971.
- ULLMANN W. A History of Political Thought: the Middle Ages. Harmondsworth, 1970.
- VACHEZ A. Les familles chevaleresques du Lyonnais. Lyon, 1875.
- VAISSETE J. J. Dissertation sur l'origine des Francs. Collection des meilleures dissertations. Vol. I. Paris, 1826.
- VAISSETE J. J., VIC C de. Histoire générale du Languedoc avec des notes et les pièces justificatives, sous la direction d'Edouard Dulaurier. Toulouse, 1872—1905.

- VAZART L. *Abrégé de l'histoire des Francs, les gouvernants et rois de France.* Paris, 1978.
- VERMES G. *The Dead Sea Scrolls in English.* 2^eéd. Harmondsworth, 1977.
- VERMES G. *Jesus the Jew.* Londres, 1977.
- VINCENT le R. P. *Histoire de l'ancienne image miraculeuse de Notre Dame de Sion.* Nancy, 1698.
- VINCENT le R. P. *Histoire fidelle de Saint Sigisbert XII royd'Austrasie et III du nom. Avec un abrégé dela vie du Roy Dagobert son fils.* Nancy, 1702.
- VOGÜÉ M. de. *Les Églises de la terre sainte.* Paris, 1860.
- WAITE A. E. *The Hidden Church of the Holy Grail.* Londres, 1909.
- WAITE A. E. *A New Encyclopaedia of Freemasonry.* Vol. 2. Londres, 1921.
- WAITE A. E. *The Real History of the Rosicrucians.* Londres, 1887.
- WALKER D. P. *The Ancient Theology.* Londres, 1972.
- WALKER D P. *Spiritual and Demonic Magic from Ficmo to Campanella.* Londres, 1975.
- WALLACE-HADRILL J. M. *The Long-haired Kings.* Londres. 1962.
- WARD J. S. M. *Freemasonry and the Ancient Gods.* 2^eéd. Londres, 1926.
- WESTON J. L. *From Ritual to Romance.* Cambridge, 1920. William Count of Orange. Ed. Glanville Price. Londres, 1975.
- WIND E. *Pagan Mysteries in the Renaissance.* Oxford, 1980.
- WINTER P. *On the Trial of Jesus.* Berlin, 1961.
- YATES F. A. *The Art of Memory.* Harmondsworth, 1978.
- YATES F. A. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition.* Londres, 1978.
- YATES F. A. *The Rosicrucian Enlightenment.* St. Albans, 1975.
- YATES F. A. *The Occult Philosophy in the Elizabethan Age.* Londres, 1979.
- ZUCKERMAN A. J. A. *A Jewish Princedom in Feudal France.* New York, 1972.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к дополненному изданию	5
Введение	20

Часть первая

ТАЙНА

Глава 1	
ТАИНСТВЕННАЯ ДЕРЕВНЯ	27
Ренн-ле-Шато и Беранже Соньер	27
Возможные сокровища	35
Интрига	40
Глава 2	
ВЕЛИКАЯ ЕРЕСЬ КАТАРОВ	45
Альбигойский крестовый поход	46
Осада замка Монсегюр	52
Сокровище катаров	54
Тайна катаров	58
Глава 3	
ВОИНСТВУЮЩИЕ МОНАХИ	61
Рыцари Храма. Историческая справка	62
Рыцари Храма. Тайна.	76
Скрытое лицо рыцарей Храма	85
Глава 4	
«СЕКРЕТНЫЕ ДОСЬЕ»	96

Часть вторая

ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО

Глава 5	
ТЕ, КТО ДЕЙСТВУЕТ В ТЕНИ.	111
Тайное создание ордена рыцарей Храма	116
Людовик VII и Приорат Сиона	119
«Рубка вяза» в Жизоре	120
Ормус	123

Приорат в Орлеане	127
«Голова» тамплиеров	128
Великие магистры ордена Храма	129
Глава 6	
ВЕЛИКИЕ МАГИСТРЫ И ПОДЗЕМНАЯ РЕКА	133
Рене Анжуйский	138
Рене и тема Аркадии.	139
Манифесты розенкрейцеров	143
Династия Стюартов	147
Кружок Шарля Нодье	153
Дебюсси и розенкрейцеры	157
Жан Кокто.	160
Два Иоанна XXIII	162
Глава 7	
ЗАГОВОР ЧЕРЕЗ ВЕКА	165
Приорат Сиона во Франции.	166
Герцоги де Гизы и герцоги Лотарингские	169
Наследование французского трона	174
Общество Святого Причастия	176
Замок Барбария	180
Никола Фуке.	182
Никола Пуссен.	184
Часовня Росслин и Шугборо-Холл.	187
Секретное письмо Папы	188
Скала Сион	189
Модернистское католическое движение	191
«Протоколы Сионских мудрецов»	194
Святылище Золотой Долины.	200
Глава 8	
ТАЙНОЕ ОБЩЕСТВО СЕГОДНЯ	205
Ален Поэр	208
Потерянный король	209
Странные брошюры Национальной библиотеки	211
Католики-традиционалисты	214
Конвент 1981 года и Устав Кокто	218
Пьер Плантар де Сен-Клер	224
Политика Приората Сиона	231
Глава 9	
КОРОЛИ С ДЛИННЫМИ ВОЛОСАМИ	238
Легенда о Меровингах	239
Аркадийский медведь	242
Приход сикамбров в Галлию.	243
Меровей и его потомки	244
Королевская династия	245

Пакт Хлодвига с Церковью	247
Дагоберт II	251
Узурпация власти Каролингами	259
Исключение Дагоберта II из истории	263
Принц Гиллем де Желлон, граф Разесский	265
Принц Урсус	268
Семейство Грааль	272
Неуловимая тайна	276

Глава 10	
ИЗГНАННОЕ ПЛЕМЯ	278

Часть третья ПОТОМСТВО

Глава 11	
СВЯТОЙ ГРААЛЬ.	289
Легенда о Святом Граале	291
История, рассказанная Вольфрамом фон Эшенбахом	299
Грааль и Каббала	309
Игра слов	311
Потерянные короли и Грааль	312
Необходимость синтеза	315
Гипотеза	318

Глава 12	
КОРОЛЬ-СВЯЩЕННИК, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ ПРАВИЛ	321
Палестина во времена Иисуса	328
История Евангелий	333
Семейное положение Иисуса	335
Жена Иисуса	338
Любимый ученик	344
Династия Иисуса	350
Распятие	354
Кем был Варавва?	357
Подробности распятия	359
Сценарий	365

Глава 13	
ВЕЛИКАЯ ТАЙНА ЦЕРКВИ	368
Зилоты	378
Гностические сочинения	388

Глава 14	
ДИНАСТИЯ ГРААЛЬ	394
Иудаизм и Меровинги	398
Септимания	401
Колено Давидово	407

Глава 15	
ВЫВОДЫ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ НА БУДУЩЕЕ.	410
ПРИЛОЖЕНИЕ.	427
Великие магистры Приората Сиона	427
ПРИМЕЧАНИЯ И ССЫЛКИ	449
БИБЛИОГРАФИЯ	480

**Майкл Бейджент
Ричард Ли
Генри Линкольн**

СВЯТАЯ КРОВЬ И СВЯТОЙ ГРААЛЬ

Ответственный редактор *Е. Басова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Т. Комарова*
Корректор *И. Анина*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс (044) 537-35-52; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2
Тел./факс (032) 245-00-19, тел. (032) 245-01-71; e-mail: office@eksmo.lviv.ua

Подписано в печать 28.10.2005
Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Нью Джорнал».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 31,0 + вкл.
Тираж 10000 экз. Заказ 6269

Отпечатано во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

МЕЧ И МАГИЯ

Серия «Меч и магия» – великолепные образы
высокой эпической фэнтези, в которой властвуют
могущественные маги и звенят мечи;
собрание книг самых лучших и знаменитых
мастеров жанра: Роберта Сальваторе,
Андре Нортон, Робина Хобба, Раймонда Фэйста
и других.

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

Г. Киз "Терновый король",
Д. Вурц "Храм Теней", Р. Хобб "Золотой шут"
Б. Б. Уай "Белый Завтрак и Стелла"

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР В ТЕЧЕНИЕ УЖЕ БОЛЕЕ ДВАДЦАТИ ЛЕТ КНИГА «СВЯТАЯ КРОВЬ И СВЯТОЙ ГРААЛЬ» ЯВЛЯЕТСЯ ЕДИНСТВЕННЫМ В МИРЕ СЕРЬЕЗНЫМ ИССЛЕДОВАНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИОРАТА СИОНА. ОНА НАПИСАНА С ПОМОЩЬЮ ЧЕЛОВЕКА, НАЗЫВАВШЕГО СЕБЯ ВЕЛИКИМ МАГИСТРОМ ЭТОГО ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА. ИМЕННО СЕНСАЦИОННЫЕ ОТКРЫТИЯ, О КОТОРЫХ ВПЕРВЫЕ БЫЛО ПОДРОБНО РАССКАЗАНО НА СТРАНИЦАХ ЭТОЙ КНИГИ ДАЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ ДЭНУ БРАУНУ НАПИСАТЬ СУПЕРПОПУЛЯРНЫЙ «КОД ДА ВИНЧИ».

ЧТО ЖЕ НА САМОМ ДЕЛЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СВЯТОЙ ГРААЛЬ? КАКОЕ ЕГО ИСТИННОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ? КАКУЮ ВЛАСТЬ ОН ДАЕТ ТОМУ КТО ЯВЛЯЕТСЯ ЕГО ХРАНИТЕЛЕМ? ОТВЕЧАЯ НА ЭТИ ВОПРОСЫ, АВТОРЫ ЗАТРАГИВАЮТ И ДРУГИЕ НЕ МЕНЕЕ ИНТРИГУЮЩИЕ:

Какие цели преследует Приорат Сиона в наши дни?

Кто владеет сокровищами разрушенного Иерусалимского храма, тамплиеров и катаров?

Что обозначают коды и зашифрованные послания на Барельефах и фресках старинных французских церквей?

Какую тайну скрывает Фуан-де-Шамо?

Какова истинная цель создания ордена тамплиеров?

Что за тайну, определившую впоследствии небывалый расцвет ордена тамплиеров, обнаружили крестоносцы после взятия Иерусалима?

Что представляло собой загадочное дожество тамплиеров – Бифтем?

...МЫ НАПИСАЛИ КНИГУ, КОТОРАЯ, КАК МЫ ЧУВСТВОВАЛИ МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ СПОРЫ МЫ ЗНАЛИ ЧТО ЕЕ БУДУТ КРИТИКОВАТЬ И ОЖИДАЛИ, ЧТО НА КНИГУ ОТКЛИКНУТСЯ ТЕОЛОГИ И ИСТОРИКИ. ЧЬИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ МЫ НЕКОТОРЫМ ОБРАЗОМ ЗАТРОНУЛИ. НО НАМ КАЗАЛОСЬ ЧТО КНИГА ПРИВЛЕЧЕТ НЕ БОЛЬШЕ ВНИМАНИЯ, ЧЕМ ДРУГИЕ ПУБЛИКАЦИИ. ОДНАКО К НАШЕМУ ВЕЛИКОМУ ИЗУМЛЕНИЮ МЫ ПРИОБРЕЛИ ТАКУЮ ИЗВЕСТНОСТЬ (ИЛИ ТОЧНЕЕ СКАЗАТЬ ДУРНУЮ СЛАВУ), СЛОВНО СОВЕРШИЛИ ВООРУЖЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ВАТИКАНЕ.

ISBN 5-699-13933-8

9 785699 139330 >

Антоны